

ISSN 2618-849X

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ КАВКАЗА

*History,
Arheology
and Ethnography
of the Caucasus*

Т. 16
№ 4. 2020

**Издание
Института
истории, археологии
и этнографии
Дагестанского
федерального
исследовательского
центра
РАН**

ФГБУН ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ДАГЕСТАНСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ISSN 2618-849X

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ КАВКАЗА

HISTORY, ARCHEOLOGY
AND ETHNOGRAPHY OF THE CAUCASUS

Т. 16
№ 4. 2020

Ф

Махачкала, 2020

Учредитель: ФГБУН Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН
Издается по решению Ученого совета Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН с 2005 г.
(ранее Вестник Института истории, археологии и этнографии. Свид. о рег. ПИ № ФС77-49956).
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-72534 от 28 марта 2018 г.
Периодичность: 4 выпуска в год.

Главный редактор

Амирханов Хизри Амирханович,
Институт археологии РАН, Россия

Первый заместитель главного редактора

Далгат Эльмира Муртузалиевна,
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Заместитель главного редактора

Мусаева Майсарат Камиловна,
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Редакционный совет

Булатов Башир Булатович, Дагестанский государственный университет, Россия
Деревянко Анатолий Пантелеевич, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Россия
Каймаразов Гани Шихвалиевич, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального
исследовательского центра РАН, Россия
Кемпер Михаэль, Университет Амстердама, Нидерланды
Мацузато Кимитака, Токийский университет, Япония
Мунчаев Рауф Магомедович, Институт археологии РАН, Россия
Мусеибли Наджаф Алескер оглу, Институт археологии и этнографии Национальной академии наук Азербайджана,
Азербайджан
Мустафаев Шаин Меджид оглы, Институт востоковедения им. академика З.М. Бунятова Национальной академии наук
Азербайджана, Азербайджан
Рейнольдс Майкл, Принстонский университет, США
Ченсинер Роберт, Оксфордский университет, Великобритания

Редакционная коллегия

Абдулмажидов Рамазан Султанович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального
исследовательского центра РАН, Россия
Абдулвахובה Бирлант Борз-Алиевна, Чеченский государственный университет, Россия
Adamczewski Przemyslaw, the Institute of Political Studies of the Polish Academy of Sciences, Польша
Alizadeh Karim S, Государственный Университет Гранд-Велли, Мичиган, США
Анчабадзе Юрий Дмитриевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия
Аракелова Виктория Александровна, Российско-Армянский (Славянский) Университет, Армения
Бабаджанов Бахтияр Мираимович, Институт востоковедения им. Абу Райхана Беруни Академии Наук Республики
Узбекистан, Узбекистан
Барамидзе Цира Ревазовна, Институт кавказоведения Тбилисского государственного университета, Грузия
Бобровников Владимир Олегович, Институт востоковедения РАН; Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Россия
Бустанов Альфريد Кашафович, Амстердамский университет, Нидерланды
Гаджиев Муртазали Серажутдинович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерально-
го исследовательского центра РАН, Россия
Гванцеладзе Теймураз Ионович, Сухумский государственный университет, Грузия
Гелашвили Нана Георгиевна, Тбилисский государственный университет им. И. Джавахишвили
Досымбаева Айман Медеубаевна, Таразский государственный университет им. М.Х. Дулати, Казахстан
Зиливинская Эмма Давидовна, Институт этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Россия

Казанский Михаил Михайлович, French National Centre for Scientific Research, Франция
Капустина Екатерина Леонидовна, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Россия
Квициани Джони Джокиевич, Тбилисский государственный университет, Грузия
Кудаева Светлана Григорьевна, Майкопский государственный технологический университет, Россия
Магомедханов Магомедхан Магомедович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Максимчик Андрей Николаевич, Белорусский государственный университет, Белоруссия
Малашев Владимир Юрьевич, Институт археологии РАН, Россия
Марзоев Ислам-бек Темурканович, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН, Россия
Мастыкова Анна Владимировна, Институт археологии РАН, Россия
Муминов Аширбек Курбанович, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан
Obrusanszky Borbala, Karoli Gaspár University, Венгрия
Осмаев Аббаз Догиевич, Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН, Россия
Reinhold Sabine, Deutsches Archäologisches Institut, Германия
Rodrigue Barry H, Международный Университет Симбиоза, Индия
Сулейманова Севда Алиевна, Институт востоковедения им. академика З.М. Буниятова Национальной академии наук Азербайджана, Азербайджан
Табатабائي Сейед Хусейн, Восточноевропейский департамент Организации культурных и исламских связей Исламской Республики Иран, Иран
Таймазов Артур Исрапилович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Текуева Мадина Анатольевна, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Россия
Тетуев Алим Инзрелович, Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН, Россия
Шихалиев Шамиль Шихалиевич, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Эрлих Владимир Роальдович, Государственный музей Востока, Россия
Ярлыкапов Ахмет Аминович, Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел РФ, Россия

Ответственный секретарь

Капанова Лейла Шамильевна,
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

На обложке изображен элемент народного орнамента Дагестана
Ответственность за высказывания, точность цитат, фактов, названий и имен несут авторы
Мнение редакции может не всегда совпадать с точкой зрения авторов
При использовании материалов журнала ссылка обязательна

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2020
© Все авторы, Т. 16. №4. 2020

Founder: Daghestan Federal Research Centre of RAS
Issued by decision of the Academic Council
of the Institute of History, Archeology and Ethnography of DSC RAS since 2005
(formerly as Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography. Reg. cert. PI № FS77-49956)
The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media (ROSKOMNADZOR)
Registration certificate PI № FS77-72534 of March 28, 2018
Periodicity: 4 issues per year

Editor-in-Chief

Khizri A. Amirkhanov

The Institute of Archeology of RAS

Vice Editor-in-Chief

Elmira M. Dalgat

Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS

Deputy Editor-in-Chief

Maysarat K. Musaeva

Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS

Editorial council

Bashir B. Bulatov, Daghestan State University, Russian Federation

Anatoliy P. Derevyanko, The Institute of archaeology and ethnography of the Siberian Branch of the RAS, Russian Federation

Gani S. Kaymarazov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS

Michael Kemper, University of Amsterdam, Netherlands, Netherlands

Kimitaka Matsuzato, University of Tokyo, Graduate Schools for Law and Politics, Japan

Rauf M. Munchaev, Institute of Archaeology RAS, Russian Federation

Nadzhaf A. Museibli, Azerbaijan National Academy of Science, Institute of Archaeology and Ethnography, Azerbaijan

Shain M. Mustafaev, Z. Bunyatov Institute of Oriental Studies Azerbaijan National Academy of Science, Azerbaijan

Michael A. Reynolds, The Princeton University, United States

Robert Chenciner, University of Oxford, United Kingdom

Editorial board

Ramazan S. Abdulmazhidov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation

Birlant B. Abdulvakhabova, Chechen State University, Russian Federation

Karim S. Alizadeh, Grand Valley State University, Michigan, United States

Przemyslaw Adamczewski, the Institute of Political Studies of the Polish Academy of Sciences, Poland

Yuriy D. Anchabadze, The N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, Russian Federation

Viktoriya A. Arakelova, Russian – Armenian University, Armenia

Bakhtiyar M. Babadjanov, The Institute of Eastern studies of Academy of Science of the Republic of Uzbekistan, Uzbekistan

Tsira R. Baramidze, Institute of Caucasiology at Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Georgia

Vladimir O. Bobrovnikov, The Institute of Eastern studies of RAS, Higher School of Economics, National Research University Saint Petersburg, Russian Federation

Alfrid K. Bustanov, University of Amsterdam, Netherlands

Murtazali S. Gadzhiev, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation

Teimuraz I. Gvantseladze, Sukhumi State University, Georgia

Nana G. Gelashvili, Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Georgia

Aiman M. Dossymbayeva, M.Kh. Dulaty Taraz State University, Kazakhstan

Emma D. Zilivinskaya, N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, Russian Federation

Michel M. Kazanski, French National Centre for Scientific Research, France

Ekaterina L. Kapustina, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of RAS, Russian Federation
Jony J. Kvitsiany, Institute of Caucasology at Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Georgia
Svetlana G. Kudaeva, Maikop State Technological University, Russian Federation
Magomedkhan M. Magomedkhanov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Andrey N. Maksimchik, Belarusian state University, Belarus
Vladimir Y. Malashev, The Institute of Archeology Russian Academy of Science, Russian Federation
Islam-bek T. Marzoev, V.I. Abaev North Osetian Institute of Humanitarian and Social Research of the Vladikavkaz Scientific Center of the RAS, Russian Federation
Anna V. Mastykova, The Institute of Archeology RAS, Russian Federation
Ashirbek K. Muminov, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan
Borbala Obruasanzky, Karoli Gaspar University, Hungary
Abbaz D. Osmaev, The H.I. Ibrahimov Complex Scientific Research Institute of RAS, Russian Federation
Reinhold Sabine, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Rodrigue Barry H, Symbiosis International University, India
Sevda A. Suleymanova, Bunyatov Z. Institute of Oriental Studies of the Azerbaijan National Academy of Science, Azerbaijan
Seyed Hussein Tabatabayi, Eastern European Department Of the organization of cultural and Islamic relations of the Islamic Republic of Iran, Iran
Artur I. Taymazov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Madina A. Tekueva, H.M. Berbekov the Kabardino-Balkaria State University, Russian Federation
Alim I. Tetuev, Institute of Humanitarian Studies of the Kabardino-Balkar Scientific Center of the RAS, Russian Federation
Shamil' S. Shikhaliev, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Vladimir R. Erlikh, State Museum of Oriental Art, Russian Federation
Akhmet A. Yarlykapov, MGIMO University, Russian Federation

Responsible Secretary

Leyla S. Kaplanova
 Institute of History, Archeology and Ethnography of the
 Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation

The cover image depicts an element from Daghestan's folk art tradition
 Responsibility for statements, accuracy of citations, titles and names rests with the authors
 The opinion of publishing authors may not always coincide with the opinion of the editorial staff
 If using materials from this journal, an electronic link is required

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2020
 © All authors, V. 16. № 4, 2020

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ
Т. 16. № 4 КАВКАЗА 2020

В этом номере:

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

ИСТОРИЯ

Шихалиев Ш.Ш., Чмилевская И.А.	О ВОИНАХ ТИМУРА И ПЕРВЫХ МУСУЛЬМАНАХ В СЕЛ. КИЩА: АНАЛИЗ ЭПИГРАФИКИ КЛАДБИЩА АБУ БАКАР-ШЕЙХА	864
Полчаева Ф.А., Касымов Д.А.	ОБРАЗ ПЕТРА I В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАСЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНА	888
Алибеков Х.Г.	СВЕТИЛЬНИКИ МУСЛИМА ДЛЯ ГОРЦЕВ МУСУЛЬМАН – СОЧИНЕНИЕ МУСЛИМА АЛ-УРАДИ О «МУХАДЖИРСТВЕ» И О ТОНКОСТЯХ ПРЕБЫВАНИЯ МУСУЛЬМАН ПОД ВЛАСТЬЮ ИНОВЕРЦЕВ	900
Алибекова П.М., Баширова Р.С.	ПО СТРАНИЦАМ ЖИЗНЕННОГО И ТВОРЧЕСКОГО ПУТИ УЧЕНОГО И ПРОСВЕТИТЕЛЯ ИСМАИЛДИБИРА ИЗ ШУЛАНИ	917
Гаджиева З.Н., Гимбатова М.Б.	ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ДАГЕСТАНЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)	940
Салихова Л.Б., Аяган Б.Г.	ДАГЕСТАНСКАЯ ОБЛАСТЬ МЕЖДУ ДВУМЯ РЕВОЛЮЦИЯМИ 1917 г. (РАССТАНОВКА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ)	952
Хабутдинов А.Ю., Имашева М.М.	ЛИДЕРЫ МУСУЛЬМАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ОБ ОСНОВНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВОПРОСАХ НАЧАЛА XX ВЕКА	969
Каймаразов Г.Ш., Каймаразова Л.Г.	ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ-ГОРЯНКИ ДАГЕСТАНА В КОНЦЕ 1920-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х гг.: ОЖИДАНИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ	982

АРХЕОЛОГИЯ

Ахмаров А.У., Аксёнов В.С.	НОВОВЫЯВЛЕННЫЙ КАТАКОМБНЫЙ МОГИЛЬНИК VIII–IX ВВ. НА ТЕРРИТОРИИ ЧЕЧНИ	1002
Кадзаева З.П., Малашев В.Ю.	О ВОЗМОЖНОЙ АТРИБУЦИИ КОЛЬЧУЖНЫХ ПРЕДМЕТОВ ИЗ ВОИНСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ САДОНСКОГО МОГИЛЬНИКА	1016
Гаджиев М.С., Фризен С.Ю.	СРЕДНЕВЕКОВОЕ МУСУЛЬМАНСКОЕ ЗАХОРОНЕНИЕ МУЖЧИНЫ С БОЕВЫМИ ТРАВМАМИ У СТЕН ДЕРБЕНТА	1034

ЭТНОГРАФИЯ

Хапизов Ш.М., Тупцокова Л.К., Шехмагомедов М.Г.	ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ (НА ПРИМЕРЕ СЕЛ. МАЧАДА В ДАГЕСТАНЕ)	1049
Мусаева М.К., Соловьева Л.Т.	ПЕРВАЯ БРАЧНАЯ НОЧЬ В РИТУАЛАХ СВАДЕБНОЙ ОБЯДНОСТИ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА (XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)	1061
Капустина Е.Л.	СВАДЬБА ТРАНСМИГРАНТА: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ТРАНСЛОКАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ДАГЕСТАНЕ	1083

ЭКСПЕДИЦИИ

Гмыря Л.Б., Саидов В.А., Магомедов Ю.А.	ИССЛЕДОВАНИЕ РУБАССКОЙ ФОРТИФИКАЦИИ в 2020 г.	1099
---	---	------

Daghestan Federal Research Centre of RAS

HISTORY, ARCHEOLOGY AND ETHNOGRAPHY Vol. 16. № 4 OF THE CAUCASUS 2020

Contents:

MATERIALS AND RESEARCHES

HISTORY

<i>S.S. Shikhaliev, I.A. Chmylevskaya</i>	TIMUR'S WARRIORS AND FIRST MUSLIMS IN KISCHA VILLAGE: EPIGRAPHIC ANALYSIS OF ABU BAKAR-SHEIKH CEMETERY	864
<i>F.A. Polchaeva, J.A. Kasymov</i>	THE IMAGE OF PETER THE GREAT IN THE HISTORICAL MEMORY OF THE DAGESTAN POPULATION	888
<i>Kh.G. Alibekov</i>	"MUSLIM'S LUMINAIRES FOR MUSLIM MOUNTAINEERS" – THE WORK OF MUSLIM AL-URADI ON "MUHAJIRISM" AND THE DETAILS OF MUSLIMS' LIFE UNDER INFIDELS' RULE	900
<i>P.M. Alibekova, R.S. Bashirova</i>	THE LIFE AND WORK OF A PROMINENT SCHOLAR AND EDUCATOR ISMAILDIBIR FROM SHULANI	917
<i>Z.N. Gazhieva, M.B. Gimbatova</i>	WOMEN'S EDUCATION IN DAGESTAN (SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES)	940
<i>L.B. Salikhova, B.G. Ayagan</i>	DAGESTAN REGION BETWEEN THE TWO REVOLUTIONS OF 1917 (BALANCE OF SOCIO-POLITICAL POWERS)	952
<i>A.Y. Khabutdinov, M.M. Imasheva</i>	LEADERS OF THE MUSLIM MOVEMENT OF THE RUSSIAN EMPIRE ON THE MAJOR POLITICAL ISSUES OF THE EARLY 20TH CENTURY	969
<i>G.S. Kaimarazov, L.G. Kaimarazova</i>	LEGAL STATUS OF WOMEN-HIGHLANDERS IN THE END OF 1920S – FIRST HALF OF 1930S: EXPECTATIONS AND REALITY	982

ARCHAEOLOGY

<i>A.U. Akhmarov, V.S. Aksenov</i>	NEWLY DISCOVERED CATACOMB BURIAL OF THE 8-9TH CENTURIES IN THE TERRITORY OF CHECHNYA	1002
<i>Z.P. Kadzaeva, V.Y. Malashev</i>	ON POSSIBLE ATTRIBUTION OF CHAIN-ARMOR ITEMS FROM THE MILITARY BURIALS OF SADONSKOY BURIAL GROUND	1016
<i>M.S. Gadzhiev, S.Y. Frizen</i>	MEDIEVAL MUSLIM BURIALS OF A MAN WITH COMBAT INJURIES AT DERBENT WALLS	1034

ETHNOGRAPHY

<i>Sh.M. Khapizov, L.K. Tuptsova, M.G. Shekhmagomedov</i>	RECONSTRUCTING THE PROCESS OF FORMATION OF RURAL COMMUNITIES (ON THE EXAMPLE OF MACHADA VILLAGE)	1049
<i>M.K. Musaeva, L.T. Solovyova</i>	THE WEDDING NIGHT IN THE WEDDING RITUALS AMONG THE PEOPLES OF DAGESTAN (19th – EARLY 20th CENTURIES)	1061
<i>E.L. Kapustina</i>	A TRANSMIGRANT'S WEDDING: SOME ASPECTS OF STUDIES ON TRANSLOCALITY IN MODERN DAGESTAN	1083

EXPEDITION

<i>L.B. Gmyrya, V.A. Saidov, Y.A. Magomedov</i>	THE STUDY OF THE RUBAS FORTIFICATION IN 2020	1099
---	--	------

ИСТОРИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH164864-887>

Шихалиев Шамиль Шихалиевич

к.и.н., ведущий научный сотрудник,

Институт истории, археологии и этнографии

Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Махачкала, Россия

Научный сотрудник

Факультет Восточно-Европейских исследований,

Амстердамский университет, Нидерланды

shihaliev74@mail.ru

Чмилевская Илона Алексеевна

лаборант,

Центр изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья,

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

ilonach1905@mail.ru

О ВОИНАХ ТИМУРА И ПЕРВЫХ МУСУЛЬМАНАХ В СЕЛ. КИЩА: АНАЛИЗ ЭПИГРАФИКИ КЛАДБИЩА АБУ БАКАР-ШЕЙХА

Аннотация. В статье представлен обзор некоторых надмогильных плит Кладбища Абу Бакар-шейха (дарг. – Абу Бакар-шайхла хІябри), расположенного в центре сел. Кища. В ходе подробного анализа их стилей, форм, надписей, а также работы с местными жителями, авторам статьи удалось установить, что памятники по характерным особенностям можно разделить на две группы. К первой относятся надмогильные стелы сподвижников исламизатора указанного района, Абу Бакар-шейха, которые после его смерти остались в селении. Памятники этой группы отличаются художественным разнообразием, богатым орнаментом, а надписи на них выполнены в основном почерком «куфи». По аналогии с датированными стелами подобного оформления в Кубачинском нагорье и Кайтаго-Табасаранской зоне памятники можно датировать периодом с начала по первую половину XV в. Вторая группа надмогильных плит, расположенная на этом же кладбище, отличается отсутствием художественного оформления и обработки камня, а имена захороненных имеют тюркско-персидские корни и не характерны для местной антропонимии. Соединив воедино эти факторы, а также информацию из письменных источников и местных преданий, удалось провести параллель между этими захоронениями и шестым походом Тимура в Дагестан в 1396 г. Реконструируя события, можно установить, что сел. Кища, расположенное на старой торговой дороге, соединявшей Кайтаг и Зирихгеран с селами Акуша, Усиша и Мути, оказалось на пути войск Тимура, движущихся в Кайтаг и Зирихгеран. При разорении селения тимуриды понесли некоторые потери, а единственным возможным местом для захоронения в Кища стало мусульманское кладбище Абу Бакар-шейха. Таким образом в статье описана группа памятников воинов Тимура, которая не имеет аналогий в современном Дагестане.

Ключевые слова: Дагестан; сел. Кища; поход Тимура в Дагестан; эпиграфика; исламизация Дагестана.

© Шихалиев Ш.Ш., Чмилевская И.А., 2020

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2020

 Creative Commons Attribution 4.0 International License

HISTORY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH163864-887>

Shamil Sh. Shikhaliev,
PhD (History), Leading Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Centre of RAS, Makhachkala, Russia
Senior Researcher
Department of East European studies
University of Amsterdam, Netherlands, Amsterdam
shikhaliev74@mail.ru

Ilona A. Chmilevskaya,
Laboratory Assistant
Research Center for Central Asia, the Caucasus and the Ural-Volga Region Studies
Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow, Russia
ilonach1905@mail.ru

TIMUR'S WARRIORS AND FIRST MUSLIMS IN KISCHA VILLAGE: EPIGRAPHIC ANALYSIS OF ABU BAKAR-SHEIKH CEMETERY

Abstract. The article overviews some tombstones of the Abu Bakar-sheikh cemetery (Darg. – Abu Bakar-shaikhla hIyabri), located in the center of the village of Kisha. During the detailed analysis of their styles, shapes, inscriptions, as well as interviews with locals, the authors divided the monuments into two groups according to their characteristic features. The first one is tombstones of Abu Bakar-sheikh' followers, who after his death remained in the village. The monuments of this group are characterized with artistic variety, rich ornament, and the inscriptions carved on them, mainly written in Kufic script. By analogy with dated steles of the similar design in the Kubachi highlands and the Kaitag-Tabasaran zone, the monuments can be dated from the beginning to the first half of the 15th century. The second group of tombstones located in the same cemetery is distinguished by the lack of decoration and stone processing; the names of the buried have Turkic-Persian roots which is not characteristic of local anthroponymy. By combining these facts, as well as information from written sources and local legends, it was possible to draw a parallel between these burials and Timur's sixth campaign to Dagestan in 1396.

The reconstruction of events established that Kisha village, located at the old trade route that connected Kaitag and Zirihgheran with Akusha, Usisha and Mugi villages, was in the way of Timur's army heading towards Kaitag and Zirihgheran. Upon pillaging the village, timurids suffered some losses, and the only possible place for burring their dead in Kisha was the Muslim cemetery of Abu Bakar-sheikh. Thus, the paper describes the group of tombstones of Timur's soldiers, which is unique in modern Dagestan.

Keywords: Dagestan; Kisha; Timur's campaign to Dagestan; epigraphy; islamization of Dagestan.

© Sh.Sh. Shikhaliev, I.A. Chmilevskaya, 2020
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2020
 Creative Commons Attribution 4.0 International License

Селение Кища расположено в предгорной зоне Центрального Дагестана. В XVII–XIX вв. оно являлось центром союза сельских общин Гапш, населенного даргинцами [1]. Кища находится в 7 километрах от селения Уркарах, который был известен как крупный центр исламизации Дагестана в средневековый период.

Селенье Кища достаточно крупное и имеет древнюю историю, о чем свидетельствуют сохранившиеся здесь эпиграфические памятники, которые вплоть до недавнего времени не были изучены. Нами были исследованы четыре кладбища этого селения, самые ранние памятники которых датируются концом XIII в.

Наибольший интерес для исследования представляет «Кладбище Абу Бакар-шейха» (дарг. – Абу Бакар-шайхла хІябри), расположенное в центре селения. Местные жители считают, что на нем также похоронены «монголы»¹. Само кладбище названо по имени похороненного здесь шейха Абу Бакара, одного из ранних исламизаторов региона. Согласно местным преданиям, Абу Бакар-шейх приходился двоюродным братом шейху братства Сухравардийа Хасану аш-Шири, известному в научной литературе как Хасан Ширинский (уб. в 706/1306 г.) [2]. Как рассказывают местные жители, оба шейха «прибыли из Аравии» с целью распространения ислама в Дагестане. Старший брат, Абу Бакар-шейх обосновался в сел. Кища, а Хасан – в с. Шири, расположенном в 30 километрах от Кища². Возможно, эти два проповедника прибыли из соседнего мусульманского Ширвана, который в XI–XIV вв. был крупным центром распространения ислама на Северо-Восточном Кавказе [2, 3]. Вместе с тем, вполне возможно, что Абу Бакар-шейх, также как и его брат Хасан, были выходцами одного из регионов Южного Дагестана, к тому времени уже несколько веков исламизированными. В любом случае, мы можем говорить о том, что оба эти миссионера прибыли из южных мусульманских регионов.

Абу Бакар-шейху удалось распространить ислам среди двух родов этого селения, которые построили родовую башню «Цурмиант». Однако, большая часть жителей поселения еще долгое время оставалась языческой. Согласно местным преданиям, Абу Бакар-шейх умер раньше Хасана аш-Шири, так что после его смерти последний посещал могилу брата³. Учитывая, что сам шейх Хасан аш-Шири скончался в месяце раби' ал-аввал 706 / октябре 1306 г., о чем свидетельствует надпись на его надмогильной стеле [4], можно сделать вывод, что Абу Бакар-шейх скончался в самом конце XIII – начале XIV в.

Над могилой Абу Бакар-шейха был построен мавзолей прямоугольной формы, размерами 2.75×2.10 м, представляющий собой строение из тесанного камня. На южной стороне мавзолея имеются 3 маленьких окна, на западной – 2 ниши в стене. Вход в мавзолей расположен с западной стороны; напротив входа, у восточной стены вплотную стоит надмогильный камень, который по сооб-

1 Информатор: Магомедова Хадижат Исмагуллаевна (1966 г.р.).

2 Эпиграфическая экспедиция в сел. Кища, 12-15 октября 2018 г. Информатор: Магомедова Хадижат Исмагуллаевна (1966 г.р.)

3 Информатор: Магомедова Хадижат Исмагуллаевна (1966 г.р.).

щению местных жителей, установлен на могиле Абу Бакар-шейха. Однако, на этой стеле, несомненно, поздней, размерами 80×33×10 см, высечена резная надпись, выполненная почерком «насх».

Текст:

صاحب
القبر محمد ابن
حسين غفر

Перевод:

Владелец

могилы Мухаммад, сын

Хусайна. Да простит [их Аллах их обоих]

Вероятно, оригинальный камень, установленный над могилой этого шейха, не сохранился, и позже жители селения на месте захоронения установили другой.

Памятники, расположенные на этом кладбище, имеют две хронологические рамки: конец XIII – начало XV вв. и XVIII–XX вв. Такой хронологический разрыв связан с тем, что первоначально это кладбище занимало небольшую территорию, с юго-восточной стороны, где и расположены самые ранние могилы. Остальная часть кладбища использовалась в качестве сельскохозяйственных угодий и сенокоса. После заполнения этого кладбища в XV в., судя по всему, местных жителей начали хоронить на другом кладбище, называемом «Адамла кьатти» («ущелье Адама»), где мы обнаружили памятники, датируемые XVI–XVII вв. Не исключено, что в XVIII в. часть сельскохозяйственных угодий, примыкавших к некрополю Абу Бакар-шейха, была передана общиной под кладбище.

Самая ранняя группа памятников кладбища Абу Бакар-шейха сосредоточена южнее и восточнее от его мавзолея. Западнее и севернее от него эти памятники не встречаются, поскольку эту территорию уже вплотную занимают памятники, датируемые с первой трети XVIII в. Среди них особый интерес представляет надмогильная стела характерной для памятников этой зоны XVII–XVIII вв. антропоморфной формы. В верхней части стелы имеется следующая резная надпись, выполненная, вероятно, позже, без учета симметрии.

Текст:

صاحب هذا القبر سليمان ابن... في سنة الف و مائة واثنين وخمسين حين غلب الرافض على
داغستان. قتله في خلخر لئب باقوال الغير ولم ينصره أحد

Перевод:

Владелец этой могилы – Сулайман, сын ... (надпись стерта. – прим. авт.). [Он погиб] в тысяча сто пятьдесят втором году⁴, когда рафидиты захватили Дагестан. Убили его (то есть, Сулаймана. – авт.) в [местности] «Хулахар лаиб»⁵, по сообщению других, и никто не пришел ему на помощь.

4 1152 год начался 9 апреля 1739 года.

5 Местность, расположенная на юго-восточной части селения.

Вероятно, речь идет о походе иранского правителя Надир-шаха в Дагестан в 1741 г., когда одна группа войск направлялась в нагорный Дагестан через Дербент – Кайтаг. Ошибка же в датировке (1739 г.), скорее всего, связана с тем, что эта надпись была сделана позже. Она резко выделяется на памятнике и никак не включена в орнаментику стелы.

Рис. 1. Могила Абу Бакар-шейха

Fig. 1. The tomb of Abu Bakar Sheikh

Ранние памятники кладбища Абу Бакар-шейха, по палеографическим признакам можно условно разделить на две группы⁶.

Первая группа памятников, наиболее ранняя, может быть датирована хронологическим периодом с конца XIII – начала XIV вв. по вторую половину XV в. Практически все надписи, имеющиеся на памятниках этой группы, выполнены почерком «куфи», характерным для этой зоны в пределах XIII – XV вв. Здесь мы можем видеть широкое разнообразие в художественном оформлении стел. Мы выделили их в отдельную группу, ввиду того что, аналогичные памятники по форме, стилю, орнаменту, оформлению, мы встречаем в Кайтаго-Табасаранской зоне и в Кубачинском нагорье, в частности в селениях Шири [4], Кала-Корейш [5], Хадаги [6], Кубачи [7], Ашты [5], Уркарах⁷. Сопоставляя форму памятников, орнамент, стиль письма на датированных памятниках Кубачинского нагорья и Кайтаго-Табасаранской зоны, первую группу стел кладбища Абу Бакар-шейха с уверенностью можно датировать хронологическим периодом с начала по вторую половину XV в.

Надмогильные стелы этой группы отличаются разнообразием форм: встречаются прямоугольные, трапецевидные (с расширением в верхней части памятника), или с закругленным верхом. Некоторые памятники имеют орнамент, но вовсе без надписей. На других написаны или имена погребенных, или благопожелательные формулы.

Ниже мы приводим описания некоторых памятников этой группы.

№ 6.

Камень с полукруглым верхом. Размерность: высота – 96 см, ширина – 67 см, толщина – 8 см. По периметру памятника имеется несимметричный растительный орнамент, выполненный выемкой фона. Надпись врезная, выполненная почерком «куфи» расположена на лицевой (восточной) стороне в центральном поле и включена в прямоугольную рамку.

Текст:

الموت حق والحياة
باطل هذا القبر
جدر

Перевод:

Смерть – истина, а жизнь

Обман. Это могила –

Дж.д.ра.

⁶ Все эти памятники были нами пронумерованы.

⁷ М.А. Мусаев (рук.), Ш.Ш. Шихалиев, М.Г. Шехмагомедов, Ш.М. Хапизов. Эпиграфическая экспедиция ИИАЭ ДФИЦ РАН (изучение памятников эпиграфики и камнерезного искусства). Дахадаевский район Республики Дагестан. 16–23 августа 2020 г.

Рис. 2. Плита № 6

Fig. 2. Tombstone №6

№ 15

Камень с полукруглым верхом, обратная сторона обработана техникой насечки. Размерность: высота – 74 см, ширина – 60 см, толщина – 8 см. Надпись врезная, выполнена почерком «куфи» на лицевой стороне, внутри антропоморфного поля.

Текст:

الملك
لله الواحد
القهر
صاحب
هذا القبر
ذ...

Перевод:
 Владычество
 Принадлежит Аллаху, Единому
 Всемогущему.
 Владелец
 Этой могилы
 ...З.

Практически на всех памятниках, слово «Всемогущий» написано с орфографической ошибкой («القهر» вместо «القهار»). Подобное часто встречается в эпиграфических памятниках этой зоны [8].

Рис. 3. Плита № 15

Fig.3. Tombstone №15

№ 16.

Камень трапецевидной формы с полукруглым верхом. Размерность: высота – 90 см, ширина нижней части – 68 см, ширина верхней части – 75 см, толщина – 5. По периметру находится эпиграфическая лента. Врезная надпись выполнена почерком «куфи», расположена на лицевой стороне внутри прямоугольного поля с восточной стороны.

Текст:

الملك لله الواحد القهر صاحب
 هذا جقر

Перевод:

Владычество принадлежит Аллаху, Единому, Всемогущему. Владелец
Этой [могилы] – Чакар.

Рис. 4 Плита №16

Fig. 4. Tombstone №16

№ 20.

Камень трапецевидной формы с тимпанообразным верхом. Размерность: высота – 94 см, ширина нижней части – 56 см, ширина верхней части – 68 см, толщина – 8. По бокам лицевой части памятника имеется растительный орнамент, выполненный путем выемки фона, стилизованный под «куфи». В верхней части памятника присутствуют две розетки с надписью «Аллах», выполненные цветущим «куфи», характерным для первой пол. XV в.

Информативная часть текста, выполненная в виде врезной надписи почерком «куфи», начинается в выпуклой центральной части поля и продолжается внутри врезного поля.

Текст:

صاحب
هذا
القبر
اكي
مرد

Перевод:
Владелец
Этой
Могилы
Акай, с[ын]
Мурада.

Рис. 5 Плита №20

Fig. 5 Tombstone №20

№ 21.

Камень трапецевидной формы с тимпанообразным верхом. Размерность: высота – 70 см, ширина нижней части – 34 см, ширина верхней части – 41 см, толщина – 6,5 см. Орнамент и надпись расположены на тыльной (западной)

стороне памятника. В нижней части памятника расположен растительный орнамент, выполненный путем выемки фона. В верхней части памятника, в центре имеется розетка с надписью «Аллах», выполненная цветущим «куфи». Информативная надпись врезная, выполнена почерком «куфи» и идет полукругом.

Текст:

نور الله القبر هو
عفر الله ذنوبه

Перевод:

1. Да осветит Аллах могилу, Он
2. Да простит Аллах его грехи.

Рис. 6 Плита № 21

Fig.6 Tombstone №21

№ 25.

Памятник прямоугольной формы. Размерность: высота – 143 см, ширина – 52 см, толщина – 7 см. Лицевая сторона стелы обработана техникой насечки. Врезная надпись выполнена почерком «куфи» и расположена в нижней части памятника.

Текст:

صاحب هذا القبر
قزرك

Перевод:

Владелец этой могилы

К.З.Р.К.

№ 28.

Камень прямоугольной формы с полукруглым верхом, Размерность: высота – 64 см, ширина – 50 см, толщина – 5 см. Геометрический орнамент расположен на лицевой стороне, по периметру стелы. Надпись врезная, выполнена почерком «куфи» и также расположена на лицевой стороне.

Текст:

الملك لله
الوحد القهر صاحب
هذ القبر
عغ

Перевод:

Владычество принадлежит Аллаху,

Единому, Всемогущему.

Это – могила

‘Ага.

Старые могилы этого кладбища местные жители относят к сподвижникам Абу Бакар-шейха, оставшимся в Дагестане после его смерти. Вместе с тем особенности орнамента некоторых памятников позволяют их датировать первой половиной XV в., что было более чем через 100 лет после смерти шейха.

Вторая группа памятников, расположенная в этом же месте, отличается от первой тем, что они практически не обработаны. Кроме того, примечательны имена погребенных, не характерные для местной антропонимии. Эти имена явно имеют тюркско-персидские корни.

По особенностям форм, а также по технике исполнения надписей очевидно, что эти камни устанавливали в спешном порядке. Об этом, в частности, свидетельствует полное отсутствие обработки камня, разная его толщина и формы.

Ниже мы приводим описания некоторых стел из этой группы памятников.

№ 2.

Камень трапецевидной формы, без орнамента, без обработки. Размерность: высота – 70 см, ширина нижней части – 48 см, ширина верхней части – 57 см, толщина – 7 см. Надпись расположена на лицевой части стелы, врезная, выполнена почерком «куфи».

Текст:

الملك لله
الوحد القهر (!)
صاحب هذ
شَلْعَو

Перевод:
 Владычество принадлежит Аллаху!
 Единому, Всемогущему.
 Владелец этой [могилы]
 Шал'ив.

Рис. 7. Плита №2

Fig.7. Tombstone №2

№ 4.

Камень прямоугольной формы. Размерность: высота – 94 см, ширина – 81 см, толщина – 6 см. На лицевой стороне имеется геометрический орнамент с низким рельефом, тыльная сторона, как и сама стела в целом, не обработаны. Внутри поля имеется врезная надпись, выполненная почерком «куфи».

Текст:

الملك لله
 الوحد القهر
 صاحب
 هذا القبر
 بل شي

Перевод:
 Владычество принадлежит Аллаху,
 Единому, Всемогущему.
 Владелец
 Этой могилы
 Балишай

№ 5.

Камень прямоугольной формы с полукруглым верхом. Размерность: высота – 66 см, ширина – 52 см, толщина – 7 см. Стела не обработана, без орнамента. На лицевой стороне имеется врезная надпись, выполненная почерком «куфи».

Текст:

الموت حق والحياة باطل
هذا القبر زگ گچ

Перевод:

Смерть – истина, а жизнь – обман.

Это могила Зиг Гичи

Рис. 8. Плита № 5

Fig.8. Tombstone №5

№ 8.

Камень прямоугольной формы с трапециевидным, полукруглым верхом. Размерность: высота – 116 см, ширина – 74 см, толщина – 6 см. Стела не обработана, ассиметричность памятника говорит о том, что ему не была придана геометрическая форма. Орнамент отсутствует. На тыльной стороне памятника имеется врезная надпись, выполненная почерком «куфи».

Текст:

الملك لله الواحد (!)
القهر صاحب
هذا القبر ذبند ش

Перевод:

Владычество принадлежит Аллаху, Единому
Всемогущему. Владелец
Этой могилы З.Б.Н.Д.Ш.

Рис. 9. Плита № 8

Fig.9. Tombstone №8

№ 10.

Камень прямоугольной формы. Размерность: высота – 54 см, ширина – 40 см, толщина – 7–13 см. Стела не обработана, о чем говорит разная толщина памятника. Орнамент отсутствует. Вероятно, верхняя часть памятника сломана. На лицевой стороне стелы имеется врезная надпись, выполненная почерком «куфи».

Текст:

هذا القبر
ازبجو

Перевод:

Это могила

Избачу.

Исследователь среднеазиатской эпиграфики Б.М. Бабаджанов в устной беседе определил, что «Избачу»/«Избашчи» означает прозвище воинов-следопытов, следующих в авангарде войска Тимура, преследующих арьергард противника.

Рис. 10. Плита № 10

Fig.10. Tombstone №10

№ 13.

Камень прямоугольной формы с полукруглым верхом. Размерность: высота – 98 см, ширина – 75 см, толщина – 10 см. Лицевая, тыльная стороны памятника, а также торцы не обработаны. На лицевой стороне стелы имеется врезная надпись, выполненная глубоким рельефом, почерком «куфи».

Текст:

الملك لله الواحد
القهر صاحب القبر
زفر لهقر غفر...

Перевод:

Владычество принадлежит Аллаху, Единому,
Всемогущему. Владелец могилы
Зафар-Лахкар.

Слово «Лахкар», вероятно, является диалектной формой персидского слова «лашкар», что означает «пеший воин».

№ 17.

Камень прямоугольной формы с тимпанообразным верхом. Размерность: высота – 150 см, ширина – 48 см, толщина – 10 см. На лицевой стороне памятника имеется врезная надпись, выполненная почерком «куфи».

Текст:

الملك لله
الوحد ال
قهر صاحب
هذا القبر
بي بر
وز

Перевод:

Владычество принадлежит Аллаху
Единому
Всемогущему. Владелец
Этой могилы
Бай Би-
руз (Бай Пероз)

№ 19.

Камень прямоугольной формы с тимпанообразным верхом, без орнамента, не обработан. Размерность: высота – 134 см, ширина – 67 см, толщина – 7 см. На лицевой стороне имеется врезная надпись в низком рельефе, выполненная методом гравировки, почерком «куфи».

Текст:

الموت حق الملك لله الو
حد القهر
صاحب هذ القبر
هَشْكُرْ

Перевод:

Смерть – истина! Владычество принадлежит Аллаху
Единому, Всемогущему.
Владелец этой могилы
Хашкура.

Рис. 11. Плита № 19

Fig.11. Tombstone №19

№ 23.

Необработанный камень с полукруглым верхом. Размерность: высота – 117 см, ширина – 90 см, толщина – 6 см. На лицевой стороне имеется орнамент в виде четырех закручивающихся спиралей. Присутствует врезная надпись, выполненная почерком «куфи».

Текст:

صاحب هذا القبر برو ابن سردر

Перевод:

Владелец этой могилы Бёру, сын Сардара.

Рис. 12. Плита № 23

Fig.12. Tombstone №23

№ 24.

Необработанный камень, без орнамента. Размерность: высота – 46 см, ширина – 54 см, толщина – 5 см. На лицевой стороне имеется врезная надпись, выполненная почерком «куфи».

Текст:

الموت حق والحياة با[طل] هذا القبر
دَغِچ

Перевод:

Смерть – истина, а жизнь об[ман]. Владелец могилы
Дагачу.

Рис. 13. Плита № 24

Fig.13. Tombstone №24

№ 26.

Камень прямоугольной формы, с тимпанообразным верхом. Форма стелы говорит, что она не была обработана. Вероятно, над могилой установили относительно плоский камень. Размерность: высота – 107 см, ширина – 68 см, толщина – 4 см. На лицевой стороне, по периметру стелы выделено поле, внутри которого имеется врезная надпись, выполненная почерком «куфи».

Текст:

الملك لله
الوحد القهر
صاحب هذا
القبر كلخ

Перевод:

Владычество принадлежит Аллаху,
Единому, Всемогущему.

Владелец этой
Могилы – Кулаху.

Рис. 14. Плита №26

Fig.14. Tombstone №26

№ 27.

Камень прямоугольной формы с полукруглым верхом. Размерность: высота – 73 см, ширина – 55 см, толщина – 7 см. Орнамент отсутствует. Надпись на лицевой стороне стелы, врезная, в низком рельефе, выполнена почерком «куфи».

Текст:

الملك لله
الوحد القهر صا
حب هذا القبر
كل مردان

Перевод:

Владычество принадлежит Аллаху,
Единому, Всемогущему.
Владелец этой могилы
Кула Мардан.

Рис. 15. Плита № 27

Fig. 15. Tombstone №27

Таким образом, эпиграфические памятники селения Кища, в совокупности с письменными источниками и местными преданиями, показывают нам интересную картину распространения ислама в этом микрорегионе, а также отражают события, связанные с походом Тимура в Кайтаг.

Реконструкция событий конца XIII–XIV в. позволяет нам сделать следующие выводы. В конце XIII в., в результате миссионерской деятельности Абу Бакар-шейха, небольшая часть жителей сел. Кища перешла в ислам. Как сообщают местные жители, ислам приняли представители двух родов (тухумов), которым принадлежала оборонительная башня Цурмиант, где и проживал шейх⁸. Вместе с тем, по местным преданиям, представители этих родов не занимали главенствующую роль в селении, в силу чего не смогли распространить свое влияние на остальных жителей селения, исповедовавших язычество.

После смерти Абу Бакар-шейха его похоронили в месте, которое, вероятно, принадлежало этим двум родам. Впоследствии там стали хоронить и тех немногочисленных его последователей, кто скончался после него. Малое число памятников XIV в., расположенных возле мавзолея Абу Бакар-шейха, косвенно свидетельствует о том, что количество мусульман в этом селении вплоть до конца XIV в. было незначительным. Большинство памятников первой группы относятся именно к этому периоду. Причем, характерно, что в технике обра-

8 Эта башня несколько раз была разрушена и восстановлена на том же самом месте, где была впервые построена.

ботки камня, в орнаменте, формах стел можно найти параллели с другими памятниками этой зоны, что говорит о схожей традиции камнерезного искусства. Очевидно, что количество мусульман в этом селении не увеличивалось вплоть до конца XIV в., несмотря на то, что соседние крупные общины – Уркарах, Калла-Корейш и Зирихгеран (Кубачи) уже были исламизированы, а две первые даже выступали активными распространителями ислама в регионе [9, 10].

Вторая группа памятников связана непосредственно с походами Тимура в Дагестан.

В феврале 1395 г. Тимур выдвинулся с войском против своего противника, хана Золотой Орды Тохтамыша. Пройдя беспрепятственно Дербент, Тимур отправил часть войска с карательной экспедицией в Кайтаг, который был сторонником Тохтамыша. Как сообщает придворный историк Тимура Низам ад-Дин аш-Шаами, Тимур «напал на их стороны и края, что из множества их спаслись немногие..., все те области он разорил» [11]. 15 апреля 1395 г. в междуречье Терека и Курая состоялось генеральное сражение между войсками Тимура и Тохтамыша, где последний был разбит. Преследуя войска Тохтамыша, Тимур покинул территорию Дагестана и вторгся в низовья Дона и Нижнего Поволжья. А.Е. Криштопа выделяет шесть походов Тимура на Северном Кавказе [12]. Наибольший интерес в контексте исследуемого вопроса представляет последний, шестой поход. Ранней весной 1396 г., переправившись по льду через реку Терек, Тимур с войском двинулся на Ушкуджа⁹. Как сообщает Шараф ад-Дин Йазди, пройдя через Тарки, «Тимур отделился от обоза, устроил победоносное войско, и с целью священного набега двинулся на Ушкуджа. По прибытии (туда) победоносное войско окружило Ушкуджа, расположилось там, и воины поспешили отправиться во все стороны громить и грабить» [11].

После разорения Ушкуджа, Тимур с войском через селение Муги направился в Кайтаг и Зирихгеран. Селение Кища расположено как раз на старой торговой дороге, соединявшей Кайтаг и Зирихгеран с разоренными войсками Тимура селами Ушкуджа и Муги. По местным преданиям, войска Тимура осадили крепость Кища и через непродолжительное время ворвались в село и разорили его, полностью разрушив. При захвате крепости Кища в войске Тимура были некоторые потери. Погибших воинов Тимура похоронили на единственном, мусульманском кладбище в этом селении, где уже были захоронены сподвижники и последователи Абу Бакар-шейха.

Таким образом, о принадлежности второй группы стел к погибшим воинам Тимура указывают несколько взаимосвязанных факторов. Первый – это резко отличающийся от распространенных в этой зоне стиль памятников. Вероятно, после разорения Кища, часть войска, которая штурмовала это село, присоединилась к основному войску Тимура, уже осаждавшему соседний Зирихгеран. Ввиду этого, возможно, у штурмовавших сел. Кища не оставалось времени установить на могилах своих павших воинов обработанные, орнаментированные стелы. Кроме того, разный стиль написания текста также может говорить

9 Ныне сел. Усиша Акушинского района РД.

о том, что надписи высекались одновременно несколькими мастерами, причем качество выполнения этих надписей говорит о весьма посредственном мастерстве резчиков, либо о том, что надписи высекали наспех. Практически все стелы второй группы не обработаны, имеют весьма простой, примитивный орнамент, или не имеют его вовсе. Сама форма памятников говорит о том, что стелам не придавалась какая-либо форма, а подбирались более-менее ровные камни.

Вторым немаловажным свидетельством о захоронении на кладбище Абу Бакар-шейха павших воинов Тимура, говорит антропонимия погребенных. Все памятники этой группы имеют тюркско-иранско-монгольские корни: 'Ага, Гичи («маленький»), Бёру (тюрк. «волк»), сын Сардара, З.Б.Н.Д.Ш., Избачу (тюрк. «следопыт»), Зафар-Лашкар (лашкар – перс. «пеший воин»), Пероз, Хашкура, Дагачу (тюркско-монгольский суффикс «чу/чи», Кулаху (Хулагу?) Кала Мардан (перс. «человек, мужчина»).

Данная группа памятников воинов Тимура, погибших в Дагестане, является на сегодняшний день единственной из известных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII – начало XIX в. Кн. I. – Махачкала: Издательство типографии ДНЦ РАН, 1999. – 370 с.
2. Айтберов Т.М. Эпитафии шейхов братств Сафавийя, Халватийя и Сухравардийя в Дагестане: к истории ирано-дагестанских связей XV в. // Дагестан и мусульманский Восток: Сб. статей / Сост. и отв. ред. А.К. Аликберов, В.О. Бобровников. – М., 2010. – С. 179–188.
3. Хапизов Ш.М. К вопросу об исламизации Сарира и личности Абуमुслима ал-Хунзахи // Вестник Дагестанского Научного Центра РАН. – 2017. – № 64. С. 22–31.
4. Мусаев М.А., Шихалиев Ш.Ш., Шехмагомедов М.Г. Надмогильные стелы конца XIII – начала XIV в. кладбища в с. Шири // Вестник Московского университета. – 2020. – Серия 13: Востоковедение. – № 2. С. 107–126.
5. Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана X – XVIII вв. как исторический источник. – М.: Наука, 1984. – 464 с.
6. Мусаев М.А., Шихалиев Ш.Ш., Шехмагомедов М.Г. Надмогильные памятники

REFERENCES:

1. Aliev BG., Umakhanov M-SK. *Historical geography of Dagestan in the XVII – early XIX centuries. Book I. [Istoricheskaya geografiya Dagestana v XVII – nachale XIX vekov. Kniga 1]*. Makhachkala: DSC RAS Publ., 1999:370 (In Russ.)
2. Aitberov T.M. Epitaphs of the Sheikhs of the Safaviyya, Khalvatiya and Sukhravardiyya Brotherhoods in Dagestan: Towards the History of Iranian-Dagestan Relations of the XV Century. In: Alikberov A.K., Bobrovnikov V.O., editors. *Collection of articles of Dagestan and the Muslim East [Epitafii shejhov bratstv Safavija, Halvatija i Suhravardija v Dagestane: k istorii irano-dagestanskih svyazej XV v]*. Moscow, 2010: 179–188. (In Russ.)
3. Khapizov ShM. On the question of the Islamization of Sarir and the personality of Abumuslim al-Khunzakhi [K voprosu ob islamizacii Sarira i lichnosti Abumuslima al-Hunzahi] *Herald of the Daghestan Scientific Center*. 2017; (64): 22–31. (In Russ.)
4. Musaev MA., Shihaliyev ShSh., Shekhmagomedov MG. Tombstones of the end of the 13th – beginning of the 18th century from the cemetery of the village Shiri [Nadmogil'nyye stely kontsa

XIII – XVIII вв. кладбищ с. Хадаги: описание, типология, эпиграфика // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. – 2020. – Т. 12. – Вып. 1. С. 52–61.

7. Мамаев М.М. Искусство Зирихгерана-Кубачи XIII – XV вв. и его место в системе художественных культур Востока и Запада. Махачкала: Эпоха, 2014. – 592 с.

8. Мусаев М.А., Шихалиев Ш.Ш., Шехмагомедов М.Г. Эпиграфика некрополя уцмиев в Кала-Корейше. – Махачкала: Мавраев, 2019. – 180 с.

9. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X – XI веков. – М.: Изд-во вост. лит., 1963. – 265 с.

10. Магомедов М.Г., Шихсаидов А.Р. Калакорейш. Крепость курейшитов. – Махачкала: «Юпитер», 2000. – 168 с.

11. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. – М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1941. – 308 с.

12. Криштопа А.Е. Дагестан в XIII – начале XV вв. Очерк политической истории. – М.: Таус, 2007. – 228 с.

XIII – nachala XIV v. kladbishcha v s. Shiri Moscow State University Bulletin. Series 13. Oriental studies. 2020;(2): 107–126. (In Russ.)

5. Shikhsaidov AR. *Epigraphic Monuments of Daghestan of the 10th – 17th Centuries as a Historical Source [Epigrafi cheskie pamyatniki Dagestana X–XVII vv. Kak istoricheskii istochnik]*. Moscow: Nauka, 1984:462. (In Russ.)

6. Musaev MA., Shihaliev ShSh., Shekhmagomedov MG. Tombstones of the 13th – 18th centuries cemeteries of Khadagi: description, typology, epigraphy [Nadmogil'nyye pamyatniki XIII–XVIII vv. kladbishch s. Khadagi: opisaniye, tipologiya, epigrafika] *Bulletin of St. Petersburg University. Oriental and African Studies*. 2020; 12(1): 52–61. (In Russ.)

7. Mammaev MM. *The art of Zirikhgeran-Kubachi of the 13th – 15th centuries and its place in the system of art cultures of the East and the West [Iskusstvo Zirikhgerana-Kubachi XIII–XV vv. i ego mesto v sisteme khudozhestvennykh kul'tur Vostoka i Zapada]*. Makhachkala: Publishing House “Epokha”, 2014: 592.

8. Musaev MA., Shikhaliev ShSh., Shekhmagomedov MG. *The Epigraphy of the Utsmi Necropolis in Qala-Qureish [Epigrafika nekropol'a utsmiev v Kala-Koreishe]*. Moscow: Publishing House “Mavraev”, 2019: 182.

9. Minorsky VF. *The History of Shirvan and Derbend of the 13th – 15th centuries [Istoriia Shirvana I Derbenda X – XI vekov]*. Moscow: “Vostochnaia literatura” Publ., 1963:265.

10. Magomedov MG., Shikhsaidov AR. *Qala-koreish. Fortress of the Qurayshites [Kalakoreish. Krepost' Kuraishitov]*. Makhachkala: Moscow: Publishing House “Yupiter”, 2000: 168.

11. *Collection of Materials Related to the History of the Golden Horde. V. II. Extracts from Persian works collected by V.G. Tiesenhausen and processed by A.A. Romaskevich and S.L. Volin [Sbornik materialov, otносиashikhsia k istorii Zolotoy Ordyy. Tom II. Izvlecheniia is persidskikh sochinenii, sobrannyye V.G. Tizengauzenom I obrabotannyye A.A. Romaskevichem i S.L. Volinym]* Moscow-Leningrad. Publishing house: AS SSSR Publ., 1941: 308.

12. Krishtopa AE. *Dagestan in the 13th – beginning of the 15th centuries. A study on political history [Dagestan v XIII – nachale XV vekov. Oчерk politicheskoi istorii]*. Moscow: “Taus” Publ., 2007:228.

Статья поступила в редакцию 31.10.2020 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH164888-899>

Полчаева Фатимат Абдулнетифовна
младший научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный научный центр РАН, Махачкала, Россия
polchaeva94@mail.ru

Касымов Джавид Ахмедоглу
к.и.н., доцент
Университет "Юзюнчу Йыл," Ван, Турция
cavidahmedoglu@gmail.com

ОБРАЗ ПЕТРА I В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАСЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНА

Аннотация: Персидский поход Петра I был и остается предметом многочисленных исследований, также как и его влияние на российско-дагестанские отношения, социально-экономическое и культурное развитие региона. Однако остается не исследованным вопрос о месте российского императора в исторической памяти населения Дагестана, на что в немалой степени повлиял Персидский поход.

В данной статье, основываясь на косвенных материалах письменных свидетельств, опираясь на принципы историзма и учитывая региональные особенности, авторы пытаются воссоздать образ российского императора. Рассмотрев события похода в их хронологической последовательности и применив общенаучные методы анализа, абстрагирования и индуктивного подхода авторы выделяют иллюстрирующие личность императора события и действия.

При определении места Петра I в исторической памяти населения Дагестана использована концепция французского социолога М. Хальбвакса о «мнемонических местах». В ходе чего был выделен ряд таких «мест памяти» на территории Дагестана, связанных с Петром I. Также авторами рассмотрены некоторые акты коммеморации, направленные на сохранение мнемонических мест и развитие исторической памяти населения.

Ключевые слова: Петр I; Дагестан; Каспийский поход; Персидский поход; историческая память; мнемоническое место; коммеморация; Дербент.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH164888-899>

Fatimat A. Polchaeva,
Junior Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
polchaeva94@mail.ru

Javid A. Kasymov,
PhD (History), Assistant Professor
Van Yüzüncü Yıl University, Turkey
cavidahmedoglu@gmail.com

THE IMAGE OF PETER THE GREAT IN THE HISTORICAL MEMORY OF THE DAGESTAN POPULATION

Abstract. The Persian campaign of Peter I has been the subject of numerous studies, as well as his influence on Russia-Dagestan relations, social-economic and cultural development of the region. However, the question of the place of the Russian emperor in the historical memory of the population of Dagestan, which was largely influenced by the Persian campaign, remains unexplored.

The present paper, basing on indirect material of written evidence and principles of historicism, taking into account regional features, attempts to recreate the image of Peter the Great. Having examined the events of the campaign in chronological order and applying common scientific methods of analysis, abstraction and inductive approach, the authors identified events and actions that are descriptive of the emperor's personality.

Determining the place of Peter I in the historical memory of the people of Dagestan, a concept of the French sociologist M. Halbwachs on "mnemonic sites" is used. In the course of the study, a number of such "sites of memory" were revealed on the territory of Dagestan associated with Peter I. The authors also consider some acts of commemoration, directed on preserving mnemonic places and the development of historical memory of the population.

Keywords: Peter I; Dagestan; Caspian campaign; Persian campaign; mnemonic place; commemoration; Derbent.

Одной из самых популярных фигур российской истории, без сомнения, является первый российский император Петр I. Этому есть множество причин: активная внешняя политика, внутренняя политика, приведшая к глубочайшим переменам во всех сферах жизни общества, длительность правления, а также неординарная личность царя и неоднозначное отношение к его деятельности, как среди современников, так и в настоящее время.

Деятельность такого человека как Петр I не могла не вызывать большой резонанс в обществе, а сама личность обростала различными историями (порой легендарными), дошедшими до нашего времени. Петру Великому и «петровской» эпохе посвящено большое количество сочинений самого разного характера, в том числе исследований личности императора. В контексте данной работы нас интересует образ Петра I, сохранившийся в исторической памяти населения Дагестана. Значение Персидского похода подчеркнуто в историографии не раз, о нем написаны отдельные исследования, но в них нет места вопросу о восприятии личности российского императора местными правителями и жителями, а также месту Петра I в исторической памяти населения Дагестана в наше время.

В рамках этой проблемы мы ставим задачу воссоздания образа Петра I, сформировавшегося в исторической памяти дагестанских народов. Это дополнит имеющиеся о Петре Великом исследования и поможет составить целостную картину его деятельности в регионе. Как писал М.И. Семевский: «Эта мелочь, эта забытая историками толпа – основание картины, ведь без нее она мертва, она не имеет смысла» [1, с. 4]. Эта «толпа», меняющаяся с поколениями, формирует коллективную историческую память, в которой отражается как исторический опыт этого народа, так и восприятие этого опыта. Но если история – это систематизированная по периодам строгая совокупность значимых событий и их причинно-следственных связей, то историческая память – это «непрерывный ход мыслей... в нем нет ничего искусственного, поскольку из прошлого такая память сохраняет лишь то, что еще живет и способно жить в сознании той группы, которая ее поддерживает» [2, с. 22].

В исторической памяти населения Дагестана образ Петра крепко связан с историей региона. Этому способствует политика коммеморации, направленная на сохранение традиций и формирование исторических представлений. Немалая роль в этом принадлежит мнемоническим местам, связанным с Петром Великим. Концепция «мнемонических мест» была предложена французским социологом М. Хальбваксом в первой половине XX в. Она основана на исследовании роли памятных мест в формировании исторической памяти. Объясняется это тем, что коллективное сознание создает лишь обрывочные образы событий и личностей, не обладающие целостным значением, пока не будут спроецированы в конкретные обстоятельства. А обстоятельства эти даются мнемоническими местами. Таким образом, воспоминание есть процесс воображаемой реконструкции, в рамках которого мы интегрируем специфические образы, созданные в настоящем, в особый контекст, отождествляемый с

прошлым [3, с. 200]. Мнемоническим местом может быть как географическая точка, так и здание, предмет, событие, личность и т.д.

Образ монарха конструируется также на основе собственно его деятельности, мнения о нем современников, дошедшего до нас устного фольклора и др.

Методологическая разработка вопроса о формировании образа исторической личности невозможна без соблюдения принципа историзма. При воссоздании образа исторической личности нужно учитывать время его жизни: мировоззрение современного человека в корне отличается от духовного наполнения людей, живших в XVIII в.

В контексте российской истории наша задача усложняется значительными наслоениями, обусловленными полиэтничностью, поликонфессиональностью государства и его большой географической протяженностью. В XVIII в. эти факторы играли во многом определяющую роль в социальном восприятии людей.

Историческое исследование невозможно без использования историографии вопроса. Но в силу ее отсутствия по данной проблеме мы используем работы, посвященные личности императора, а также работы о Персидском походе Петра I.

О личности Петра Великого писали такие корифеи исторической науки как В.О. Ключевский [4], Н.М. Карамзин [5] и С.Ф. Платонов [6]. О двойственном восприятии образа императора сведения мы находим у А.А. Кизеветтера [7], отдельный интерес вызывают работы, посвященные исследованию анекдотов, сложившихся о царе [8; 9]. Достаточно показательным является тот факт, что во многих анекдотах, собранных Е.К. Никаноровой, главной темой выступают вспыльчивость и гнев императора. Например, случайно провинившийся мальчик-слуга, «убегая от императора двое суток сряду, добежал до Ладожского озера, а оттуда ушел в Вологду, где сказался сиротою и скрывал свое имя десять лет» [9, с. 222], или рассказ о получившем от Петра I дубинкой по голове генерал-полицмейстере Петербурга графе А. Девиере [9, с. 228].

Об актуализации проблемы формирования образа императора свидетельствует то, что темой ежегодного Международного петровского конгресса в 2019 г. стал «Образ Петра Великого в мировой культуре», по итогам которого был выпущен сборник статей. Отметим в нем статью П.А. Авакова «Петровский миф в Ростове-на-Дону: от конструирования к мемориализации» [10, с. 518–548], в которой автор рассматривает образ Петра I с региональными особенностями его формирования.

Большой интерес для нас представляют работы о Персидском походе Петра I и связанных с ним событиях: «Петр Великий на Каспийском море» [11], «Поход Петра Великого в Персию» [12], «Персидский поход Петра I: 1722–1723 гг.» [13], «Каспийский поход Петра I и русско-дагестанские отношения в первой трети XVIII века» [14], «Персидский поход Петра Великого: Низовой корпус на берегах Каспия (1722 – 1735 гг.)» [15].

Отметим также статью Ш.А. Магарамова [16, с. 56–61], в которой рассматривается обстановка в дагестанских владениях и настроения их владельцев

накануне похода императора. Не менее важна статья Ф.Н. Оруджева, в которой исследуется влияние Каспийского похода на формирование пророссийской ориентации политической элиты дагестанских владений [17, с. 112–115].

Перейдем к самому походу Петра Великого, послужившему отправной точкой налаживания тесных контактов между Российской империей и дагестанскими владениями.

Формальной целью похода российского императора на Кавказ стало усмирение местного населения, которое под руководством «лезгинского владельца» Дауд-бека и казикумукского владетеля Сурхая совершило нападение на Шемаху и российских купцов там находившихся. Настоящей же целью было установление торгового пути из Индии, Центральной Азии и Персии через Грузию в Россию. К этому событию готовились не один год: за несколько лет до похода Петром была отправлена экспедиция морских офицеров для исследования побережья от Волги до устья Куры, в ходе которого была составлена подробная карта береговой линии с отмеченными на ней пристанями. Руководство восточными делами на этом направлении было поручено астраханскому губернатору А. П. Волынскому, регулярно отчитывавшемуся о положении дел. Много информации о нравах местного населения и обстановке в регионе было получено из «Журнала путешествия через Дагестан» А.И. Лопухина, написанного в 1718 г. [18].

Интерес был не односторонним, дагестанские владетели также присматривались к Российской империи, традиционно лавируя между шахским и российским двором в своих интересах.

Что касается обстановки в Дагестане накануне похода, то содержание сохранившихся письменных свидетельств довольно однозначно и сводится к тому, что население дагестанских владений вместе с их правителями были бы рады российскому присутствию и даже принятию в подданство. Историк Н.А. Сотапов писал, что большая часть дагестанских владетелей находилась под покровительством и изъявляла желание оказать содействие императору Петру I [19, с. 38].

Для таких выводов были причины. Так, посетивший Северо-Восточный Кавказ в первой четверти XVIII в. польский миссионер И.Т. Крусинский писал: «Население, живущее около Каспийского моря, ни о чем так не молится, как о том, чтобы московиты как можно скорее пришли и освободили его от ига персидской монархии» [20, с. 202].

Сохранились многочисленные письменные свидетельства обращений дагестанских владетелей к российскому двору, опубликованные в сборниках русско-дагестанских отношений [21, 22]. Еще в 1717 г. тарковский шамхал Адиль-Гирей Будаиханов отправил к Петру I своего посла с письмом следующего содержания: «...многие люди через ваши щедроты нужды свои управляли и в радостях бывали..., прежде всего отцы и прародители наши служили вам в верности и во всяких службах ваших вседушно радели, будучи в службе», «ныне – писал он, – все в краях наших пребывающие кумыки, и кайтаки, и казикумуки, и их сильные князья, и начальники и старшины здесь суть согласившись

вашу службу приняв поддались... При всем вашему великому указу всеподслухными остаемся» [21, с. 225-226]. В то же время соперничавший с шамхалом за власть его брат Муртазали Буйнакский оставил своего сына аманатом в Терках [23, с. 6].

Северокумыкские (Эндиреевские) владетели Муртазали, Кебек и Айдемир в 1721 г. также писали российскому царю о своем желании быть в повиновении, но при этом, будучи соседями кабардинцев (царских подданных), враждовали с ними. Кайтагский уцмий Ахмед-хан, также писавший царю о своем желании войти в российское подданство, все же не смог остановить находившегося под его влиянием утамышского правителя Султан Махмуда от нападения на российское посольство под руководством А. Лопухина [18, с. 49-51].

Несмотря на многочисленные причины для налаживания отношений с российской администрацией (обеспечение поддержки в борьбе с внутренними врагами, сепаратистскими выступлениями претендентов на престол и т.п.), российский император не воспринимался местными правителями как некий «*Deus ex machina*» (Бог из машины), неожиданно решающий все проблемы. Далеко не все были рады российскому присутствию. Это очевидно даже несмотря на отправлявшиеся царю письма: большинство из них были вынужденной мерой для местных правителей в их стараниях сохранить независимость. Преобладал рациональный взгляд на намечавшийся поход. А потому письма, написанные Петру I с просьбой принятия в подданство и с заверениями о верности, были не более, чем дипломатической мерой в попытке избавиться от «произвола коррумпированной шахской администрации» [24, с. 45], о чем знал и сам российский правитель. Примером этому могут служить отношения с персидским двором. Так, кайтагский уцмий Ахмед-хан, получавший от шаха жалованье и подарки, воинскую службу не нес, а его подданные объясняли это так: «Усми даром никому служить не должен... шаха мы не боимся» [25, с. 126-127].

Летом 1722 г. начался поход русской армии и флота во главе с Петром I на территорию юго-восточного Закавказья и Дагестана, впоследствии получивший название Персидского (а также Каспийского).

Первым мероприятием, произведенным на берегу, стало наказание Эндиреевского владетеля, «не изъявившего покорности»: его резиденция была сожжена [26, с. 105]. Аксаевский, костековский и тарковский владетели выразили России верность. Таким образом, начало похода красноречиво указывало на последствия для местных владений в случае их неповиновения.

6 августа вблизи Аксая Петр I был встречен Тарковским шамхалом Адиль-Гиреем, передавшим ему множество подарков и в очередной раз объявившим о своей верности Российскому императору. 12 августа к резиденции Тарковского шамхала подошла уже вся армия. На следующий день император был приглашен в дом шамхала.

Посещение дома Адиль-Гирея императором описано в «Походном журнале 1722 г.» [27] и у Г.С. Федорова [28, с. 84.]. Петр I посетил шамхала в сопровождении своих министров и генералов. Их провели по двору и комнатам

шамхальского дома. В комнате жен шамхала император поинтересовался, откуда привезена ценная посуда, которой в помещении было очень много. На что получил ответ, что посуда была сделана в персидском городе Мешхеде. После обхода император присел по восточному обычаю на подушки, разложенные прямо на коврах. Это вполне соотносится с описанием Петра Алексеевича как правителя, не терпевшего церемониал и излишнюю строгость, непосредственного в общении [5, с. 30]. Здесь же его познакомили с женами шамхала и угостили вином и фруктами. По окончании встречи Адиль-Гирей подарил Петру I серого аргамака с золотым конским убором [27, с. 112–113].

В этом походе, как и во многих других, Петра I сопровождала его супруга Екатерина Алексеевна. Благодаря ее присутствию оказалось возможным посещение ее на следующий день женами шамхала. Они были приняты в шатре императрицы, в котором кроме нее присутствовали также «четыре человека пажей, два гайдука и прочие придворные в нарядном платье», а на входе были стояли несколько гренадеров гвардии с ружьем [27, с. 114]. Такая публика в шатре оказалась не случайно: они были приглашены самой императрицей для удовлетворения их любопытства¹ [29]. Гости пробыли в шатре недолго, но вероятно эта встреча произвела большое впечатление на обе стороны, поскольку столкнула людей из совершенно разных миров. Предполагаем, что для жен шамхала она была более значима, как для женщин большую часть времени замкнутых в своей среде и в отличие от российской императрицы не выезжавших за пределы родного края, следовательно, не знавших о многообразии жизни за пределами дагестанских земель.

Об однообразной жизни жен шамхала и значении для них общения с другими людьми можно судить также по рассказу И.Н. Березина о встрече с одной из них. Во время личной встречи с «шамхальшей» И.Н. Березин отметил ее апатичность и угрюмость, признаки раннего старения и увядающего здоровья всего лишь в 30 лет. Сам он объяснил это тем фактом, что в жизни ее не было радости: шамхал нашел более молодую жену, а она была оставлена с двумя малолетними детьми и очень ограниченным содержанием в бедно обставленном для шамхальской жены доме. Сама она рассказала, что ей было веселей, когда поблизости жила ее единственная подруга – жена коменданта Низового корпуса, с которой они много говорили и гуляли.

Знакомство с императорской четой христианской веры с присущей им европейской манерой поведения и общения, открытых всему новому, оказало впечатление не только на шамхала Тарковского, но и на его окружение, повлияло на формировавшееся представление о российской власти.

16 августа армия под предводительством Петра I отправляется в Дербент, куда за день до этого прибыла транспортная флотилия (21 судно) с артиллерией и провиантом под командованием капитана Вердена. В письме к Петру I он сообщал, что «из города комендант или наиб прислал собственного челове-

1 Последний Персидский поход Петра I // Биофайл: научно-информационный журнал. URL: <http://www.biofile.ru>

ка своего...с поздравлениями о счастливом прибытии... и сказывал словесно от наиба, что они очень рады видеть очи в.и.в. и в поклонении городам своим под вашу императорскую державу» [29, с. 69–70].

Как написано во многих документах, дербентские жители оказали теплый прием, о чем писал сам Петр I Сенату: «Наиб сего города и ключ поднес от ворот. Правда, что эти люди не лицемерно, любовью приняли и так нам рады, как бы своих из осады выручили» [22, с. 39]. Передача ключей от города является одним из коммеморативных мнемонических событий: стереотипная постановка на праздничных мероприятиях в школьных постановках и официальных мероприятиях республиканского масштаба стала традиционной.

После получения ключей армия Петра вступила в город: «строим с распущенными знаменами и музыкою...», а сам император возглавлял это шествие, «ехал на лошади яко полковник, с обнаженной шпагой» [27, с. 122–123], следом шла гвардия, позади в каретах ехала Екатерина и гофдамы, замыкали процессию пехотные полки. Наиб города Имам-кули-бек поднес императору серебряные ключи от города. За проявленное приятие наиб города Имам-кули-бек был утвержден в своей должности правителя, а также получил чин генерал-майора с постоянным годовым жалованием.

На въезде императорскую процессию ждал торжественный прием с салютами и залпом из пушек [27, с. 123]. Встреча с российским императором оказала на местное население такое сильное воздействие, что легенды стали складываться с момента его прибытия. Одна из них рассказывает о вступлении Петра Великого в город. В «Истории города Дербента» Е.И. Козубский передает легенду, ходившую среди местного населения. Как рассказывал в 1849 году 80-летний старец, отец которого был свидетелем вступления Петра в Дербент, император после поднесения ему ключей въезжал в город на коне, но едва только его лошадь передними ногами ступила на улицу, как началось сильное землетрясение, и тогда народ, стоявший у ворот в ужасе, пал перед императором ниц. Сам он сказал: «Природа делает мне торжественный прием и колеблет стены города перед моим могуществом». После Петр «милостиво ударил по воротам 3 раза нагайкою, землетрясение прекратилось, и он, призвав к себе всех неимущих, обделил их деньгами» [30, с. 161]. Существование такой легенды и хождение ее среди населения демонстрирует силу впечатления от пребывания российского императора, представшего в данном случае в качестве всемогущего «белого царя», способного едва ли не повелевать силами природы, и милосердно решающего насущные проблемы простых людей «обделяя всех неимущих деньгами».

Впечатление оказало и то, что российский император, пребывая в Дербенте, выкупил из плена 10 человек, для чего в конце августа был издан специальный указ «за христиан грузинского народа, которые были в плене у дербентских жителей, заплати оным жителям деньги из своей казны, а именно за десять человек четыреста сорок три рубли». Прилагалась также расписка с перечислением выкупленных и тех, у кого у него куплены: «имяны те дербентские

жители, прилагаеца при сем роспись и кабинет его величества да изволят приказать о заплате дербентским жителям показанного числа денег за христиан учинить по его императорского величества указу»². Спустя несколько дней были выкуплены еще шесть человек «христиане грузины и армяне, которые ушли из Дербеня от хозяев своих и явились в лагерь сего сентября 2 день»³, на что было выделено двести тридцать рублей.

Также во время пребывания императора в Дербенте к нему обратились офицеры с жалобой на то, что местные жители отказываются продавать им хлеб. Петр решил лично разобраться и отправился в один из дворов, где хозяйка раскладывала свежее испеченные чуреки. Император попросил ее продать им четыре хлеба. Женщина ответила, что не может продать его без разрешения мужа. Сказав, что запаса муки у них недостаточно для собственного семейства, она разделила один чурек на четыре части и подала по куску каждому, отказавшись от оплаты. И в этом случае император проявил щедрость, наградив ее мужа и повелев выдать каждому бедному семейству по две четверти муки и двадцать аршин холста [31, с. 291].

Находясь в Дербенте, император жил в построенной по его приказу крохотной землянке, руины которой стали мнемоническим местом. Вокруг руин еще в XIX в. был построен павильон с колоннами и памятной надписью. После революции объект был забыт, но к 2000-летию города он был реконструирован, расширен и превращен в музей. Откопанный фундамент землянки защищен специальной витриной, которая позволяет рассмотреть его со всех сторон. Деятельность по сохранению мнемонических мест носит название коммеморации и призвана защитить традицию и историческую память. Летний домик Петра Великого является частой точкой туристического маршрута по Дербенту, а его посещение обязательно для местных школьников в педагогических целях, поскольку «пробуждает» воспоминания и укрепляет стереотипы сознания.

Отправившаяся дальше армия Петра I столкнулась с утамышским владельцем Махмудом, получившим в этом столкновении поддержку от кайтагского уцмий. Эти действия можно объяснить опытом дагестанских государственных образований, для которых вмешательство иностранных правителей никогда не приносило мира. Кровопролитное столкновение утамышцев с российскими войсками закончилось поражением сил султана Махмуда Утамышского, отстранением его от власти и разрушением Утамышя. Через несколько дней после разрушения Утамышя кайтагский уцмий Ахмед-хан отправил Петру I письмо, в котором изъявил желание быть принятым на царскую службу⁴, что не мешало ему в последующем вести обратную деятельность.

2 1722 г., августа 30. – Сведения о выкупленных Петром Великим у Дербентского жителей грузинах. // РГАДА Ф. 396. Оп. 2 Ч. Д. 1102. Л. 324-325.

3 1722 г., сентября 5 – Сведения о выкупленных в Дербенте армянах и грузинах // РГАДА Ф. 396. Оп. 2. Ч. 2. Д. 1102. Л. 340-341.

4 Просительная грамота Ахмед-хана кайтагского Петру I о принятии его в подданство России // РФ ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 60. С. 122.

Как нам известно, поход Петра I закончился значительно раньше, чем планировалось, и назад он отправился тем же путем, по дороге приказав заложить крепость Святой Крест. В конце сентября российский император отплыл в Астрахань, тем самым завершив Персидский поход.

Поход императора, вошедший в историю как Персидский, сыграл большую роль не только в отношениях Российской империи с Персией и Османской империей, он оказал значительное влияние на дальнейшие контакты и развитие отношений с дагестанскими государственными образованиями, а также оставил значительный след в памяти местного населения.

В.О. Ключевский писал, что: «Петр Великий по своему духовному складу был одним из тех простых людей, на которых достаточно взглянуть, чтобы понять их» [4, с. 42]. Вместе с тем в российской истории мало столь же неоднозначных личностей.

Сложность личности императора проявилась и в формировании образа императора на Кавказе. Образ этот неоднозначный, но, очевидно, яркий и многогранный. Об этом говорят мнемонические места, среди которых отметим встречу для передачи ключей от города императору, прорубание им окна в стене ханского дворца в цитадели, получившего название «окна на Восток», летний домик Петра. Отметим пребывание императора на том месте, где позже возник город Петровск. Само название города является актом коммеморации, сформировавшим местный «петровский миф» об образовании города Петром Великим. В современной Махачкале в честь императора названа улица, а в 2006 г. в порту был установлен памятник, что вызвало в прессе негативный отклик. Связано это с тем, что в исторической памяти населения Дагестана император оценивается с диаметрально противоположных точек зрения. С одной стороны, Петр I – это захватчик, сжигавший населенные пункты (в Утамышском владении, в Эндирее), разорявший селения (в Нижнем Кайтаге) и жестоко расправлявшийся с их населением. С другой стороны — это великий государственный деятель, оказавший влияние на развитие российского государства на долгие десятилетия вперед, сыгравший позитивную роль в развитии русско-дагестанских отношений. И, несмотря на эту диаметральность, образ Петра I в исторической памяти народов Дагестана сформировался в основе своей положительный.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42023 «Пётр Великий в исторической судьбе Кавказско-Каспийского региона». Рук.- Ш.А. Магарамов

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Семеvский М.И. Слово и дело! 1700-1725. СПб.: Изд. Редакции журнала «Русская старина»; Тип В. С. Балашева, 1885. 338 с.
2. Хальбвaкс М. Коллективная историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3.
3. Хаттон П. История как искусство памяти / П. Хаттон. СПб., 2003.
4. Ключевский В.О. Исторические портреты. М.: Эксмо, 2008. С. 42
5. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. – 125
6. Платонов С.Ф. Взгляды науки и русского общества на Петра Великого // Лекции по русской истории. М.: Высшая школа, 1993. 736 с. С. 446–456
7. Кизеветтер А.А. Реформа Петра Великого в сознании русского общества // Русское богатство. 1896, № 10. С. 20–46
8. Ригельман А.И. Анекдоты о Петре Великом // Москвитянин. 1842. № 1
9. Никанорова Е.К. Исторический анекдот в русской литературе XVIII века: Анекдоты о Петре Великом. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 468 с.
10. Аваков П.А. Петровский миф в Ростове-на-Дону: от конструирования к мемориализации // Сборник статей по материалам XII Международного петровского конгресса, прошедшего в Санкт-Петербурге в 2019 году. «Образ Петра Великого в мировой культуре». Санкт-Петербург: Европейский Дом, 2020. 740 с. С. 518–548
11. Соловьев С.М. Петр Великий на Каспийском море // Вестник Европы. СПб., 1868
12. Мельгунов Г.В. Поход Петра Великого в Персию // Русский вестник. М. 1874. № 3.
13. Лыстов В.П. Персидский поход Петра I: 1722–1723 гг. М.: Издательство Московского университета, 1951. 248 с.
14. Касумов Р.М. Каспийский поход Петра I и русско-дагестанские отношения в первой трети XVIII века // дисс. канд. ист. наук. 1999, 188 с.
15. Курукин И.В. Персидский поход Петра Великого: Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735 гг.). М.: Квадрига, 2010. 384 с.
16. Магарамов Ш.А. Российско-дагестанские дипломатические отношения накануне Персидского похода Петра I // Российская история №1, 2017. С. 56–61
17. Оруджев Ф.Н. Влияние Каспийского похода Петра Великого на пророссийскую ориентацию дагестанской политической элиты // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2015, №7 (57). Ч. I. С. 112–115
18. История, география и этнография Дагестана (XVIII–XIX вв.) ИГЭД. М.: Издательство восточной литературы, 1958. 372с.
19. Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIIIв. М.: Наука, 1991. 221 с.
20. Ашфарян К.З. Падение державы Сефевидов // Очерки по новой истории стран Среднего Востока. М., 1951. – 248.

REFERENCES

1. Semevsky MI. Word and deed! 1700-1725 [Slovo i delo! 1700-1725]. Saint Petersburg: Russkaya Starina; Balashev typography, 1885.
2. Halbwachs M. Collective historical memory [Kollektivnaya istoricheskaya pamyat'] Neprekosnoveniyi zaspos. 2005;(2-3).
3. Hatton P. History as the art of memory [Istoriya kak iskusstvo pamyati] / P. Hatton. Saint Petersburg, 2003.
4. Klyuchevsky VO. Historical portraits [Istoricheskie portrety]. Moscow: Eksmo, 2008:42.
5. Karamzin NM. A note on ancient and new Russia in its political and civil relations [Zapiska o drevnei i novoi Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnosheniyakh]. Moscow: Nauka, 1991: 125.
6. Platonov SF. Views of Science and Russian Society on Peter the Great [Vzglyady nauki i russkogo obshchestva na Petra Velikogo] Lectures on Russian History [Lekcii po russkoj istorii]. Moscow: Vyshaya shkola, 1993:446-456.
7. Kizevetter AA. Reform of Peter the Great in the minds of Russian society [Reforma Petra Velikogo v soznanii russkogo obshchestva] Russian riches [Russkoe bogatstvo]. 1896;(10):20-46.
8. Rigelman AI. Anecdotes about Peter the Great [Anekdoty o Petre Velikom] Muscovite [Moskvityanin]. 1842;(1).
9. Nikanorova EK. Historical anecdote in Russian literature of the 18th century: Anecdotes about Peter the Great [Istoricheskij anekdot v russkoj literature XVIII veka: Anekdoty o Petre Velikom]. Novosibirsk: Siberian Chronograph, 2001:468.
10. Avakov PA. The Petrovsky myth in Rostov-on-Don: from design to memorialization [Petrovskij mif v Rostove-na-Donu: ot konstruirovaniya k memorializacii] Collection of articles based on the proceedings of the XII International Petrovsky Congress held in St. Petersburg in 2019. "The Image of Peter the Great in World Culture" [Sbornik statej po materialam XII Mezhdunarodnogo petrovskogo kongressa, proshedshego v Sankt-Peterburge v 2019 godu. «Obraz Petra Velikogo v mirovoj kul'ture»]. St. Petersburg: European House, 2020:518-548.
11. Soloviev SM. Peter the Great on the Caspian Sea [Petr Velikij na Kaspijskom more] Bulletin of Europe [Vestnik Evropy]. St. Petersburg, 1868.
12. Melgunov GV. Peter the Great's campaign to Persia [Pohod Petra Velikogo v Persiyu] Russian bulletin. Moscow, 1874;(3).
13. Lystsov VP. Persian campaign of Peter I: 1722–1723 [Persidskij pohod Petra I: 1722–1723 gg.]. Moscow: Moscow University Publishing House, 1951:248.
14. Kasumov RM. The Caspian campaign of Peter I and Russian-Dagestan relations in the first third of the 18th century [Kaspijskij pohod Petra I i russko-dagestanskije otnosheniya v pervoj treti XVIII veka] // Diss. thesis of Cand. of hist. sciences. 1999.
15. Kurukin IV. Persian campaign of Peter the Great: Grassroots corps on the shores of the Caspian Sea (1722-1735) [Persidskij pohod Petra Velikogo: Nizovoj korpus na beregah Kaspiya (1722-1735 gg.)]. Moscow: Quadriga, 2010.
16. Magaramov SA. Russian-Dagestan diplomatic relations on the eve of the Persian campaign of Peter I [Rossijsko-dagestanskije diplomaticheskie otnosheniya nakanune Persidskogo pohoda Petra I] Russian history [Rossijskaya istoriya]. 2017;(1):56-61.
17. Orudzhev FN. Influence of the Caspian campaign of Peter the Great on the pro-Russian orientation of the Dagestan political elite [Vliyanie Kaspijskogo pohoda Petra Velikogo na prorossiyskuyu orientaciyu dagestanskoj

21. Русско-дагестанские отношения в XVII – первой четверти XVIII вв. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1958.
22. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX вв. М.: Наука, 1988. – 355 с.
23. Магарамов Ш.А. Присоединение Дагестана к России: традиционные и новые концепции изучения проблемы // Вестник Института ИАЭ ДФИЦ РАН. 2013, №4. С. 5–9
24. Гаджиев В.Г. Сочинение И.Г. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекою Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М., 1979. 271 с.
25. Алиев Ф.М. Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII в. Баку, 1975. 234 с.
26. Бакиханов А. Гюлистан-и-ирам. Баку: Элм, 1991. – 304 с.
27. Походный журнал 1722 г. СПб., 1855. 197с.
28. Федоров Г.С. Некоторые эпизоды из истории похода Петра I на Кавказ // Русско-дагестанские взаимоотношения в XVI – начале XX в. Махачкала, 1988. С. 84
29. Боевая летопись русского флота. Хроника важнейших событий военной истории русского флота с IX в. по 1917 г. // Под редакцией Н. В. Новикова. М.: Военное издательство Министерства вооруженных сил Союза ССР, 1948. 492 с.
30. Козубский Е.И. История города Дербент. Темирхан-Шура: Русская типография В. М. Сорокина, 1906. 280с.
31. Гаджиев В.Г. О русском переводе «Дербенд-наме» // Вопросы истории Дагестана (Досоветский период). Вып. 3. Махачкала, 1975. С. 253-256.
- politicheskoy elity] Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice [Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki]. Tambov: Diploma, 2015;7 (57) I:112-115.
18. History, geography and ethnography of Dagestan (XVIII-XIX centuries) IGED [Istoriya, geografiya i etnografiya Dagestana (XVIII-XIX vv.) IGED.]. Moscow: Eastern Literature Publishing House, 1958:372.
19. Sotavov NA. The North Caucasus in Russian-Iranian and Russian-Turkish relations in the 18th century [Severnyj Kavkaz v rusko-iranskij i rusko-tureckij otnosheniyah v XVIII v.]. Moscow: Nauka, 1991:221.
20. Ashfaryan KZ. Fall of the Safavid state [Padenie derzhavy Sefevidov] Essays on the new history of the Middle East [Ocherki po novoj istorii stran Srednego Vostoka]. Moscow, 1951:248.
21. Russian-Dagestan relations in the XVII – first quarter of the XVIII centuries [Russko-dagestanskije otnosheniya v XVII – pervoj chetverti XVIII vv.]. Makhachkala: Dagestan Book Publishing House, 1958.
22. Russian-Dagestan relations in the XVIII – early XIX centuries [Russko-dagestanskije otnosheniya v XVIII – nachale XIX vv.]. Moscow: Nauka, 1988:355.
23. Magaramov SA. The accession of Dagestan to Russia: traditional and new concepts of studying the problem [Prisoedinenie Dagestana k Rossii: tradicionnye i novye koncepcii izucheniya problemy] Bulletin of the IHAЕ DFRC RAS. 2013;(4):5-9.
24. Gadzhiev VG. The work of J. Herber “Description of the countries and peoples between Astrakhan and the Kura River” as a historical source on the history of the peoples of the Caucasus [Sochinenie I. G. Gerbera «Opisanie stran i narodov mezhd u Astrahan'yu i rekoyu Kuroj nahodyashchih'sya» kak istoricheskij istochnik po istorii narodov Kavkaza]. Moscow, 1979:271.
25. Aliev FM. Anti-Iranian unrest and the struggle against the Turkish occupation in Azerbaijan in the first half of the 18th century [Antiiranskije vystupleniya i bor'ba protiv tureckoj okkupacii v Azerbajdzhanе v pervoj polovine XVIII v.]. Baku, 1975:234.
26. Bakikhanov A. Golestan-e-Eram. Baku: Elm, 1991:304.
27. Travel journal of 1722 [Pohodnyj zhurnal 1722 g.]. St. Petersburg, 1855:197.
28. Fedorov GS. Some episodes from the history of Peter I's campaign to the Caucasus [Nekotorye epizody iz istorii pohoda Petra I na Kavkaz] Russian-Dagestan relations in the 16th – early 20th centuries [Russko-dagestanskije vzaimootnosheniya v XVI – nachale XX v.]. Makhachkala, 1988: 84.
29. Combat chronicle of the Russian fleet. Chronicle of the most important events in the military history of the Russian fleet from the 9th century to 1917 [Boevaya letopis' russkogo flota. Hronika vazhnejshih sobytij voennoj istorii russkogo flota s IX v. po 1917 g.] Edited by NV. Novikov. Moscow: Military Publishing House of the Ministry of the Armed Forces of the USSR, 1948.
30. Kozubsky EI. History of the city of Derbent [Istoriya goroda Derbent]. Temirkhan-Shura: V.M. Sorokin Printing house, 1906.
31. Gadzhiev VG. On the Russian translation of “Derbend-nameh” [O russkom perevode «Derbend-nameh»] Questions of the history of Dagestan (Pre-Soviet period) [Voprosy istorii Dagestana (Dosovetskij period)]. Issue 3. Makhachkala, 1975;(3):253-256.

Статья поступила в редакцию 31.10.2020 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH164900-916>

Алибеков Хизри Гаджиевич
младший научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН
alibekovkhizri@gmail.com

«СВЕТИЛЬНИКИ МУСЛИМА ДЛЯ ГОРЦЕВ МУСУЛЬМАН» – СОЧИНЕНИЕ МУСЛИМА АЛ-УРАДИ О «МУХАДЖИРСТВЕ»

Аннотация: Во второй половине XIX в. на Кавказе широко распространилось такое явление, как «мухаджирство» – массовое переселение кавказцев в Османскую империю. Оно вызвало полемику среди мусульманских богословов на Кавказе. Разделившись на сторонников и противников «мухаджирства», богословы отразили свои позиции в письменных трудах. Среди таких богословов был Муслим ал-Уради (ум. в 1919 г.), осветивший данное явление в своем сочинении «Светильники Муслима для горцев мусульман». В сочинении приведены позиции обеих сторон, что позволяет нам подробнее ознакомиться с их взглядами на общественно-политическую ситуацию того времени и видением ими «своего места» в новой, измененной реальности. Муслим ал-Уради доказывает, что дагестанцам нет необходимости переселяться в другие места и что «мухаджирство» может негативно отразиться на религиозной жизни мусульман Дагестана.

Автор сочинения также рассматривает некоторые нюансы, связанные с пребыванием мусульман под властью иноверцев, разъясняет основные правила взаимоотношения между ними. Муслим ал-Уради склонен считать, что мусульмане Дагестана вполне могут жить с иноверцами в мире и спокойствии, быть законопослушными налогоплательщиками и при этом оставаться благочестивыми мусульманами, верными своей религии.

Данная статья посвящена источниковедческому анализу произведения Муслима ал-Уради. Анализ данного произведения позволяет нам установить, что разная популярность «мухаджирства» в Российской Империи не в последнюю очередь была обусловлена различием взглядов ханафитской и шафиитской богословско-правовых школ на переселение мусульман из территорий, попавших под власть немусульманских стран.

Ключевые слова: мухаджирство; хиджра; джихад; дар ал-куфр; дар ал-ислам; такийя.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH164900-916>

Khizri G. Alibekov,
Junior Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
alibekovkhizri@gmail.com

“MUSLIM’S LUMINAIRES FOR MUSLIM MOUNTAINEERS” – THE WORK OF MUSLIM AL-URADI ON “MUHAJIRISM”

Abstract. The second half of the 19th century in the Caucasus marked the emergence of such a phenomenon as “muhajirism” – mass migration of Caucasians to the Ottoman Empire. This caused debates among Muslim theologians in the Caucasus. Having divided into supporters and opponents of “muhajirism”, theologians reflected their positions in written works. Among those theologians was Muslim al-Uradi (died in 1919), who described the said phenomenon in his work “Muslim’s luminaires for Muslim mountaineers”. The work provides positions of the both parties which allow us to thoroughly examine their views on social-political situation of that time and their considerations of “their place” in the new, changed reality. Muslim al-Uradi argues that there is no need for Dagestanis to move to other places and that “muhajirism” may affect negatively the religious life of Muslims of Dagestan.

The author also considers some details related to the stay of Muslims under infidels’ authority, explains the basic rules of their interactions. Muslim al-Uradi tends to believe that Muslims of Dagestan can well live with non-believers in peace, be law-abiding tax-payers and at the same time remain true to their religion.

The present article is devoted to the source-study analysis of the work by Muslim al-Uradi. The analysis of the said work allows to establish that the controversial popularity of “muhajirism” in the Russian Empire was not least due to the difference in views of the Hanafi and Shafi’i theological and legal schools on the resettlement of Muslims from territories that fell under the rule of non-Muslim countries.

Keywords: muhajirism; Hijra; jihad; dar al-kufr; dar al-islam; taquiya.

Вторая половина XIX в. характеризуется на Кавказе массовой миграцией кавказских народов в мусульманские страны, получившей известность, как «мухаджирство». Не смирившись с колониальной экспансией Российской Империи, представители покоренных мусульманских народов стали переселяться в Османскую Империю и на Ближний Восток. Царское правительство, как правило, не препятствовало данному явлению, полагая, что опустошение кавказских земель ускорит колонизацию завоеванных территорий.

В связи с этим, среди мусульман Кавказа возникла полемика о необходимости переселения в мусульманские земли, которая не утихала даже после падения Османской империи. В ней, прежде всего, участвовали мусульманские богословы, разделившиеся на два лагеря: сторонников переселения, большая часть которых перебралась в Османскую Империю¹, и противников, подавляющее большинство которых призывали мусульман не покидать свою родину.

«Мухаджирство» как явление связано с понятием «хиджра» – термином в исламском богословии, обозначающим известное переселение пророка Мухаммада из Мекки в Медину. Впоследствии, в исламской юриспруденции им стали называть переселение мусульман из «дар ал-куфр»² или «дар ал-ислам»³, но находящееся под оккупацией неверных, в земли, находящиеся под властью мусульман. Также этим термином именуют переселение мусульман из мусульманских земель, где распространились грехи в другие мусульманские земли, где строже соблюдаются каноны ислама⁴. Кроме того, в суфизме термин «хиджра» часто используют для выражения отказа от грешных поступков и пороков и обращения к праведным и похвальным делам. Участники полемики оставили несколько специальных сочинений, в которых отстаивали свои позиции.

Одним из богословов, написавших специальный трактат на эту тему, был ученый-богослов, кадий Муслим (ум. в 1919 г.) из гидатлинского селения Ура-

1 Как пишет Бобровников В.О.: «На мусульман Дагестана и Чечни большее влияние оказали письма с призывами к переселению, которые распространяли в 1860–1880-е гг. участники *джихада* времен Кавказской войны и восстания 1877 г. Ученик уехавшего в Стамбул Джамаладдина Казикумухского, известный накшбандийский шейх Абд ар-Рахман из Согратля написал в конце 1870-х гг. на арабском языке сочинение о хиджре. По мнению шейха, когда мусульманские земли попадают под власть немусульманских правителей, а правоверные уже не могут выполнять свои религиозные обязанности и нет надежды восстановить права ислама при помощи *газавата*, каждый мусульманин обязан покинуть территорию, ставшую дар ал-харб, и переселиться на территорию, где господствуют законы ислама. <...> Такие воззрения разделял и упомянутый выше кикунинский шейх, ученик Абд ар-Рахмана из Согратля» [1, с. 72].

2 «Земля неверия» или «территория неверных» (دار الكفر) – термин в исламском праве, используемый для обозначения территорий, находящихся под властью не мусульман. Данному термину синонимичен и другой термин в исламском праве – «дар ал-харб» (دار الحرب) т.е. «земля войны».

3 «Земля ислама» или «территория ислама» (دار الإسلام) – термин в исламском праве, используемый для обозначения территорий, находящихся под властью мусульманских правителей.

4 Именно под таким предлогом в свое время крупный дагестанский богослов Мухаммад ал-Кудуки переселился в Сирию. Как пишет Назир ад-Дургили: «В конце своей жизни шейх ал-Кудуки переселился в Шамские страны (Сирия). Это случилось из-за того, что он видел, как его современники перешагнули пределы (установлений) Аллаха, они придерживались обычаев (урф) и (указаний) идолопоклонников, не придерживаясь благородного шариата. Говорят, что он порицал современников, говоря: «Что касается братьев идолопоклонников, (это те), кто не придерживается того, что ниспослал Аллах», и т.д. Поэтому он оставил свою родину» [2, с. 46].

да, которое известно в Дагестане как крупный образовательный и научный центр, и прежде всего родина двух крупных мусульманских богословов – Ибрахима-хаджи и Муртазаали. Муслим ал-Уради с 1893 по 1917 гг. проработал в различных селениях Дагестана и Азербайджана кадием и преподавателем в медресе. Он был чрезвычайно плодовитым автором. Известны двадцать шесть его трудов по самым разным направлениям: калам⁵, мусульманское вероубеждение (*акида*), исламское право (*фикх*), суфизм (*тасаввуф*), грамматика (*нахв*). Большая часть этих сочинений собрана его учениками в один большой сборник, известный как «Фатава ал-Уради».

Прежде чем коснуться основной темы, необходимо отметить, что Муслим ал-Уради придерживался довольно свободных взглядов в своих религиозных воззрениях. При этом его никак нельзя назвать сторонником мусульманского реформаторства или «джадидизма», которые в начале XX в. активизировали свою деятельность в Дагестане и Российской империи в целом. К примеру, в *каламе* он не разделяет мнения аш‘аритов в вопросе *касба*⁶ и склоняется к мнению мутазилитов⁷, как и другой известный дагестанский знаток калама Абдулатиф Гоцинский (ум. в 1890 г.)⁸. Здесь очевидно, влияние трудов Салиха ал-Йамани (ум. в 1697 г.). По всем другим вопросам вероубеждения Муслим твердо придерживается аш‘аритских воззрений. По другому известному полемическому вопросу в мусульманском праве о количестве *ракаатов* в *таравих-намазе* Муслим склонялся к тому, что их восемь, хотя по мнению шафиитского *мазхаба* их двадцать. В суфизме Муслим допускал совершение телесных движений и танцы во время чтения *зикра*. У него есть отдельное, довольно объемное сочинение – «Ал-Бадр ал-мунир ли ар-ракис би аз-зикр мин суфийати аз-заман ал-ахир» («Светящаяся луна для танцующего под зикр из суфиев последнего времени»). И это при всем том, что Муслим являлся мюридом шейха Хасана ал-Кахи (ум. 1937), известного противника любых телодвижений при чтении *зикра*, а до него мюридом Джабраиля афанди, также шейха из плеяды халидийя-махмудийя.

Исследуемый нами труд – «Ал-Масабих ал-муслимийа ли ахли ал-ислям ал-джабалийа» («Светильники Муслима для горцев мусульман») – был

5 *Калам* – спекулятивная дисциплина, дающая догматам ислама толкование, основанное на разуме, а не на следовании религиозным авторитетам [3, с. 128-129].

6 *Касб* (араб. *كسب* – приобретение, присвоение) – исламский термин, обозначающий религиозно-этическую концепцию, согласно которой в осуществлении человеческих действий участвуют два «действителя» (*фа‘илан*) – Бог, который их творит, и человек, который их «присваивает» [3, с. 134].

7 *Мутазилиты* (араб. *Му‘тазила* «отделившиеся») – представители первого направления классической арабо-мусульманской философии [4, с. 81].

8 Абдулатиф Гоцинский в своем трактате «Аромат амбры в вопросе касба шейха ал-Аш‘ари» («Ат-Тибб ал-‘анбари фи касб аш-шайх ал-Аш‘ари») несколько осторожно говорит о своем предпочтении мнения мутазилитов в данном вопросе. Суть этого мнения заключалось в отрицании концепции *касба* и утверждении, что человек автономен в своих действиях. Муслим ал-Уради в своем сочинении «Величественный подарок Мухаммаду Али по вопросам, связанных с человеческой душой» («ат-Тухфат ал-‘алийа иля ал-хазрат ал-Мухаммад‘алийа фи ма ята‘алляк би ан-нафс ал-инсанийа») сообщает, что мнение мутазилитов посчитал верным Абдулатиф Гоцинский, а «он сам склоняется к этому мнению потому что не понял позицию ал-Аш‘ари в этом вопросе, хоть тот и является великим имамом». Ксерокопии обеих рукописей хранятся в личной коллекции автора статьи.

написан им 15 числа месяца зуль-хиджа в 1322 г., что соответствует 19 февраля 1905 г. В это время Муслим работал преподавателем медресе селения Катех⁹. В нашем распоряжении имеются лишь две копии рукописи сочинения. Одна из них переписана Мухаммадом сыном Кантилава 16 рамадана 1324 г.х.¹⁰, другая – Хаджи Мухаммадом из гидатлинского селения Тлях, вероятно в 1327 г.х.¹¹ Рукописи переписаны традиционным дагестанским почерком насх, на российской фабричной бумаге.

Муслим начинает свое сочинение с традиционного предисловия, где среди прочего пишет:

فلما رأى هذا الفقير مسلم العرادي رحمه الرب الهادي اضطراب أكثر الناس في حق الهجرة من ديار هؤلاء الفجرة إلى ديار سلطان الإسلام أيد الله سلطنته بحرمة سيد الأنعام متعللين بكثرة الخراج وظلم الفجار وغلبة العصيان حتى من الكبار وكثرة اختلاف العلماء الأعيان في حق وجوبها بتلك الأسباب في هذا الزمان كتب هذه الرسالة مشتملة على مقدمة وأربع مقاصد وخاتمة لتكون تبصرة لأولي الأبصار وتحفة لمن كان تحت اختيار الكفار، وسميتها بالمصابيح المسلمية لأهل الإسلام الجبلية راجياً من الله أن يجعلها كالمصابيح لهم في الانتفاع بها والاستناد بما فيها عند الاحتياج إليها.

«Когда этот бедняга Муслим ал-Уради, да смилуется над ним Господь, Наставляющий на истинный путь, заметил сомнения большинства людей относительно переселения из земель этих нечестивцев в земли султана мусульман, да укрепит Аллах его власть из уважения к господину людей, оправдываемого высокими налогами, притеснением и распространением греха даже от уважаемых людей. А также из-за частых разногласий выдающихся богословов по поводу обязательности переселения в подобных случаях, он написал это послание, которое содержит предисловие, четыре главы (дословно «цели» («макасид.» – прим. Х. А.) и заключение. Муслим составил это послание дабы оно было прозрением для разумеющих и подарком для тех, кто под волею неверных. Я (Муслим) назвал его «Светильники Муслима для горцев мусульман», надеясь, что Аллах сделает его чем-то вроде светильника для них, дабы они могли извлекать из него пользу и опираться на него при возникновении нужды».

Следует отметить, что только лишь первые две главы имеют прямое отношение к заданной теме, третья и четвертая главы – лишь опосредованное отношение, как это далее будет изложено.

Предисловие книги посвящено разъяснению преимущества переселения, вознаграждения, получаемого за это, а также пояснению видов хиджры. Автор начинает предисловие с приведения большого числа аятов Корана, касающихся данной темы. Затем он приводит хадисы пророка Мухаммада и высказывания его сподвижников. Среди прочего заявляется, что хиджра бывает трех видов: 1) переселение верующих в начале истории ислама из Мекки в Медину;

⁹ Ныне в составе Белоканского района Республики Азербайджан.

¹⁰ 2 ноября 1906 г.

¹¹ Начался 22 января 1909 г.

2) выступление сподвижников с пророком Мухаммадом для участия в военных и миссионерских походах; 3) Оставление правоверными того, что запретил Аллах. В начале автор приводит весьма расплывчатые определения *хиджры* из толкований к Корану, но в конце предисловия приводит и другое определение этого термина:

وسياتي عن الشبرخيتي وابن حجر أن الهجرة في اللغة الترك وشرعاً مفارقة دار الكفر إلى دار الإسلام خوف الفتنة وطلب إقامة الدين

«Далее мы приведем цитаты [Ибрахима] аш-Шабрахити и Ибн Хаджара о том, что хиджра в лексическом значении означает оставление, расставание, а в шариатской терминологии – переселение из земель неверных в земли мусульман, боясь смуты и стремясь получить возможность полного соблюдения религиозных предписаний».

Первая глава книги посвящена изложению мнений сторонников обязательности переселения мусульман из Дагестана в Османскую Империю. Автор вначале приводит многочисленные цитаты из толкований к Корану о недопустимости нахождения мусульман под властью неверных. Затем дополняет тему высказываниями мусульманских правоведов, в цитатах которых также сообщается о недопустимости проживания в немусульманских странах. При этом отмечается, что в этих странах невозможно полноценно соблюдать религиозные нормы, поэтому *хиджра* из такого места становится обязательной.

Среди прочего автор приводит и цитату из книги «Мулзамат ал-хиджра мин дар ал-фаджара» («Обязательность переселения из земель нечестивцев») принадлежащей его сельчанину и известному богослову Муртазаали ал-Уради [5, с. 65–66]. В ней сообщается, что неверные запрещают мусульманам свободное исполнение шариатских наказаний за прелюбодеяние, воровство, клевету, разбой и распитие алкоголя, а также запрещают и другие формы наказания. И что они также вводят запрет на ношение никаба, чалмы и собрания суфиев для чтения зикра, казнь вероотступника, джихад с неверными и прочее. Общее количество религиозных предписаний, запрещаемых в Царской России, по словам Муртазаали, доходит до ста. Данная цитата Муртазаали ал-Уради о положении мусульман в Дагестане была довольно распространена среди богословов, и по поводу ее обоснованности часто велись прения.

Однако, следует отметить, что данная книга Муртазаали ал-Уради была написана во время существования Имамата. И очевидно, она была направлена на то, чтобы убедить мусульман Дагестана переселиться на территорию Имамата. Уже после окончания Кавказской войны Муртазаали поменял свою позицию в отношении России и был противником обязательности *хиджры* для мусульман. Муртазаали не только смог адаптироваться в новой реальности¹², но и имел

12 В 1860–65 гг. он являлся депутатом Дагестанского народного суда в Темир-хан-шуре, созданного местными властями Российской Империи [5, с. 83–84].

довольно критическое отношение к арабским богословам на тот период¹³. Однако, его книга все еще пользовалась популярностью у дагестанских сторонников переселения в Османскую империю. Поэтому, когда в числе сторонников переселения упоминают этого крупного правоведа, «верховного кадия» Имамата, следует помнить, что речь идет о «раннем» Муртазаали ал-Уради.

Вторая глава приводит мнения противников обязательности переселения мусульман из Дагестана в Османскую Империю, также в этой главе приводятся ответы на высказывания ученых, приведенных в первой главе. Очевидно, что автор разделяет мнение второй группы богословов, и второй главе отведено гораздо больше места в книге, чем первой. Также здесь он обосновывает нецелесообразность *хиджры* для дагестанцев в сложившихся условиях в начале XX в.

Муслим начинает главу с цитирования фрагмента книги «Шарх ал-Мафруз» Мухаммада Тахира ал-Карахи. Это известный фрагмент книги, в которой Мухаммад Тахир выражает свое мнение о необязательности совершения *хиджры* мусульманам Дагестана, отмечая при этом, что оно согласуется и с мнением самого имама Шамиля.

Далее в книге приводится множество цитат из книг по *фикху*, в которых утверждается, что если на оккупированных неверными землях в пребывании мусульман есть некая польза (*маслах*), то совершение *хиджры* считается не обязательным, а в некоторых случаях может быть даже запретным. Это может быть в том случае если из-за *хиджры дар ал-ислам* превратится в *дар ал-куфр*.

Тут необходимо отметить разные интерпретации шафиитской и ханафитской правовых школ категорий этих земель. Дело в том, что согласно шафиитской богословско-правовой школе, регион, единожды оказавшийся под властью мусульман, и где были установлены исламские законы, больше не может считаться «землей неверия», даже если неверные вновь вернут ее себе и установят в этом регионе свою власть. Таким образом, подобный регион может считаться «землей войны» (*дар ал-харб*) лишь формально, но в шариатском понимании будет считаться «землей ислама». Несмотря на то, что по шафиитскому мазхабу мусульманам предписано покинуть оккупированный регион и переселиться в другие исламские земли, все же сохранение за оккупированными землями статуса *дар ал-ислам* давало повод многим богословам, непосредственно столкнувшимся с такой проблемой, оспаривать необходимость переселения. Согласно их позиции, покидать такую территорию и давать возможность иноверцам установить там свою власть являлось запретным и дозволялось, только если у мусульман нет возможности свободного исполнения своих религиозных предписаний.

В то же время по богословско-правовой школе ханафитов, мусульманский

¹³ Так Шуайб ал-Багини пишет: «Ученый Муртазаали отправил вопросы по мусульманскому праву через Нурмухаммада ал-Уради, шедшего в хадж, к шейху ал-Исламу Египта Ибрахиму Сака. Он получил ответы, но ознакомившись с ними заплакал, сказав: «Давайте поплачем над исчезновением науки и уменьшения шариатских знаний. Клянусь Аллахом, большая часть этих ответов слабые и необоснованные» [6, с. 462].

регион, оказавшийся под властью неверных, превращается в *землю войны* (*дар ал-харб*). Тем не менее, ханафитские *факихи* допускают пребывание мусульман в *дар ал-куфр*, а такое понятие как *хиджра* из *дар ал-куфр* многие ханафиты и вовсе отказывались признавать. Более того, согласно позиции ханафитов, если неверные на оккупированных ими землях назначат кадиев среди мусульман, которые будут заниматься судопроизводством на основе шариата, то такая земля вновь обретает статус *дар ал-ислам*.

Этим можно объяснить почему в ханафитских регионах (Татарстан, Башкирия), попавших под власть немусульман, не стоял вопрос о переселении, в то время как в шафиитских регионах (Дагестан, Чечня) этот вопрос остро обсуждался.

Однако остается открытым вопрос о причинах такой массовой популярности мухаджирства на Западном Кавказе, где мусульманское население преимущественно придерживалась ханафитского мазхаба. Такая популярность *хиджры* в традиционном мусульманском обществе возможна, лишь если богословы активно агитировали бы и пропагандировали ее. Таким образом возникает вопрос: чем руководствовались богословы Западного Кавказа? Опирались ли они на мнения шафиитских *факихов* или придерживались позиции отдельных ханафитских *факихов*, которые призывали к совершению *хиджры*, если неверные оккупируют мусульманские земли? Среди таких богословов можно отметить османского кадия XVI в. Мухаммада бин Мустафу ал-Куджави, более известного как Шейх-Задах из Стамбула. Труды Шейх-Задаха были весьма популярны на Кавказе, а его мнение на счет *хиджры* приводили в качестве аргумента сторонники мухаджирства в Дагестане. Ввиду скудости источников по литературе мусульманских богословов Западного Кавказа нам пока не представляется возможным определенно ответить на этот вопрос.

Черкесский богослов конца XIX – начала XX в. Нух афанди ал-Мартуки в своем сочинении «Нур ал-макабис фи таварих ал-чаракис» («Свет светильников по истории черкесов») отмечает, что после окончания Кавказской войны черкесы стали массово переселяться в Османскую империю, «чтобы защитить свою религию ислам от смуты неверных». Несмотря на то, что мухаджиры испытывали огромные трудности, иногда, по его словам, они доходили до каннибализма, а черкесы, оставшиеся на своей родине имели все возможности для свободного исполнения религиозных предписаний, черкесы «все равно не прекращали совершать хиджру, из-за боязни смуты неверных в отношении их религии» [7, с. 60–61]. Очевидно, что на Западном Кавказе действовала мощная пропаганда мухаджирства, зачастую искажавшая в глазах населения реальное отношение Царской власти к покоренным народам Кавказа.

Опасения шафиитов, что из-за переселения мусульман их территория может впоследствии полностью христианизироваться, вынуждали некоторых шафиитов выносить фетву против обязательного переселения. Эти же опасения озвучивает и автор книги:

فلو سلم وجوب الهجرة علينا والحالة هذه وهاجرنا كلنا إلى ديار الإسلام التي لم يستول عليها الكفار وتركنا أوطاننا في أيدي الروس لصارت أراضينا كدار حرب ولتعطلت أوقاف آبائنا الأقدمين ولصارت المدارس والرباط وبيوت رب العالمين وقبور المسلمين والأولياء الأعظمين تحت أقدام خيول الروس والمنافقين ويحصل غير ذلك من المفاصد التي لا يمكن ضبطها بالأقلام كما لا يخفى على من سبر أحوال هذه الأطراف من بلاد الإسلام

«Если допустить обязательность нам переселиться, в то время как русские дают нам открыто соблюдать религию, и мы все переселимся в исламские земли, которые не оккупированы неверными, а свою родину оставим неверным, то наши земли станут подобны «земле войны», вакуфное имущество предков исчезнет, медресе, рибаты, мечети, могилы мусульман и великих святых окажутся под копытами лошадей русских и лицемеров. Произойдут иные нечестивые дела, коих невозможно здесь описать. Это не секрет для того, кто изучал историю ислама». Автор также выражает опасения христианизации Дагестана в случае частичного переселения дагестанцев:

وأيضا لو هاجرنا بعض الناس من هذه الديار وبقي الآخرون تحت اختيار سلطان الكفار وأحضر بعض النصارى للإسكان في مساكن المهاجرين وبنوا الكنيسة عند مسجد المسلمين وخالط بعضهم ببعض المنافقين كما هو المتواتر منهم بل الواقع فيهم حصل بذلك مفسدة غالبية على مصلحة هجرة المهاجرين.

«Также если часть людей покинет эти края, а другие останутся под властью султана неверных, затем сюда придут христиане для поселения в домах переселенцев, они построят церковь рядом с мечетью и будут тесно взаимодействовать с лицемерами, что является фактом, известным о них, то в этом случае произойдут нечестивые дела, превышающие то благо, ради которого переселялись мухаджирь».

В другом месте автор особую роль в пребывании в Дагестане отводит мусульманским богословам, некоторая часть которых была авангардом переселенцев и их вдохновителями. Он пишет:

ففي إقامة علماء داغستان في ديارهم التي استولى عليها الكفار مع إمكان إظهار دينهم فيها كما مر مصلحة راجعة على مصلحة الهجرة إذ لو هاجروا كلهم لبقى الجهلاء الباقون تحت أجنحة الروس بلا أمر ولا نهى ولتعطلت أمور دينهم ومعالهم شرائعهم ولو هاجروا معهم أيضا لصار دار الإسلام على صورة دار الحرب وقد مرّ أنه يحرم تصديره كذلك

«В пребывании алимов Дагестана у себя на родине, которую оккупировали русские, и при наличии у них возможности открыто исповедовать религию, есть такая польза, которая превалирует над пользой переселения. Ведь если все алимы переселятся, невежественные люди останутся под крылом русских, никто не будет им повелевать одобряемое шариатом и запрещать порицаемое, религиозные дела и шариатские знания придут в упадок».

Еще одним доводом против переселения Муслим ал-Уради считал, что в Дагестане царская власть не препятствует открытому исполнению религиозных норм. По его словам,

ونحن أيضا معاشر الداغستانيين وإن كنا الآن تحت أجنحة سلطان الروس لكن لا يمنعونا في هذا الزمان من إظهار ديننا كالصلوات الخمس والجمع والأعياد وسائر شعار الإسلام العظام كالأذان والإقامة والذكر مجتمعين وقرائة العلم والتدريس في المدارس والمساجد وإن فينا من المشائخ العظام والمريدين والصوفية من لا يحصى عددهم فيجتمعون في المساجد والبيوت للصلوات الشريفة والأذكار الجهرية ولا منع من جهة الروس لذلك إلى الآن حتى لا منع منهم أيضا لمن يذهب إلى بيت الله الحرام وزيارة روضة رسولنا عليه الصلاة والسلام

«...хоть мы дагестанцы и находимся под властью русских, но они не запрещают нам в это время совершать пятикратный намаз, коллективные молитвы в мечети, праздничные молитвы и прочие исламские ритуалы, как чтение азана, икамата, собрания для зикра, изучение исламских наук, обучение в медресе и мечетях. Среди нас есть несчетное количество великих шейхов, мюридов, суфиев, которые собираются в мечетях и домах для совершения молитв и громкого чтения зикра. Русские до сих пор ничего не запрещают из этого, они даже не запрещают отправляться в хадж».

Среди сторонников и противников переселения обсуждался вопрос, что считать свободным исполнением религиозных норм. Например, «ранний» Муртазаали ал-Уради сетовал, что русские запрещают мусульманам судопроизводство на основе шариатских законов по уголовным делам. Из-за подобных запретов, по его мнению, нельзя считать такой регион, дающим возможность открыто исповедовать исламские предписания. Однако Муслим ал-Уради не соглашался с подобным мнением. Он утверждал, что наличие возможности свободного исполнения только пяти столпов ислама (*шахада, намаз, пост, закят, хадж*) в каком-либо регионе, означает наличие свободного исполнения религиозных норм. Что же до судопроизводства по уголовным делам, то:

فليست من وظائف الأحاد بل هي من وظائف الخواص كالإمام ونوابه حتى في دار الإسلام

«...это не является обязанностью каждого мусульманина лично, а обязанность отдельных лиц, как имам и его заместители, даже в мусульманских странах», следовательно, отсутствие возможности вести судопроизводство по уголовным делам по законам шариата не рассматривается как отсутствие возможности исполнения религиозных норм.

Другим доводом Муслим ал-Уради считал, что

صارت البلدان في زماننا كلها مساوية.. فالى أين يجب علينا أن ننتقل بالهجرة في هذا الزمان الذي عمت المعاصي في الخلائق والبلاد حتى في ديار الإسلام التي استولى عليها سلطان الإسلام

«...все страны равны в отсутствии полноценной возможности открытого исповедания религии <...> так куда же нам обязательно переселиться в это время, когда грехи распространились повсеместно даже в землях ислама, в которых правит султан мусульман?!». Чуть дальше автор более определенно намекает, что Османская Империя, на тот момент уже подвергшейся реформам *танзимата*, не является полноценной мусульманской страной, в которую мусульманам предписано переселяться:

ولا أعلم الآن موضعا يتم فيه جميع الحدود الشرعية كقطع يد السارق والقتل قصاصا ونحوهما حتى في ديار الإسلام التي استولى عليه سلطان الإسلام

«Я не знаю сегодня места, где бы полноценно исполнялись все шариатские наказания, как отрезание руки вору, смертная казнь и т.п., даже в исламской стране, которой правит султан мусульман». По мнению автора, раз нет такой полноценной мусульманской страны, значит и нет обязательности мусульманам покидать свои дома.

Подкрепляя свои доводы, Муслим ал-Уради пытается укорить мухаджиров, обвинив их в неискренности и стремлении заполучить земную выгоду от переселения, а не достичь религиозной цели. При этом он весьма положительно оценивает действия российской власти¹⁴. Он пишет:

فتأمل مع هذه النصوص في أحوال أهالي الداغستان الذين يسعون للهجرة ويجتهدون للانتقال من وطنهم الذي هو دار الإسلام، فإن تأملت في أحوال من يريد الهجرة منها وسألتهم عن سبب هجرتهم وترك أوطانهم وتضييع أوقاف آبائهم وزياره قبور مشائخهم وجدت أكثرهم يعللون الخروج بالهجرة من الأوطان بأن الخراج وتحصيلات الكفار وظلمهم كثيرة هنا ولا ترى أحدا منهم يقول إني مهاجر لأجل الله ولمجرد نصرة دين الله ولم أر إلى الآن منهم الظلم إلى على من ظلم نفسه بارتكاب الفواحش من السرقة والقتل والنهب وغيرها
وأما أخذ خراج الأراضي بقدرها فغير مختص بفاتشاه الروس بل هو دأب السلاطين كلهم ولا إمكان بل لا قدرة لتدبير أمور الرعية إلا بأخذ الخراج منهم وصرفها إلى مصالحهم كما لا يخفى على من له عقل وبصيرة

«Поразмысли над этими текстами касательно положения дагестанцев, которые пытаются покинуть свою родину, а она – «земля ислама». Если ты поразмыслишь о положении тех, кто желает переселиться отсюда, расспросишь их о причине переселения, оставления своей родины, утра-

14 В другом своем сочинении «ал-Фаваид ан-нафи'а ли хилль ал-асфия ал-усманийа» («Полезные комментарии для решения вопросов Усмана») Муслим ал-Уради более определенно выражает свое отношение к Царской России: «Все эти тексты прямо указывают нам на дозволенность иметь хорошие отношения с неверными, но в сердцах быть стойкими в вере. Особенно это касается нашего времени, когда неверные захватили нас и угрожают насилем, если мы не подчинимся их требованиям. Также приведенные тексты указывают на дозволенность платить им налоги, подчиняться их повелениям и запретам, если они прямо не противоречат Шариату, и на необязательность переселиться отсюда, только потому что они захватили нас, ведь они дают нам возможность свободно исполнять религиозные личностные обязанности (*ал-фарз ал-'айн*) мусульман. Подумай над этим беспристрастно и не спеши творить произвол. Многие ошиблись в этой теме, так и не придя к своей цели». Ксерокопия автографа сочинения хранится в личной коллекции автора статьи.

ты вакуфного имущества предков и приведения в упадок могил шейхов, то обнаружишь большинство их оправдывающимися, что налоги и поборы неверных здесь высокие, а притеснение с их стороны часто. Ты не встретишь ни одного кто бы заявил: «Я переселяюсь ради Аллаха» или «Я переселяюсь ради помощи религии Аллаха». Я до сих пор не заметил со стороны русских какого-либо притеснения, разве что в отношении тех, кто совершает преступления, как воровство, убийство, грабеж и т.п. Что же касается взимания поземельного налога в определенной мере, то это не является особенностью русского падишаха, а свойство всех правителей. Невозможно управлять народом, не взимая налоги и не тратя средства с них на общественно-полезные дела. Это не является тайным для умных и проницательных».

Далее автор продолжает разбор темы хиджры, истолкования понятий *земля ислама* и *земля неверных*, попутно отвечая на доводы сторонников обязательности переселения.

Третья глава книги посвящена разъяснению запретности мусульманам вести с иноверцами дружественные и тесные отношения, кроме ситуации, если есть опасение получения вреда от них. Приведя множество коранических аятов и хадисов пророка Мухаммада на заданную тему, автор утверждает, что мусульманин не может иметь тесные дружественные отношения с иноверцами, т.к. такие отношения могут, по его словам, негативно отразиться на вере мусульманина, ослабить его вероубеждение и подтолкнуть его к совершению запретных действий.

В исламской традиции иноверцы всегда рассматривались, если не в качестве действующих врагов, то как врагов потенциальных. Поэтому мусульманские богословы много внимания уделяли разъяснению норм взаимоотношения с иноверцами. Считается, что отношения с ними должны быть сведены к минимуму и поддерживаться только по необходимости. В мусульманских ортодоксальных научных кругах даже появился отдельный термин – *ал-валя ва ал-барра* («дружба с единоверцами и отречение от иноверцев»). Можно предположить, что жесткое регулирование и контролирование отношений между мусульманами и иноверцами со стороны мусульманских богословов, стало одной из причин сохранения мусульманами своей идентичности и в некоторой степени замкнутости в отдельных регионах.

Автор книги допускает открытое выражение дружбы и любви к иноверцам, только если в этом есть крайняя необходимость, как например, страх смерти, увечья, потери имущества и т.д. Подобное формальное выражение любви и дружбы, получило в мусульманской традиции название *такийя*, которое с арабского переводится как осмотрительность, предосторожность и может пониматься как маскировка своих религиозных или политических убеждений из страха смерти и т.д. Некоторые исследователи ошибочно относят данный термин к шиитам. В суннитской традиции этот термин также применяется, хоть и отводится ему гораздо меньшая роль, нежели в шиитской, и касается прежде всего отношений с иноверцами.

Муслим ал-Уради, ссылаясь на известного средневекового экзегета Корана Фахруддина ар-Рази (ум. в 1210 г.), выводит следующие шесть правил касательно *такийи*: 1) *такийя* используется только если мусульманин находится среди неверных и боится за свою жизнь; при этом в мыслях он должен иметь прямо противоположное мнение; 2) даже если мусульманин имеет право на *такийю*, лучше ему будет прямо высказывать свое отношение и излагать правду; 3) *такийя* дозволена не только как выказывание своей дружбы и любви, но и в религиозных вопросах. Например, при угрозе жизни, мусульманин может утверждать, что не является мусульманином; 4) *такийя* дозволена только когда иноверцы сильнее мусульман; 5) *такийя* дозволена не только для сохранения жизни, но и сохранения имущества; 6) использование *такийи* не ограничено временем и может практиковаться пока есть необходимость.

Говоря о Дагестане, в частности, Муслим ал-Уради также позволяет находящимся здесь мусульманам выказывать формальное дружелюбие и любовь к иноверцам. Он ссылается на другого дагестанского богослова, известного противника имама Шамиля Айюба Дженгутайского, и приводит следующую его цитату:

وعبارة المحقق المرحوم أيوب الجنكتي في جوابه لمسألة الفاضل محمد الصغير القدقي عن شمول قول التحفة المذكورة: «أو لاحاطتهم بنا» أه علينا وعن دخولنا في حكم الاحاطة وعدمه ثم إن المسألة التي في التحفة تشتمل علينا وعليكم ولا شك في دخولنا في حكم الاحاطة لأنهم أحاطوا بنا من كل وجه شوكة كما ترى وليس لنا مخلص من اتباع مأموراتهم وإتمام خدماتهم ولا يمكن منا المقاومة ولا المقاتلة معهم لقلة عددهم وفقد عُددهم ولكثرة شوكتهم ووفور تسكينتهم فإنهم وإن لم يحيطوا بنا بأنفسهم لكن أحاط بنا شوكتهم فإن لم نأتمر بأوامرهم يلحقوا لنا ذرهم بالحبس والأسر والقتل كما هو معلوم لديك، فإذا خفنا على إلحاق الضرر بنا نفوساً أو مالا أو أهلاً جاز لنا إغانتهم وخدمتهم وبذل مال لهم إن طلبوا منا ولا بأس لنا بمداراتهم باللسان وقلوبنا مطمئنة بالإيمان. دفعنا لذلك الضرر عنا فراجع الفتح والرملي وشيخ زاده وغيرها، انتهت.

«Нет сомнений, что мы – те, кого окружили неверные. Ведь они насильно окружили нас со всех сторон, как ты можешь заметить. Мы не можем ни перестать выполнять их повеления, ни перестать служить им, не противостоять им, ни сражаться с ними. Потому что нас мало и нет оружия, а сил у них много. Хоть они и не окружили нас физически, но окружили силою. Если мы не будем исполнять их приказы, нас постигнет вред с их стороны, как заточение в тюрьму, пленение и казнь, как тебе известно. Раз мы боимся вреда от них за свою жизнь, имущество, семью, тогда нам дозволяется помогать и служить им, тратить на них свое имущество, если они потребуют. Нет ничего плохого в том, чтобы словесно обходиться с ними дружелюбно, а сердца наши будут стойки в вере для защиты от их вреда».

Далее автор приводит различные высказывания *факихов* касательно правил взаимоотношения с иноверцами.

Четвертая глава книги затрагивает известное правило в исламе – *ал-амр би ал-ма'руф ва ан-нахью* 'ан ал-мункар – «повеление исполнять одобряемое

шариатом и запрещением порицаемых действий». В данной главе автор книги приводит многочисленные высказывания *факихов*, разъясняющих нормы применения этого правила, условия, при которых оно является обязательным, желательным или запретным к применению.

В конце главы автор приводит свое стихотворение, сочиненное, по его словам, еще в молодости. Стихотворение посвящено порокам общества, погрязшего в грехах, а также богословам, которые «ленятся призывать людей к исламу». Среди прочего в этих стихах есть следующие слова:

*О, ученые Дагестана, наставляйте людей
К чистой правильной религии,
Не скрытно, а открыто.
Ведь вы пастухи людей.
Господь Ада спросит с вас
На что вы потратили свои прекрасные знания.*

Данное стихотворение открывает нам Муслима ал-Уради как поэта, что указывает на его талант и хорошие познания в арабском стихосложении.

В заключении автор разъясняет факторы, которые, согласно шариату, могут вывести мусульманина из лона ислама и причислить его к неверным. Данная тема традиционно освещается либо в книгах *фикха*, либо в книгах по вероубеждению. При этом подавляющее большинство книг по вероубеждению дагестанских авторов, в том числе и данная книга, ссылаются на один и тот же источник – книгу египетского ученого Ибн Хаджара ал-Хайтами «аз-Заваджир ‘ан иктираф ал-кабаир» («Предостережение от совершения больших грехов»). Поэтому в данной части сочинения Муслима ал-Уради нет ничего оригинального. Разве что в одном месте он затрагивает тему судейства не по законам шариата, где со ссылками на таких ученых как Салих ал-Йамани, Мухаммад ал-Кудуки, имам Газимухаммад и Муртазаали ал-Уради выражает довольно жесткую позицию в отношении тех, кто прибегает к светским судам.

Книга завершается традиционной концовкой с указанием времени, места и обстоятельств написания книги. Следует отметить, что почти во всех своих сочинениях Муслим ал-Уради не только указывает где и когда было написано сочинение, но и при каких обстоятельствах, например, в данном случае «*в медресе соборной мечети селения Катех, когда я работал там преподавателем*». Данная особенность позволяет нам подробнее узнать в каких селениях, когда и кем работал Муслим ал-Уради.

Таким образом, сочинение Муслима ал-Уради посвящено крайне актуальным для дагестанцев вопросам общественно-политической и религиозной жизни. Оно довольно информативно освещает религиозно-правовой аспект на такое явление как мухаджирство. Из изученного материала устанавливается еще один немаловажный фактор распространения мухаджирства в разных

частях Российской Империи. Речь идет о религиозно-правовом аспекте на мухаджирство. Мы можем утверждать, что разные мнения богословско-правовых школ в мусульманском праве по-разному повлияли на данное явление в тех или иных частях Российской Империи.

Данное сочинение также указывает нам о взгляде мусульманского духовенства на роль и место мусульманина в немусульманской стране. Произведение Муслима ал-Уради может считаться не только источником для исследований некоторых исторических событий и явлений, но и источником для изучения характера поведения ортодоксальных мусульман в современных светских обществах.

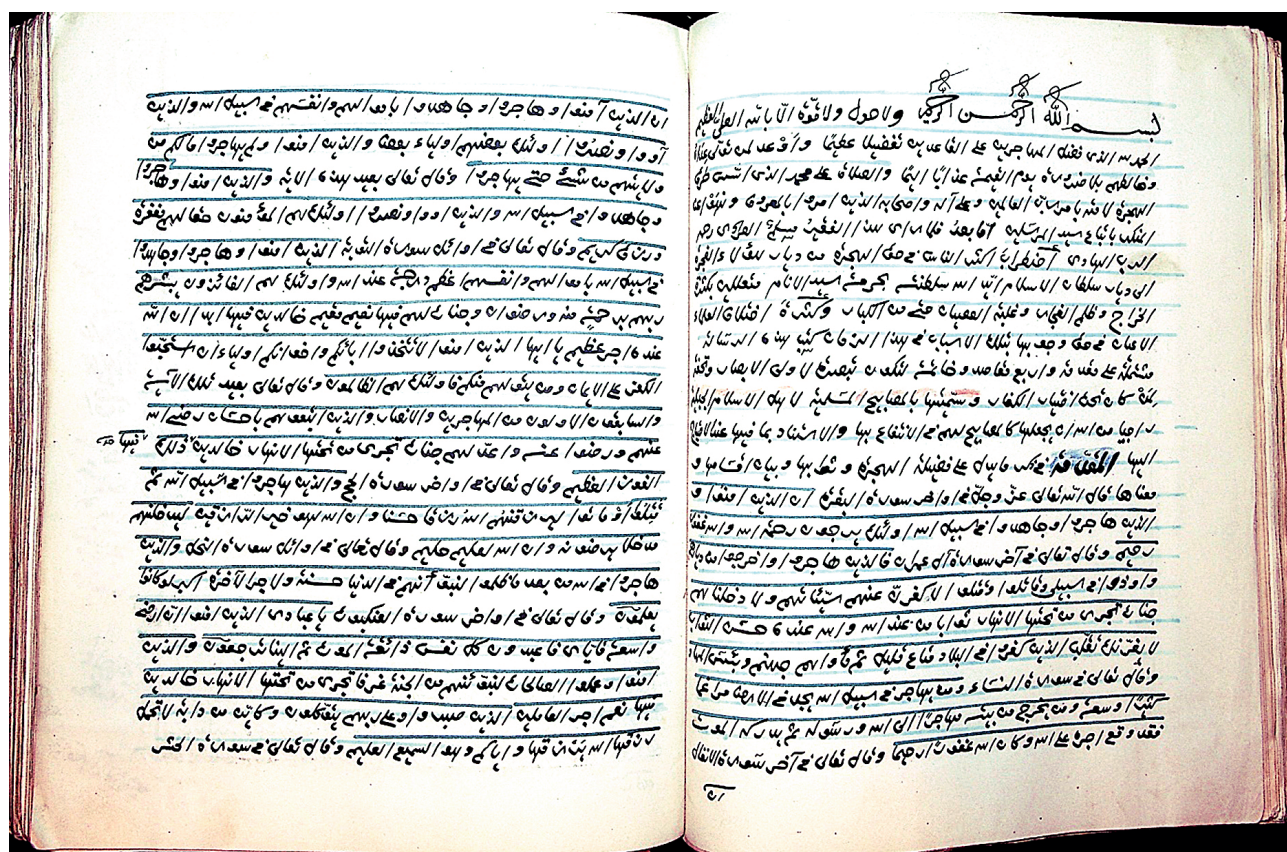

Рис.1. Фотокопия рукописи, переписанная Мухаммадом сыном Кантилава

Fig. 1. Photocopy of a manuscript, rewritten by Muhammad son of Kantilav

Рис. 2. Фотокопия рукописи, переписанная Хаджи Мухаммадом ал-Тляхи

Fig. 2. Photocopy of a manuscript, rewritten by Haji Muhammad al-Tlyahi

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бобровников В.О. Мухаджирство в «демографических войнах» России и Турции // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2010. № 2. С. 67–78.
2. Назир ад-Дургели. Услада умов в биографиях дагестанских ученых: дагестанские ученые X–XX вв. и их сочинения / пер. с араб., коммент., факс. изд., указ. и библиогр. подгот. А.Р. Шихсаидовым, М. Кемпером, А.К. Бустановым. – М.: Изд. дом Марджани, 2012.
3. Ибрагим Т.К., Сагадеев А.В. Калам // Ислам: энциклопедический словарь / Отв. ред. С. М. Прозоров. – М.: Наука, ГРВЛ, 1991. – 315 с.
4. Смирнов А.В. История арабо-мусульманской философии: Учебник и Антология / под редакцией А.В. Смирнова. – М.: Академический проект; ООО «Садра», 2020. 623 с.
5. Хapизов Ш.М., Шехмагомедов М.Г. Муртазаали из Урада – верховный кадий имамата. – Махачкала: Эпоха, ИИАЭ ДНЦ РАН, 2018. 184 с.
6. Шуайб б. Идрис ал-Багини. Табакат ал-хваджакан ан-накшбандийа ва садат машайих ал-халидийа ал-махмудийа (на араб. яз.). – Дамаск, 2011. 640 с.
7. Нух афанди ал-Мартуки ал-Чаркаси. Нур ал-макабис фи таварих ал-чаракис. – Казань: Лито Типография Т. Д. «Бр. Каримовы». 1912 г. – 208 с.

REFERENCES

1. Bobrovnikov VO. Muhajirism in the “demographic wars” of Russia and Turkey [*Mukhadzhirstvo v «demograficheskikh voynakh» Rossii i Turtsii*] / The Orient. Afro-Asian Societies: Past and Present [*Vostok. Afro-aziatskiye obshchestva: istoriya i sovremennost'*]. 2010; (2): 67–78.
2. Nadhir al-Durgili. Delight of minds though the biographies of the Islamic scholars of Dagestan (*Nuzhat al-adhhan fi tarajim 'ulama Daghistan*): Dagestani Scholars of the 10th-20th centuries and their works [*Uslada umov v biografiyakh dagestanskikh uchenykh: dagestanskiye uchenyye X–XX vv. i ikh sochineniya*]. Russian translation from the Arabic, commentaries, facsimile of the manuscript, indices and bibliography by A.R. Shikhsaidov, M. Kemper, A.K. Bustanov; Moscow: Mardjani Publishing House, 2012.
3. Ibragim TK., Sagadeev AV. Kalam [*Kalam*] / Islam: an encyclopedic dictionary [*Islam: ensiklopedicheskij slovar*]. Prozorov S.M., editor; Moscow: Nauka, 2004: 9–15.
4. Smirnov AV. History of Arab-Muslim Philosophy: Textbook and Anthology [*Istoriya arabo-musul'manskoj filosofii: Uchebnik i Antologiya*]. Edited by A.V. Smirnova. Moscow: Sadra, 2020.
5. Khapizov ShM., Shekhmagomedov MG. Murtazaali from Urada as the supreme qadi of the Imamate [*Murtazaali iz Urada – verkhovnyy kadiy imamata*]. Makhachkala: Epokha, 2018.
6. Shuaib b. Idris al-Baqini. Tabakat al-khawajakan an-naqshabandiya va sadat al-mashaikh al-khalidiya al-makhmudiya. – Damascus, 2011. (In Arabic).
7. Nuh afandi al-Martuki al-Charkasi. Nur al-makabis fi tawarikh al-charakis. Kazan: Lito Printing House, 1912. (In Arabic).

Статья поступила в редакцию 11.09.2020 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH164917-939>

Алибекова Патимат Магомедовна

к.ф.н., ведущий научный сотрудник

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия

patimat-alibekova@yandex.ru

Баширова Роза Саадуллаевна

к.ф.н., старший научный сотрудник

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия

bashirowa.roza@yandex.ru

ПО СТРАНИЦАМ ЖИЗНЕННОГО И ТВОРЧЕСКОГО ПУТИ УЧЕНОГО И ПРОСВЕТИТЕЛЯ ИСМАИЛДИБИРА ИЗ ШУЛАНИ

Аннотация. Исмаилдибир из Шулани – ученый-просветитель, оставивший яркий след в интеллектуальной жизни Дагестана второй половины XIX – начала XX в. Он входит в когорту дагестанских ученых, создавших значительный пласт духовной литературы, популяризовавших исламские знания, внесших заметный вклад в культурное наследие народов Дагестана. Его жизнь и творчество, равно как и многих дагестанских ученых-богословов, просветителей, малоизучены.

С целью составить творческий портрет ученого и исследовать его книжное наследие нами была совершена научная поездка в селение Шулани Гунибского района Республики Дагестан. Представилась возможность побеседовать с внучкой Исмаилдибира Башировой Багжат Алихановной и ознакомиться с библиотекой ученого.

Ученый переводил сочинения арабских ученых на аварский язык и издавал их в типографии Мухаммадмирзы Мавраева в Темир-Хан-Шуре. Также он переписывал пользующиеся популярностью арабские сочинения, будучи обладателем каллиграфического почерка. В статье приводятся списки этих работ.

В 1996 г. из Турции в Дагестан была возвращена рукопись со стихами Исмаидибира из Шулани на аварском языке. Во время поездки в Шулани нами был изучен этот сборник. В статье дано оглавление сборника и краткое описание его произведений.

В результате исследования нам удалось уточнить и дополнить биографию ученого. Был составлен список его сочинений, углублена характеристика творческого наследия Исмаидибира. Введение в научный оборот сочинений Исмаидибира из Шулани на аварском языке, написанных аджамским письмом, его переводов теологических трудов арабских ученых на родной аварский язык является необходимым вкладом в изучение истории духовной литературы и эстетической мысли народов Дагестана.

Ключевые слова: Абу Исхак Исмаилдибир из Шулани; исламское просветительство; наука; духовная поэзия.

© Алибекова П.М., Баширова Р.С., 2020

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2020

 Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH164917-939>

Patimat M. Alibekova,
PhD (Philology), Leading Researcher
Tsadasa Institute of Language, Literature and Art
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
patimat-alibekova@yandex.ru

Roza S. Bashirova,
PhD (Philology), Senior Researcher
Tsadasa Institute of Language, Literature and Art
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
bashirowa.roza@yandex.ru

THE LIFE AND WORK OF A PROMINENT SCHOLAR AND EDUCATOR ISMAILDIBIR FROM SHULANI

Abstract. Ismaildibir from Shulani – a scholar-enlightener who contributed greatly to the intellectual sphere of Dagestan in the second half of the 19th – early 20th centuries. He was part of the Dagestan cohort of scholars that produced a substantial layer of spiritual literature, popularized Islamic knowledge and made a significant contribution to the cultural heritage of the peoples of Dagestan. His life and work, as well as many other Dagestan scholars, theologians, educators, have been studied poorly.

With the aim of compiling the biographical portrait of the scholar and studying his bibliographical heritage, the authors conducted a field trip to the village of Shulani, Gunibsky district of the Republic of Dagestan. We had an opportunity to meet Ismaildibir's granddaughter, Bagzhat Alikhanova, and to study his private library.

Ismaildibir translated works of Arab scholars to the Avar language and published them in Muhammadmirza Mavraev's typography in Temir-Khan-Shura. He also made copies of popular Arabic works due to having calligraphic handwriting. The paper gives a list of these works.

In 1996, a manuscript with Ismaildibir's poems in the Avar language was returned from Turkey to Dagestan. During the trip to Shulani, we studied the aforementioned collection of poems. The paper provides the table of the collection's contents and an annotation to his works.

As a result of the study, we managed to clarify and supplement the biography of the scholar. A list of his works was compiled, features of Ismaildibir's creative heritage were extended. The introduction of the works of Ismaildibir from Shulani in the Avar language, written in the Ajam script, his translations of theological works of Arab scholars into the native Avar language is an essential contribution to the study of the history of spiritual literature and esthetic thought of the peoples of Dagestan.

Keywords: Abu Iskhag Ismaildibir from Shulani; Islamic education; science; religious poetry.

Введение

Духовная литература на дагестанских языках на аджаме (арабографическое письмо), созданная в XIX веке дагестанскими учеными, представляет собой неразделимую часть национальной литературы со своей древней историей и традициями. Как отметил Г.Г. Гамзатов: «Важнейшим в историко-культурном отношении фактором благотворного влияния арабской культуры следует признать создание в Дагестане, на Восточном Кавказе в целом, местной письменности, основанной на арабской графике и приспособленной к фонетическим особенностям родных языков. В значительной мере этим обусловлен перевод словесной культуры здешних народов с иноязычных начал на их родную звуковую основу, что дало мощный импульс к зарождению и развитию подлинно национальных литературных традиций» [1, с. 212–213].

В конце XIX – начале XX в. на языках народов Дагестана было издано значительное количество произведений различных жанров с использованием аджамской системы письма, написанных самими дагестанскими авторами или переведенных ими на дагестанские языки. «Литература эта была связана с верой, создавали ее люди, пользовавшиеся непреклонным авторитетом в народе, который считал их своими наставниками, в этом заключалась ее действительность, непрерывность в своем развитии» [2, с. 106]. Назовем имена некоторых ученых-богословов, внесших значительный вклад в развитие аварской литературы в вышеуказанный хронологический период. К ним относятся Исмаилдибир из Шулани, Сиражудин из Ободы, Омаргаджи из Миатли, Абдулла-хаджи и Мухаммадали из Чоха, Хаджи-Хусейн из Алаки, Мухаммадтахир из Караха, Газимухаммад из Уриба, Уммахан из Дылыма, Хасан из Кахиба, Шуайб-афанди из Багинуба, Муртазали из Ахалчи, Маллахасан из Чара, Дарвиш Мухаммад из Инхо, Мухаммад из Гидатля, Удурат из Урады, Хаджиявдибир из Гиничутля, Мухаммад-хаджи из Кикунь, Мухаммад из Гигатля. Все они являются авторами богословских сочинений, часть которых дошла до нас, многое утеряно, уничтожено в советские годы под лозунгами борьбы с религией. Сегодня большое внимание уделяется изучению духовного наследия этих ученых, составляются описания сохранившихся библиотек рукописных и старопечатных книг, воссоздаются картины жизни и творчества дагестанских ученых-богословов, публикуются их сочинения, но, тем не менее, внушительное число имен ученых все еще остается вне поля зрения исследователей.

В данной статье сделана попытка воссоздать страницы жизни и творчества дагестанского ученого-просветителя, активного пропагандиста исламских знаний, талантливое поэта и переводчика Исмаилдибира из Шулани.

Исмаилдибир из Шулани – ученый-просветитель, оставивший яркий след в интеллектуальной жизни Дагестана второй половины XIX – начала XX в. В 2019 г. нами была опубликована статья [3, с. 596–622], в которой дается описание библиотеки Исмаилдибира и приводятся некоторые данные о его жизни и творчестве. В настоящей статье, которая является продолжением предыдущей,

упор делается на составление биографии Исмаилдибира, списка его сочинений и характеристике творческого наследия ученого. Сведения о нем можно встретить в научном отчете А.Р. Шихсаидова [4, с. 13–15], в монографии А.А. Исаева [5], в публикациях С.М. Муртазалиева [6, с. 36–58, 71–74; 7, с. 89–119, 140–142; 8, с. 33–34, 265–266] в статье Омарова М.-Р. «Шуланиса Исмагил (1863/64–1930¹)» [9, с. 132–138]. Наиболее полные сведения о жизнедеятельности Исмаилдибира из Шулани имеются в работах С.М. Муртазалиева, хотя они в целом повторяются. Надо отметить, что С.М. Муртазалиев пишет о родном крае и его замечательных людях с большой любовью, гордостью, с привлечением обширного материала – научных исследований, документального архивного материала, преданий, рассказов и воспоминаний старожилов Шулани. Селение находится в живописном месте, в окружении гор, покрытых лесами. Край известен своими учеными, поэтами, мастерами строительного дела.

Помимо вышеназванных работ для написания статьи нами привлечен материал титульных листов и колофонов произведений на аварском языке, сочиненных Исмаилдибиром из Шулани, переведенных с арабского языка на родной язык, либо переписанных им. Использован нами и полевой материал, собранный во время поездки в Шулани, к потомкам Исмаилдибира. Представилась возможность побеседовать с внучкой Исмаилдибира Башировой Багжат Алихановной², дочерью его дочери Марьям и ознакомиться с библиотекой ее знатного деда.

Исмаилдибир родился в 1863 г. в селении Шулани, относящемся к обществу Гуржихли (ныне в Гунибском районе) в семье ученого Абубакара из Чоха, умер в 49 лет в 1912 г., похоронен на сельском кладбище. Отец Исмаилдибира Абубакар, будучи выходцем из Чоха, работал в Шулани дибиром. По этой причине Исмаилдибир в своем имени указывал две нисбы – аш-Шулани и ал-Чухи. Изредка он указывал после своего имени четыре нисбы: ад-Дагистани ал-Андали ал-Чухи аш-Шулани³. По словам Башировой Багжат, Абубакар в Шулани женился на лачке Патимат из селения близ Кумуха, оставшейся одной с сыном, которого звали Абдуллой, после того, как «селение⁴, в котором она жила, сожгли то ли турки, то ли персы⁵, а ее мужа убили». Она родила Абубакару двоих сыновей Исмаила и Ризвана (1866 г.р.) Ризван умер молодым, его вспоминают как талантливого поэта.

С малых лет Исмаилдибир тяготел к знаниям, арабскому языку. Первоначальное образование получил у отца, затем, по рассказам старожилов, он учился в

1 Дата смерти Исмаилдибира указана неверно, он умер в 1912 г.

2 Баширова Багжат (1939 г.р.) получила образование в Буйнакском педучилище (ныне Педагогический колледж им. Р. Гамзатова в г. Буйнакске), работала до ухода на пенсию педагогом в школе сел. Шулани.

3 Колофон переписанного Исмаилдибиром из Шулани сочинения «Шарх Тасриф ал-‘Иzzi» – комментарий Са’ададдина Мас’уда бн. ‘Умара ат-Тафтазани к сочинению по морфологии «Тасриф ал-‘Иzzi» Иззаддина Абу-л-Фада’ил Абдалваххаба аз-Занджани. Сочинение издано М. Мавраевым в Симферополе в «Хромо-литографии и фототипии В.И. Якубовича» в 1905 г.

4 Название селения она не помнит.

5 Предание носит искаженный характер, т.к. в этот период истории Дагестан по Гюлистанскому договору 1813 г. входил в состав России и указанное в предании событие вызывает сомнение.

селениях Кудали и Чох. Своими учителями (*муршидами*) Исмаилдибир считал Мухаммадали из Чоха, сына Мухаммадмирзы Мавраева, Абдурахмана-хаджи из Согратля, Муртазали из Кудали, Узун-хаджи из Салта [6, с. 36]. Названные ученые являются яркими представителями научной и социально-политической жизни Дагестана XIX века. Мухаммадали из Чоха, сын Мухаммадмирзы Мавраева, отец первопечатника и просветителя Мухаммадмирзы Мавраева – ученый, автор трудов по фикху и грамматике арабского языка. М. Дж. Саидов относит Мухаммадали из Чоха к наиболее известным дагестанским правоведом XIX в. [10, с. 7]. Абдурахман-хаджи из Согратля (1792–1881/82) – третий шейх накшбандийского тариката, последователь имама Шамиля, его доверенное лицо, автор научных трактатов, популярных в Дагестане [11, с. 72–137; 12]. Был обвинен в участии в восстании 1877 г. в Дагестане и Чечне, жизнь закончил в изгнании в Нижнем Казанище. Муртазали из Кудали (1873–1937) – известный в Дагестане ученый, автор сочинений по астрономии. Назир из Дургели называет его выдающимся ученым, астрономом и хронометристом [13, с. 25]. Он преподавал астрономию и математику, имел много последователей, учеников, среди которых Али Каяев, Хайдарбек Геничутлинский, Али-хаджи Акушинский, Абусупьян Акаев, Исмаилдибир из Шулани и др. В 1937 г. Муртазали из Кудали попал под каток репрессий НКВД. Узун-хаджи из Салта (1848–1920) – шейх накшбандийского тариката, учился у Абдуррахмана-хаджи Согратлинского. Известен как яркий политический и религиозный деятель, в 1919 г. был избран имамом Дагестана и Чечни.

Баширова Багжат в нашей беседе об Исмаилдибуре отметила, что в книгах неверно пишут, что он получил образование в Согратле. Он учился в Аксае, работал в Бахчисарае, в Закаталах, в Темир-хан-Шуре. Её брат, Магомедгаджи, который живет и работает в городе Закаталы, в одном из музеев города нашел портрет Исмаилдибира, написанный азербайджанским художником Исламом Алиевым (Рис. 1.) Директор музея передал его брату Багжат, и сейчас он хранится в Махачкале.

Исмаилдибир был женат на Аминат, дочери Абдулмаджида Цурмилова, сестре отца народного композитора Дагестана Ахмеда Цурмилова. Она родила ему пятерых детей: сына Абдулатипа и четырех дочерей Патимат, Марьям, Халимат, Хадижат. Сын и младшая дочь Хадижат умерли в один день от тифа (*цIадул унти*). Абдулатипа помнят, как образованного и талантливого человека, он сочинял лирические поэмы, *турки*. Известна его «Элегия на смерть ученого Мухаммада, сына Курбанали» [8, с. 37–42], наполненная лиризмом и ярко свидетельствующая о его глубоких знаниях в области исламских наук. Багжат вспоминает: «Отец Исмаилдибира Абубакар заботился о внуках, оставшихся рано без родителей (жена Исмаилдибира Аминат ненадолго пережила своего мужа). Большую помощь в воспитании и пропитании сирот оказывали чохцы. Они привозили им еду, одежду, забирали к себе на время и очень любили их. Патимат вышла замуж за Абдуллу, шуланинца, у них было трое сыновей и одна дочь (Равзат, Исмаилдибир, Абубакар, Ризван). Муж ее был очень

красивым человеком, он пользовался известностью мастера по шитью обуви. После смерти отца, Патимат забрала к себе сестер и до замужества они жили у нее».

Исмаилдибир из Шулани был необычайно талантливым человеком. Одна из граней его таланта проявилась в мастерстве обрабатывать камни. Мы приводим снимок сохранившегося камня из кладки стены внутренней стороны дома Исмаилдибира (Рис. 2). Дом, к сожалению, не сохранился, остались руины. Камень художественно вырезан, декорирован цветочными виньетками, изображением полумесяца со звездой и двумя изящными кувшинами. Он украшал одну из стен жилых комнат Исмаилдибира и служил для семьи оберегом.

Исмаилдибир был мастером по изготовлению надмогильных камней, по декоративному их оформлению. На сельском кладбище имеются стелы, отличающиеся техникой резьбы и особым почерком, свойственными Исмаидибиру. Такие надмогильные памятники имеются в соседних с Шулани селениях, а также на мусульманском кладбище г. Буйнакса (бывш. Темир-Хан-Шура), где долгие годы жил и работал Исмаилдибир. Известный художник Халил-бек Мусаясул в своей книге воспоминаний пишет: «В это время одно обстоятельство очень занимало мои мысли и подпитывало мои тайные желания – изготовление памятника для могилы моего отца. Перед входом на Чохское кладбище был разбит большой шатер, в котором работал знаменитый мастер Исмаил из Шулани, резчик по камню и ваятель божьей милостью... Застыв, как статуи, мы могли часами восхищенно смотреть, как он работал над еще бесформенной огромной каменной глыбой. Ежедневно в течение нескольких недель мы с нетерпением следили за работой мастера, которая была уже на стадии завершения. С обратной стороны поверхность камня украшали искусно переплетенные золотые и бирюзовые орнаменты в виде барельефа. Лицевая сторона несла на себе самый значительный и благородный узор: большое, глубоко высеченное, густо разветвленное дерево, на каждом листке которого изящной вязью были выгравированы имена наших предков. Это было родословное дерево нашего тухума, на котором меня изобразили в виде нераспустившейся почки. Так объяснил мне добрый мастер Исмаил. Ему нравилась моя увлеченность, и он давал мне немного краски... благодаря мастеру Исмаилу во мне проснулся внутренний голос. Прекрасные краски, чистые формы и богатые орнаменты, выполненные рукою мастера, постоянно играли пред моим взором» [14, с. 47–49].

Художественный вкус, талант Исмаилдибира проявился и в его каллиграфическом почерке. Написанные им арабографические тексты выделяются плавностью и соразмерностью линий курсивного почерка. Им переписано множество книг. Некоторые из них:

رسالة في بيان الايمان و الاسلام و السنّة و سائر ما يجب على كلّ انسان

«Рисалат фи байан ал-иман ва-л-ислам ва-с-суннат васа'ир ма йаджибу 'ала кулли инсан» – «Трактат о вере, исламе и предании о пророке Мухаммаде и о

другом, обязательном для каждого человека». Тракта́т представляет собой поэтическое произведение известного дагестанского ученого Абу́бакара из Аймаки (1711–1797) на вышеуказанную тему, переложенное и дополненное Али-Гаджи из Инхо. Издан в «Исламской типографии» М. Мавраева в Темир-Хан-Шуре в 1905 г.

ترجمة سلك العين

«Тарджамат силк ал-‘айн» – перевод сочинения Абд ал-Кадира б. Хабиба ас-Сафади по суфийской этике «Силк ал-‘айн». Перевел с арабского языка на аварский язык ученый Хабибулла, сын Мухаммадтахира ал-Цулди⁶ (1840–1921). Издан в «Исламской типографии» М. Мавраева в Темир-хан-Шуре в 1908 г.

Хабибулла, сын Мухаммадтахира из Цулда – ученый, сын дагестанского богослова, правоведа, летописца Кавказской войны и секретаря имама Шамиля. Хабибулла является автором сочинений по шафиитскому фикху, этике, переводчиком и переписчиком множества арабских сочинений.

مجموع

«Маджму‘» – Сборник, состоящий из двух арабских сочинений «Баннат ас-Су‘ад» и «Хамзиййа», которые Курбанали, сын Мухаммада из Шулани перевел на аварский язык. Издан в «Исламской типографии» М. Мавраева в Темир-хан-Шуре в 1907–08 г. [15, с. 38].

قصص الانبياء

«Кисас ал-анбийя’» – «Рассказы о пророках», переведенные на аварский язык широко известным в Дагестане и за его пределами (в Турции, Египте) ученым-богословом Умар-хаджи Зиявуддином из Миатли (1849–1921). Изданы в «Исламской типографии» М. Мавраева в Темир-Хан-Шуре, 1908 г. [15, с. 39].

Исмаилдибир внес вклад в просвещение народа посильным участием в издательской работе в типографии Мухаммадмирзы Мавраева в Темир-Хан-Шуре, перепиской книг для литографского издания, сочинением трудов на арабском и аварском языках. Исмаилдибир из Шулани вместе со своими друзьями – ученым Абусупьяном Акаевым и первопечатником Мухаммадмирзой Мавраевым – ездил в Бахчисарай обучаться типографскому делу у видного писателя, издателя и редактора газеты «Терджуман» Исмаила Гаспринского (1851–1914) [5, с. 16]. Исмаилдибир из Шулани имел творческие и дружеские связи с крупным иранским писателем-просветителем, философом и политическим деятелем Абдуррахимом Талибовым (1834–1911), который проживал в Темир-Хан-Шуре. Сохранилось письмо Исмаилдибира Абдуррахиму Талибову, которое свидетельствует о продолжительных

6 Цулда – ныне селение в Чародинском районе Республики Дагестан.

дружеских отношениях между двумя яркими творческими личностями⁷. Исмаилдибир обладал обширными знаниями в разных областях науки. Хорошо знал право, риторику, коранические науки, увлекался астрономией и астрологией. Его потомки бережно хранят астрольбию, изготовленную руками своего ученого предка (Рис. 3). Как рассказывает Баширова Багжат, астрольбию Исмаилдибира или «къаламтIар»⁸, как они его называют, показывали имени-тым ученым. Они не смогли его полностью исследовать, сказав, что все тайны инструмента может знать только тот, кто его изготовил.

Исмаилдибир из Шулани сделал немало для популяризации исламских знаний среди дагестанцев. Он переводил сочинения арабских ученых на аварский язык и издавал их в типографии Мухаммадмирзы Мавраева в Темир-Хан-Шуре. Приведем несколько примеров:

ترجمة صراع النبی صلی الله علیه و سلم ابا جهل اللعین بالمبارزة

«Тарджамат Сира' ан-наби салла-л-лаху'алайхи ва саллам Аба Джахл ал-ла'ин би-л-мубаразат» – перевод сочинения «Борьба пророка (да благословит его Аллах и приветствует) с проклятым Абу Джахлем⁹ в поединке». Издан в «Исламской типографии» М. Мавраева в Темир-Хан-Шуре, б/г.

В аннотации к сочинению, хранящемуся в отделе национальной литературы Российской национальной библиотеки¹⁰, сказано, что для работы над переводом Исмаилдибир из Шулани привлек тексты «Роўнак ал-маджалис»¹¹ и «Сират ан-наби»¹². Сочинение издано в Темир-Хан-Шуре в «Исламской типографии» М. Мавраева. Год издания неизвестен.

ترجمة الاحكام الشرعیة باللغة الاوارية

«Тарджамат ал-ахкам аш-шар'иййа би-л-лугат ал-авариййа» – «Перевод положений шариата на аварский язык». Сочинение представляет собой перевод шариатских предписаний, взятых из глав популярного труда по шафиитскому мазхабу «Гайат ал-ихтисар» غاية الاختصار известного арабского ученого-правоведа Абу Шуджа'а Ахмада ибн ал-Хусейна ал-Исфахани (ум. 593/1196). В работе использован супракомментарий Ибрахима ал-Баджури к комментарию шафиитского законоведа Мухаммада Ибн Касима ал-Газзи (1455–1512) на сочинение Абу Шуджа'а. Издано в типолитографии А. Михайлова в Петровске, в 1904 г.

7 Фонд восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН Фонд рукописей и печатных книг им М.-С. Саидова папка №2082. Л. 109а.

8 КъаламтIар – в переводе с аварского языка на русский язык означает «пенал». Слово заимствовано с персидского языка (قلمدان) – [каламдан].

9 Амр бн. Хишам ал-Мугира – один из непримиримых врагов ислама, которого называли Абу Джахлем, что означает «Отец невежества». Погиб в 624 г. в битве при Бадре.

10 Сочинение хранится под шифром ОНЛ Авар/4-122

11 Сочинение по суфизму Умара б. Хасан ас-Самарканди (XV в.).

12 Сочинение известного арабского ученого VIII в. Ибн Исхака «Жизнеописание Пророка» (ас-Сира ан-набавиййа) в редакции Ибн Хишама (ум. в первой половине IX в.).

Сочинение было переиздано Духовным управлением мусульман Дагестана в 2006 г. тиражом в 1000 экз. под названием «ШаргIалъул ахIкамазул къокъаб баян» (Краткое разъяснение норм шариата) [16];

الادب و الحكم مترجمة بلغة اوار

«ал-Адаб-л-хикам мутарджимат би лугат авар» – «Морально-этические предписания и предания (о пророке Мухаммаде), переведенные на аварский язык». В книге дан перевод пятой главы «الآداب و الحكم و ما اشبه من ذلك» («ал-Адаб ва-л-хикам ва ма ашбаху мин залика») из сочинения египетского ученого Шахабаддина бн. Ахмада ал-Ашбихи (1388–1448) «المستطرف في كل فن المستظرف» («Ал-мустатраф фи кулли фанн-ил-мустазраф»). Издана в типолитографии А. Михайлова в г. Петровске, в 1904 г.;

مختصر في العقائد على طريقة السنوسية مترجمة باللغة الاوارية

«Мухтасар фи-л-‘ака’ид ‘ала тарикат ас-санусиййа мутарджамат би-л-лугат ал-авариййа» – «Перевод на аварский язык краткого изложения трактата ас-Сануси о вероубеждении. Отрывок из краткого трактата о единобожии магрибского ученого Мухаммада бн. Юсуфа ас-Сануси ал-Хасаниат-Тилимсани¹³ (832/1428-29–895/1489-90) «ал-‘Акидат ас-Санусиййа ас-сугра». Другое его название «Умм ал-барахин». Издан в типолитографии А. Михайлова в г. Петровске, в 1904 г.;

المنبهات على الاستعداد ليوم الميعاد

«ал-Мунаббихат‘ала-л-исти‘дад ли-йаум ал-ми‘ад» – догматическое сочинение египетского ученого Ибн Хаджара ал-Аскалани (1372–1449)¹⁴.

قصيدة وفاة النبي صلى الله عليه و سلم

«Касида вафат ан-наби салла-л-лаху ‘алайхи ва саллам» – «Касыда на смерть пророка (да благословит его Аллах и приветствует)». В предисловии к названному сочинению Исмаилдибир из Шулани пишет: «Когда я увидел рассказ о смерти нашего пророка в книге «Дуррат ан-насихин», переданный от одного из асхабов пророка Ибн Мас‘уда, нашел его лишенным излишеств ... захотел распространить ее среди ученых и неученых..., поместил на страницы этой книги с переводом на аварский язык для того, чтобы популяризировать среди горцев то полезное что есть в нем». Полное название арабского сочинения – درة الناصحين في الوعظ و الارشاد («Дуррат ан-насихин фи ва‘з ва-л-иршад»). Автором его является арабский ученый ‘Усманбн. Ахмад аш-Шакир ал-Хубари (ум. в

¹³ Тлемсен — ныне город на северо-западе Алжира.

¹⁴ Описание достоинств сочинения Ибн Хаджара и его перевода на аварский язык дано С.М. Хайбуллаевым в книге «Духовная литература аварцев [17, с. 273–276].

1809 г.). Издано в «Исламской типографии» М. Мавраева в Темир-Хан-Шуре, 1904).

Исмаилдибир известен не только как ученый, в народе его знают и как талантливую поэта. Его перу принадлежат поэтические произведения на аварском языке. Сохранилась сборная рукопись, в которой собраны поэтические сочинения, записанные аджамским письмом на аварском языке. Благодаря ученому-востоковеду Амирхану Магомедовичу Магомеддадаеву, который в 1996 г. привез рукопись из Турции, так сказать, вернул ее на родину, мы имеем возможность ознакомиться с ней. Конволют содержит восемь сочинений, написанных на 46 листах ученических тетрадей в клетку. Переплет картонный, правая сторона переплета отсутствует, корешок матерчатый, темно-фиолетового цвета, поверх переплета – обложка ученической тетради 1967 г., выпущенной в Казани. В рукописи имеются следующие сочинения¹⁵:

с. 1–7 «*AхIулгохI*» (Ахульго).

Поэма "Ахульго" принадлежит перу дагестанского поэта Чупалава из Игали (1875–1937) и посвящена героическим событиям времен Кавказской войны – битве при Ахульго в июне-августе 1839 г.

2. с. 8–16 «*ИсмагIлдибирасухъ гьабураб*» (Элегия на смерть Исмаилдибира).

Элегия написана женой Исмаилдибира Аминат, которая, как и многие представители этого рода обладала поэтическим талантом. Ее поэма-плач по мужу отличается богатым образным языком, насыщена удивительными ассоциативными картинками. Поэма опубликована С. М. Муртазалиевым в книге «Родник жемчужин» [8, с. 34–37]. При сравнительном анализе текстов выяснилось, что произведение, помещенное в сборной рукописи, полнее и не содержит купюр.

3. с. 18–31 «*Сугъралъа ГIабдурахIман-хIажиясухъ гьабураб*» (Элегия на смерть Абдурахмана-хаджи Согратлинского).

4. с. 32–58 «*МухIаммад Аварагги Абу Джагъалги гугариялъул*» (О борьбе пророка Мухаммада с Абу Джахлем).

Сочинение написано Исмаилдибиром из Шулани с привлечением арабских сочинений на тему жизнеописания пророка Мухаммада. Сочинение известно под названиями «Тарджамат Сира' ан-наби Аба Джахл ал-ла'ин би-л-мубаразат» – перевод сочинения «Борьба пророка (да благословит его Аллах и приветствует) с проклятым Абу Джахлем в поединке» и «Мусара'а» – «Борьба».

5. «*КъурбангIалил МухIамадил тIунаб мавлид*» (Малый мавлид Мухаммада, сына Курбанали).

Мавлид (проповедь о жизни пророка Мухаммада), созданный ученым из Шулани Мухаммадом, сыном Курбанали. Он имел свою школу, в которой учились Али Каяев (Замир-Али), Узун-хаджи, занимался перепиской и переводом на аварский язык арабских научных сочинений, писал стихи-проповеди, мавлиды [6, с. 80].

6. «*Кудалиса ясалъухъ гьабураб*» (Элегия на смерть девушки из Кудали).

15 Названия сочинений приводим из оглавления сборной рукописи.

Элегия написана Исмаилдибиром в связи со смертью дочери ученого Муртазали из Кудали, который был его учителем. Муртазали обратился к нему с просьбой написать поэму для утешения его жены Музгират, убивавшейся по дочери. Элегия Исмаилдибира издана в книге С. Муртазалиева «Мой Шулани и его немеркнущие звезды» [6, с. 46–50].

7. «*ЧагIдахъ гьабураб*» (Посвящение вину).

Поэма, осуждающая употребление спиртных напитков, имеет название *اعلام المنكر باحكم المسكر* «И‘лам ал-мункир би ахкам ал-мускир». Она издана в Темир-Хан-Шуре, в типографии М. Мавраева в 1908 г. [15, с. 39]).

8. «*Иблисалъул (хIакъалъуль) къуса*» (Рассказ об Иблисе¹⁶).

Перевод с арабского языка на аварский язык рассказа об Иблисе, переданного от АбуДжа‘фара Балхи. Он издан в составе сборной рукописи в 1910 году в Темир-Хан-Шуре в типографии М. Мавраева.

Из не вошедших в сборную рукопись поэтических сочинений Исмаилдибира известны:

«*Тинабго гьадият гьал жагъилазе*» – «Небольшое руководство для этих невежд» [6, с. 52–53] – дидактическая поэма;

«*Хилла цIикIкIун буго, хIал бакIлъун буго*» – «Коварство умножилось, состояние людей тяжелое» – посвящение этапированному в Сибирь Узун-хаджи из Салта [6, с. 53–59]);

«*ЛъикIлъи гьабун хъвадарав хиралъиялде ккола*» – «Живущий, творя добро, обретает доброе имя» [6, с. 50–52]) – дидактическая поэма;

«*Киссат ан-наби*» – «Рассказ о пророке [15, §1, №3 с. 33] – касыда-посвящение пророку Мухаммаду (Темир-Хан-Шура, «Исламская типография» М. Мавраева. 1904);

«*Мадинат ан-наби*» – поэма о священном городе пророка Мухаммада Медине. Поэма написана Исмаилдибиром для чохинца Умара Шахумилава, который отправлялся в паломничество в Мекку и Медину [8, с. 265–266].

Красной нитью через все произведения Исмаилдибира из Шулани проходит призыв к добру, праведному образу жизни, к просвещению.

Язык поэм Исмаилдибира из Шулани богат, красочен, насыщен арабизмами, восточными реминисценциями. Элегия «Муршид ГIабдурахIман-хIажи Сугъурияв ватIалъиялде» – «К уходу муршида Абдурахмана-хаджи Согратлинского» написана им после событий, связанных с восстанием 1877 г. в Дагестане. Восстание горцев, направленное против российской колониальной политики на Кавказе, было подавлено. К участникам восстания были применены карательные меры, селение Согратль сожжено, часть участников восстания казнена, часть – сослана в Сибирь. Был казнен и сын Абдурахмана-хаджи хаджи Мухаммад Согратлинский, возглавивший народно-освободительное движение.

Поэма начинается с призыва к мусульманам беречь ислам, придерживаться

16 Иблис (дьявол, сатана) – имя ангела, низвергнутого с небес и ставшего врагом Аллаха, сбивающего верующих с верного пути [18, с. 81–82].

нравственных установок учения, быть стойкими, подобно предкам, которые

МухІамадил уммат кьорол гьабичІо¹⁷,
Къурьангимо хІадис бесдал гьаричІо,
Гьесул умматалъе тарбияталъе
Цо-цо вали камун кидаго течІо.

Последователей (пророка) Мухаммада
не оставили одних,
Не пренебрегли Кораном и хадисами,
Его последователей для наставничества
Никогда не обделяли праведниками.

Характеристика, данная Исмаилдибиром своему муршиду Абдурахману-хаджи Согратлинскому:

Гьаб Дагъистаналъе тарбият тІокІав,
Тполго бусурманлъуй нусрат¹⁸ камилав,
Кашпу¹⁹-караматалъ керен гІуцІарав,
Гелму магІрифатал²⁰ батІин²¹ цІунарав
ШаригІат-тІарикъат тІокІкІизабурав,
МагІрифат-хІакъикъат мухІкан гьабурав.

Для Дагестана (он) превосходный наставник,
Оказывающий большую помощь мусульманам,
Сердце его полно божественных знаний,
(Он), сохранивший тайные духовные знания,
Обладающий глубокими знаниями в шариате и тарикате.
Достигший понимания истинного знания.

Исмаилдибир из Шулани описывает Абдурахмана-хаджи как ученого-суфия, обладающего познаниями в четырех ступенях мистического пути познания Бога: шариат – комплекс предписаний, регулирующий пути познания истины, тарикат – путь духовного возвышения и познания истины, марифат – божественные знания, ведущие к постижению истины, хакикат – познание истинной божественной реальности. В поэме емко, достоверно, мазками многоцветовой палитры описана жизнь Абдурахмана-хаджи Согратлинского.

Из дидактических сочинений отметим стихи-проповедь Исмаилдибира

17 Подстрочный перевод с аварского языка на русский язык здесь и далее наш.

18 Нусрат – арабское слово نصرَة – «помощь».

19 Кашпу – арабское слово كشف – «открытие».

20 МагІрифат – арабское слово معرفة – «знание».

21 БатІин – арабское слово باطن – «тайный».

«Тинабго гадият гьал жагьилазе» («Небольшое руководство для этих невежд»), которые помещены в вышеупомянутой нами книге «ШаргIалъул ахIкамазул къокъаб баян» [16, с. 3–4]. Стихи Исмаилдибира из Шулани – о необходимости получения религиозных знаний для того, чтобы вера во Всевышнего приобрела истинный и искренний характер. Эта мысль выражена им в следующих строках:

Бичас тIад гьабураб тIагIат-гIибадат
Тубан гьабичIесул гьечIеб муруват.
Гьабунщинаб гIамал лъан гьабичIесул,
Къабулгьаби гьечIеб гьес гьабуралъул.

Возложены на нас Всевышним обязанности по богослужению,
Нет доблести у неисполняющего их полностью.
У соблюдающего религиозные предписания неосознанно,
Не будет принято его богослужение.

ГIадатаб жойилан бараб какалъул
Кири щиб букIина, рагIалъул гьудул?
Гьабулебщиналъул тIадаб, дурусаб,
Дуда лъазе гурищ тIад гьабун бугеб?

Исполняя ритуальную молитву как нечто обыденное,
Какое благо ожидаешь ты, сердечный друг?
Все верные, обязательные к исполнению (каноны ислама)
Разве не для того, чтобы ты знал их предназначение?

Исмаилдибир говорит с сожалением о том, что и ученые недостаточно озабочены проблемой просвещения людей.

Лъалареб гьикъизе жагьилги чIухIун,
ГьикъичIеб бицине гIалимги ханлъун,
ГIадада хун унеб халкъ бихъун буго,
Воре, ворчIи гьабе, гьудул дуего.

Спросить то, что он не знает, невежде гордость не позволяет,
Рассказать то, о чем его не спрашивают, ученому надменность не позволяет,
Вижу, как напрасно гибнет народ,
Смотри, найди для себя спасение, (мой) друг.

Гьал гIалимзабиги регIунго гьечIо,
ГIадамазул ургъел гьезий гIун гьечIо,
Дунял гьабилалде гьава ккун буго,

БоцІуда иман лъун тІад риххун руго.

Эти ученые слишком заняты,
Им не хватает заботы о людях,
Их страсть – материальные блага,
Преклоняясь перед богатством, гонятся за ним.

Основной авторский посыл заключается в призыве к просвещению, изучению религиозных наук, осознанию необходимости следовать праведному пути.

ЛъангутІи батІаго гъвеллъун чІеларо,
Жагъил-уммиясул эб гІайиб гуру.
Лъазе хІалтІунгутІи, хІисаб цІангутІи –
Гъебин кІудаб гІайиб, воре мун кантІе.

Незнание, в общем-то, не станет виной,
Это не вина невежественного человека.
Непроявление усилий для получения знаний,
Неспособность уразуметь,
Это большой грех – ты, смотри, пробуждайся.

В стихах Исмаилдибира прослеживается прямая связь между верой и знаниями. Создавая свои произведения, Исмаилдибир традиционно руководствовался текстом Корана, хадисами и сунной пророка. В вышеприведенных стихах он отсылает читателя к священному Корану, в котором сказано: «Спроси [, Мухаммад]: «Неужели равны те, кто знают, и те, которые не знают [пути Истины]?» Воистину, внемлют наставлениям только разумом обладающие» [19, 39:9, с. 472].

Роль Исмаилдибира из Шулани в распространении исламского образования в Дагестане была неоценимой. Работа в типографии Мухаммадмирзы Мавраева в Темир-Хан-Шуре, где он переписывал сочинения для дальнейшего их тиражирования, его мавлиды, дидактические сочинения служат единственной цели – просвещению, обновлению духовной жизни общества.

Заключение

Исследование жизни и творчества дагестанских ученых XIX–XX вв. – ярких представителей дагестанского Просвещения, исламской реформаторской мысли остается актуальной задачей. Исмаилдибир из Шулани являет собой образ мусульманского ученого, который истинное свое предназначение видел в просвещении народа. Его труды вносят свою неповторимую лепту в развитие национальной просветительской литературы.

Духовная литература, созданная такими авторитетными учеными как

Исмаилдибир из Шулани, была популярна в народе, она представляет собой «симбиоз, сплав, единство научных, философских, религиозных, общественных, социальных, моральных, нравственных, этических, эстетических воззрений, она вооружает человека знаниями и нормами, необходимыми ему на жизненном пути [2, с. 108].

Изучение духовного наследия Исмаилдибира из Шулани позволяет показать его вклад в национальную литературу, мусульманское просветительское движение в исламских регионах России и в целом в систему общей исламской культуры.

Рис. 1. Портрет Исмаилдибира из Шулани, выполненный азербайджанским художником Исламом Алиевым

Fig. 1. Portrait of Ismaildibir from Shulani, made by the Azerbaijani artist Islam Aliev

Рис. 2. Камень-оберег, вытесанный Исмаилдбиром из Шулани.
Фото правнука Исмаилдбира А.А. Алиханова

Fig. 2. Stone-amulet trimmed by Ismaildibir from Shulani.
Photo of Ismaildibir's great-grandson A.A. Alikhanov

Рис. 3. Астролябия, изготовленная Исмаилдибиром из Шулани.
Фото правнука Исмаилдибира А.А. Алиханова

Fig. 3. Astrolabe made by Ismaildibir from Shulani.
Photo of Ismaildibir's great-grandson A.A. Alikhanov

Рис. 4. Сочинение по астрономии, написанной рукой Исмаилдибира из Шулани.
Фото правнука Исмаилдибира А.А. Алиханова

Fig. 4. Studies on astronomy, written by Ismaildibir from Shulani.
Photo of Ismaildibir's great-grandson A.A. Alikhanov

Рис. 5. Могила Исмаилдибира в Шулани.
Фото правнука Исмаилдибира А.А. Алиханова

Fig. 5. Tomb of Ismaildibir in Shulani.
Photo of Ismaildibir's great-grandson A.A. Alikhanov

Рис. 6. Надмогильный памятник, изготовленный Исмаилдбиром отцу художника Халил-бека Мусаясул в сел. Чох. Фото П.И. Тахнаевой

Fig. 6. A tombstone made by Ismaildibir to the father of the artist Khalil-bey Musayasul from Chokh. Photo by P.I. Takhnaeva

Рис. 7. Обратная сторона памятника с изображением дерева, символизирующего род Халил-бека Мусаясул.
Фото П.И. Тахнаевой

Fig. 7. The reverse side of the monument with an image of a tree symbolizing the family of Khalil-bey Musayasul.
Photo by P.I. Takhnaeva

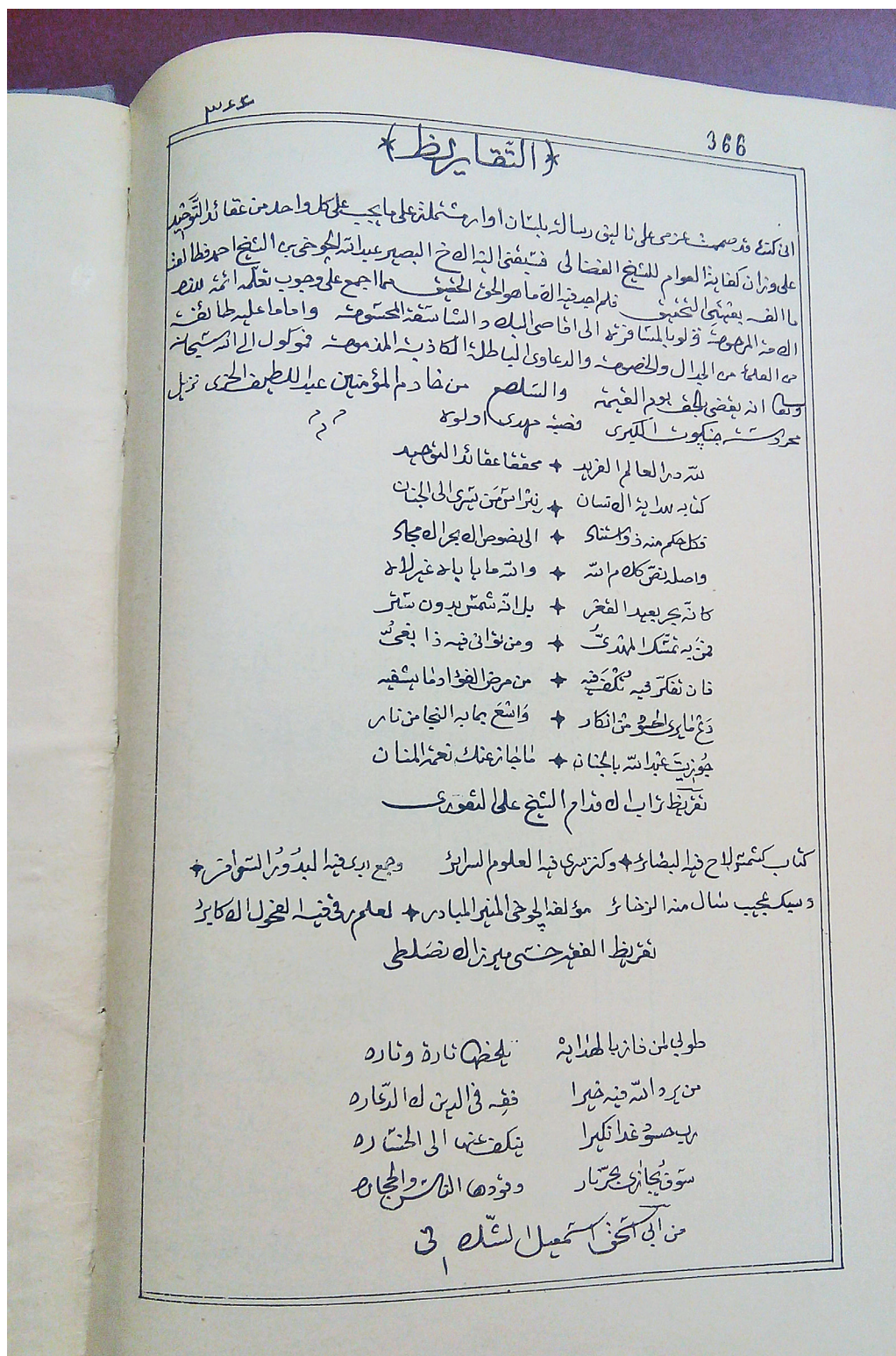

Рис. 8. Рецензия Исмаилдибира, написанная им на арабском языке на сочинение по богословию (Умм ал-байан) Хаджжи Абдаллаха, сына шейха Ахмада ад-Дагистани ал-Андали ал-Чухи. Фото П.М. Алибековой

Fig. 8. Ismaildibir's review, written in Arabic on a theological study (Umm al-bayan) by Hajji Abdallah, the son of Sheikh Ahmad ad-Dagistani al-Andali al-Chukhi. Photo by P.M. Alibekova

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гамзатов Г.Г. Дагестан: Историко-литературный процесс. Вопросы истории, теории, методологии. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1990. – 309 с.
2. Хайбуллаев С.М. История аварской литературы XVII–XIX веков. – Махачкала, 2006. – 645 с.
3. Алибекова П.М. Библиотека дагестанского ученого и просветителя Исмаилдибира из Шулани (1863–1912) // История, археология и этнография Кавказа. Т. 15. № 4. 2019. С. 596–622.
4. Шихсаидов А.Р. Археографическая работа в Дагестане // Изучение истории и культуры Дагестана: археографический аспект. – Махачкала, 1988. – С. 5–21.
5. Исаев А.А. Магомедмирза Мавраев – первопечатник и просветитель Дагестана. – Махачкала: Типография ДНЦ РАН, 2003. – 240 с.
6. Муртазалиев С. М. Мой Шулани и его немеркнущие звезды. (Муртазагалиев С. М. Дир Шуланиб тIаги тIерхунарел тIабиги. б/г и б/м издания. – 275 с. На аварском языке.
7. Муртазалиев С.М. Сочинения и предания. (Муртазагалиев С. М. Асарал ва биченал). – Махачкала: «Юпитер», 2003. – 264 с. На аварском языке.
8. Муртазалиев С.М. Родник жемчужин. (Муртазагалиев С. М. Жавгаразул ит). – Махачкала: «Юпитер», 2006. – 320 с. На аварском языке.
9. Омаров М.-Р. Ученые-богословы Дагестана (Гумаров М.-Р. Дагистаналул гIалимзаби). – Рыбинск, 2010. – 304 с. На аварском языке.
10. Саидов М.-С. Дагестанская литература XVIII–XIX вв. на арабском языке: доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов. М.: Издательство восточной литературы, 1960. 11 с.
11. Магомедова З.А. Шейх накшбандийского тариката Абдурахман-хаджи из Согратля. – Махачкала: Издательский дом «Эпоха», 2010. – 152 с.
12. Хайбуллаев С. М. Абдурахман-хаджи из Согратля. (Хайбуллаев С. М. ГIабдурахIман-хIажи Сугъурияв). – Махачкала, 2002. – 113 с. На аварском языке.
13. Назир ад-Дургели. Услада умов в биографиях дагестанских ученых. Нузхат ал-'азхан фи тараджим 'улама' Дагистан / пер. с араб., коммен., факс. изд., указ. и библиогр. подгот. А. Р. Шихсаидовым, М. Кемпером, А. К. Бустановым. – Москва: Издательский дом Мardzhani, 2012. – 432 с.
14. Мусаясул Халил-бек. Страна последних рыцарей. – Махачкала: Юпитер. 1999. – 271 с.
15. Каталог печатных книг и публикаций на языках народов Дагестана (дореволюционный период) / Сост. А. А. Исаев. – Махачкала, 1989. – 298 с.
16. Исмаил из Шулани. Краткое разъяснение норм шариата. (Шуланиса Исмагил. ШаргIалзул ахIамазул кьокъаб баян). – Махачкала: Редакция газеты «Нур-ул-ислам», 2006. – 80 с. На аварском языке.
17. Хайбуллаев С.М. Духовная литература аварцев. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1998. – 254 с.
18. Ислам. Энциклопедический словарь. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. 1991. – 315 с.
19. Коран / пер. с араб. и коммент. М.-Н. О. Османова. – М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1999. – 928 с.

REFERENCES

1. Gamzatov GG. *Dagestan: Historical and Literary Process. Questions of history, theory, methodology [Istoriko-literaturnyj process. Voprosy istorii, teorii, metodologii]*. Makhachkala: Daguchpedgiz, 1990:309. (In Russ.)
2. Khaibullaev SM. *History of Avar literature of the XVII – XX centuries [Istoriya avarskoj literature XVII–XIX vekov]*. Makhachkala, 2006:645. (In Russ.)
3. Alibekova PM. Private library of the Dagestan scholar and educator Ismaildibir from Shulani (1863-1912) [Biblioteka dagestanskogo uchenogo i prosvetiteya Ismaildibira iz Shulani (1863–1912)] *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2019;(4):596-622. (In Russ.)
4. Shikhsaidov AR. Archaeographic work in Dagestan [Arheograficheskaya rabota v Dagestane] *Study of the history and culture of Dagestan: archaeographic aspect [Izuchenie istorii i kul'tury Dagestana: arheograficheskij aspekt]*. Makhachkala, 1988:5-21. (In Russ.)
5. Isaev AA. *Magomedmirza Mavraev – the first publisher and educator of Dagestan [Magomedmirza Mavraev – pervopechatnik i prosvetitel' Dagestana]*. Makhachkala: DSC RAS Printing house, 2003:240. (In Russ.)
6. Murtazaliev SM. *My Shulani and his unfading stars (MurtazagIaliev S.M. Dir Shulanib tIaligi tIerkhunar-el tsIvabigi) [Moj SHulani i ego nemerknushchie zvezdy. (MurtazagIaliev S. M. Dir SHulanib tIal"igi tIerh'unarel cIvabigi)]*. (In Avar).
7. Murtazaliev SM. *Works and Legends (MurtazagIaliev S.M. Asaral va bitsenal) [Sochineniya i predaniya. (MurtazagIaliev S. M. Asaral va bicenal)]*. Makhachkala: "Yupiter", 2003:264. (In Avar)
8. Murtazaliev SM. *Spring of Pearls. (MurtazagIaliev SM. Zhavgyarazul itz) [Rodnik zhemchuzhin. (MurtazagIaliev SM. ZHav'garazul its)]*. Makhachkala: "Yupiter", 2006:320. (In Avar)
9. Omarov M.-R. *Scholars-theologians of Dagestan (Gumarov M.-R. Dagistanalul gIalimzabi) [Uchenye-bogoslavyy Dagestana (Gumarov M.-R. Dag"istanal"ul gIalimzabi)]*. Rybinsk, 2010:304. (In Avar)
10. Saidov M.-S. *Dagestan literature of the 18th – 19th centuries in Arabic: report at the XXV International Congress of Orientalists [Dagestanskaya literatura XVIII–XIX vv. na arabском yazyke: doklad na XXV Mezhdunarodnom kongresse vostokovedov]*. Moscow: Eastern Literature Publishing House, 1960:11. (In Russ.)
11. Magomedova ZA. *Sheikh of the Naqshbandi tariqa Abdurahman-haji from Sogratl [Shejh nakshbandijskogo tarikata Abdurahman-hadzhi iz Sogratlya]*. Makhachkala: Publishing house "Epokha", 2010:152. (In Russ.)
12. Khaibullaev SM. *Abdurakhman-haji from Sogratl. (Khaibullaev S.M. GIabdurahIman-hIaji Suguriyav) [Abdurahman-hadzhi iz Sogratlya. (Hiajbullov S. M. GIabdurahIman-hIazhi Sug"uriyav)]*. Makhachkala, 2002:113. (In Avar)
13. Nazir ad-Durgeli. *The delight of minds in the biographies of Dagestan scholars. Nuzhat al-'azkhan fi tarajim 'ulama' Dagistan [Uslada umov v biografiiyah dagestanskih uchenyh. Nuzhat al-'azkhan fi taradzhim 'ulama' Dagistan]* / transl. from Arabic, comments, fax. ed., indexes and bibliogr. by A.R. Shikhsaidov, M. Kemper, A.K. Bustanov. Moscow: Mardzhani Publishing House, 2012:432.
14. Musayasul Khalil-bey. *The land of the last knights*

[*Strana poslednih rycarej*]. Makhachkala: Yupiter, 1999:271. (In Russ.)

15. *Catalogue of printed books and publications in the languages of the peoples of Dagestan (pre-revolutionary period) [Katalog pechatnyh knig i publikacij na yazykah narodov Dagestana (dorevolucionnyj period)]* / Comp. A. A. Isaev. Makhachkala, 1989:298. (In Russ.)

16. Ismail from Shulani. *Brief explanation of the Sharia norms. (Shulanisa IsmagIil. ShargIalul akhIkamazul k'ok-ab bayan) [Kratkoe raz'yasnenie norm shariata. (SHulanisa IsmagIil. SHargIal'ul ahIkamazul k'ok'ab bayan)]*. Makhachkala: Editorial office of the newspaper "Nur-ul-Islam", 2006:80. (In Avar)

17. Khaibullaev SM. *Spiritual literature of the Avars [Duhovnaya literatura avarcev]*. Makhachkala: Dagestan Book Publishing House, 1998. (In Russ.)

18. *Islam. Encyclopedic Dictionary* [Islam. Enciklopedicheskij slovar]. M.: Nauka. The main editorial office of oriental literature. 1991:315. (In Russ.)

19. *The holy Quran* / transl. from Arabic with comments by M.-N. O. Osmanov. M.: Scientific publishing center "Ladomir", 1999:928. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 21.05.2020 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH164940-951>

Гаджиева Зарема Назировна
младший научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
2013zarema2013@mail.ru

Гимбатова Мадина Багавутдиновна
д.и.н., ведущий научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
gimbatova@list.ru

ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ДАГЕСТАНЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)

Аннотация: Статья посвящена истории развития женского образования в Дагестанской области во второй половине XIX – начале XX. В ней рассматривается система женского образования, особенности его развития, построения, содержания и организации учебно-воспитательного процесса, его влияние на систему образования Дагестана в целом. Хронологические рамки исследования охватывают вторую половину XIX – начало XX в. В этот период конфессиональные школы функционировали параллельно с русскими учебными заведениями, которые возникли в местах дислокации воинских частей и населенных пунктах с русскоязычным населением. Важным вопросом, нашедшим отражение в статье, является раскрытие особенностей домашнего обучения, содержание которого зависело от предпочтений родителей.

Анализ разнохарактерной исторической литературы позволил сделать вывод, что женские учебные заведения в дореволюционном Дагестане, независимо от их формы и содержания обучения, повышали образовательный и культурный уровень девушек, приобщали к достижениям мировой культуры, подготавливали их к семейной жизни.

Процесс обучения в конфессиональных и русских школах существенно различался. Так, к примеру, мусульманское традиционное образование подразделялось на два этапа. Начальное образование дагестанцы получали в мактабах (примечетских школах), главная цель которого состояла в том, чтобы обучить арабской грамоте и чтению Корана, познакомить учащихся с научными достижениями мусульманского Востока. После этого желающие получить углубленные знания по классическим мусульманским наукам продолжали обучение в многочисленных медресе, уровень которых различался в зависимости от устоявшихся традиций и преподавательского состава.

В русских школах образовательный процесс регламентировался учебным планом и учебными программами по общеобразовательным предметам, богословию и домоводству. Задачей русских школ было помочь учащимся влиться в общероссийское культурное поле, познакомиться с достижениями русской культуры, а через нее и с европейской.

Ключевые слова: женское образование; школа; мусульманская школа; домашнее обучение; Дагестанская область; духовенство; учитель.

© Гаджиева З.Н., Гимбатова М.Б., 2020

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2020

 Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH164940-951>

Zarema N. Gazhieva,
Junior Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
2013zarema2013@mail.ru

Madina B. Gimbatova,
D.Sc. (History), Leading Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
gimbatova@list.ru

WOMEN'S EDUCATION IN DAGESTAN (SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES)

Abstract. The article is devoted to the history of the development of female education in the Dagestan region in the second half of the 19th – early 20th centuries. It examines the system of women's education, features of its development, formation, support and organization of the educational process, its impact on the education system of Dagestan as a whole. The chronological framework of the study covers the second half of the 19th – early 20th centuries. During this period, religious schools functioned in parallel with Russian educational institutions, which emerged in the places of deployment of military units and settlements with a Russian-speaking population. An important issue, reflected in the study, is the disclosure of the peculiarities of homeschooling, the content of which depended on the preferences of parents.

An analysis of the diverse historical literature made it possible to conclude that women's educational institutions in pre-revolutionary Dagestan, regardless of their form and content of education, raised the educational and cultural level of girls, introduced them to the achievements of world culture, and prepared them for family life.

The teaching process in religious and Russian schools varied greatly. Thus, for example, Muslim traditional education was divided into two stages. Dagestan people received their primary education in maktab (mosque schools), the main goal of which was to teach reading and writing in Arabic and reading the Koran, to introduce students to the scientific achievements of the Muslim Orient. After that, those wishing to gain in-depth knowledge of classical Muslim sciences continued their studies in numerous madrasahs, the level of which varied depending on the established traditions and teaching staff.

In Russian schools, the educational process was regulated by the curriculum and curricula in general subjects, theology and home economics. The task of Russian schools was to help students integrate into the all-Russian cultural field, to introduce them to the achievements of Russian and European cultures.

Keywords: women's education; school; Muslim school; homeschooling; Dagestan region; clergy; teacher.

После присоединения Дагестана к Российской империи царское самодержавие столкнулось здесь с уже сложившейся системой образования горцев. Конфессиональная система образования, формировавшаяся и развивавшаяся в Дагестане веками, к началу XIX в. стала важнейшей составной частью духовной жизни местного населения. Однако к началу исследуемого периода уровень развития арабо-мусульманской науки был значительно ниже достижений европейской, в том числе и российской. Поэтому появление русских школ, расширение их сети в последующем дали горцам образование, основанное на более высоком уровне развития науки.

Несмотря на то, что вопросы образования, в том числе и женского, неоднократно поднимались дагестанскими исследователями, тема женского образования с гендерных позиций не рассматривалась. Целью данной статьи является рассмотрение истории становления и развития женского образования в Дагестане во второй половине XIX – начала XX в. с точки зрения гендерных подходов в обучении и воспитании девочек. Именно этот период стал временем больших перемен для Дагестана, особенно в области образования.

Вплоть до начала XX века высокий уровень образованности женщин во всем мусульманском мире был довольно редким явлением. Нам известно всего лишь о двух дагестанских девушках, которые получили блестящее религиозное образование, великолепно разбирались в сложных вопросах мусульманского права, и даже писали стихи.

Одна из них – это Фатима, дочь дагестанского ученого Шабана из сел. Обода (ум. в 1667 г.). Фатима вошла в историю как первая известная в Дагестане ученая женщина, получившая углубленное мусульманское образование, которое включало в себя хорошее знание арабского языка, логики, риторики, юриспруденции и других мусульманских наук. [1, с. 48].

Другая женщина, сведения о которой сохранились в источниках, – это Фатима Гусейнова (ум. в 1916 г.), дочь дагестанского ученого Арсланали из сел. Н. Казанище. Отец Фатимы, Арсланали Гусейнов, был известным суфийским шейхом, ученым-богословом. В своем родном селении Н. Казанище он на свои средства основал мусульманскую школу, где сам обучал как мальчиков, так и девочек [1, с. 48]. В этом же медресе обучалась, а потом преподавала и сама Фатима. Получив хорошее мусульманское образование, она прекрасно знала арабский язык, владела рядом религиозных наук, сочиняла стихотворения на арабском и кумыкском языках. Во многих своих стихах она выражала скорбь по поводу дагестанских женщин, которые не получили никакого образования. Вот отдельные строки, которые выражают ее отношение к данному вопросу:

*«.....Нас держат вдалеке от наук и мудрости,
И как же мы в таком случае узнаем правильную дорогу?
Рассуди нас справедливо, Создатель! [1, с. 50].*

В начале XX в. в своем письме, адресованном алиму Нурмухаммаду ал-Авари, Фатима пишет: *«И мужчина, и женщина являются равными по отноше-*

нию к религиозным обязанностям. И я не знаю причину того, почему мужчины не уделяют внимания обучению дочерей (отвергают обучение дочерей), уподобляя их некоторым животным или же неодушевленной вещи. Без всякого образования оставляют их в стороне, предавая забвению в уголках домов по непонятным причинам, более запутанным, чем паутина» [2, с. 69–70].

По мере упрочения ислама в Дагестане установился своеобразный культ знаний. Как писал известный исследователь П.К. Услар: «Если об образовании народа судить по соразмерности числа школ с массой народонаселения, то дагестанские горцы в этом отношении опередили даже многие европейские нации» [3, с. 75]. Отчасти этому способствовали природные и географические условия местности. Особенно это имело место в Нагорном Дагестане, для многих жителей которого получение знаний стало одним из способов обеспечения себя пропитанием. Очень многие дагестанские алимы жили и работали в соседних областях, получив широкую известность, как лучшие в регионе знатоки классических мусульманских наук. Слава об учености дагестанцев доходила и до признанных центров мусульманской науки и образования.

Образовательные услуги в дореформенном Дагестане оказывала широкая сеть школ, представленная примечетскими школами – мактабами и учебными заведениями более высокого уровня – медресе. Каждый родитель считал своим долгом дать хотя бы начальное образование ребенку, будь то мальчик или девочка, обучить его чтению и письму на арабском языке. Родители чувствовали моральную ответственность за приобщение детей к основам ислама, а значит и к знаниям, так как «в исламском учении с самого начала подчеркивалась роль знаний, как одного из условий веры» [4, с. 51].

Мактабы функционировали не только при мечетях, а иногда и в доме представителя духовенства, что в целом затрудняло их учет. Обучение в них было раздельным, что было вызвано требованиями мусульманской культуры. Девочек обучала, как правило, жена имама, кадия, или женщина, знающая арабскую грамоту и имеющая опыт преподавания. Мальчиков обучал или сам кадий, или имам, или же мутаалим – наиболее способный из его учеников. Популярность мусульманских школ объясняется их доступностью для широких масс. Они содержались на средства жителей, общественные пожертвования, доходы от вакуфных земель и закята.

Срок обучения в мактабе определялся 2–4 годами. В начале изучали арабскую грамматику, после чего приступали к чтению глав Корана. Каждая глава прочитывалась по несколько раз до тех пор, пока ученик не научится свободно и бегло читать ее [Более подробно о системе исламского образования см.: 5, с. 107–167; 6, р. 593–624].

Существуют самые разные данные о количестве мусульманских школ в Дагестане. Так, если «в округах области в 1892 г. было 661 учебное заведение с 3805 учащимися мужского пола и 895 женского пола, то в 1893 г. учебных заведений уже насчитывалось 824 с общим количеством учащихся обоего пола 5029, из них 4368 мужского пола и 661 – женского пола» [7, с. 153].

Как следует из «Обзора о состоянии Дагестанской области за 1896 г.», в Темирханшуринском округе в 78 примечетских школах обучались 729 мальчиков и 198 девочек; в Гунибском округе была 301 школа, в которых обучались 763 мальчика и 178 девочек; в Андийском округе в 90 школах обучались 598 мальчиков и 92 девочки; 83 девочки обучались Корану в Самурском округе; 27 девочек – в Кайтаго-Табасаранском [8, с. 51]. В Дербенте в 1899 г. насчитывалось 9 мечетских школ, с общим числом учащихся 245 человек [3, с. 80], а в 1913 г. здесь насчитывалось 10 школ, где обучалось 270 детей, в том числе 40 девочек [9, с. 186].

Следует отметить, что образование женщин ограничивалось начальной школой, в медресе они не учились. Этому способствовали обстоятельства, а именно нехватка ресурсов и приоритет образования сыновей, а не дочерей; отсутствие цели у родителей, которые не считали нужным давать углубленное образование девочке, т.к. она выйдет замуж; нехватка времени: девочки были обременены работой по дому, что зачастую препятствовало посещению школы и получению образования в целом.

Содержание женского образования заключалось только в обучении чтению Корана и в проведении уроков домоводства. Даже письму девочек обучали не во всех мактабах. Это якобы делалось, чтобы «они не писали любовных писем молодым людям» [10, с. 113]

Вот что рассказывает один из наших информантов о получении образования его матерью: «Моя мать, Абакарова Кабахан Забитовна, 1900 года рождения, была женщиной грамотной для своего времени, еще до Октябрьской революции она училась в эндириевском мектебе для девочек. Учила её Салигъат-хажи, одна из первых среди женщин нашего селения, совершивших паломничество в Мекку (хадж). Срок обучения в мектебе длился четыре года. Салигъат-хажи обучала чтению Корана, письму, счёту, этикету и этике семейной жизни» [11, с. 257].

В немного более выгодных условиях находились дочери представителей мусульманской духовной элиты (кадиев, шейхов, преподавателей мусульманских школ), которых не только обучали чтению и письму на арабском языке, правилам чтения и рецитации Корана, но и давали возможность получить более глубокое мусульманское образование.

Следует отметить, что на рубеже XIX–XX вв. в ряде мусульманских регионов Российской империи стали распространяться идеи т.н. *джадидизма* (от араб. *джадид* – новый). Это было культурно-реформаторское, просветительское и общественно-политическое движение мусульман Поволжья, Крыма и Средней Азии, нашедшее своих приверженцев и в Дагестане. Одной из главных идей джадидизма было введение в мусульманских школах нового метода обучения, а также введение в образовательный курс ряда естественнонаучных дисциплин. Джадиды выступали за развитие национального искусства и литературы, равноправие женщин, реорганизацию деятельности духовенства, преподавание в школах на национальном языке [27, с. 21–22]. В 1908 г. в Дагеста-

не, в Темирханшуринском округе было открыто 8 новометодных школ. Всего в этих школах обучалось 586 учащихся, из них 116 девочек [12, с. 301].

В Дагестанской области, наряду с традиционными мусульманскими школами, существовали и школы для детей горских евреев при синагогах. Их программы мало чем отличались от программ примечетских школ. В Дербенте в 1969 г. было около 8 еврейских школ, где обучалось 213 человек (мальчиков) [13, с. 112].

В Памятной книжке и адрес-календаре Дагестанской области на 1901 г., в ведомости об учебных заведениях и учащихся в городах Дагестанской области, представлены следующие сведения о количестве школ при синагогах. Так в Темир-Хан-Шуре их было – 2, в Петровске – 1, в Дербенте – 12, с общим количеством учащихся 267 человек, из них девочек – 17 [14, с. 619]. Систематическое образование девочек у горских евреев практически отсутствовало. Женщины, вне зависимости от возраста, не имели право входить в синагогу. В большинстве горские еврейки были неграмотными, а необходимые сведения о своих религиозных обязанностях девочки получали от старших женщин в семье.

В городах Дагестанской области в рассматриваемый период существовали православные и армяно-григорианские церковно-приходские школы. В 1982 г. православных школ было по одной в каждом городе с 169 учащимися, из которых 51 – девочки. Армяно-григорианских школ за тот же период в Дербенте и Петровске по одной с 50 учениками, 29 из которых девочки [15]. В 1899 г. в православных школах городов Дагестанской области обучалось 174 человека, треть из которых составили девочки [16, с. 22]. Отметим, что девочек, посещающих церковно-приходские школы городов Дагестанской области, было больше, чем в учебных заведениях других вероисповеданий.

Во второй половине XIX в. в Дагестане открываются русские школы, в том числе и женские. Это было связано с интеграцией окраин Российской империи в общеправовое и культурное пространство страны и в связи с возникшей потребностью в грамотных людях из числа коренного населения, знавших язык, традиции, особенности местной правовой системы. Необходимо отметить, что в Российской империи к учебным заведениям и педагогам предъявлялись определенные требования, которые распространялись и на присоединенные территории. Так, учебные заведения низшего звена должны были отвечать ряду требований, связанных с содержанием обучения, материально-технической базой, обеспечением педагогическими кадрами.

Профессия учителя в Российской империи традиционно считалась мужской. С открытием и расширением сети женских школ появляются женские педагогические кадры. Но, несмотря на это, мужчины продолжали доминировать в сфере образования. Для женщин-учителей существовал ряд ограничений, ущемлявших их права на ведение педагогической деятельности. Так, в 1897 г. в Петербурге впервые был введен запрет на замужество учительниц. В «Наставлении директорам народных училищ», изданном в 1894 г. прописано, что «замужняя жизнь совершенно не совместима с должностью учительницы;

потому она при выходе замуж увольняется. Женщина должна заботиться о ведении домашнего хозяйства, о муже и детях, так что ей нет времени для занятий в училище. К тому же вскоре по выходе в замужество появятся признаки беременности, при которых женщина делается болезненной и раздражительной, что отзывается на её отношениях к детям. Являться же беременной перед детьми в училище неприлично. С рождением же ребёнка женщина, обязанная сама кормить его, обременённая заботами о нём, делается вполне неспособной к какой-либо службе, тем более, учительской» [17, с. 112].

Женское образование в русскоязычных школах Дагестана имело свои характерные особенности, отличающие его от системы российского образования. Прежде всего, это было связано с неравномерным рассредоточением школ на территории Дагестана. Женские школы открывались прежде всего в местах дислокации воинских частей и предназначались для детей офицерского состава. Так, первая частная женская школа (частный пансион) в Дагестане была открыта 1 июля 1859 г. в Темир-Хан-Шуре супругой командующего войсками на Кавказе Н.В. Есиповой совместно со своей сестрой А.В. Лосевой. Пансион существовал до 1875 г. и был закрыт с созданием в городе мужской и женской прогимназии [18, с. 8–9]. В пансионе с шестилетним курсом обучения преподавались в объёме уездных училищ закон божий, русский и французский языки, арифметика, география, история, танцы, чистописание и рукоделие. [19, с. 54].

24 мая 1861 г. в Темир-Хан-Шуре по инициативе супруги первого начальника Дагестанской области А.М. Меликовой была открыта еще одна женская школа для бедных девиц всех сословий. В школу принимались девочки не моложе 8 и не старше 12 лет. Курс обучения был трехлетним, в предметы обучения входили закон божий, письмо и чтение, первые 4 действия арифметики, рукоделие и домашнее хозяйство: приготовление пищи, печенье хлеба, стирка белья и проч. [20, с. 60–61]. Число учениц этой школы из года в год росло, в 1875 г. в школе обучалось 50 учениц, в 1888 г. – 79 [20, с. 54–55].

7 апреля 1864 г. по инициативе Е.Г. Джемарджидзе, супруги градоначальника, подобная женская школа с пансионом была открыта и в Дербенте. Учебное заведение преследовало следующую цель: «приготовить в училище девиц для той жизни, из среды которой они взяты; образовать из них добрых жен и хороших матерей, приучить их к полезному труду, к рукоделиям, к домашнему хозяйству и порядку, внушить хорошие правила нравственности и обучить их грамоте» [9, с. 270].

«Заведование школой вверялось русской надзирательнице, а в помощницы к ней, в виде содействия общей цели учреждения училища, была назначена грамотная мусульманка, на обязанности которой лежало обучение мусульманской грамоте», – отмечал Е.И. Козубский в одном из своих отчетов [9, с. 277]. Девочки принимались в школу в возрасте 8–10 лет на полный пансион, количество их не превышало 20. Курс обучения был шестилетний, за шесть лет они должны были овладеть русской и тюркской грамотой. В первый год обучения в школу было принято двадцать девочек, из них одиннадцать девочек было из

Дербента, две девочки из Кайтаго-Табасаранского округа, две из Кюринского ханства, четыре русских и одна армянка. За время обучения их научили читать и писать, шить, вышивать гладью, золотом, тамбуром.

Учитель-надзиратель Батумского ремесленного училища А. Захаров, посетивший в Дербенте женскую школу, писал: «Как только утром являются ученицы, учительница заставляет их убирать постель, подметать комнату и исполнять другие домашние работы. Если в этот день она готовила пищу, то одна из учениц должна крошить лук, другая – рубить мясо, третья – таскать воду, четвертая – разводить огонь и т.д. Только по окончании хозяйственных забот учительница принимается за свои занятия. По очереди они подходят к учительнице и отвечают урок» [21, с. 114–115].

Этот пансион для девиц в Дербенте 9 марта 1873 г. был преобразован в открытую школу для девочек всех сословий, со сроком обучения четыре года. С 1875 г. в ней также стали обучать закону божьему и арифметике, а с 1890 г. ввели географию, историю и пение [9, с. 69].

Наряду с обучением в русских школах, в Дагестане возникла и традиция, практиковавшаяся у российского дворянского сословия, когда обучение детей проходило в домашних условиях, с привлечением приглашённых преподавателей. Состоятельные дагестанцы, главным образом представители феодального сословия, старались дать своим детям, в том числе и девочкам, светское образование. Они нанимали для них учителей, гувернанток – как это было принято в русских богатых семьях [22, с. 14]. Дочь табасаранского бека вспоминала, что, когда ей было шесть лет, они из своего имения переехали в Дербент, где родители наняли ей гувернантку, которая обучала ее русскому и французскому языкам. К ней также приходил мулла и учил ее читать Коран [23, с. 55].

Следует отметить, что обучение в русских школах было платным и не было доступно для большинства населения Дагестана. Так, за обучение в «приготовительном» и младших классах Темирханшуринского реального училища взималась плата по 15 рублей в год, в старших – по 20 рублей, за содержание в пансионе – от 140 до 200 рублей [24, с. 22]. Стоимость обучения в Темирханшуринской женской гимназии равнялась 73 рублям в год [7, с. 94]. Плата за обучение в Дербентском трехклассном городском училище составляла 8 рублей в год [9, с. 189]. Следует отметить, что она не покрывала всех статей расходов на содержание учебных заведений. Нередко они открывались и содержались на средства общественности и меценатов.

Выпускницы русских школ поступали в уездные училища и гимназии. Так, например, 25 выпускниц Темирханшуринской прогимназии в 1888 г. поступили в гимназии других городов [25, с. 55]. Самые способные гимназистки после окончания гимназии продолжали обучение в высших учебных заведениях. О том, что в исследуемый период среди женщин Дагестана были женщины с высшим образованием, свидетельствуют записи А. Захарова. В частности, он писал: «У меня есть знакомый татарин (азербайджанец. – М.Г.), человек

интеллигентный, жена его – женщина образованная, окончившая институт с золотой медалью. Дочь их воспитывается в Тифлисе, в институте» [21, с. 146].

В городах Дагестанской области к началу XX в. имелось по одной женской школе, содержащейся за счет государственных ассигнований и средств городских управлений. В них обучалось всего 367 учащихся [12, с. 192–193]. В дополнение к существовавшим женским учебным заведениям в 1903 г. в г. Петровске и в 1904 г. в Дербенте были открыты женские гимназии.

В сельской местности региона тоже стали открываться казенные училища с одно-двухклассной программой обучения. Первоначально в них обучались только мальчики, но затем появились и женские училища, где девочки в течение 1–2 лет бесплатно могли обучаться по программе начального обучения. В разное время делались попытки создания частных женских школ, но через некоторое время закрывались вследствие недостатка финансирования. Наиболее удачными оказались попытки С.Я. Петровой, жены начальника 21-й пехотной дивизии, по созданию в 1880 г. женской школы в Дешлагаре (ныне сел. Сергокала), которая некоторое время существовала на средства самой С.Я. Петровой и собираемые пожертвования. Временами количество учениц в ней достигало 50.

В значительной мере открытию русских школ в Дагестане способствовало «Общество просвещения туземцев-мусульман Дагестанской области». В результате его деятельности число начальных казенных училищ в Дагестане заметно увеличилось. Все они, как правило, располагались в крупных населенных пунктах. Так, в 1913 г. в Чохском женском одноклассном училище обучалось 23 девочки, в Казикумухском женском одноклассном училище – 38 девочек, в Дешлагаре в одноклассном училище обучалось 11 девочек, а в двухклассном – 45 девочек, в Маджалисе в двухклассном училище обучалось 5 девочек, в Нижнем Дженгутае в женском одноклассном училище обучалось 15 девочек, в Ишкартинском двухклассном училище – 16 девочек [26, с. 70].

Корреспондент «Дагестанских областных ведомостей» Э. Шанаев в 1916 г. писал: «В области существует два типа сельских училищ – примечетские и русско-туземные. Важным событием было открытие школы в с. Казанище. В самое последнее время счастливый почин сделан в с. Леваши Даргинского округа... Интеллигентная девушка-туземка задалась целью дать толчок вперед женскому образованию в этом темном углу Дагестанской области»¹ [38]. При содействии почетных лиц школу для девочек удалось сохранить, там их учили грамоте и рукоделию. Учебное заведение стали посещать девочки, которых раньше родители никуда не отпускали.

Большой вклад в развитие женского образования в Дагестанской области внесли Темир-Хан-Шуринская и Дербентские гимназии. Так на 1915-1917 гг. был выделен кредит по 1500 рублей в год на содержание 5 стипендиаток-мусульманок Темир-Хан-Шуринской женской гимназии. Главным условием для

¹ Шанаев Э. Статья не имеет названия // Дагестанские областные ведомости. 1916 г. 13 марта. №11.

принятия на эти стипендии являлось обязательство по окончании учебы проработать не менее трёх лет учительницами начальных училищ². В качестве пяти стипендиаток в 1915 г. в Темирханшуринскую женскую гимназию были приняты: восьмилетняя Маржанат Омар-кызы (сел. Ботлих), девятилетняя Саадат Зайналабид-кызы Хизроева (сел. Хунзах), десятилетняя Сахиб Магомед-кызы Нахибашева (сел. Чох), девятилетняя Загидат Агалар-хан-кызы Курбанова (сел. Цудахар), девятилетняя Десте Ибрагим-бек-кызы Парначева (сел. Ахты)³. 12 августа 1915 г. председатель педагогического совета Темирханшуринской женской гимназии сообщила генерал-губернатору Дагестанской области, что в этой гимназии в 1914 том г.у обучалось 17 девочек-дагестанок⁴.

Подводя итоги, необходимо отметить, что во второй половине XIX – начале XX века в женском образовании Дагестана наметилась тенденция к поступательному развитию. В этот период здесь существовал своеобразный образовательный плюрализм (конфессиональные, русские, новометодные школы, домашнее обучение), который открывал перспективы получения образования для всех социальных слоев населения Дагестана. Исходя из личных предпочтений и материальных возможностей выбиралась образовательная платформа, которая отвечала потребностям родителей и интересам учащихся. Традиционная мусульманская школа в этом плане была наиболее демократичной, доступность и бесплатность обучения делали ее привлекательной для широких масс, а изучение основ ислама, арабского языка и чтение Корана отвечало духовным потребностям мусульманского населения.

В то же время, несмотря на свою малочисленность и сословность, русские школы сыграли положительную роль в истории просвещения народов Дагестана, они содействовали в изучении русского языка, который стал насущной необходимостью, знакомили с достижениями русской и мировой культуры, идеями русских и европейских демократов, способствовали созданию национальной интеллигенции.

Вовлечение женщин в сферу образования в Дагестане было сложным и длительным процессом. Многие девушки продолжали получать домашнее образование, которое в большинстве случаев было бессистемным. Лишь небольшая часть девушек посещала школы. Усилия царских властей по улучшению и реформированию системы образования в Дагестане не давало желаемых результатов, коренные изменения в этой сфере произошли только после победы Октябрьской революции. В мае 1918 г. в РСФСР было введено обязательное совместное обучение мальчиков и девочек. Эта мера окончательно устранила гендерное неравенство в образовательной сфере. Тем не менее, потребовалось немало времени, чтобы изменить традиционно-патриархальные взгляды на место и роль женщины в обществе и предоставления ей возможности получать образование наравне с мужчинами.

2 Переписка с попечителем Кавказского и Темир-Хан-Шурина учебного округа о содержании пяти земских стипендиаток при Темир-Хан-Шурина женской гимназии. // Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД) Ф.2. Оп.2. Д.149. Л. 19.

3 Сведения и переписка с начальниками округов о мусульманских школах области // Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД) Ф. 2. Оп. 2. Д. 143. Л. 9.

4 Там же. С. 31.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шихалиев Ш.Ш. Образованная мусульманка в до-советском Дагестане // Женщина и ислам. Сб.статей. под ред. А. К. Бустанова. М., 2017. – С. 48-56.
2. Оразаев Г.М., Шихалиев Ш.Ш. Письмо Фатимы, дочери шейха Хаджи Арслан' Али из Нижнего Казанища // История, археология и этнография Кавказа. – 2014. – Т. 10. – №1. – С. 68-71. doi: 10.32653/CH10168-71
3. Обзор Дагестанской области за 1899 год. Темир-Хан-Шура, 1990. – 86с.
4. Халидов А.Б. Арабские рукописи и арабская рукописная традиция. М., 1985. – 304 с.
5. Bobrovnikov V.O., Navruzov A.R., Shikhaliev Sh. Sh. Islamic Education in Soviet and post-Soviet Daghestan // Islamic Education in the Soviet Union and its Successor States. Edited by Michael Kemper, Raoul Motika and Stefan Reichmuth (Routledge: London and New York, 2010), 107-167.
6. Michael Kemper, Shamil Shikhaliev. Qadimism and Jadidism in Twentieth-Century Daghestan // Asiatische Studien – Études Asiatiques. Volume 69, Issue 3, Zürich 2015. Pages 593–624.
7. Памятная книжка Дагестанской области / Сост. Е.И. Козубский. Темир-Хан-Шура, 1895.-724 с.
8. Обзор о состоянии Дагестанской области за 1896 год. – Темир-Хан-Шура, 1897. – 67 с.
9. История города Дербента/ Сост. Е.И. Козубский. Темир-Хан-Шура, 1906. – 468 с.
10. Туземец. Грамотность в горах Дагестана // Этнографическое обозрение. 1900. № 1. С. 106-120.
11. Гимбатова М.Б. Мужчина и женщина в традиционной культуре тюркоязычных народов Дагестана (XIX –нач. XX в.). ИД «Эпоха» –Махачкала, 2014. – 390 с.
12. История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. К 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России / редкол.: А. И. Османов (отв. ред.) и др. Махачкала, 2009. – 752 с.
13. Махмудова З.У. Дербент в XIX–начале XX века: этническая мозаичность города на «вечном перекрестке». М., 2006.
14. Салихова Л.Б. О системе образования в городах Дагестанской области во второй половине XIX–начале XX в.(На примере школ горских евреев и церковно-приходских школ) //Роль личности в становлении и развитии российско-кавказских отношений. Сб. Грозный, 2014. С. 617-624.
15. Обзоры о состоянии Дагестанской области за 1982 г. Темир-Хан-Шура, 1892. Ведомость №8.
16. Данилюк М.Ю., Зуева О.Б. Православная система образования как фактор приобщения народов Дагестана к христианской культуре (вторая половина XIX–начало XX в.) // Культурная жизнь Юга России. Краснодар, 2009. №2 (31). С. 21–26
17. Яблочков М.Т. Русская школа. Наставление директора народных училищ. Тула, 1894. – 346 с.
18. Козубский Е.И. К истории народного образования в Дагестанской области в первое десятилетие // Дагестанский сборник. Вып. 1. Темир-Хан-Шура, 1902. – 730 с.
19. Школьное образование в Дагестане / Под ред. Г.Ш. Каймаразова. Махачкала, 1968. – 267 с.
20. Гаджиев А.С. Прогресс культуры и духовной

REFERENCES

1. Shikhaliev ShSh. Educated Muslim woman in pre-Soviet Dagestan [Obrazovannaya musul'manka v dosovetskom Dagestane] *Woman and Islam. Collection of articles [Zhenshchina i islam]*. Ed. AK. Bustanov. Moscow, 2017:48-56.
2. Orzaev GM-R., Shikhaliev SS. Letter from Fatima, daughter of Sheikh Haji Arslan 'Ali from Nizhny Kazanishche [Pis'mo Fatimy, docheri sheykha khadzhi Arslan'Ali iz Nizhnego Kazanishcha] *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2014;10(1):68-71. doi: 10.32653/CH10168-71
3. Overview of the Dagestan region for 1899 [Obzor Dagestanskoy oblasti za 1899 god]. Temir-Khan-Shura, 1990:86.
4. Khalidov AB. Arabic manuscripts and Arabic handwritten tradition [Arabskiye rukopisi i arabskaya rukopisnaya traditsiya]. Moscow, 1985:304.
5. Bobrovnikov VO., Navruzov AR., Shikhaliev SS. Islamic Education in Soviet and post-Soviet Dagestan *Islamic Education in the Soviet Union and its Successor States*. Edited by Michael Kemper, Raoul Motika and Stefan Reichmuth. Routledge: London and New York, 2010:107-167.
6. Michael Kemper, Shamil Shikhaliev. Qadimism and Jadidism in Twentieth-Century Daghestan *Asiatische Studien – Études Asiatiques*. Zürich, 2015;69(3):593-624.
7. Commemorative book of the Dagestan region [Pamyatnaya knizhka Dagestanskoy oblasti] / Comp. E.I. Kozubsky. Temir-Khan-Shura, 1895:724.
8. Review of the state of the Dagestan region in 1896 [Obzor o sostoyanii Dagestanskoy oblasti za 1896 god]. Temir-Khan-Shura, 1897:67.
9. History of the city of Derbent [Istoriya goroda Derbenta] / Comp. E.I. Kozubsky. Temir-Khan-Shura, 1906: 468.
10. Indigenous people. Literacy in the mountains of Dagestan [Tuzemets. Gramotnost' v gorakh Dagestana] *Ethnographic Review [Etnograficheskoye obozreniye]*. 1900;(1):106-120.
11. Gimbatova MB. Man and woman in the traditional culture of the Turkic-speaking peoples of Dagestan (XIX – early XX centuries) [Muzhchina i zhenshchina v traditsionnoy kul'ture tyurkoyazychnykh narodov Dagestana (XIX–nach. XX v.)]. Publishing House "Epoch". Makhachkala, 2014:390.
12. Osanov AI, editor. The history of centuries-old relations and unity of the peoples of Dagestan with Russia. To the 150th anniversary of the final incorporation of Dagestan into Russia [Istoriya mnogovekovykh vzaimootnosheniy i yedineniya narodov Dagestana s Rossiyei. K 150-letiyu okonchatel'nogo vkhozhdeniya Dagestana v sostav Rossii]. Makhachkala, 2009.
13. Makhmudova ZU. Derbent in the 19th – early 20th centuries: the ethnic mosaic of the city at the "eternal crossroads" [Derbent v XIX –nachale XX veka: etnicheskaya mozaichnost' goroda na «vechnom perekrestke»]. Moscow, 2006.
14. Salikhova LB. On the education system in the towns of the Dagestan region in the second half of the 19th – early 20th centuries (On the example of schools of mountain Jews and parish schools) [O sisteme obrazovaniya v gorodakh Dagestanskoy oblasti vo vtoroy polovine XIX–nachale XX v.(Na primere shkol gorskikh yevreyev i

жизни народов Дагестана в конце XIX – начале XX вв. – Издательско-полиграфическое объединение «Юпитер» – Махачкала, 1996. 136 с.

21. Захаров А. Домашний и социальный быт женщины у закавказских татар // СМОМПК. Вып. XX. Тифлис, 1894. С. 91-157.

22. Рагимова Б.Р. Женщина в традиционном дагестанском обществе XIX – начала XX в. Махачкала, 2001. – 158 с.

23. Гаджиева С.Ш. Аталычество и побратимство в Дагестане (XVIII – нач. XX в.). – Даг. книжн. издат. – Махачкала, 1995. 152 с.

24. Козубский Е.И. Отчет о втором десятилетии Темир-Хан-Шурина реального училища. 1890-1899. Темир-Хан-Шура, 1901. – 36 с.

25. Школьное образование в Дагестане / Под ред. Г.Ш. Каймаразова. Махачкала, 1968. – 267 с.

26. Каймаразов Г.Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана. М., 1971. – 475 с.

27. Гаджиева Ф.Г. Развитие школьной системы образования в Дагестане в XIX – первой трети XX в. Автореф. дисс. на соис. учен. степ. канд. ист. наук. Махачкала, 2004. С. 21–22.

tserkovno-prihodskikh shkol) *The role of the individual in the formation and development of Russian-Caucasian relations [Rol' lichnosti v stanovlenii i razvitiі rossiysko-kavkazskikh otnosheniy]*. Collected articles. Grozny, 2014:617-624.

15. *Reviews of the state of the Dagestan region for 1982 [Obzory o sostoyanii Dagestanskoy oblasti za 1982 g]*. Temir-Khan-Shura, 1892. Bulletin № 8.

16. Danilyuk MY., Zueva OB. Orthodox education system as a factor of familiarizing the peoples of Dagestan with Christian culture (second half of the 19th – early 20th century) [Pravoslavnyaya sistema obrazovaniya kak faktor priobshcheniya narodov Dagestana k khristianskoy kul'ture (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)] *Cultural life of the South of Russia [Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii]*. Krasnodar, 2009;2 (31):21-26.

17. Yablochkov MT. Russian school. Lessons of the director of public schools [Russkaya shkola. Nastavleniye direktora narodnykh uchilishch]. Tula, 1894:346.

18. Kozubsky EI. On the history of public education in the Dagestan region in the first decade [K istorii narodnogo obrazovaniya v Dagestanskoy oblasti v pervoye desyatiletie] *Dagestan collection [Dagestanskiy sbornik]*. Issue 1. Temir-Khan-Shura, 1902;(1):730.

19. *School education in Dagestan [Shkol'noye obrazovaniye v Dagestane]* / Ed. G. Sh. Kaymarazov. Makhachkala, 1968:287.

20. Gadzhiev AS. The progress of culture and spiritual life of the peoples of Dagestan in the late XIX – early XX centuries [Progress kul'tury i dukhovnoy zhizni narodov Dagestana v kontse XIX – nachale XX vv.– Izdatel'sko-poligraficheskoye ob'yedineniye "Yupiter"]. Makhachkala: Yupiter, 1996.

21. Zakharov A. Domestic and social life of women among the Transcaucasian Tatars [Domashniy i sotsial'nyy byt zhenshchiny u zakavkazskikh tatar] *Collection of materials for the description of localities and tribes of the Caucasus*. Tiflis, 1894;(XX):91-157.

22. Ragimova BR. Woman in traditional Dagestan society of the 19th – early 20th centuries [Zhenshchina v traditsionnom dagestanskom obshchestve XIX – nachala XX v.]. Makhachkala, 2001:158.

23. Gadzhieva SS. Atalychestvo and sworn-hood in Dagestan (XVIII – early XX century) [Atalychestvo i pobratimstvo v Dagestane (XVIII – nach. XX v.)]. Dagestan book Publ. Makhachkala, 1995:152.

24. Kozubsky EI. Report on the second decade of the Temir-Khan-Shurinsky realschule. 1890-1899 [Otchet o vtorom desyatiletii Temir-Khan-Shurinskogo real'nogo uchilishcha. 1890-1899]. Temir-Khan-Shura, 1901:36.

25. *School education in Dagestan [Shkol'noye obrazovaniye v Dagestane]* / Ed. G. S. Kaymarazov. Makhachkala, 1968:267.

26. Kaymarazov GS. Essays on the history of the culture of the peoples of Dagestan [Ocherki istorii kul'tury narodov Dagestana]. Moscow, 1971:475.

27. Gadzhieva FG. The development of the school education system in Dagestan in the 19th – first third of the 20th century [Razvitiye shkol'noy sistemy obrazovaniya v Dagestane v XIX – pervoy treti XX v.]. Dissertation abstract. Makhachkala, 2004: 21-22.

Статья поступила в редакцию 02.09.2020 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH164952-968>

Салихова Лейла Багаутдиновна

к.и.н., научный сотрудник

Институт истории, археологии и этнографии

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия

leila.salihova@yandex.ru

Аяган Буркутбай Гелманович

д.и.н., директор

Институт истории государства Комитета науки

Министерства образования и науки Республики Казахстан, Нур-Султан, Казахстан

b.ayagan@mail.ru

ДАГЕСТАНСКАЯ ОБЛАСТЬ МЕЖДУ ДВУМЯ РЕВОЛЮЦИЯМИ 1917 г. (РАССТАНОВКА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ)

Аннотация. В статье представлена проблема расстановки общественно-политических сил в Дагестанской области в период между двумя революциями 1917 г. (Февральской и Октябрьской). Цель исследования – изучить процесс формирования общественно-политических групп, рассмотреть их противостояние. Февральские события 1917 г. в Петрограде привели к победе революции. В связи с этим непростая ситуация сложилась и в Дагестанской области, победа Февральской революции привела к ухудшению политической обстановки в области, к размежеванию противоборствующих политических сил. В работе обращено внимание на формирование различных политических групп и органов власти, пришедших на смену царизма. В ходе исследования показано, что в области были организованы Временный областной исполнительный комитет и его окружные и местные органы власти, Советы солдатских и офицерских (рабочих) депутатов, религиозные общества, организации, относившиеся к той или иной этнической группе и т.д. Авторы обращают внимание на организацию Временного областного исполнительного комитета, ставшего органом власти Временного правительства, на противостояние членов самого комитета, на организацию Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана и т.д. Отмечено, что представители общественно-политических групп принимали активное участие в съездах и собраниях, проводившихся на территории Северного Кавказа, Дагестана. Анализ политической обстановки Дагестана показал, что в период между двумя революциями 1917 г. (Февральской и Октябрьской) борьба между представителями противоборствующих сторон проходила демократическими методами, но носила напряженный характер. В основном она проявлялась в борьбе между социалистической группой и представителями Н. Гоцинского. При написании работы были привлечены труды отечественных исследователей, среди них работы современников революционных событий.

Ключевые слова: Дагестанская область; Северный Кавказ; революции 1917 г. (Февральская и Октябрьская); противоборствующие политические силы; съезды.

© Салихова Л.Б., Аяган Б.Г., 2020

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2020

 Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH164952-968>

Leyla B. Salikhova,
PhD (History), Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
leila.salihova@yandex.ru

Burkutbay G. Ayagan,
D.Sc. (History), Director
Institute of State History of the Science Committee at the
Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan,
Nur-Sultan, Kazakhstan
b.ayagan@mail.ru

DAGESTAN REGION BETWEEN THE TWO REVOLUTIONS OF 1917 (BALANCE OF SOCIO-POLITICAL POWERS)

Abstract. The article discusses the distribution of socio-political powers in Dagestan region during the period of the February and October revolutions of 1917. The aim of the paper is to examine the process of formation of socio-political groups, to consider their opposition. The February events of 1917 in Petrograd led to the victory of the revolution. In this regard, a difficult situation arose in the Dagestan region: the victory led to a deterioration of the political situation, to demarcation within the opposing political forces. The paper highlights the formation of various political groups and government bodies which replaced tsarism. The study shows that the Provisional Regional Executive Committee and its district and local authorities, Councils of Soldiers and Officers (Workers) Deputies, religious communities, organizations belonging to one or another ethnic group, etc. were organized in the region. The authors point out the organization of the Provisional Regional Executive Committee, which became the body of power of the Provisional Government, to the opposition of the members of the committee itself, to the organization of Union of Allied Mountaineers of the North Caucasus and Dagestan, etc. The fact that representatives of socio-political groups took an active part in congresses and meetings held in the North Caucasus, Dagestan is noted.

Analysis of the period under study demonstrates that the political situation in Dagestan was tense, however the struggle of opposing parties was carried out within the democratic principles. It mainly manifested itself in the struggle between the socialist group and representatives of N. Gotsinsky. When writing the paper, the works of domestic researchers was used, among which the works of contemporaries of revolutionary events.

Keywords: Dagestan region; North Caucasus; revolutions of 1917 (February and October); opposing political powers; congress.

Победа Февральской революции привела к политической нестабильности, всеобщей анархии в Российской империи. Непростая ситуация сложилась и в Дагестанской области. Органы царской власти (просуществовали до апреля 1917 г.) были заменены Временным областным исполнительным комитетом, комиссарами Временного правительства. На политическую арену вышли также представители различных общественно-политических групп.

Изучение процесса формирования последних, рассмотрение противостояния между ними является целью настоящего исследования. Актуальность проблемы расстановки общественно-политических сил связана с необходимостью осознания и переосмысления процессов, происходивших в Дагестанской области в период между двумя революциями 1917 г. Ценность исследования состоит в объективной попытке автора рассмотреть общественно-политические силы области, показать политическую борьбу за власть.

В отечественной историографии имеется немало работ, посвященных различным аспектам революционных событий 1917 г., Гражданской войны в Дагестанской области. Среди них работы современников событий [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7], сборники документов и материалов [8; 9; 10; 11] и т.д. В последние десятилетия отечественная историография пополнилась новыми исследованиями, как монографиями, так и статьями [12–22]. Все они затрагивают различные аспекты изучаемой темы.

После Февральской революции в Дагестанской области «происходило быстрое размежевание противоборствующих политических сил. Никогда ранее дагестанское общество, ..., не знало такого разброса политических сил, как это случилось после русских революций 1917 г. В то же время к Дагестану нельзя применить общепринятую схему развития революционных событий в России» [23, с. 61].

Весть о свержении царизма быстро облетела всю страну. Несмотря на попытки местных органов власти во главе с военным губернатором В.В. Ермоловым скрыть эту новость от населения области в надежде сохранить старую систему управления, тем не менее, она дошла до населения из газет, от приезжих из центра. 3 марта 1917 г. она достигла Дербента и Петровска. В этих городах, в Темир-Хан-Шуре (ныне Буйнакс), Кизляре и Хасавюрте победа Февральской революции была встречена массовыми демонстрациями и митингами. В Дербенте был создан Совет рабочих депутатов, затем он объединился с Советом солдатских и офицерских депутатов и стал называться Советом рабочих и солдатских депутатов [24, с. 334; 25, с. 7, 8].

В Дербенте был создан и Гражданский исполнительный комитет, как местный орган Временного правительства, в его состав вошли представители городской буржуазии, помещики и купцы (возглавил комитет кадет Малышевский, начальник гарнизона города). Он подчинялся Дагестанскому областному исполкому и не считался с Дербентским Советом.

5 марта 1917 г. в Петровске был создан Совет солдатских депутатов, 6 марта Совет рабочих депутатов. Затем они совместно организовали Совет рабочих и

солдатских депутатов [25, с. 8; 11, с. 27–28]. Подобный совет был образован и в Темир-Хан-Шуре. В гарнизонах крепостей Гуниб, Хунзах, Дешлагар, Хасавюрт, Ахты и Чирюрт были созданы Советы солдатских и офицерских депутатов [23, с. 48].

Все советы Дагестана в большинстве своем, как и на Северном Кавказе, состояли из представителей меньшевиков и эсеров, представителей интеллигенции. Туда входили и большевики, но в меньшем количестве [26, с. 654].

Параллельно с новыми органами власти в Дагестане действовали и старые, так в Дербенте продолжало работать Собрание городских уполномоченных во главе со старостой города.

В борьбе за власть выступили и религиозные общества. Наиболее активными были общества «Джамиятуль-Исламие» («Общество ислама») и «Джамиятуль-Улама» («Общество ученых-алимов»). Были созданы мусульманские комитеты и милликомитеты (национальные комитеты). «Милликомитеты активно работали в городах Темир-Хан-Шуре и Дербенте, в окружных центрах Кази-Кумухе, Гунибе и в некоторых населенных пунктах – Ахтах, Акуше» [24, с. 335].

В городах возникали и организации, относившиеся к той или иной этнической группе. В Дербенте была организована армянская националистическая партия «Дашнакцутюн», сионистская организация «Национальный комитет евреев», клерикально-мусульманская организация «Иттихадуль-ислам» («Единение ислама»), националистическая азербайджанская партия «Мусават» («Равенство»), организации пантюркистов, панисламистов и др. Подобные комитеты имелись в Петровске, Кизляре, Хасавюрте [26, с. 655].

9 марта 1917 г. в г. Темир-Хан-Шуре состоялось многочисленное собрание, на котором были обсуждены вопросы о текущем положении, о значении Российской революции. Было решено взамен царской власти в лице военного губернатора области («органы царской власти просуществовали в Дагестане вплоть до апреля 1917 г.» [27, с. 28]) организовать Временный областной исполнительный комитет (Дагестанский гражданский исполнительный комитет) в составе 30 человек.

После выборов Временного областного исполнительного комитета (9 марта 1917 г.) был избран его председатель, им стал З. Темирханов (политик, один из видных представителей кумыкской технической интеллигенции начала XX века). Позже в состав исполкома вошли такие известные политические деятели (представители светской интеллигенции, социалисты по своим политическим взглядам), как Дж. Коркмасов, А. Тахо-Годи, С. Габиев и др. Представители светской и духовной интеллигенции одновременно состояли как в Областном совете, так и в Областном исполкоме [24, с. 334].

Областной исполком был органом власти Временного правительства. Современник событий А. Тахо-Годи характеризовал его как группу лиц, не торопившихся с принятием революционных преобразований. «И старый порядок при новом строе, и старый губернатор при Исполкоме Меняй хоть

пословицу на новый лад: «И богу свеча и черту кочерга», а не трубный зов революции» [2, с. 3], – писал А. Тахо-Годи. Помимо губернатора, остававшегося у власти и утверждавшего постановления Областного исполкома, в городах продолжали работать городские думы и управы, в округах – прежние начальники.

В дальнейшем в округа Дагестанской области были назначены новые комиссары, выбраны окружные исполнительные комитеты [22]. В данные организации в основном попали ученые арабисты (алимы), хаджи и богатые люди. М.-К. Дибиров писал, что в тот период в общенародной работе участие принимала «большая часть офицерства и богачей. Хотя специалисты и хотели устранить эти слои от народной массы, но им пришлось примириться, так как народная масса еще не осознала своих интересов, не видела в них своих противников» [7, с. 149].

По словам А. Тахо-Годи, Исполком не вызывал доверия у кого-либо, кто желал перемен. Это проявлялось в борьбе городов Петровска, Дербента и Темир-Хан-Шуры с Дагестанским исполнительным комитетом. Она характеризовалась не только соображениями революционного порядка, не малую роль здесь играла национальная или даже националистическая политика «русских общественных группировок дагестанских городов» [2, с. 4].

Во Временный областной исполнительный комитет, состоявший из представителей буржуазии, помещиков, мусульманского духовенства и светской интеллигенции, входили и социалисты: М. Дахадаев и С. Куваршалов. Исполком относился к ним «как к «ручным» – своим, ибо Куваршалов считался только «бывшим социалистом»..., а Дахадаев хотя и трактовался как «опасный человек», но была надежда сговориться и с ним, тем более, что у него замечалось «хозяйственное обрастание» в связи с кинжальным заводом и поставками на армию». Исполком порой пытался организовать свою политику через М. Дахадаева, «но Махач был сильный человек и любил скорее пользоваться других, чем быть самому использованным», – отмечал А. Тахо-Годи. «Наоборот, очень часто большинство Исполкома должно было соглашаться с Махачем, несмотря на расхождение во взглядах, чтобы только не портить с ним отношений – и как с сильным человеком, и как с представителем социалистической фракции Исполкома, насчитывающей «сам один»» [2, с. 4].

Скорее всего, М. Дахадаев не мог разорвать отношений с Исполкомом, поскольку Совет рабочих и солдатских депутатов не доверял ему. Других сил на кого мог опереться М. Дахадаев на тот период не было [2, с. 4].

Получалось, что и социалисты не выдвигали революционных требований, «не создавали в аулах самостоятельных организаций бедноты, не дрались за немедленный захват и безвозмездный передел помещичьей земли» [4, с. 104].

А. Тахо-Годи полагал, что и сами «революционные организации» города не обладали особой революционностью и были бессильны, так как не имели в своем составе местных националов. Таким образом, социалист работал с буржуазией, представители буржуазии терпели его у себя, «как громоотвод против революционной демократии» [2, с. 5].

В свою очередь Советы депутатов, общались с неприемлемым Исполкомом, чтобы не отойти от крестьянства, которое воспринимало враждебно все русское, а Исполком в первое время пытался найти общий язык «с беспокойными Совдепами». Для жизни городов того периода были характерны политические митинги, заседания, проходившие с утра до ночи. В тоже время аулы жили «своей обычной трудовой жизнью». Для аула были чужды лозунги о свободе собраний, союзов, слова и печати [2, с. 5].

Состояние дел в аулах отображается через мысли крестьян того периода. А. Тахо-Годи, прибывший в начале апреля 1917 г. в Левашу «для смены начальника округа и оповещения населения о событиях», отмечал, что для аула был приемлем вековой пессимизм, который не смог сломить и «первый вихрь революции». «Не может быть, чтобы «солдаты и мужики» так возлюбили Дагестан, что сулят ему без обмана все блага мира, на каких-то странных бесхозяйственных основаниях, вопреки всем старым традициям прошлого» [2, с. 5, 6], – писал он.

В конце марта 1917 г. под давлением народных масс Дагестанским областным комитетом были отстранены от своих должностей окружные власти, назначенные на данные посты царскими властями, а также губернатор и его помощники. Функции бывших чиновников были переданы комиссарам Временного правительства.

9 марта 1917 г. в Тифлисе из членов Государственной думы Временным правительством был организован Особый Закавказский комитет («Озаком»), к нему перешли функции наместника царя на Кавказе. В связи с этим некоторые перемены произошли и в Дагестане. 6 апреля 1917 г. для управления Дагестанской областью Озаком образовал особый комиссариат, в его состав вошли М. Далгат (депутат Государственной думы Российской империи IV созыва) и И. Гайдаров (депутат Государственной думы III созыва), а также один представитель от областного исполкома, утверждаемый Особым Закавказским комитетом [27, с. 31; 28, с. 94; 29].

Национально-освободительные движения, усилившиеся после свержения самодержавия, привели к появлению различных течений «с идеологией националистического, социалистического и большевистского толков» [23, с. 62].

Ослабление влияния и авторитета Временного правительства, усиление левых течений, привело к консолидации правых сил на Северном Кавказе. Итогом этого явилось создание Гражданского исполнительного комитета Временного правительства 5 марта 1917 г. во Владикавказе. Инициатором этой организации был член IV Государственной думы М.А. Караулов, атаман Терского казачьего войска.

6 марта 1917 г. во Владикавказе в противовес ему горцами Северного Кавказа был организован свой Временный комитет.

1 мая по инициативе Временного комитета горцев Северного Кавказа во Владикавказе был созван Первый съезд горских народов, он прошел под лозунгом объединения горцев. В работе съезда, продолжавшегося 10 дней, приняли

участие около 300 делегатов (по другим данным 340 делегатов). Здесь был провозглашен Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, принята Конституция. В союз вошли Кабарда, Осетия, Чечня, Ингушетия, Черкесия, Карачай и Дагестан. В соответствии с Конституцией Дагестанский областной исполком объявлялся местным органом Центрального комитета Союза объединенных горцев.

Съезд выразил полную поддержку политике Временного правительства. Здесь было обсуждено много вопросов, возникших в связи с революцией [11, с. 46, 47; 23, с. 62]. Один из вопросов, а именно аграрный, «вызвал бурю прений. Предлагали закончить и этот вопрос по шариату», – писал А. Тахо-Годи: «но по-видимому и горским воротилам стало неудобно в таком людном месте, как Владикавказ 1917 года, сказать, что земельный вопрос, –краеугольный камень революции, – подлежит разрешению только на основах шариата» [2, с. 13, 14–15]. М.-К. Дибиров отмечал: «Относительно земли много было споров. Одни требовали землю исключительно передать крестьянам и землепашцам, другие (духовные алимы) требовали, чтобы земля была распределена по Шариату» [7, с. 144–145].

Таким образом, аграрный вопрос был отложен до созыва Учредительного собрания в России, но в решение съезда был включен пункт о том, чтоб в отношении горцев-мусульман данный вопрос был разрешен на основе шариата [2, с. 15, 158].

Делегатами на съезде был обсужден вопрос об учреждении Духовного управления мусульман Кавказа. В свое время царское правительство не разрешало создавать подобную организацию из опасения объединения оппозиционного духовенства. На съезде было образовано Кавказское Духовное управление мусульман, его главой был избран алим Нажмутдин Гоцинский из Аварского округа, он же был объявлен муфтием [24, с. 339–340].

7 мая 1917 г. на съезде горцев была принята политическая платформа и программа Союза объединенных горцев Кавказа.

К одной из основных задач организации Союза, нашедшей отображение в политической платформе, относилось формирование Союза в виду «обеспечения мирного сожительства всех народов Кавказа и России», сплочения «горцев Кавказа для защиты и упрочения завоеванных революцией свобод, проведения в жизнь демократических начал и защиты общих для всех горских племен политических, социальных и культурно-национальных вопросов». В политической платформе в отношении к России отмечалось, что «о возврате к монархии не может быть и речи» и «только федеративное государственное устройство, ..., явится наилучшей формой правления» [9, с. 47, 48, 49, 50].

На съезде, проходившем в течение 10 дней, был избран исполнительный орган – Временный Центральный комитет, в который вошли представители горской интеллигенции, всего 17 человек: по 5 – от Дагестанской и Терской областей, по 2 – от Кубанской и Черноморской губернии и по 1 – от Закатальского округа, Ставропольской губернии и Абхазии [9, с. 5].

«Об отсутствии партийно-идеологических противоречий по вопросам создания государственности горцев Кавказа свидетельствует и тот факт, что в работе съезда активно участвовали и известные дагестанские социалисты Дж. Коркмасов, С. Габиев, А. Тахо-Годи, хотя никто из них в руководящие органы Союза не попал» [24, с. 340].

Образование Союза горцев рассматривается И.Х. Сулаевым (одним из авторов книги «История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. ...») как попытка создания объединенной государственности горских народов на Северном Кавказе (после имамата Шамиля), с целью сплочения горцев «для защиты и упрочения завоеванных революцией свобод, «охраны спокойствия и порядка» [24, с. 340], которые отвечали требованиям того времени.

В то же время, участник событий А. Тахо-Годи отмечал, что: «На съезде этом, 14 мая 1917 г., впервые продемонстрировали себя все движущие силы революции и контрреволюции среди горских народов» [2, с. 15].

«Группировок» в тот период было немного. Одни объединились под флагом шариата и чувствовали «себя твердо на ногах в то время, как социалистическая струя съезда была еле заметна, едва себя оформила и искала организационных форм, нащупывая точки опоры» [2, с. 15].

Социалистическая группа стала оформляться в мае 1917 г. с возвращением из-за границы Дж. Коркмасова и М.-М. Хизроева из России. В состав социалистической группы вошли: Дж. Коркмасов, М. Дахадаев, А. Тахо-Годи, М.-М. Хизроев, С. Габиев, А. Зулпукаров, С. Куваршалов, Х. Закарьяев, они получили образование в различных учебных заведениях, как в России, так и за рубежом [2, с. 16].

Считается, что соцгруппа не имела ни программы, ни устава, но она влияла на общественно-политическую жизнь края. Среди членов соцгруппы были большевики, левые эсеры, социал-демократы, анархисты и т.д. [13, с. 86]. М. Дахадаев назвал причину объединения соцгруппы, выделив три фактора: 1) малочисленность левых сил в области; 2) всесторонний учет местных условий и особенностей – «чтобы быть верными марксизму, надо знать массу, среди которой думаешь работать»; 3) настоятельная необходимость изолировать правое движение, которое, используя глубокую веру дагестанцев «в пророка и непреложность нравственных и правовых начал шариата», стремилось отодвинуть «народ на доброе полуторатысячелетие назад» [23, с. 64].

В соответствии с последним пунктом А. Тахо-Годи писал: «Приходилось бороться не против определенной идеологии, противопоставив все доводы разума и жизни, а итти против неопределенного лозунга – «шариата». Воевать не против человеческих законов, а против божеских, воспринятых массой не сознанием, а верой. ... В особых условиях и приемы пришлось употреблять особые, может быть и неприемлемые для какой-либо выдержанной социалистической партии. Махач Дахадаев от имени социалистической партии громко заявлял массам, что социалисты не против шариата «если массы хотят его». «Пусть купаются в шариате, если это так нравится кому-либо».

«... Группе приходилось быть чрезвычайно гибкой, по-восточному – изворотливой. И Махач в условиях Дагестана был незаменимым лидером группы» [2, с. 16, 17].

Несмотря на то, что идеи дагестанских социалистов не всегда находили своих сторонников, тем не менее, социалисты сыграли большую роль в революционном движении в Дагестане. Осознавая, что отношение народов Дагестана не всегда было доброжелательным к ним, понимая всю сложность политической ситуации в горном крае, М. Дахадаев и Дж. Коркмасов летом 1917 г. встретились с шейхом накшбандийского тариката Али-Хаджи Акушинским, пользовавшимся большим авторитетом в Даргинском, Темир-Хан-Шуринском и Кайтаго-Табасаранском округах [3, с. 12].

Результатом встречи явилось устное соглашение о взаимной поддержке между социалистами и А.-Х. Акушинским. «Невозможно переоценить значимость этого союза для светски образованных интеллектуалов, которые в глазах безграмотного дагестанского крестьянства, внешне немногим отличались от «неверных». А.-Х. Акушинский и его сторонники, в свою очередь, не могли не учитывать факт популярности среди крестьян аграрной программы социалистов. Основным содержанием этой программы было «признание необходимости перераспределения помещичьих земель в пользу малоимущих слоев населения» [13, с. 92].

Итак, в среде духовенства Дагестана произошло разделение на две группы – первая выступала во главе с А.-Х. Акушинским, другая с Н. Гоцинским [6, с. 9].

Социалистическая группа просуществовала как политическая организация до февраля 1919 г. Идейным союзником социалистов являлось Дагестанское просветительно-агитационное бюро (ДПАБ). В бюро, образованное в мае 1917 г., в основном входила студенческая молодежь, его председателем был У. Буйнакский, а заместителем Г. Саидов. В бюро также вошли С.С. Казбеков, М. Ахундов, Г. Далгат, Х.-О. Булач, А. Султанов, И. Махмудов, М. Далгат, А. Закуев, М. Чаринов, З. Батырмурзаев и другие. Члены бюро основную задачу своей организации видели в проведении политико-просветительской и агитационно-массовой работы среди горцев [24, с. 337; 11, с. 39].

В программе бюро можно выделить три важных момента, предопределивших дальнейшие взгляды их членов: 1. недовольство Временным правительством; 2. ориентация на РСДРП; 3. «активная позиция по пропаганде своих идей (в том числе и вне пределов Дагестанской области), осознаваемых как единственно правильных и жизненно необходимых для нищего «духовно и материально» народа [13, с. 100; 8, с. 27].

Осенью 1917 г. деятельность Просветительно-агитационного бюро была парализована в связи с переездом У. Буйнакского, Г. Далгата и А. Исмаилова в Петровск. Г. Саидов и М. Далгат также покинули Темир-Хан-Шуру и продолжали свою работу в Казикумухском и Даргинском округах. П. Ковалев одну из причин переезда У. Буйнакского и его сторонников в Петровск видел в недовольстве молодежи политикой М. Дахадаева и Дж. Коркмасова, от которых они

требовали «разрыва всяких сношений с правыми группировками», а также в стремлении «бывших членов бюро опереться на союз с портпетровским пролетариатом, более отзывчивым на революционную пропаганду, нежели по преимуществу мелко-буржуазное в социальном отношении население дагестанской столицы» [13, с. 101].

Параллельно с этим в Дербенте, Петровске, Кизляре, Хасавюрте и Темир-Хан-Шуре работали небольшие группы большевиков, хотя областной большевистской организации в Дагестане на тот период не было. Они все начали воссоздаваться после Февральской революции [23, с. 67]. Об этом писал и Г.А. Аликберов: «По свидетельству участников революционного движения, до апреля 1917 г. в Дагестане не было оформленных большевистских организаций» [11, с. 36]. На отдельных предприятиях существовали группы, работавшие в нелегальных условиях. Так, в основном большевистские организации функционировали в городах и некоторых близлежащих к ним селах [19; с. 15].

«В июле–августе 1917 г. прошли выборы в Советы. 25 июля в Темир-Хан-Шуре открылся съезд Советов Дагестана. Однако на нем были представлены в основном Советы военных депутатов, ...» [23, с. 67].

В исследуемый период на территории Дагестана проводились разные съезды и собрания. Среди них съезд алимов (ученых арабистов) Дагестана. Он состоялся 2 августа 1917 г. в Темир-Хан-Шуре. К самым важным вопросам, обсужденным на съезде, были отнесены: вопросы о судах, о пожертвованиях на полезные дела, о языке обучения в школах, об открытии в Дагестане духовных школ. Было постановлено: в судебных делах придерживаться шариата, для чего разработать свод законов; в каждом из округов открыть по одной духовной школе, а в Темир-Хан-Шуре – высшую духовную школу¹.

А.-Х. Акушинский, участвовавший в съезде алимов, говорил, «что обучение детей в светских школах и на тюрском языке противоречат шариату» [13, с. 108]. Он считал, что обучение детей в религиозных школах должно проходить только на арабском. Его поддерживали М. Дахадаев и Дж. Коркмасов, исходя из того, что «Коран и шариат написаны по-арабски». За введение обучения в школе на арабском языке выступал и Н. Гоцинский. «Ибрагим-Кади настаивал на введении турецкого языка, а Нажмутдин и Махач арабского. Махач поддерживал введение арабского языка, надеясь, что будет введен русский язык. Нажмутдин же не знал, что для школ отсутствуют книги по современным наукам на арабском языке» [13, с. 108–109]. В итоге после долгих споров решение было отложено до всеобщего съезда представителей Дагестана.

18 августа 1917 г. в Темир-Хан-Шуре прошел Всеобщий съезд представителей дагестанских народов. На съезде была обсуждена масса вопросов, но лишь

1 Выписки из буржуазно-националистической газеты «Джаридату Дагыстан» о съезде алимов и создании буржуазного националистического общества «Джамият уль Исламие» и решении ведения судопроизводства по шариату // Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее ЦГА РД). Ф. р-610. Оп. 1. Д. 17. Л. 2; Копии воззваний, писем, выписок из книг и газет о контрреволюционном панисламистском движении в Дагестане и предводителе его Гоцинском // ЦГА РД. Ф. р-614. Оп. 1. Д. 6. Л. 14.

два пункта вызвали разногласия: вопрос о судах и языке обучения. Так, в вопросе о судах было решено придерживаться шариата. Это решение было достигнуто благодаря тому, что большинство делегатов съезда были алимами и представителями духовенства.

Второй вопрос – о языке обучения – вновь вызвал разногласия среди делегатов несмотря на то, что изначально было вынесено постановление в пользу тюркского языка. В итоге с подачи социалистов было решено отложить этот вопрос до следующего съезда, а до этого собрать мнения от всех аулов для уточнения взгляда большинства населения².

Среди вопросов, вызвавших большие споры и дебаты, был вопрос о выборах Дагестанского исполнительного комитета и комиссара. Так дагестанские социалисты объединились с рабочими и солдатскими депутатами для привлечения на свою сторону части делегатов съезда и недопущения в выборы несоциалистов и своих противников. В итоге, в члены Исполнительного комитета вошли представители от социалистов и их сторонников. Помимо этого, комиссаром Дагестанской области был выбран карачаевец Б. Шаханов. По мнению съезда, выбор комиссара не из Дагестана мог способствовать беспристрастной и единой работе всех аппаратов и организаций [7, с. 25, 26]. В председатели Облисполкома избрали Дж. Коркмасова [13, с. 93].

В августе 1917 г. дагестанские социалисты созвали крестьянский съезд (или Областное крестьянское совещание), он был организован как бы в противовес съезду алимов, организованного шариатским блоком. На съезде приняло участие до трехсот человек. Цель съезда – обсуждение вопроса о земле³ [7, с. 26–27].

А. Тахо-Годи так описывал сложившуюся ситуацию: «... съезд оказался большой, ... и чрезвычайно бурный ..., – настолько бурный, что чуть не кончился скандалом, так как шарблук позже постарался «провести на съезд своих крестьян». Но настроение Съезда было настолько революционно-активное, что блоку не помог и шариат. Шариат на съезде перевернули «вверх ногами», так как съезду были заготовлены специальные цитаты из шариатских же книг, где говорилось, что земля принадлежит тому, кто ее «оживляет», т.е. значит крестьянину, так как помещики самолично не пахут. Воды тоже были объявлены достоянием общим, так что в итоге шариатисты со «своим» шариатом были побиты шариатом же социалистической группы и голодным, требующим земли, желудком съехавшихся крестьян». В итоге съезд принял следующие решения: «1. Все земли Дагестана, бывшие в распоряжении царизма, вернуть дагестанскому народу. 2. Воды Каспийского моря, заключенные в границах Дагестана, передать в распоряжение дагестанского народа, как неотъемлемую собствен-

2 Копии воззваний, писем, выписок из книг и газет о контрреволюционном панисламистском движении в Дагестане и предводителя его Гоцинском // ЦГА РД. Ф. р-614. Оп. 1. Д. 6. Л. 14.

3 Приказ губернатора Дагестанской области о мерах против появившихся инфекционных болезней, заявления о приеме в учебные заведения, переписка о выписке сведений, о числе учителей и учащихся, выдаче пособий, личному составу, хозяйственным и денежным вопросам // ЦГА РД. Ф. 81. Оп. 1. Д. 2. Л. 103.

ность. 3. Все бекские земли передать безвозмездно дагестанскому народу. 4. Земли, переданные беками некоторым лицам, также передать, как собственность, дагестанскому народу безвозмездно. 5. Земли, купленные некоторыми лицами у беков, передать дагестанскому народу, как собственность, откупив по себестоимости» [2, с. 22–23].

После всех этих событий в Дагестане был проведен второй Съезд народов Дагестана и Северного Кавказа (съезд в селении Анди), он состоялся 20 августа 1917 г. В съезде приняли участие делегаты и гости «со всех округов Северного Кавказа и из некоторых округов Южного Кавказа, Дагестана, мусульмане и другие нации. ... выехали делегаты из Украины ...»⁴. В то же время многие аулы Дагестана не отправили своих делегатов в Анди, среди них Андрей аул Хасавюртовского округа Терской области [30, с. 19].

Организаторы съезда предполагали, что он будет большим и торжественным, однако «съезд не оправдал их надежды, принял совершенно другой облик» [7, с. 29]. За несколько недель до съезда по аулам Андийского и Аварского округов разъезжал шейх Узун-Хаджи. Согласно сообщению «командования Ботлихского гарнизона от 23 августа 1917 г. начальнику войск Дагестанской области», Узун-Хаджи «призывал горцев к неповиновению поставленной над ними власти (власти Временного правительства), требовал избрания имамом Чечни и Дагестана Нажмутдина Гоцинского и восстановления шариата» [30, с. 18, 19].

«Против притязаний Н. Гоцинского на обладание теократической властью объединились социалисты Дагестана и Чечни и соперничавшие с ним по влиянию на массы шейхи А.-Х. Акушинский и Д. Арсанов». Интеллигенция, участвовавшая в съезде, была против «избрания Н. Гоцинского имамом Северного Кавказа. Не считаясь с их мнением, фанатик Узун-Хаджи обещал на съезде рубить головы саблём всякому, кто выступит против Гоцинского» [13, с. 94]. Участник съезда М.-К. Дибиров, характеризуя состояние присутствующих после избрания Н. Гоцинского имамом, писал: «Видя такие странно-дикие действия алимов и шейхов, часть делегатов, особенно представители интеллигенции, были поражены и испуганы. Никто не смел сказать слова против этого избрания. ... Известие об этом странном избрании распространилось повсюду. Бывшие в Дагестане русские войска, также узнав об этом, стали очень волноваться. ... Дагестанские социалисты чувствовали себя на съезде как приговоренные к смерти» [7, с. 30].

Часть дагестанских делегатов, дружелюбно настроенных к Гоцинскому, и часть алимов, чувствуя, что данное избрание может повлечь за собой тяжелые последствия, а именно конфликт с Временным правительством и верными ему войсками, уговорили «Н. Гоцинского отказаться от притязаний на имамство

4 Материал по истории Гражданской войны в Дагестане. Выписи из контрреволюционных и буржуазно-националистических газет о I буржуазно-националистическом «съезде Дагестана», деятельности Имама Гоцинского, контрреволюционном восстании Гоцинского в 1920 г. // ЦГА РД. Ф. р-614. Оп. 1. Д. 4. Л. 12.

(статус теократического правителя), то есть на абсолютную и неподконтрольную Петрограду власть и согласиться сохранять за собой исключительно духовный сан муфтия» [13, с. 95].

На этом, так и не начавшись, весьма странно завершился съезд: «одни из делегатов просто бежали от съезда, объятые паникой, другие вернулись с дороги, третьи вернулись со съезда, потеряв надежду создать порядок в Дагестане без вмешательства посторонней силы»⁵.

На съезде не было принято ни одного значимого решения, в итоге ЦК Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана не признал за Андийским съездом статуса общесеверокавказского учредительного съезда, его созыв был отложен на 20 сентября [13, с. 95].

В начале сентября 1917 г. в Темир-Хан-Шуре местными мусульманами был организован Временный дагестанский национальный комитет (Милликомитет), который был создан на основе «Общества ислама» – «Джамиатуль Исламия» (создан в апреле 1917 г.). Председателем комитета в начале его организации был избран М.-К. Дибиров, затем его сменил Д. Апашев, оставшийся на данном посту до ликвидации комитета [7, с. 27; 25, с. 26]. Заместителями временного Дагестанского национального комитета были избраны М.-М. Мавраев и бывший социал-демократ С. Куваршалов. В его состав в основном вошли беки, князья, муллы, хаджи, кадии, дибиры, алимы и офицеры [27, с. 109–110].

«Идеология и политическая стратегия новой организации», – пишут Б.Б. Булатов и Ю.М. Идрисов: «определялись оппозиционно настроенной к социалистической группе частью интеллигенции. В Милликомитет вошли учителя М.-К. Саадулаев и М.-К. Дибиров, редактор газеты «Мусават» М. Мавраев, врачи Ш. Бартов, Б. Султанов и Т. Бамматов, инженеры И. Гайдаров, З. Темирханов и С. Куваршалов, юрист Г. Бамматов» [13, с. 94]. Милликомитет являлся крупной организацией, у него были свои вооруженные силы – шариатская милиция, были «печатные органы на арабском и кумыкском языках» [31, с. 24].

Толчком к организации Временного национального комитета с общедагестанскими функциями послужило недовольство со стороны народа по отношению к новым выборам в Дагестанский исполнительный комитет во главе с социалистами.

Цели Дагестанского национального комитета вначале были следующими: «1) быть посредником между народом и властями, разъяснять народу нововведения и доводить до властей чаяния народа; 2) при уходе из Дагестана русских войск предупреждать столкновения между этими войсками и населением; 3) информировать народ о будущем России и о выборах в Учредительное собрание; 4) неуклонно развивать национальную культуру и разрабатывать необходимые в этом отношении мероприятия, обращаясь за содействием к высшим органам власти в Дагестане» [25, с. 26–27].

5 Копии воззваний, писем, выписок из книг и газет о контрреволюционном панисламистском движении в Дагестане и предводителе его Гоцинском // ЦГА РД. Ф. р-614. Оп. 1. Д. 6. Л. 17.

М.-К. Дибиров, являвшийся вначале председателем данного комитета, признавал, что «хотя первоначальная цель Национального Комитета заключалась» в перечисленных четырех пунктах, «впоследствии он стал вмешиваться в политические дела» [7, с. 28].

Таким образом, в августе-сентябре 1917 г. социалистическому по своему составу Облисполкому стал противостоять Милликомитет. А. Тахо-Годи писал о «Милликомитете», что эта организация обладала «не меньшими функциями, чем Исполком. Разница разве была в том, что Исполком должен был заниматься всеми вопросами, которые до него доходили, а Национальный комитет занимался только теми, какие его интересовали. Или еще: Исполком не имел никакой реальной силы, а Национальный комитет опирался на силу «национальной» милиции» [2, с. 21].

Дагестанский мусульманский национальный комитет помимо Темир-Хан-Шуры имел свои организации в Петровске, Дербенте, во всех округах, в аулах Аварского, Казикумухского, Самурского, Гунибского, Кюринского округов. Руководителем дербентской организации «Милликомитета» был бывший городской староста Касум-бек Гайдаров [27, с. 112, 113; 26, с. 460, 461].

20 сентября 1917 г. во Владикавказе состоялся второй съезд Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана. В этом съезде приняли участие лишь три представителя от Дагестана. Здесь был избран новый Центральный Комитет, изменены некоторые положения и утверждены постановления первого съезда. Н. Гоцинский был избран муфтием всех мусульман Северного Кавказа и Дагестана⁶. II съезд горцев Кавказа объявил Союз горцев «полномочным» правительством, независимым от России [31, с. 24].

На последующем съезде, прошедшем во Владикавказе 16–20 октября 1917 г. «произошло сближение между горским правительством и гражданским исполнительным комитетом казачьих войск» [23, с. 63]. 20 октября 1917 г. был учрежден Юго-Восточный Союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей. В союз вошли: Донское, Кубанское, Терское и Астраханское казачьи войска, горцы Северного Кавказа, Дагестана, Сухумского и Закатальского округов и вольные степные народы Астраханской и Ставропольской губернии. 31 октября 1917 г. к Союзу присоединилось и Уральское казачье войско [2, с. 167].

25 октября 1917 г. в Петрограде произошло вооруженное восстание (Октябрьская революция), в результате которого было свергнуто Временное правительство. Государственная власть «перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов – Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона» [32, с. 919–920].

Февральская революция привела к смене старых органов власти новыми, этот процесс растянулся на два месяца. Были сформированы новые институты власти. Органами Временного правительства были Дагоблисполком,

6 Приказ Дагестанского областного комиссара № 115. 26 октября 1917 года // ЦГА РД. Ф. р-609. Оп. 1. Д. 34. Л. 4; Правила о горской буржуазной милиции; программа заседания I меньшевистского делегатского съезда государственных служащих Кавказа // ЦГА РД. Ф. р-610. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

комиссары, Дагоблсовет. Создание ЦК Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана было попыткой создания новой государственности народов Северного Кавказа. Произошло размежевание общественно-политических сил Дагестанской области на организации социалистической ориентации (Советы, соцгруппа и т.д.), национального направления (милликомитеты, еврейские, азербайджанские, армянские и др. организации) и религиозного типа «политизировавшиеся» в условиях революционной демократии («Общество ислама», «Общество ученых-алимов»). Если население городов было политизировано, то сельское население вело себя пассивно.

На съездах, проходивших на территории Дагестана и Северного Кавказа, самыми острыми были аграрный вопрос, о языке обучения и вопрос о судах. Наметилось противостояние между соцгруппой и Н. Гоцинским. Благодаря деятельности соцгруппы произошел раскол в среде духовенства Дагестана (на группу во главе с А.-Х. Акушинским и другую, во главе с Н. Гоцинским). В августе-сентябре 1917 г. возникло противостояние между социалистическим по своему составу Облисполкомом и Милликомитетом. Будучи созданным для посредничества между народом и властями, Милликомитет начал постепенно вмешиваться в политические дела. Положение в Дагестанской области было сложным и противоречивым. Впереди был октябрь 1917 г., когда ситуация еще больше обострилась.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Самурский Н. (Эфендиев). Гражданская война в Дагестане. Махачкала: Даггосиздат, 1925. 32 с.
2. Тахо-Годи А. Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала: Дагестан. гос. изд-во, 1927. 243 с.
3. Караев К.Р. В горах Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1957. 48 с.
4. Далгат А. В огне революции. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1960. 280 с.
5. Далгат А.М. Страна революционной героики. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1968. 108 с.
6. Караев К.Р. Воспоминания. Махачкала: Типография Дагфилиала АН СССР, 1968. 88 с.
7. Дибиров (Карахский) М.-К. История Дагестана в годы революции и гражданской войны / под ред. А.-Г. С. Гаджиева и Д.А. Дахдueva. Махачкала, 1997. 200 с.
8. Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане 1917–1921 гг.: сборник документов и материалов / редкол. Г.А. Аликберов, Г.-А.Д. Даниялов, Ш.А. Магомедов, Г.Г. Османов, О.А. Блюмфельд. Москва: Акад. Наук СССР, 1958. 539 с.
9. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.), Горская Республика (1918–1920 гг.). Документы и материалы / редкол. М.Д. Бутаев, Г.И. Какагасанов, А.И. Османов, Д.Ш. Халидов. Махачкала, 1994. 440 с.
10. Эмиров Н. Установление Советской власти в Дагестане и борьба с германо-турецкими интервентами (1917–1919 гг.). Москва: Тип. Высш. парт. школы при ЦК ВКП (б), 1949. 188 с.

REFERENCES

1. Samurskij N. (Efendiev). *The civil war in Daghestan [Grazhdanskaya vojna v Dagestane]*. Makhachkala: Daggosizdat, 1925: 32. (In Russ.).
2. Taho-Godi A. *Revolution and counter-revolution in Daghestan [Revoljucija i kontrrevoljucija v Dagestane]*. Makhachkala, Daghestan. gos. izd-vo, 1927: 243. (In Russ.).
3. Karaev KR. *In the mountains of Daghestan [V gorah Dagestana]*. Makhachkala, Dagkniгоizdat, 1957: 48. (In Russ.).
4. Dalgat A. *In the fire of the revolution [V ogne revoljucii]*. Makhachkala, Dagkniгоizdat, 1960: 280. (In Russ.).
5. Dalgat AM. *Country of revolutionary heroics [Strana revoljucionnoj geroiki]*. Makhachkala, Dagkniгоizdat, 1968: 108. (In Russ.).
6. Karaev KR. *Memories [Vospominanija]*. Makhachkala, Tipografiya Dagfiliala AN SSSR, 1968: 88. (In Russ.).
7. Dibirov (Karahskij) M-K. *The history of Daghestan during the years of revolution and civil war [Istoriya Dagestana v gody revoljucii i grazhdanskoj vojny]* / Gadzhiev A-GS, Dahdueva DA, editors. Makhachkala, 1997: 200. (In Russ.).
8. Alikberov GA, Daniyalov G-AD, Magomedov ShA, Osmanov GG, Blyumfeld OA, editors. *The struggle for the establishment and consolidation of the Soviet power in Daghestan in 1917–1921: collection of documents and materials [Borba za ustanovlenie i uprochenie Sovetskoj vlasti v Dagestane 1917–1921 gg.: sbornik dokumentov i materialov]*. Moscow: The USSR RAS Publ., 1958: 539. (In Russ.).

11. Аликберов Г.А. Победа социалистической революции в Дагестане. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1968. 284 с.
12. Сулаев И.Х. Мусульманское духовенство Дагестана и светская власть: борьба и сотрудничество (1917–1921 гг.). Махачкала, 2004. 184 с.
13. Булатов Б.Б., Идрисов Ю.М. Дагестанская интеллигенция в трех революциях. Махачкала: Rizo-Press, 2007. 144 с.
14. Доного Х.М. Нажмуддин Гоцинский. Махачкала: ДГПУ, 2011. 560 с.
15. Джамбулатов Р.Т. Революция и гражданская война на Тереке. (Хасав-Юртовский округ и Кизлярский отдел). Махачкала: Rizo-Press, 2012. 160 с.
16. Доного Х.М., Дахдуйев Д. Мухаммад-Кадди Дибиров. На изломе веков. Махачкала: Эпоха, 2015. 504 с.
17. Абдулаева М.И. Второй Дагестанский конный полк в составе Кавказской туземной конной дивизии (1914–1917 гг.) // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2014. № 4. С. 78–84.
18. Абдулаева М.И. Революция 1917 г. и Гражданская война (1918–1921 гг.) в судьбах военной интеллигенции Дагестана // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 5. С. 51–58. DOI: 10.22162/2075-7794-2017-33-5-51-58
19. Мирзабеков М.Я. К вопросу тактики компромиссов и союзов большевиков в период Октябрьской революции и Гражданской войны в Дагестане // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2019. Вып. 1/40. С. 11–27. DOI: 10.24411/2078-1024-2019-11001
20. Сулаев И. Революция и гражданская война в восприятии и деяниях мусульманского духовенства Дагестанской области (1917–1921 гг.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. №1-2. С. 463–487. DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2019-37-1/2-463-487>
21. Каймаразов Г.Ш., Каймаразова Л.Г. События Гражданской войны в Дагестане (1918–1921 гг.) Через призму комического (по воспоминаниям очевидцев) // Манускрипт. 2019. Т. 12. Вып. 10. С. 56–63. DOI: <https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.10.10>
22. Салихова Л.Б. К вопросу формирования органов Временного правительства в Дагестане // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 2. С. 365–374. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-365-374>
23. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 2.: История Дагестана в XX веке / ред. А.И. Османов. Махачкала: Юпитер, 2005. 664 с.
24. История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. К 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России / под ред. Б.Г. Алиева, Э.М. Далгат, Г.А. Искендерова, Г.Ш. Каймаразова, А.И. Османова. Махачкала: Типография ДНЦ РАН, 2009. 752 с.
25. Аликберов Г.А. Революция и гражданская война в Дагестане. Хроника важнейших событий (1917–1921 гг.). Махачкала: Дагестан. кн. изд-во, 1962. 216 с.
26. Гусейнов Г.-Б.Я. Краткая энциклопедия города Дербента. Махачкала: Юпитер, 2005. 768 с., ил.
27. Кашкаев Б.О. От Февраля к Октябрю. М.: Наука, 1972. 366 с.
9. Butaev MD, Kakagasanov GI, Osmanov AI, Halidov DSh, editors. *Union of Allied Mountaineers of the North Caucasus and Daghestan (1917–1918), Mountain Republic (1918–1920). Documents and materials [Sojuz ob#edinen-nih gorcev Severnogo Kavkaza i Dagestana (1917–1918 gg.), Gorskaja Respublika (1918–1920 gg.). Dokumenty i materialy]*. Makhachkala, 1994: 440. (In Russ.).
10. Emirov N. *The establishment of the Soviet power in Daghestan and the struggle against the German-Turkish invaders (1917–1919) [Ustanovlenie Sovetskoj vlasti v Dagestane i borba s germano-tureckimi interventami (1917–1919 gg.)]*. Moscow: Tip. Vyssh. part. shkoly pri CK VKP (b), 1949: 188. (In Russ.).
11. Alikberov GA. *Victory of the socialist revolution in Daghestan [Pobeda socialisticheskoy revolyucii v Dagestane]*. Makhachkala, Dagknigoizdat, 1968: 284. (In Russ.).
12. Sulaev IH. *Muslim clergy of Daghestan and secular power: struggle and cooperation (1917–1921) [Muslimanskoe duhovenstvo Dagestana i svetskaya vlast: borba i sotrudnichestvo (1917–1921 gg.)]*. Makhachkala, 2004: 184. (In Russ.).
13. Bulatov BB, Idrisov JuM. *Dagestan intelligentsia in three revolutions [Dagestanskaja intelligencija v treh revoljucijah]*. Makhachkala, “Rizo-Press” Publ., 2007: 144. (In Russ.).
14. Donogo KhM. *Nazhmuddin Gotsinsky [Nazhmuddin Gocinskiy]*. Makhachkala: DGPU, 2011: 560. (In Russ.).
15. Dzhambulatov RT. *Revolution and civil war on the Terek (Khasav-Yurt district and Kizlyar department) [Revoljucija i grazhdanskaya vojna na Tereke. (Hasav-Yurtovskij okrug i Kizlyarskij otdel)]*. Makhachkala: Rizo-Press, 2012: 160. (In Russ.).
16. Donogo KhM, Dakhduyev D. *Muhammad-Kadi Dibirov. On the turn of the ages [Muhammad-Kadi Dibirov. Na izlome vekov]*. Makhachkala: Epokha, 2015: 504. (In Russ.).
17. Abdulaeva MI. *The Second Dagestan Equestrian Regiment as part of the Caucasian Indigenous Equestrian Division (1914–1917). Vestnik Instituta istorii arkheologii i ietnografii*. 2014. (4): 78–84. (In Russ.).
18. Abdulaeva MI. *The Russian Revolution of 1917 and Russian Civil War (1918–1921) in the Destinies of the Dagestani Military Intelligentsia. Oriental Studies*. 2017. (5): 51–58. (In Russ.) DOI: 10.22162/2075-7794-2017-33-5-51-58
19. Mirzabekov MY. *To the question of tactics of compromises and the bolshevik unions during the October revolution and the civil war in Dagestan. Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2019. Iss. 1/40: 11–27. (In Russ.). DOI: 10.24411/2078-1024-2019-11001
20. Sulaev I. *Revolution and Civil War through the Perceptions and Actions of Muslim Clergy in Dagestan, 1917–1921. Gosudarstvo, religija, tserkov’ v Rossii za rubezhom*. 37(1-2): 463–487. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2019-37-1/2-463-487>
21. Kaimarazov GS, Kaimarazova LG. *The Civil war events in Dagestan (1918–1921) through the lenses of the comical (according to eyewitnesses’ memories). Manuscript*. 2019. 12 (10): 56–63. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.10.10>
22. Salikhova LB. *Formation of Provisional Government Bodies in Dagestan. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(2): 365–374. (In Russ.).

28. Гаджиев А.-Г. Помощь русского народа в установлении Советской власти в Дагестане. Махачкала, 1963. 354 с.
29. Далгат Э.М., Магомедова С.А. Магомед Далгат: Эпоха, жизнь, деятельность. Махачкала: Дагкнигоиздат, 2015. 144 с.
30. Кашкаев Б.О. Борьба за Советы в Дагестане. 1917–1920 годы. М.: Соцэкгиз, 1963. 288 с.
31. История Дагестана / редкол. Г.А. Аликберов, В.Г. Гаджиев, Г.В. Даниялов. М.: Наука, 1968. Т. III. 426 с.
32. Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / отв. ред. Ю.А. Петров. М.: Полит. энцикл., 2014. 982 с.
- Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-365-374>
23. Osmanov AI, editor. *History of Dagestan from ancient times to the present day. Vol. 2. The history of Dagestan in the XX century [Istorija Dagestana s drevnejshih vremen do nashih dnei. T. 2. Istorija Dagestana v XX veke]*. Makhachkala, "Iupiter" Publ., 2005: 664. (In Russ.).
24. Aliev BG, Dalgat EM, Iskenderov GA, Kaimarazov GSh, Osmanov AI, editors. *The history of centuries-old relationships and unity of the peoples of Dagestan with Russia. On the 150th anniversary of the final incorporation of Dagestan into Russia [Istorija mnogovekovyh vzaimootnoshenij i edinenija narodov Dagestana s Rossiej. K 150-letiju okonchatel'nogo vhozhdenija Dagestana v sostav Rossii]*. Makhachkala, "DSC RAS" Publ., 2009: 752. (In Russ.).
25. Alikberov GA. *The revolution and civil war in Dagestan. Chronicle of the most important events (1917–1921) [Revoljucija i grazhdanskaja vojna v Dagestane. Hronika vazhnejshih sobytij (1917–1921 gg.)]*. Makhachkala, Dagestan. kn. izd-vo, 1962: 216. (In Russ.).
26. Gusejnov G-BJa. *Brief encyclopedia of Derbent [Kratkaj enciklopedija goroda Derbenta]*. Makhachkala, "Iupiter" Publ., 2005: 768. (In Russ.).
27. Kashkaev BO. *From February to October [Ot Fevralja k Oktjabrju]*. Moscow, "Nauka" Publ., 1972: 366. (In Russ.).
28. Gadzhiev A-G. *Help of the Russian people in the establishment of Soviet power in Dagestan [Pomoshh' russkogonaroda v ustanovlenii Sovetskoj vlasti v Dagestane]*. Makhachkala, 1963: 354. (In Russ.).
29. Dalgat EM, Magomedova SA. *Magomed Dalgat: Epoch, life, activity [Magomed Dalgat: Epokha, zhizn', deyatel'nost']*. Makhachkala: Dagkniгоizdat, 2015: 144. (In Russ.).
30. Kashkaev BO. *The struggle for Soviets in Dagestan. 1917–1920 [Bor'ba za Sovety v Dagestane. 1917–1920 gody]*. Moscow, Sotsekgiz, 1963: 288. (In Russ.).
31. Alikberov GA, Gadzhiev VG, Danijalov GV, editors. *History of Dagestan [Istorija Dagestana]*. Moscow, "Nauka" Publ., 1968, vol. III: 426. (In Russ.).
32. Petrov JuA, editor. *Russia during the First World War: economic situation, social processes, political crisis [Rossija v gody Pervoj mirovoj vojny: jekonomicheskoe polozhenie, social'nye processy, politicheskij krizis]*. Moscow, Polit. entsikl., 2014: 982. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 16.07.2020 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH164969-981>

Хабутдинов Айдар Юрьевич,
д.и.н., профессор
Казанский филиал Российского государственного университета правосудия,
Институт международных отношений
Казанский федеральный университет, Казань, Россия
aihabutdinov@mail.ru

Имашева Марина Маратовна,
д.и.н., доцент
Институт международных отношений
Казанский федеральный университет, Казань, Россия
imaschewa@yandex.ru

ЛИДЕРЫ МУСУЛЬМАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ОБ ОСНОВНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВОПРОСАХ НАЧАЛА XX ВЕКА

Аннотация: В статье, на основе широкого круга документов, предпринята попытка анализа взаимодействия лидеров российского мусульманского общественного движения по основным политическим вопросам двух ключевых регионов: Волго-Уральского и Кавказа, в начале XX века. Речь идет о сотрудничестве лидеров мусульманского движения в рассмотрении вопросов о моделях государственности и автономии и земельном. Рассмотрено взаимодействие мусульман Волго-Уральского региона и Кавказа в рамках деятельности партии «Иттифак аль-муслимин», мусульманской фракции имперской Государственной Думы четырех созывов, в период революционных событий 1917 г. и Гражданской войны.

Источниковой базой исследования являются законопроекты, законодательные источники, программы партий и фракций, делопроизводственные материалы, стенографические отчеты заседаний Государственной Думы всех четырех созывов и мусульманских съездов, статьи из мусульманской прессы той эпохи. Методологически статья построена на систематизации, классификации и анализе указанных документов. Для сопоставления фактов и событий, связанных с деятельностью лидеров мусульманского движения Российской империи начала XX века и определения их роли в истории взаимодействия мусульман Волго-Уральского региона и Кавказа был применен принятый в отечественной науке сравнительно-исторический метод. Сделаны выводы о том, что, во-первых, во главе общественного движения мусульман Российской империи стояла экономическая и интеллектуальная элита татарского и азербайджанского народов. Во-вторых, главными вопросами, стоявшими перед мусульманскими политиками России в начале XX в. были вопросы о форме государственного устройства и автономии мусульман и земельный. В-третьих, политическое сотрудничество лидеров мусульман Волго-Уральского региона и Кавказа в начале XX века привело к созданию всероссийской мусульманской партии «Иттифак аль-Муслимин», мусульманской фракции Государственной Думы, созывам общероссийских мусульманских съездов.

Ключевые слова: мусульмане, Волго-Уральский регион, Кавказ, национальный вопрос, аграрный вопрос, государственное устройство, общественно-политическое движение, революция.

© Хабутдинов А.Ю., Имашева М.М., 2020

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2020

 Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH164969-981>

Aydar Y. Khabutdinov,
D.Sc. (History), Professor
Kazan branch of the Russian State University of Justice,
Institute of international relations
Kazan Federal University, Kazan, Russia
aihabutdinov@mail.ru

Marina M. Imasheva,
D.Sc. (History), Associate Professor
Institute of international relations
Kazan Federal University, Kazan, Russia
imaschewa@yandex.ru

LEADERS OF THE MUSLIM MOVEMENT OF THE RUSSIAN EMPIRE ON THE MAJOR POLITICAL ISSUES OF THE EARLY 20TH CENTURY

Abstract. Based on a wide range of documents, the paper attempts to analyze interactions of leaders of the Russian Muslim social movement on the main political issues in two key areas of the early 20th century: Volga-Ural region and the Caucasus. The issue under study is the collaboration of the leaders of the Muslim movement regarding models of statehood and autonomy. Interactions of Muslims of Volga-Ural region and the Caucasus within the framework of activity of "Ittifaq al-Muslimin" party, Muslim faction of the imperial State Duma of four sessions during the revolution events of 1917 and the Civil War is considered.

The source base for the study consists of bills, legislative sources, programs of parties and factions, record keeping materials, verbatim records of meetings of the State Duma of all four sessions and Muslim congresses, articles from the Muslim press of that period. Methodologically, the article is based on the systematization, classification and analysis of these documents. To compare the facts and events related to the activities of the leaders of the Muslim movement of the Russian Empire at the beginning of the 20th century and determine their role in the history of interaction between Muslims of the Volga-Ural region and the Caucasus, the comparative-historical method adopted in domestic science is applied. The authors conclude that, firstly, the economic and intellectual elites of the Tatar and Azerbaijani peoples were in charge of the social movement of Muslims of the Russian Empire. Secondly, the main issues facing the Muslim politicians of Russia at the beginning of the 20th century were regarding the form of government and the autonomy of Muslims and the land one. Thirdly, the political collaboration between the leaders of the Muslims of the Volga-Ural region and the Caucasus at the beginning of the 20th century led to the creation of the All-Russian Muslim Party "Ittifaq al-Muslimin", the Muslim faction of the State Duma, and the session of all-Russian Muslim congresses.

Keywords: Muslims; Volga-Ural Region; Caucasus; national question; agrarian question; state organization; social-political movement; revolution.

© A.Y. Khabutdinov, M.M.Imasheva, 2020

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2020

 Creative Commons Attribution 4.0 International License

Начало XX века в Российской империи часто определяют, как «эпоху войн и революций». Действительно, в течении первых двух десятилетий этого века, огромная страна пережила целый ряд глобальных событий, которые кардинально повернули вектор ее исторического развития. Первая русская революция 1905–1907 гг. «разбудила» все социальные, этнические и конфессиональные группы в стране. В этот период организационно оформились ведущие политические партии и движения, одним из которых стало мусульманское общественно-политическое движение.

Летом 1905 г. в Нижнем Новгороде прошел учредительный первый съезд всероссийской мусульманской партии «Иттифак аль-Муслимин». Затем, в 1906–1907 гг. состоялось еще два съезда, на которых были сформулированы проблемы, стоявшие перед мусульманским сообществом Российской империи, принята программа партии. Лидерами общественного движения мусульман в тот период стали татары Волго-Уральского региона и представители Кавказа, сформировавшие самую деятельную часть мусульманской фракции Государственной Думы всех четырех имперских созывов. Именно они задавали тон и в Думе, и в последующем в обсуждении ключевых вопросов: о моделях автономии и государственности, и, конечно, земельном. А также воплотили их на практике в 1917–1920-гг. в проектах Идель-Урал Штата, Азербайджанской Демократической и Горской республик.

Процесс создания национальных автономий и государств у мусульманских народов Российской империи в начале прошлого века носил постепенный характер. При этом единства в определении формы предполагаемого устройства в концепциях мусульманских лидеров не существовало. Обсуждались три формы: религиозной, национально-культурной и территориальной автономий. Каждая из них поддерживалась конкретными политическими силами, имела и своих противников. При этом любая из этих форм до 1917–1918 гг. была тесно связана с развитием общеполитического процесса в Российской империи в части расширения прав граждан, этнических групп и регионов.

Впервые данная проблема оказалась на политической повестке дня в годы первой русской революции. В округе ОМДС (Оренбургское магометанское духовное собрание) все явственнее звучали запросы о необходимости расширения прав мусульман и создания новой формы религиозной автономии с широким спектром гарантированных государством прав. В Волго-Уральском регионе в 1905 г. в качестве возможной модели такой автономии рассматривался правовой статус Закавказского мусульманского духовенства суннитского учения.

10–15 апреля 1905 г. прошло совещание «Голяма жэмгыате» («Общества улемов»), инициировало которое ОМДС в г. Уфе. Председателем собрания стал сам муфтий Мухамедъяр Султанов. Это совещание было инициировано председателем Кабинета министров С.Ю. Витте, который хотел получить официальные авторитетные сведения (оформленные в доклад на Высочайшее имя) по проблемам мусульманской общины [1, с. 154–159].

В заседаниях совещания приняли участие улемы, мударрисы, ахуны, мугаллимы – мусульманская элита практически со всех регионов, входивших в состав ОМДС. И здесь впервые муфтий М. Сыртланов предложил в качестве образца предполагаемой реформы ОМДС Высочайше утвержденное положение об управлении Закавказского мусульманского духовенства от 5 апреля 1872 г., (входившее в Свод законов Российской империи), которое было включено в 11 том (Ч.1) «Свода учреждений и уставов Управления Духовных Дел иностранных исповеданий Христианских и иноверных (Издание 1896 г.) [2, с. 190–254].

В качестве предполагаемого образца реформы М. Султанов на заседании совещания предложил Третий раздел закона (Об управлении Закавказского Мусульманского духовенства шиитского и суннитского вероисповеданий), который входил в Шестую книгу «Об управлении духовных дел магометан». Основное внимание было уделено ст. 1558–1672, которые составляли Вторую главу документа: «Об управлении Закавказского Мусульманского духовенства Суннитского учения» [3, с. 16–17].

Казый (кадий) ОМДС Ризаэтдин Фахретдин (будущий муфтий в 1923–1936 гг.) сделал основной доклад на совещании. Согласно его тезисам: 1) в Российской империи необходимо создать должность Шейх-уль-Ислама, который будет общепризнанным лидером мусульман в масштабах всего государства; 2) выборы Шейх-уль-ислама должны осуществляться самими мусульманами на альтернативной основе; 3) Шейх-уль-ислам возглавляет единый для всех мусульманских регионов орган – Собрание (Управление), которое находится в столице империи – Санкт-Петербурге; 4) Собрание состоит из казыев-улемов.

Также Р. Фахретдин считал, что в состав Департамента духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ) Министерства внутренних дел в качестве консультантов должны войти представители всех правовых школ (мазхабов) ислама, распространенных в империи. В регионах с большим количеством мусульман Риза казый предложил создать губернские мусульманские управления, подобные тем, которые уже существовали в Закавказье [3, с. 39–41].

То, что в качестве образца были взяты Закавказские духовные управления мусульман (суннитское и шиитское), не случайно. Утвержденные в 1872 г., к началу XX в. они уже успели продемонстрировать свою состоятельность и эффективность. В действительности, по Положению 1872 г. сложилась достаточно стройная трехуровневая система управления: низовая ступень была представлена приходским духовенством; средняя ступень – губернскими межлисами в составе казия – председателя и двух членов из числа наиболее почитаемых мул; высшая ступень – это Духовное правление в составе Муфтия – председателя и трех членов из числа казыев [4, с. 235–244].

К сожалению, проект, предложенный и одобренный лидерами ОМДС так и остался на бумаге и не был реализован, никаких реальных шагов на пути расширения прав и российских мусульман и создания религиозной автономии российское правительство не предприняло.

Тот факт, что в качестве образца устройства автономии в Волго-Уральском регионе было взято Положение о Закавказском духовном управлении, не случаен. К началу XX в. казанские татары, которые составляли главную «движущую силу» мусульманского общественного движения (в количественном и экономическом отношениях) в стране, по достоинству оценили экономическую и интеллектуальную элиту азербайджанской нации. И это отразилось в работе над программой политической партии «Иттифак», авторами которой оказались татары и азербайджанцы. К составлению программы партии мусульман Российской империи «иттифаковцы» приступили сразу после провозглашения Манифеста 17 октября 1905 г. В совещании по этому вопросу в Санкт-Петербурге приняли участие азербайджанцы А.-М. Топчибашев и А. Агаев и татарин Г.-Р. Ибрагим, они и стали одними из основных авторов документа.

Партия мусульман приняла участие в выборах в Государственную Думу. Лидеры «Иттифак аль-Муслимин» стали ядром мусульманской фракции первого российского парламента, в которой были представители от всех мусульманских регионов империи: Крыма, Кавказа, Средней Азии и Казахстана, Волго-Уральского региона. При безусловной поддержке татарских общественных деятелей председателем фракции был избран А.-М. Топчибашев.

В период деятельности I Государственной Думы в среде депутатов-мусульман сформировалось «Общество автономистов» (сторонников территориальной автономии мусульман по образцу Великого княжества Финляндского). И здесь мы также видим единство мыслей татарских и кавказских мусульман, в общество вошли азербайджанец А. Агаев, татары Г.-Р. Ибрагим, Ш.-А. Сыртланов и С.-Г. Джантюрин [5, с. 204–206].

Уже в августе 1906 г., на III Всероссийском мусульманском съезде в Нижнем Новгороде делегатами обсуждается вопрос о типе автономии мусульман России. Среди предлагавшихся к реализации вариантов наиболее прогрессивной являлась модель развития мусульман Закавказья (азербайджанцев) – территориальной автономии. Эта модель воспринималась другими мусульманскими народами империи как ориентир развития мусульманских народов в границах российской государственности. При этом сразу возникал вопрос о контроле над землей, так как любая территориальная автономия требовала наличие земельного фонда.

А.-М. Топчибашев представил на съезде программу «Иттифак» и сделал главный доклад по этому вопросу. Всем гражданам предполагаемого конституционного правового государства предоставлялись равные права, без различия национальной и конфессиональной принадлежности. Государственно-правовые вопросы в программе решались в соответствии с программой партии конституционных демократов (кадетов). Вопросы религиозного содержания (*никах, талак, мирас*) должны были решаться специально учреждаемыми шариатскими судами. Во многих вопросах государственного устройства, авторы программы «Иттифак», обращались к программе конституционных демократов (кадетов). В частности, рабочий и аграрный вопросы практически

полностью решались на основе кадетской программы. Но была одна поправка – земельный фонд передавался в ведение местных органов самоуправления, в которых мусульмане имели право участия, равно как и представители всех других национальностей и конфессий.

Отдельного внимания заслуживает раздел Программы «Иттифак» о «*махалли мухтариат*» (под этим термином подразумевалась самоуправляющаяся община мусульман на местах, мусульманская автономия). Предполагалось, что территория государства будет разделена на области – *вилаяты*, которые в свою очередь делились на территориальные единицы следующего, низшего уровня.

В каждом вилайате избирался представительный орган – *меджлис*, имевший право издавать законодательные акты в пределах своей территории и компетенции. Все должности в местном управлении – выборные. Обязательность исполнения законов всего государства должен был контролировать чиновник, назначаемый из центра. Официальный язык в вилайате – язык представителей той национальности, которые составляли большинство в нем, но при этом гарантировалось право других национальностей на осуществление делопроизводства, просветительской и образовательной деятельности на своих родных языках. Таким образом, предлагался проект национально-культурной автономии.

Также предлагалась и экстерриториальная автономия (или религиозная автономия), аналогичная *системе миллетов* Османской империи. Согласно программе, мусульмане России получали возможность создания единого религиозного центра (Духовного управления), самостоятельного выбора духовенства и создания мусульманских обществ и общин. Под исключительный контроль мусульман передавались благотворительные организации, вакуфы, образовательные учреждения (мектебе и медресе), мечети, места поклонения [6].

Таким образом, А.-М. Топчибашев предложил создание не только религиозной автономии, но и переход к созданию широкого местного самоуправления, которое стало бы переходным этапом к территориальной автономии. Большинство присутствовавших на съезде делегатов, тем не менее, доклад Топчибашева, восприняли как программу будущего. Признанные лидеры мусульманского движения И. Гаспринский и Ю. Акчура высказались, что основным ориентиром политического развития для мусульман империи должно стать объединение всех мусульман «вокруг органа религиозной автономии, а не партийной программы» [4, с. 128–129].

Поражение первой русской революции привело к общему спаду политической активности в государстве. Отразилось это и на мусульманском движении. Некоторые лидеры мусульманского движения покинули Россию после 1907 г. Но, в целом, период революции позволил российским мусульманам консолидироваться, сформулировать свои политические запросы, предложить варианты их решения. Окончательно определились лидеры, среди которых главную роль играли мусульмане Волго-Уральского региона и Кавказа.

Муса Биги в 1914 г. писал о мусульманском движении 1905–1907 гг.: «У нас, без сомнения, движение началось. В этом общем общественном движении проявились силы в участии многих людей, среди них усилия пяти -- десяти человек были значительными и благословенными. Нация без сомнения выиграла. Утрата из-за эмиграции таких национальных лидеров как Рашид Ибрагим, Али-Мардан Топчибашев, Мухаммед Шахтахтинский и Ахмед Агаев невозмещима» [7, с. 20–21]

Сформулировав идею о необходимости создания своей автономии, мусульмане сталкиваются с необходимостью решения земельного вопроса. На протяжении столетий российская имперская политика практиковала широкую раздачу земель коренных народов, без учета их интересов. В этой связи, представляет интерес тот факт, что мнения представителей Волго-Уральского региона и Кавказа сошлись.

В I и II Государственных Думах велась оживленная полемика по вопросу конфискации земель у мусульман Российской империи. В Думе Первого созыва активную позицию по вопросу о необходимости возвращения конфискованных башкирских земель занял депутат от Уфимской губернии член ЦК партии «Иттифак аль-Муслимин» Шах-Айдар Сыртланов, выступив по этому вопросу с трибуны парламента 2 июня 1906 г. [8, с. 923] В Думе Второго созыва особенно ярко прозвучало выступление депутата, учителя из Уфимской губернии, представителя «мусульманской трудовой группы» («думачы») Калимуллы Хасанова. 16 мая 1907 г. он выступил с трибуны с протестом против конфискации земель Башкирско-Мещеряцкого войска площадью более двух миллионов десятин земли: «Если нам наши земли, отобранные правительством, не будут возвращены, мы все меры будем принимать к тому, чтобы эти земли обратно отобрать» [9, стб. 641].

На заседании II Государственной думы 16 мая 1907 г. член мусульманской фракции, казах из числа потомков чингизидов, Бахытжан Каратаев заявил: «пусть помнит Государственная Дума, что киргиз-кайсаки... всегда сочувствуют всем оппозиционным фракциям, которые желают принудительного отчуждения частновладельческих земель для удовлетворения крестьянского земельного голода. Но имейте в виду то, что в настоящее время выселяют киргизов не с земель, а из жилых домов для того, чтобы освободить их места для русских крестьян». [9, стб. 43–45].

Представители казахов и башкир были недовольны ситуацией, когда их земли были объявлены государственной собственностью и постепенно стали переходить в руки православных помещиков, казаков и крестьян. 22 марта 1907 г. депутаты II Государственной думы от казахов выступили против «разграбления своих земель»¹.

Требование решить аграрный вопрос с парламентской трибуны в соответствии с интересами коренных народов последовательно высказывали и представители Кавказа, например, делегат от Терской области, чеченец Таштемир

1 Дума тиресенде // Вакыт. – № 152-1907. – 29 марта.

Эльдарханов. Он выражал наиболее радикальную точку зрения на аграрный вопрос, подписал «Проект 33-х» (Проект Основного земельного закона, внесенного по предложению социалистов-революционеров в I Государственную Думу). В Проекте предлагалось: «1) Закон о земле может быть издан только полноправной Народной Думой, избранной всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием при свободе выборов и после обсуждения земельной реформы на местах на таких же условиях». В разделе «Основы закона о земле» предполагалось упразднить всякую частную собственность на землю в Российской империи; всю землю, ее недра и воды объявить общей собственностью всего населения Российского Государства. [8, С. 1153-1156]

Причины такой позиции Т. Эльдарханов раскрыл в своем выступлении по аграрному вопросу 3 мая 1907 г. (уже в период деятельности II Государственной Думы). Депутат заявил, что вся Терская область «делится на две части: па плоскостную и на горную. В плоскостной части острую земельную нужду испытывают чеченцы и ингуши», где приходится «на одну мужскую душу от двух до трех десятин земли, считая в том числе и неудобный. Но трудно себе представлять более худшие условия, какие имеются налицо в нагорной полосе области». Подводя итог, Т. Эльдарханов отметил особо, что решение аграрного вопроса непосредственно связано с вопросами политической свободы и подлинным народным местным самоуправлением: «Что же касается условий пользования землей, то мы должны будем отстаивать принцип общинной собственности. Я кончаю свое слово указанием на то, что живое дело аграрной реформы должно быть перенесено на места и отдано в руки местных земельных комитетов. Но для того, чтобы последние сыграли должную роль и разрешили бы аграрный вопрос во всей его широте и в духе принципов, которые будут установлены Государственной Думой, необходимо предпослать этой реформе широкое местное самоуправление и узаконить основные свободы [9, стб. 76–79].

На заседании III Государственной думы 17 октября 1908 г. депутат от Закавказья азербайджанец Хас-Мамедов от имени мусульманской фракции выступил против Указа 9 ноября 1906 г. разрушающего крестьянские общины [10, с. 969]. В Заявлении фракции указывалось, что община во мних местностях сохранила свою жизнеспособность и является «более целесообразной формой землепользования» [10, стб.1307].

У мусульман были серьезные опасения, что, выйдя из общины, российские крестьяне, отправятся на национальные окраины, и власти будут их наделять на местах землей за счет ущемления земельных прав коренного населения. В течении всего межреволюционного периода депутаты-мусульмане в Государственной Думе последовательно выступали против переселенческой политики.

В преддверии Первой мировой войны, в условиях относительной политической либерализации в стране, лидеры мусульманского общественного движения, возвращаются к активной деятельности. 15–25 июня 1914 г., в последние спокойные дни в стране, в столице – Петербурге – собрался IV Всероссийский Мусульманский съезд (после 8 лет перерыва). Съезд собрал представителей от мусульманских

регионов империи. Мусульман Волго-Уральского региона представляли Абусутут Ахтямов, Хасан-Гата Габяши, Садри Максуди, Ризаэтдин Фахретдин, Муса Биги, Кутлуг-Мухаммед Тевкелев; казахов – Алихан Букейханов; крымских татар – Муштафа Давидович; азербайджанцев – Али-Мардан Топчибашев. Основным вопросом на съезде был вопрос о реформе Духовного Собрания мусульман.

Садри Максуди выступил с программной речью. В ней прозвучала уже известная идея о необходимости создания для российских мусульман единого Духовного управления во главе с выборным главой – Раис аль-улам. Но все попытки С. Максуди уговорить делегатов съезда принять политическую программу партии, оказались тщетными².

Не было поддержано и предложение восстановить «Иттифак аль-Муслимин» как политическую партию. Мусульманская элита Российской империи, таким образом, оказалась неспособной отойти от культурно-просветительской к политической форме движения. Итогом стал своеобразный идейный раскол. Татары все больше концентрируются на внутриэтнических проблемах, переходят к проблемам конструирования татарской нации. Азербайджанцы и крымские татары придерживаются идеи политической ориентации на Турцию, как лидера тюрко-мусульманского мира.

На такую позицию азербайджанцев большое влияние оказало насилие в отношении мусульман Карской области, начавшееся с 1915 г. 3 ноября 1916 г. азербайджанский депутат Мамед Юсуф Джафаров, выражая официальное мнение всей мусульманской фракции Думы, поддержал мнение лидера партии кадетов Павла Милюкова об отрицательной роли царского правительства и самодержавия в современных политических процессах. Джафаров заявил: «Никогда мрачная политика национального угнетения не достигала таких размеров, как в настоящее время освободительной войны». Депутат говорил о жертвах волнений в Степях и Туркестане. В заключении своей речи он призвал: «Мы считаем, что необходимо немедленно возвестить всем народам России светлую эру их грядущего национального возрождения... [Это] создаст уверенность, что несомненные инородцами на алтарь отечества неисчислимые жертвы раскроют перед нами двери к равноправной общественно-политической жизни» [11, с. 84–86].

Речь М.Ю. Джафарова по сути, резюмировало состояние «мусульманского» вопроса в Российской империи в период деятельности Государственной Думы всех четырех созывов. Ни о каком признании равных прав подданных-мусульман в России говорить на тот момент было нельзя. Царское правительство так и не выполнило обещаний 1905–1907 гг.: мусульмане так и не дождались создания государственной национально-конфессиональной школы, не была проведена реформа ОМДС. Национальные и политические группы российских мусульман во всех регионах открыто выражали свое недовольство консервацией старых порядков. Вылилось это в безусловную поддержку мусульманами идеи свержения самодержавия.

² Терегулов И. Очерки революции и общественного движения мусульман России. К 1926. // ОРРК НБЛ КФУ. 3881. Л. 39.

Выступление депутата М.Ю. Джафарова – последнее в истории мусульманской фракции имперской Государственной Думы. «Декларация об отмене всех ограничений по национальному и религиозному признаку» была принята Временным правительством, решив вопрос о равноправии. Февральская революция поставила на повестку дня вопрос о необходимости созыва мусульманского съезда и решения на нем главного политического вопроса – о государственном устройстве и автономии мусульман в рамках новой российской государственности.

4 апреля 1917 г. на заседании Казанского мусульманского комитета была озвучена телеграмма петроградского студенческого общества «Татар учагы» («Очаг татарина»), в которой было предложение созвать татарский национальный съезд в Казани после 22 апреля. В свою очередь, в Уфе (где располагалось ОМДС), прошел губернский мусульманский съезд, на котором признанные лидеры Зия Камали, Галимджан Ибрагимов и Гилемдар Баимбетов выступили с предложением провести съезд мусульман Внутренней России до созыва Учредительного собрания, чтобы сформулировать свою программу и задачи, предложения и рекомендации для мусульман-делегатов последнего.

Новость о том, что в Казани планируется съезд быстро облетела умму. Мусульманские комитеты и бюро в городах Волго-Уральского региона поддерживали идею в своих телеграммах. Неожиданно пришла телеграмма из Баку от А.-М. Топчибашева с согласием на проведение съезда. Стало понятно, что созывать надо не региональный, а общенациональный съезд.

В итоге, окончательное решение о созыве общероссийского съезда было принято мусульманским бюро в Петрограде [8, с. 289–291]. Вместе с тем, для многих мусульман бывшей империи решение о созыве всероссийского съезда, прежде чем состоятся съезды региональные, на которых будут сформулированы свои вопросы и задачи, казалось преждевременным. История показала, что действительно, решение было поспешным и нужно было провести региональные съезды, не следовало переходить к решению общероссийских мусульманских проблем до обсуждения проблем каждого из мусульманских народов.

1–11 мая 1917 г. в Москве состоялся Всероссийский мусульманский съезд. Он проходил на средства татарской буржуазии, и, во многом, татары «контролировали» его повестку дня. Представители Волго-Уральского региона составили большинство в главных комиссиях. Впрочем, это повторяло ситуацию съездов «Иттифак» 1905–1906 и 1914 гг., и тогда это воспринималось делегатами других регионов спокойно. Но в 1917 г. делегаты съезда – представители национальных окраин – не согласились со сложившейся ситуацией, каждый из делегатов выступал за то, чтобы интересы его народа (национальные интересы) обсуждались и решались в первую очередь, зачастую без учета общемусульманских задач. В этом был главный просчет лидеров мусульман России – они созвали общероссийский съезд, не дождавшись проведения национальных региональных съездов.

В создавшейся ситуации результат съезда оказался предсказуем. Идея политического, административного и экономического единства мусульман России – идея единой тюрко-мусульманской нации, которую в свое время сформулировали И. Гаспринский и его последователи, потерпела фиаско. Съезд не сумел утвердить концепцию единства.

Российские мусульмане разных регионов огромной империи пошли по пути создания отдельных наций на основе региональных этнических групп. Поэтому все резолюции, которые были приняты на съезде, в действительности представляли собой декларации, не имевшие никакого механизма реализации на практике. Единственным исключением стала резолюция об автономии.

Несмотря на то, что большинство на съезде составляли татары, председателем съезда был избран Ахмед Цаликов, кавказец – осетин, представлявший социал-демократическое крыло мусульманского движения. Но он не был достаточно авторитетной политической фигурой и не сумел сформировать большинство на съезде, которое бы поддержало проект экстерриториальной автономии.

В резолюции А. Цаликова, поддержанной меньшинством съезда, предлагалось: «1. Россия должна представлять демократическую децентрализованную парламентскую республику с широким областным самоуправлением Кавказа, Туркестана, степных областей и Сибири. 2. Культурно-национальная автономия должна быть гарантирована конституцией страны как публично-правовой институт». Теоретически идеи А. Цаликова были ориентированы на эволюцию общества, где предполагалось развитие рабочих организаций, обеспечение равноправия женщин.

Азербайджанский делегат Эмин Расул-Заде предложил другую резолюцию, которую в итоге, поддержало большинство (за – 446 голосов, против – 271). Формой государственного устройства России в этом документе провозглашалась «демократическая республика на национально-территориально-федеративных началах» Для регулирования «духовно-культурных вопросов... учреждался центральный общемусульманский орган для всей России с законодательными функциями в этой области» [12, с. 101, 103]. Таким образом, в общей компетенции оставалась лишь только религиозная сфера.

По предложению азербайджанца М. Расул-заде большинство делегатов высказалось за территориальную автономию. В итоге, вопрос о форме автономии и будущем мусульман в государстве перешел с общегосударственного уровня на региональный. Представителям отдельных национальностей – мусульманам, теперь самим предлагалось решать этот вопрос.

Резолюция большинства о федерализации России обозначала консервацию ситуации, когда сохранялся контроль традиционной элиты над обществом. Соглашаясь, в целом, с решением съезда и программой М.Э. Расулзаде, представитель региона Идель-Урал Галимджан Ибрагимов призвал к созданию пяти отдельных штатов: Казахстана, Кавказа, Туркестана, Татарстана и Крыма³.

3 Меркеземез // Ирек. – 1917. – 15 июня

Татарский политик настаивал и на том, что следует обязательно сохранять и развивать экономические и политические отношения между мусульманами разных регионов, не делая при этом особого акцента на религиозном и культурном единстве.

На I Всероссийском мусульманском съезде были созданы органы управления: представительный (*Мэркэз Милли Шуро* – Центральный (Всероссийский) Национальный Совет) и исполнительный (Исполнительный комитет (*Милли Шуро* – *Искомус*) российских мусульман. В период правительственного кризиса в июле 1917 г. Искомус предложил ввести представителей от мусульман в состав Временного правительства. Так на должность министра земледелия предлагался Мухамеджан Тынышпаев, на должность министра без портфеля по делам мусульман – Ахмед Цаликов, на должности товарища министра внутренних дел – Али-Мардан Топчибашев, просвещения – Джафар Сейидамет, юстиции – Садри Максуди. Как видим, и в этом проекте ведущая роль отводилась представителям Волго-Уральского региона и Кавказа.

Но Временное правительство отклонило это предложение [13, с. 109]. Искомус превратился фактически в представительство татарских национально-автономных органов при центральных органах власти в Петрограде. Таким образом, представители мусульман Волго-Уральского региона и Закавказья не были включены в структуру всероссийской исполнительной власти, что также способствовало усилению регионалистских, а затем и ирредентистских настроений.

Таким образом, на I Всероссийском мусульманском съезде в мае 1917 г. представители окраин выступали за федерирование своих областей. В лице представителей азербайджанцев мы видим логическое продолжение деятельности по расширению автономии. Речь шла вначале о собственном духовном управлении, затем религиозной автономии, широком областном самоуправлении с созданием национально-культурной автономии, и наконец, о превращении России в федеративную республику.

Провозглашение Азербайджанской Демократической Республики стало высшей точкой в развитии политического движения мусульман бывшей Российской империи в начала прошлого века. Однако стоит целостно рассматривать феномен эволюции политического движения российских мусульман, выступавших за сочетание религиозной, национально-культурной и территориальной автономии. Причем движение шло именно по этому направлению в сторону провозглашения территориальных автономий в Волго-Уральском регионе, Казахстане, Средней Азии, Северном Кавказе, Закавказье и в Крыму. Поэтому необходимо помнить о сотрудничестве и взаимном влиянии мусульманских народов бывшей Российской империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Хабутдинов А.Ю. История Оренбургского Магометанского Духовного Собрания (1788-1917): институты, люди, идеи. – М. – Нижний Новгород: ИД Медина, 2010. – 208 с.
2. Ислам в Российской империи (Законодательные акты, описания, статистика) // сост. Арапов Д.Ю. – М., 2001. – 367 с.
3. Биги М. Ислахат асалары. – Пг., 1917 – 585 с.
4. 1906 сэнэ 16-21 августта ижтимаг итмеш Русия Муслманнарынын нэдвэсе. – Казань, 1906. – 172с.
5. Хабутдинов А.Ю. Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII – начале XX веков. – Казань: Идель-Пресс, 2001. – 383 с.
6. Топчибашев Г.-М. Русия моселманлары иттифакынын программасы. – СПб., 1906. – 16 с.
7. Биги М. Муляхиза. – Пг., 1914. – 72 с.
8. Государственная Дума: Стенографические отчеты: Созыв 1: Сессия 1: Т.2. – СПб.: Государственная типография, 1906. – 2013 с.
9. Государственная Дума: Стенографические отчеты: Созыв 2: Сессия 2: Т.2. – СПб.: Государственная типография, 1907. 1610 стб.
10. Государственная Дума: Стенографические отчеты: Созыв 3: Сессия 2: Ч.1. – СПб.: Государственная типография, 1907. С. 1307. 1610 стб.
11. Государственная Дума: Стенографические отчеты: Созыв 4: Сессия 5. – Пг., 1917. – 904 с.
12. 100-летие Образования Татарской АССР»: Сборник документов и материалов: В 3 т. / Авт.-сост. З.С. Миннуллин, науч. ред. Р.Р. Фахрутдинов., Р.Р. Хайрутдинов. – Казань: Заман, 2017. Т.1. – 520 с.
13. Давлетшин Т. Советский Татарстан: Теория и практика ленинской национальной политики. – Лондон: Our word, 1974. – 392 с.

1. Khabutdinov AY. History of the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly (1788-1917): institutions, people, ideas [Istoriya Orenburgskogo Magometanskogo Dukhovnogo Sobraniya (1788-1917): instituty, lyudi, idei]. Moscow - Nizhny Novgorod: ID Medina, 2010:208. (In Russ.)
2. Islam in the Russian Empire (legislative acts, lists, statistics) [Islam v Rossiyskoy imperii (Zakonodatel'nyye akty, opisaniya, statistika)] / comp. Arapov D.Y. Moscow, 2001. (In Russ.)
3. Bigi M. Islahat asalary. Pg., 1917. (In Tatar)
4. 1906 Sene August 16-21 Izhtimag itmesh Rusia Muselmannarynyn nedvese. Kazan, 1906. (In Tatar).
5. Khabutdinov AY. Formation of the nation and the main directions of development of the Tatar society in the late 18th – early 20th centuries [Formirovaniye natsii i osnovnyye napravleniya razvitiya tatarskogo obshchestva v kontse XVIII - nachale XX vekov]. Kazan: Idel-Press, 2001. (In Russ.)
6. Topchibashev G-M. Program of the Russian Muslim Union [Rusia moselmanlary ittifakynin programmasy]. Saint Petersburg, 1906. (In Russ.)
7. Bigi M. Mulyahiza. Pg., 1914. (In Tatar).
8. State Duma: Verbatim records: Convocation 1: Session 1: Vol. 2 [Gosudarstvennaya Duma: Stenograficheskiye otchety: Sozyv 1: Sessiya 1]. Saint Petersburg: State Printing House, 1906. (In Russ.)
9. State Duma: Verbatim Records: Convocation 2: Session 2: Vol. 2 [Gosudarstvennaya Duma: Stenograficheskiye otchety: Sozyv 2: Sessiya 2: T.2.]. Saint Petersburg: State Printing House, 1907. (In Russ.)
10. State Duma: Verbatim Records: Convocation 3: Session 2: Part 1 [Gosudarstvennaya Duma: Stenograficheskiye otchety: Sozyv 3: Sessiya 2: CH.1]. Saint Petersburg: State Printing House, 1907: 1307. (In Russ.)
11. State Duma: Verbatim records: Convocation 4: Session 5 [Gosudarstvennaya Duma: Stenograficheskiye otchety: Sozyv 4: Sessiya 5]. Pg., 1917. (In Russ.)
12. 100th anniversary of the Formation of the Tatar ASSR: Collection of documents and materials: In 3 vol. [100-letiy Obrazovaniya Tatarskoy ASSR»: Sbornik dokumentov i materialov: V 3 T] / Auth.-comp. ZS. Minnullin, scient. ed. RR. Fakhrutdinov., RR. Khairutdinov. Kazan: Zaman, 2017. Vol. 1. (In Russ.)
13. Davletshin T. Soviet Tatarstan: Theory and practice of Lenin's ethnic policy [Sovetskiy Tatarstan: Teoriya i praktika leninskoy national'noy politiki]. London: Our word, 1974. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 28.11.2020 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH164982-1001>

Каймаразов Гани Шихвалиевич

д.и.н., профессор, главный научный сотрудник

Институт истории, археологии и этнографии

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия

kaumarazova@mail.ru

Каймаразова Лейла Ганиевна

к.и.н., ведущий научный сотрудник

Институт истории, археологии и этнографии

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия

kajmarazova64@mail.ru

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ-ГОРЯНКИ ДАГЕСТАНА В КОНЦЕ 1920-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг.: ОЖИДАНИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Аннотация. Сегодня правовое положение российской женщины и создание условий для достижения равноправия мужчин и женщин находится в поле зрения государства и общества. В этой связи несомненный научный и практический интерес представляют изучение и обобщение исторического опыта гендерного регулирования в Советской России (1917–1991), особенно в период конца 1920-х – первой половины 1930-х гг., к завершению которого власть объявила о решении «женского вопроса». Проблемы правового статуса российских женщин нашли отражение в трудах отечественных, в том числе региональных, и зарубежных специалистов. Современные историографические наработки, новые источники (от нормативных и делопроизводственных документов до материалов периодических изданий и эго-документов), использование принципа историзма, системного и антропологического подходов, сравнительно-исторического, сравнительно-правового и описательного методов позволяют раскрыть изменения, произошедшие в обозначенный период в правовом положении женщины-горянки Дагестана. Цель исследования состоит в том, чтобы показать, как в условиях полиэтничного региона советское законодательство первых десятилетий советской власти, внося коррективы в права и обязанности горянки, находившейся под огромным влиянием ислама и исторически сложившихся традиций дагестанского общества, меняло ее положение и предоставляло новые возможности для реализации своих устремлений в бытовой, экономической, профессиональной, политической и культурной деятельности. В статье дается оценка некоторых «традиционных» практик группировок, недовольных проводимой советской властью политикой и организовывавших публичные выступления женщин. В результате проведенного исследования авторы пришли к выводам о том, что советская власть рассматривала женщин как своего союзника в социалистических преобразованиях, а юридическое и экономическое равноправие мужчин и женщин, зафиксированное в советских законах, создавало условия для вовлечения женщин во все сферы жизни дагестанского общества. В то же время в рассматриваемый период преобладание традиционной формы семьи продолжало обеспечиваться строжайшим социальным контролем.

Ключевые слова: Дагестан; гендерное регулирование; социалистические преобразования; ислам; традиции; женщина-горянка.

© Каймаразов Г.Ш., Каймаразова Л.Г., 2020

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2020

 Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH164982-1001>

Gani S. Kaimarazov,
D.Sc. (History), Professor, Principal Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
kaymarazova@mail.ru

Leila G. Kaimarazova,
PhD (History), Leading Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
kajmarazova64@mail.ru

LEGAL STATUS OF WOMEN-HIGHLANDERS IN THE END OF 1920S – FIRST HALF OF 1930S: EXPECTATIONS AND REALITY

Abstract. The modern legal status of a Russian woman and the establishment of conditions for achieving equality between men and women have been in the focus of the state and society. In this regard, the study and generalization of the historical experience of gender regulation in Soviet Russia (1917–1991), especially in the late 1920s – early 1930s, is of undoubted scientific and practical interest, by the end of which the authorities announced the solution to the “women’s question”. The issues of the legal status of the Russian women are reflected in works of native, as well as regional and foreign experts. Modern historiographical groundwork, new sources (starting from the normative and record-keeping documents to materials of periodicals and ego-documents), the use of the principle of historicism, systematic and anthropologic approaches, comparative-historical, comparative-legal and descriptive methods allow to reveal the legal status of women-highlanders of Dagestan.

The study aims to demonstrate how in the conditions of the polyethnic region the Soviet legislation of the first decades of Soviet power, making adjustments to the rights and obligations of a highland woman who was under the great influence of Islam and the historically established traditions of Dagestan society, changed its position and provided new opportunities for implementation women’s aspirations in everyday, economic, professional, political and cultural life. The paper provides estimations on some “traditional” practices of women, who were discontented with policies carried out by the Soviet power and who organized public marches.

As a result of the study, the authors come to the conclusion that the Soviet authorities viewed women as their ally in socialist transformations, and the legal and economic equality of men and women, recorded in Soviet laws, created conditions for the involvement of women in all spheres of life of the Dagestan society. At the same time, during the period under review, the predominance of the traditional form of the family continued to be ensured by the strictest social control.

Keywords: Dagestan; gender regulations; socialistic transformations; Islam; traditions; woman-highlander.

© G.S. Kaimarazov, L.G. Kaimarazova, 2020

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2020

 Creative Commons Attribution 4.0 International License

Проблема правового статуса мужчин и женщин в Российской Федерации и в наши дни не теряет своей актуальности. Обеспечение их равноправного участия во всех сферах жизни общества требует внимания и активных действий как со стороны государства, так и со стороны общества. Сегодня гендерный дисбаланс в пользу мужчин сохраняется во всех ведущих сферах жизни российского общества – политике, управлении, экономике, и российские властные структуры избрали демографическую стратегию для создания условий достижения гендерного равноправия [1, с. 12].

Поскольку вопросы правового положения мужчин и женщин, гендерного равенства исследованы недостаточно, то в последнее время они все чаще привлекают внимание социологов, политологов, юристов, этнологов и историков. Изучению «женского вопроса» и нового научного направления в России – гендерной истории, в том числе проблемам, связанным с изменением положения женщин за годы советской власти, посвятили свои труды Н.Л. Пушкарева [2, с. 51–64]¹, О.А. Хасбулатова [3, с. 3–16], Л.Н. Денисова [4], Ю.Ю. Карпов [5], Т.Ф. Юдина [6], А.М. Лушников [7, с. 182–189], А.В. Силин [8, с. 191–194], Н.Б. Лебина [9] и др.

Гендерный аспект социально-экономической, политической, культурной, повседневной истории России советского периода вызывает живой интерес у зарубежных специалистов. Профессор кафедры истории Университета Карнеги-Меллона Венди З. Голдман, автор книги о социальной истории советских женщин-работниц в 1930-е гг., подчеркивая важность провозглашения советским государством равенства полов, представила свое видение причин, структуры, трактовку культурных традиций, удерживавших женщин в подчиненном положении в разных экономических системах [10, с. 10]. Ш. Фицпатрик в книге об осуществлении коллективизации в СССР описывает процесс участия женщины-крестьянки в социалистическом переустройстве деревни, повлекшем за собой существенные изменения ее статуса – освобождение от патриархального гнета, самоутверждение на трудовом поприще, вовлечение в политическую жизнь деревни, культурные преобразования [11]. Одну из глав своей книги М. Делалой [12] посвятила анализу гендерных моделей поведения и политике Советского государства, в том числе в изучаемый нами период. Отметив различия в «государственных инициативах» и практиках, касающихся женского вопроса в 1920-е и 1930-е гг., М. Делалой обращает внимание на то, что в сознании большевиков деревня представлялась наиболее отсталой в плане равенства мужчин и женщин, поскольку была замкнута в древнем патриархальном быте [12, с. 43]. Обзор дискуссий о гендере, женщинах и их положении в обществе в историческом контексте размещает в своей книге «Женщины и гендер в исламе: исторические корни современной дискуссии» профессор из США Л. Ахмад [13].

1 Пушкарева Н.Л. Гендерная система в Советской России и судьбы россиянок // Новое литературное обозрение. № 117. 5/2012 // URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/117_nlo_5_2012/article/18922/, дата обращения 15 июля 2020 г.

«Женская» история, основанная на марксистско-ленинской методологии, разрабатывалась и региональными специалистами, в том числе учеными Дагестана. В сфере научного интереса С.М. Омарова [14], Г.Ш. Каймаразова [15], А..И. Гасановой [16], С.Ш. Гаджиевой и А.Г. Мелешко [17], М.Я. Мирзабекова [18] и др. оказались вопросы, связанные с вовлечением женщин-горянок в социалистическое строительство, промышленное и сельскохозяйственное производство, культурные преобразования, общественно-политическую жизнь региона. Особое место в трудах, которые носят академичный характер, отводилось теме «раскрепощения» горянки, изменению ее правового статуса.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы на основе принципа историзма, который и сегодня лежит в основе многих научно-исторических построений, системного и антропологического подходов, с использованием сравнительно-исторического, сравнительно-правового и описательного методов раскрыть изменения, произошедшие в правовом положении женщины-горянки полиэтнического Дагестана в конце 1920 – середине 1930-х гг. Изменения эти касались многих сфер жизни дагестанки: трудовой, общественно-политической, культурной (в первую очередь, образовательной и культурно-просветительной), семейно-бытовой. Каждому из этих аспектов, с учетом отсутствия монополии на методологию, новых источников и современных историографических наработок, можно посвятить отдельное исследование.

Заявленная хронология исследования выбрана не случайно. Региональные исследователи, а также ученые других национальных районов бывшего СССР, анализируя исторический опыт Советского государства в области гендерной политики на начальном этапе социалистического строительства, чаще всего хронологические рамки определяли двумя первыми десятилетиями советской власти [19, с. 110–118; 20, с. 104–113; 21, с. 52–56; 22, с. 183–186]. В то же время отечественные и зарубежные авторы в этих десятилетиях усматривают даты, заслуживающие особого внимания. О.А. Хасбулатова, изучая гендерный аспект в образовательных процессах, отмечала важность рубежа 1920 – 1930-х гг., когда неграмотность российских женщин была в основном ликвидирована и создавались условия для ускорения темпов подготовки специалистов из числа женщин при сохранении традиционных культурных норм о предназначении полов, высокой трудовой и бытовой загруженности, ориентации на семью и воспитание детей [23, с. 31 – 35; 3, с. 3–16]. В.З. Голдман, рассматривая проблему гендерной сегрегации в советской промышленности, особое внимание уделила годам первой пятилетки (1929–1932), связывая их с индустриализацией в СССР [10, с. 9]. М. Делалой, характеризуя советскую политику гендерного регулирования, выделяет 1934 г., когда власть объявила о решении «женского вопроса» и предложила эмансипацию, прежде всего для женщин из непривилегированных слоев [12, с. 45]. Н.Л. Пушкарева 1929–1934 годы в периодизации истории женщин в Советской России назвала «великим переломом», отметив, что государство продолжало поддерживать новую семью как первоячейку советского общества, а в деревне, где полным ходом шли процессы коллективизации, –

по-прежнему проводить политику раскрепощения женщин². Уровень раскрепощения женщин Северного Кавказа, по мнению историка-гендеролога и этнолога М.А. Текуевой, местное руководство напрямую связывало со степенью отхода горянок от различных сословных, патриархально-родовых и религиозных установок, а период с 1928 до середины 1930-х гг. отводило для решения задачи полного раскрепощения горянки [24, с. 149–152; 25, с. 303–329]. Применительно к условиям Дагестана хронологические рамки с конца 1920-х до середины 1930-х гг. представляются нам наиболее предпочтительными для реализации цели нашего небольшого исследования.

Географические рамки исследования определены территорией современного Дагестана, а аналогии, проводимые с соседними национальными районами, выглядят, на наш взгляд, вполне оправданно, поскольку кавказские женщины являются носителями реально существующего комплекса черт культуры, выделяющего Кавказ среди других регионов [5, с. 6].

В предлагаемой статье мы сосредоточили свое внимание на том, как советское законодательство первых десятилетий советской власти, внося коррективы в права и обязанности горянки, находившейся под огромным влиянием ислама и исторически сложившихся традиций дагестанского общества, на практике меняло ее положение и предоставляло новые возможности для реализации своих устремлений в бытовой, экономической, профессиональной, политической и культурной деятельности.

В основу исторического изучения обозначенной проблемы, как правило, ложатся не только исторические, но и историко-правовые источники, что определяет специфику исследования. Поскольку настоящее исследование является историческим, в качестве его документальной базы были использованы все виды традиционных источников: нормативные и делопроизводственные документы центральных и местных органов государственной власти, материалы коммунистической партии и комсомола, судебных и следственных органов, периодических изданий (журналы и газеты) и эго-документы (дневники, воспоминания). Многие из этих источников ранее в научный оборот не вводились.

Исторический процесс достижения гендерного равноправия нашел яркое отражение в политике Советского государства по обеспечению равенства прав и свобод мужчин и женщин в СССР, которая была направлена не только на полное уравнивание предоставляемых им прав, но и на создание равных возможностей для их реализации.

Практически сразу после прихода к власти в 1917 г. партия большевиков приступила к осуществлению мероприятий по реформированию всей системы социальных отношений, в том числе и гендерных. В числе первых законодательных актов Советского государства были декреты, в которых регламентировались права женщин. Декрет СНК РСФСР о восьмичасовом рабочем дне (29

2 Пушкирева Н.Л. Гендерная система в Советской России и судьбы россиянок // Новое литературное обозрение. № 117. 5/2012 // URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/117_nlo_5_2012/article/18922/, дата обращения 15 июля 2020 г.

октября 1917 г.) запрещал ночной труд женщин. Декрет СНК РСФСР о пособии по беременности и родам (14 ноября 1917 г.) предоставлял женщине право на сохранение рабочего места и оплачиваемый отпуск. Декрет СНК РСФСР об оплате труда служащих и рабочих советских учреждений (27 июня 1918 г.) устанавливал минимальную заработную плату, независимо от пола, и утверждал принцип равной оплаты мужского и женского труда. Декрет о гражданском браке, о детях и о введении книг актов гражданского состояния (20 декабря 1917 г.) закрепил гражданские браки, объявил церковный брак частным делом брачующихся, устранил дискриминацию внебрачных детей. Декрет о расторжении брака (19 декабря 1917 г.) максимально упростил процедуру развода и закрепил положение о расторжении брака по желанию одного из супругов. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа (12 января 1918 г.) провозгласила, что права не должны зависеть от пола. Конституция РСФСР 1918 г. не определяла гендерное равенство, но статья 64 Конституции закрепляла право женщин наряду с мужчинами избирать и быть избранными в Советы. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (16 сентября 1918 г.) устанавливал, что только гражданский (светский) брак, зарегистрированный в Отделе записей актов гражданского состояния, порождает права и обязанности супругов. Основным условием вступления в брак стало достижение брачного возраста: для женщин – 16 лет, для мужчин – 18. По мнению части исследователей, изучавших вопросы правового положения женщин в первые месяцы и годы после установления новой власти, эта разница в возрасте брачующихся стала одним из первых гендерных дисбалансов советского гражданского законодательства [26, с. 132]. Тем не менее, уже в 1918 г. женщины Советской России могли свободно выбирать место жительства, профессию, имели право на равную оплату за равный с мужчинами труд, на получение образования, на расторжение брака.

Кодексы законов о труде РСФСР 1918 г. и 1922 гг. запрещали применение труда женщин и лиц моложе 18 лет в особо тяжелых и вредных для здоровья производствах. Конституция СССР 1924 г. и Конституция РСФСР 1925 г. не декларировали прав и свобод человека и гражданина, а вот Кодексом законов о браке, семье и опеке, который вступил в силу 19 ноября 1926 г., впервые был установлен единый брачный возраст для лиц, вступающих в брак – 18 лет. Таким образом, женщины были уравнены в правах с мужчиной в вопросе требования к возрасту вступающих в брак [26, с. 134]. Помимо этого, отныне ранние браки не должны были препятствовать получению женщиной образования и ее профессиональному росту.

В национальных республиках и областях Кавказа вопрос об установлении брачного возраста вызвал неоднозначную реакцию. К примеру, в Азербайджане в республиканской прессе, на собраниях с широким привлечением общественности, а также на женских собраниях, во второй половине 1926 г. прошла дискуссия, с учетом итогов которой Президиум АзЦИК принял постановление, оставившее без изменения минимальный брачный возраст для женщин –

16 лет, для мужчин – 18 лет [27, с. 57]. В Дагестане довольно широкое обсуждение этого и других вопросов, касающихся правового статуса горянки, также прошло в 1926 г., после принятия соответствующего постановления ЦИКа и Совнаркома Дагестанской АССР. Подобный подход к проблеме имел место и в других государственных национальных образованиях региона, где указанный минимальный брачный возраст для мужчин и женщин сохранялся вплоть до конца 1950-х гг., а в описываемое нами время и местным руководством, и общественностью, да и исследователями «женской» истории в последующие годы, рассматривался как безусловное достижения советской власти в деле «раскрепощения» горянки.

Законодательно равенство мужчин и женщин в СССР в политических и гражданских правах было закреплено Конституцией СССР 1936 г. Основной Закон Союза Советских Социалистических Республик предоставлял женщине равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни. В статье 122 документа говорилось, что «возможность осуществления этих прав женщин обеспечивается предоставлением женщине равного с мужчиной права на труд, оплату труда, отдых, социальное страхование и образование, государственной охраной интересов матери и ребенка, государственной помощью многодетным и одиноким матерям, предоставлением женщине при беременности отпусков с сохранением содержания, широкой сетью родильных домов, детских яслей и садов» [27, с. 102]. Статья 135 Конституции закрепила право участия в выборах всех граждан СССР, достигших 18 лет, независимо от пола, а статья 137 – право женщин избирать и быть избранными наравне с мужчинами. Таким образом, конституционно закреплялось право женщин быть представленными во всех структурах власти – от Верховного Совета СССР и Верховных Советов республик СССР до низового звена – Советов народных депутатов и участвовать в государственном управлении.

18 июня 1925 г. в ответ на обращение Президиума ЦИК СССР «О правах трудящихся женщин Советского Востока и необходимости борьбы со всеми видами их закрепощения в области экономической и семейно-правовой» (13 февраля 1925 г.) Дагестанский ЦИК создал Комиссию по улучшению труда и быта горянок, а 9 октября 1925 г. на второй сессии пятого созыва принял постановление «О правах трудящихся женщин-горянок». В 1926 г., 7 марта, накануне празднования Международного женского дня, Дагестанский ЦИК и СНК ДАССР издали постановление «О правах трудящихся женщин-горянок ДАССР». Этот законодательный акт предоставлял женщинам-горянкам «полное равноправие с мужчинами», право избирать и быть избранными во все органы советской власти, не исключая самых высших государственных должностей. Женщина-горянка получала право свободно выбирать занятие и профессию, приобретать и отчуждать имущество, добиваться защиты своих прав перед административными и судебными органами на основании советских законов.

Согласно документу, девушка-горянка могла вступать в брак лишь по достижению ею 16-летнего возраста. Женщине-горянке предоставлялась полная

свобода в деле выбора мужа, насилие над личностью свободной гражданки – горянки, не допускалось и влекло за собой уголовную ответственность. Строго каралось законом вступление в брак несовершеннолетней девушки или принуждение к этому со стороны родителей, опекунов или родственников. Запрещалось двоеженство, многоженство, а также взимание при заключении брака калыма, в каком бы то ни было виде и размере.

После выхода в свет постановления ДагЦИКа и СНК ДАССР были внесены изменения в Уголовный кодекс Дагестанской АССР. Кодекс предусматривал наказание за такие бытовые преступления, как похищение женщины для вступления с нею в брак, принуждение женщины, достигшей брачного возраста, ко вступлению в брак против ее воли, вступление в брак с лицом, не достигшим половой зрелости, или принуждение к заключению такового брака со стороны родителей, опекунов или родственников, принуждение женщины к выходу замуж вопреки ее воле, в частности, путем уплаты калыма каралось лишением свободы до двух лет, а многоженство каралось лишением свободы сроком до одного года [16, с. 36–37].

Аналогичные решения принимались в союзных республиках Закавказья и в национальных областях Северного Кавказа. К примеру, в Адыгейской (Черкесской) автономной области борьба с бытовыми преступлениями началась со второй половины 1925 г., когда были изданы «особые законоположения... о бытовых преступлениях» [27, с. 56]. А Президиум Исполнительного комитета Ингушской автономной области 11 мая 1930 г. выступил за усиление наказаний за совершение бытовых преступлений, учитывая их социальную опасность и трудность борьбы с ними [27, с. 80–81]. В 1929 г. в Уголовном кодексе ССР Армении была введена новая глава «О бытовых преступлениях». По статистике в республике самым распространенным их видом стал брак несовершеннолетних [27, с. 83–84], в том числе на участке Ведибасар, где проживало мусульманское население [27, с. 92]. В мае 1930 г. III Азербайджанское республиканское совещание работников Комиссии по улучшению труда и быта (КУТБ) работниц и крестьянок приняло резолюцию о борьбе с бытовыми преступлениями в республике, в которой предлагалось проводить соответствующие общественные показательные суды, чаще выдвигать работниц и крестьянок на ответственную работу в органах юстиции, активнее пропагандировать советское право и законодательство, касающееся женщин [27, с. 93–94]. Подобные меры практиковались и в других кавказских республиках и национальных образованиях Северного Кавказа.

10 мая 1930 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление «О порядке зачисления штрафов, налагаемых на основании судебных приговоров по делам о преступлениях, составляющих пережитки родового быта, а равно сумм, вырученных от реализации конфискованного по приговорам суда имущества по этим делам». Взимаемые штрафы должны были зачисляться в особый фонд и расходоваться на мероприятия по улучшению труда и быта трудящихся женщин. В автономных республиках и автономных областях отчисления шли в

соответствующие фонды, образованные при ЦИКах. Конфискованные строения, как в городе, так и в сельской местности, безвозмездно передавались местным советам для использования их в первую очередь для нужд комиссии по улучшению труда и быта трудящихся женщин³.

Таким образом, дагестанские горянки теперь могли добиваться защиты своих прав перед административными и судебными органами на основании общесоюзных, федеральных и дагестанских законов. Во исполнение названного постановления и для ускорения судебного производства и пресечения нарушений, допускаемых в отношении женщины-горянки, а также для популяризации ее прав, Главсуд ДАССР предложил: во-первых, уголовные дела по преступлениям, составляющим пережитки родового быта, рассматривать в пятидневный срок со дня поступления в суд, а наиболее характерные по этим преступлениям дела рассматривать на местах, организовывая показательные процессы; во-вторых, по искам горянок об алиментах и семейно-имущественных разделах придерживаться ранее установленных сроков и во всяком случае рассматривать эти дела не позже 10 дней со дня поступления в суд; в-третьих, по искам о содержании и алиментах использовать право суда по обращению решения к немедленному исполнению, а также прибегать к практике обеспечения исков горянок путем наложения ареста на имущество ответчика.

Помимо этого, судебные исполнители должны были ускорить взыскание денежных средств по исполнительным листам в пользу трудящихся женщин-горянок, обеспечивая контроль за исполнением судебного решения. Также предписывалось разработать практические меры по оказанию правовой помощи горянке через справочные столы, консультации при избах-читальнях, клубах, привлекать в качестве помощников женсекторы, профсоюзы и общественные организации. Для большей информированности женщин о проводимой судами работе в средствах массовой информации, прежде всего в газетах, в том числе и на языках народов Дагестана, должны были систематически публиковаться соответствующие материалы, статьи о правах женщин-горянок.

Поскольку советским законодательством теперь признавались только браки, зарегистрированные в органах записи актов гражданского состояния (ЗАГС), Президиум ДагЦИКа 14 ноября 1930 г. отменил ответственность, которую горцы-мужчины несли за непредставление ими развода по шариату своим бывшим женам после расторжения брака по ЗАГСу. Дела, возбужденные по этому основанию, прекращались. А лица, осужденные за это деяние, немедленно освобождались из-под стражи. Судебно-следственные работники на местах должны были разработать план мероприятий по правовому воспитанию женщин-горянок, исходя из кодекса о браке, семье и опеке и главы X Уголовного Кодекса РСФСР о преступлениях, составляющих пережитки родового

3 Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке зачисления штрафов, налагаемых на основании судебных приговоров по делам о преступлениях, составляющих пережитки родового быта, а равно сумм, вырученных от реализации конфискованного по приговорам суда имущества по этим делам». 10 мая 1930 г. // Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее – ЦГА РД). Ф. 123-р. Оп. 1. Д. 21. Л. 47.

быта (статьи 196, 197, 198, 199), провести по этому вопросу собрания трудящихся женщин-горянок, учесть все пожелания, которые выскажут собравшиеся горянки в дополнение к существующим советским законам, и передать их в Главсуд или Прокуратуру ДАССР. В циркуляре Главсуда и прокуратуры республики от 14 января 1931 г. говорилось: «Особо разъяснить горянкам, что они имеют такое же право разводиться с мужьями, как и последние, по своему желанию, что регистрация о расторжении брака по ЗАГСу является вполне достаточным оформлением прекращения брака»⁴.

Интереснейшие свидетельства об этой стороне жизни горянок Дагестана отложились в ЦГА РД, в фонде Малки Ионемовны Длугий (Мария Ионовна Длуги – авт.). Уроженка Прибалтики М. Длугий переехала в г. Дербент в 1912 г. После установления в Дагестане советской власти была членом городской большевистской организации, работала в комиссариате просвещения, участвовала в издании газеты «Известия» Дербентского совета депутатов. В годы Гражданской войны выполняла поручения областной партийной организации, в 1919 г. переехала в Ростов, а в 1921 г. вернулась в Дагестан. В обкоме ВКП (б) М. Длугий возглавляла экономический отдел, была членом женской комиссии Дагобкома ВКП (б), работала в редакции газеты «Красный Дагестан». С 1928 по 1931 г. являлась сотрудником Госплана ДАССР и членом редколлегии журнала «Плановое хозяйство Дагестана»⁵. По поручению областного комитета ВКП (б) М. Длугий руководила работой выездной бригады, которая изучала постановку советской работы в аулах Даргинского, Лакского, Хунзахского и Андийского округов. В 1930 г. она участвовала в предвыборной кампании делегатских собраний⁶. В блокнотах М. Длугий «Рукописные записи о ходе коллективизации, о работе сельсоветов» сохранились личные дневниковые заметки и интересные наблюдения о родовых отношениях и обычаях в Дагестане. Из блокнотов М. Длугий: «Даргинский округ. О разводе. Жена уходит к себе, к родителям – ее могут взять назад. Бывают случаи, когда муж не дает развода, она сидит дома, пока он не даст ей шариатского развода. Утверждает уполномоченный, что подобных случаев в течение 5–6 лет не было. Жена берет с собой все, что принесла, и делит пополам приобретенное, изымается в расчет детей»⁷. Насколько точны сведения, сообщенные русскоязычной представительнице властных структур из Махачкалы, сказать трудно. Если исходить из того, что «мусульманское право последовательно проводит принцип раздельности имущества супругов», и «муж не имеет права распоряжаться ни движимым, ни недвижимым имуществом жены» [28, с. 16], то вполне вероятно. Но не исключено, что уполномоченный (видимо в записях М. Длугий речь идет об уполномоченном Контрольной комиссии – авт.), желая положение дел в ауле выставить «в лучшем свете», изложил проверяющей нормы шариата, да и адата [29, с. 269–270].

4 Циркуляр Главсуда и Прокуратуры ДАССР от 14 января 1931 г. // ЦГА РД. Ф. 123-р. Оп. 1. Д. 30. Л. 5.

5 Длугий М. Автобиография // ЦГА РД. Ф. 1397-р. Оп. 1. Д. 1 – 5; Гаджиев А.-Г. Жизнь, отданная борьбе. Комсомолец Дагестана. 1986. 7 ноября.

6 Длугий М. Автобиография // ЦГА РД. Ф. 1397-р. Оп. 1. Д. 1.

7 Длугий М. Рукописные записи о ходе коллективизации, о работе сельсоветов // Там же. Д. 3. Л. 7 об.

Это вполне допустимо, поскольку в архивных источниках нам чаще встречались факты прямо противоположные. Конечно в том, что именно такие свидетельства отложились в архивах, сыграли роль и идеологическая заданность их содержания, и избирательный подход в их отборе для хранения. Но критический анализ источников разного вида – от информации, содержащейся в документах органов исполнительной и судебной власти, до материалов периодической печати, позволяет сделать вывод, что имущественные права женщин, особенно принявших новую власть и желающих стать или уже ставших активными участниками социалистического строительства, при разводе попирались самым циничным образом.

В 1930 г. заведующая женотделом ДК ВКП (б) Осипова обратилась к прокурору республики Хоружуку с просьбой принять срочные меры в отношении жителя с. Тлярата Тляратинского района Д. Даибова. Мужчина был недоволен тем, что его жена Майрам занялась общественной работой, а вскоре стала председателем сельсовета. Он выгнал супругу из дома, не давая ей никакого имущества несмотря на то, что оно было нажито в совместном 15-летнем браке. Муж не соглашался на развод через ЗАГС, а женщина из-за своих, уже приобретенных, советских, убеждений отказывалась разводиться по шариаду⁸.

Зачастую горянку, обратившуюся при отстаивании своих имущественных притязаний за поддержкой в соответствующие инстанции, в органах дознания и в суде даже не допрашивали. В одних случаях ее появлению там угрозами и побоями препятствовал муж. В других, проделавшую долгий, нередко пеший, путь от своего аула до райцентра или до города женщину, отправляли обратно. К слову, в одной из своих рукописей Тату Булач, первая дагестанская комсомолка, писала, что в начале XX в. о женщине-горянке никогда не говорили: «она приехала», а говорили, что «она пришла», поскольку было не принято, чтобы она ездила, она должна была ходить пешком⁹. Подобные «традиции» сохранялись и в 1920-е, и в 1930-е гг. Итак, не приняв горянку, работники правоохранительной или судебной системы, как правило мужчины, ссылались на занятость и советовали ей прийти накануне женского праздника 8 марта, когда уж точно будет повод рассмотреть «женское» дело.

Между тем, участие горянки в суде при разборе дела, с точки зрения власти, имело немалое агитационное и воспитательное значение, а также создавало реальную возможность для предъявления требований на выделение определенной части из имущества мужа. «Суды почти никогда не рассматривают исков о выделении имущества... Вынося обвинительные приговоры они оставляют экономически слабую сторону – горянку – без средств существования. За мужчинами оставалось право на жилище, а женщина с детьми уходила со двора» [30, с. 44]. Прокуроры на слушания таких дел, как правило, не являлись. Такое нарушение

8 Письмо заведующей женотделом ДК ВКП (б) Осиповой прокурору Хоружуку. 1930 г. // ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1393. Л. 172.

9 Булач Т. Рукопись о положении женщины-горянки до революции // ЦГА РД. Ф. 1525-р. Оп. 1. Д. 11. Л. 18 об.

процессуальных действий препятствовало исполнению решения суда, и горянка была вынуждена или оставаться с мужем, или уходить от него ни с чем.

8 февраля 1931 г. в женотдел ДК ВКП (б) поступило заявление У. Неджафовой из Дербента. Ранее Неджафова подала заявление в Главсуд по поводу развода с мужем Т. Неджафовым и его отказа выдать ей часть имущества. Женщина состояла в браке 8 лет, родила двух детей, вела домашнее хозяйство. Когда же У. Неджафова попросила мужа отпустить ее на учебу, то реакция его была очень жесткой: муж избил супругу, запер в холодном помещении, держал впроголодь. Женщина вынуждена была уехать к старику-отцу в Дербент и подать заявление в судебную инстанцию. Здесь она обратилась с просьбой отправить в суд представителя женотдела для защиты ее прав «как турчанки по новому советскому быту»¹⁰.

Особенности общественного быта народов Северного Кавказа и Дагестана обуславливали основные виды бытовых преступления. Так, главой семьи и распорядителем всех имеющихся ценностей считался мужчина, а женщина ставилась в положение экономической зависимости от отца, от мужа. Мы рассмотрим несколько видов определенных советским законодательством бытовых преступлений в изучаемый период у народов Северного Кавказа, в том числе у народов Дагестана.

В первую очередь, многоженство. И. Грязнов в статье, опубликованной в 1930 г. в журнале «Просвещение национальностей» сообщал, что многоженство встречалось среди более зажиточных горцев, и так описывал сохранившийся обычай по впечатлениям после посещения с. Микрах Докузпаринского района Дагестанской АССР. «У нас на глазах аульный кулак, старик лет пятидесяти, купил себе третью жену, совсем еще девочку. Свое брачное ложе он устроил на новом ковре, вытканном для этого случая руками первой жены. С появлением в сакле молодой жены старая превращается буквально в рабу. Она исполняет самую черную и тяжелую работу, освобождая от нее молодую. Часто дети появляются одновременно у всех жен. Детей рождается много, но много их и умирает. Раннее замужество, частые роды, тяжелая домашняя работа преждевременно старят горянку» [31, с. 85].

Несмотря на экономическую зависимость от мужа, крайне низкий культурный уровень, высокую религиозность в конце 1920 – первой половине 1930-х гг. горянки все чаще стали проявлять активность в борьбе с многоженством. Интересное суждение об уровне религиозности народов Северного Кавказа высказал Х. Ошаев в журнале «Революция и горец», расположив национальные области Северного Кавказа и Дагестан по убывающей с учетом уровня религиозности и влияния духовенства на население: Дагестан, Чечня, Ингушетия, Карачай, Кабарда, Черкесия, Адыгея, Осетия. При этом автор отметил, что религиозность в горах была выше, чем на равнине [32, с. 77].

Документы, данные периодических изданий, литературы свидетельствуют о том, что по тем временам мужскую часть населения многоженство вполне

10 Заявление У. Неджафовой в женотдел ДК ВКП (б) // ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1598. Л. 22.

устраивало. «Этот консерватизм проявлялся не только у беспартийной части населения, но подчас и среди членов партии и ответственных работников автономных областей» [30, с. 44]. За 1929 г. в судах национальных областей Северо-Кавказского края (ДАССР в состав Северо-Кавказского края входила в 1931–1936 гг. – *авт.*) по этому вопросу состоялось 53 слушания дел в отношении 55 человек, после рассмотрения которых среди осужденных члены ВКП (б) и ВЛКСМ составили 7,2 % [30, с. 44].

Большинство дел о многоженстве возбуждались по инициативе государственных организаций, средств массовой информации, которым об этом становилось известно, а сравнительно небольшой процент – по обращениям непосредственно жен-горянок, а также женотделов, вступившихся за права женщин.

На заседании Дагестанской контрольной комиссии с участием работников женотдела Дагобкома ВКП (б) (25 марта 1931 г.) один из участников совещания – Викторов – говорил: «Почему мы имели такие случаи, когда наши уполномоченные Контрольной Комиссии не могли бороться с пережитками старого быта? Потому что они сами многоженцы... За время с 9-й Дагпартконференции (1928 г. – *авт.*) ... областная КК привлекла коммунистов за эти пережитки в количестве 30 человек, и не только привлекли, а 20 исключили из партии¹¹. 10 человек исключили именно за многоженство, 5 человек за то, что они крали девушек...»¹². Сложившуюся ситуацию можно объяснить тем, что советские акты о наказаниях за совершение бытовых преступлений, как правило, приобретали силу действующего закона, и это подтверждали результаты обследований республиканской Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ), в лучшем случае в районных центрах, а в аульских сельсоветах попросту ложились на полки местного архива¹³. Заведующая Даготделом работниц и крестьянок Халеева говорила, что «многоженство наблюдается не только среди коренного населения, но и среди русского, и даже среди коммунистов»¹⁴. Контрольная комиссия проводила соответствующую воспитательную работу с коммунистами-многоженцами, а в случае ее слабой действенности принимались «карательные» меры, вплоть до исключения из рядов ВКП (б)¹⁵.

Другой вид преступлений, затрагивающих горянку и квалифицированный советским законодательством как бытовое преступление, был связан с уплатой калыма – обычаем дачи выкупа (деньгами, скотом или другим имуществом) за невесту женихом, его родственниками, предусмотренным обычным правом (адатом) и превращающим невесту в выкупленную собственность. В рассматриваемый период в условиях советской власти традиция уплаты калыма сохранялась. Но выдавался он зачастую в скрытой форме – под видом материальной

11 Протокол заседания Дагестанской контрольной комиссии с участием работников женотдела Дагобкома ВКП (б). 25 марта 1931 г. // ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1600. Л. 5.

12 Там же. Л. 6.

13 Там же.

14 Там же. Л. 11 – 12.

15 Там же. Л. 10.

помощи родственникам невесты, к примеру, при приобретении приданного, организации свадьбы или в качестве подарков.

По данным судебной практики по Северо-Кавказскому краю, за 1929 г. было заслушано 32 дела в отношении 76 человек. Из них на разные сроки было осуждено 31,6 %, 43,4 % были приговорены к принудительным работам, условный срок наказания получили 15 % осужденных, 10 % по итогам судебных разбирательств было оправдано. Большая часть дел по этой статье (61,8 %) была прекращена в период предварительного расследования [30, с. 46–47].

К третьему виду бытовых преступлений советские законы относили похищение женщин. Это специфическое преступление, которое и по шариату, и по адату влечет за собой кровную месть. Интересно, что в рассматриваемый нами период наблюдался рост преступлений этого вида, что объяснялось «усиленным протестом против выплаты калыма бедняцко-середняцкой частью населения, не могущей в основном окончательно порвать и изжить внутри себя основы адата» [30, с. 47]. К началу 1930-х гг., согласно статистическим данным по Северо-Кавказскому краю, 95 % преступлений по похищению женщин падало на бедняцко-середняцкую часть. Около 30 % приходилось на долю бедняков, а по судебному разбирательству, возбужденному в связи с получением и дачи калыма, они составляли всего 19 % [30, с. 47].

Меры социальной защиты, применяемые судами за умыкание женщин, по мнению властных структур Северо-Кавказского края, были явно недостаточны. По данным прокуратуры автономных образований региона, было вынесено 35,7 % приговоров с лишением свободы на срок более одного года. В решении от 21 мая 1929 г. Президиум Верховного Суда РСФСР посчитал, что по делам, вытекающим из особенностей родового быта, мера социальной защиты, принимаемая судами за умыкание женщин, достаточно сурова. Представители местных органов власти высказывали мнение, что такая оценка объяснялась незнанием мусульманского права и основ горского быта, и с этим преступлением карательные органы должны бороться особенно решительно. Похищение женщины в большинстве случаев сопровождалось насилием, и по адату в глазах населения женщина оказывалась опороченной. В момент похищения или неудавшегося побега могло произойти убийство девушки. А это, как и сам факт похищения, влекло за собой начало кровной мести, которая нередко завершалась новыми убийствами.

Обследование, которое проводила Краевая контрольная комиссия в 1928 г. показало, что культурный уровень осужденных за этот вид преступлений был низким: 40 % неграмотных, 40 % малограмотных, остальные 20 % – с низшим образованием [30, с. 40]. Одним из условий сокращения количества этих преступлений должно было стать повышение общего культурного и образовательного уровня не только мужского, но и женского населения. По мнению власти, горянка также должна была стать активной участницей процесса коллективизации, «ибо это и есть вернейшее орудие ее освобождения от цепей адата, от многовековых страданий и позора» [30, с. 50].

В рассматриваемые годы нередкими стали такие тяжкие преступления, как убийства женщин, связанные с противодействием политике советской власти по «раскрепощению» женщины-горянки, вовлечению ее в экономическую и общественно-политическую жизнь, повышению ее культурного уровня. На уже упомянутом нами заседании ДКК и женсовета Дагобкома ВКП (б) член женсовета Багаева с возмущением говорила, что раскрепощение женщин числится только на бумаге. «Говоришь, доказываешь, что убийство произошло на почве того, что женщина занимается общественной работой, за то, что она ушла от мужа, а его оправдывают причиной, что он убил из-за ревности»¹⁶.

В 1931 г. в с. Каранай Буйнакского района была убита К. Дадаева. Вопреки воле своих родителей и других близких родственников она вступила в комсомол и колхоз, стала вести активную общественную работу. Убийство совершил ее брат, работник милиции конного завода, после чего добровольно явился в правоохранительные органы. Соучастниками преступления оказались несколько человек, в том числе мать девушки и двое ее братьев, один из которых был несовершеннолетним¹⁷. Обстоятельства произошедшего говорили о том, что злодеяние было совершено осознанно, в полной убежденности в правоте своих действий, отвечающих требованиям адата.

В 1932 г. в Левашинском районе были убиты 12 женщин¹⁸, в том числе 3 женщины-активистки [16, с. 118]. В с. Тебекли-Махи секретарь партийной ячейки убил свою жену – кандидата в члены ВКП (б). Делегатка Зури Мусаева была убита за то, что сообщила об укрываемом имуществе кулаков¹⁹. Факты убийства женщин имелись и в Кахибском районе.

В документах конца 1920 – первой половины 1930-х гг., особенно в сводках Дагестанского отдела ОГПУ встречаются сведения о преступлениях, в том числе убийствах, совершаемых на почве уклонения от уплаты алиментов. Случалось, что муж, опасаясь раздела имущества и обязательства дальнейшего обеспечения жены, убивал свою супругу и даже ребенка. Женщины-активистки, делегатки, работницы женотделов, обращаясь к представителям власти, просили при решении вопроса о раскрепощении горянок и проведении среди них работы, начинать с работы среди мужчин. Они жаловались, что советские суды в первую очередь разбирают дела кресткомов, советских учреждений, а «алиментные» дела оставляют без рассмотрения²⁰. В принципе, такая практика сложилась по всей стране. Так, в 1934 г. в суды РСФСР было подано 200 тыс. заявлений о взыскании алиментов со скрывавшихся от семьи отцов. Местные судебные органы, перегруженные политическими делами, откладывали рассмотрение исков об алиментах

16 Протокол заседания Дагестанской контрольной комиссии с участием работников женотдела Дагобкома ВКП (б). 25 марта 1931 г. // ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1600. Л. 17.

17 Информационная сводка ОГПУ по Буйнакскому району. 1931 г. // ЦГА РД. Ф. 800-р. Оп. 2. Д. 44. Л. 45-46.

18 Докладная записка инструктора женсектора Дагобкома ВКП (б) Алиевой. 1932 г. // ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1919. Л. 49.

19 Докладная записка инструктора женсектора Дагобкома ВКП (б) Алиевой. 1932 г. // ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1919. Л. 49.

20 Протокол заседания Дагестанской контрольной комиссии с участием работников женотдела Дагобкома ВКП (б). 25 марта 1931 г. // ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1600. Л. 19 – 20.

на более поздние сроки, тем более что возникали определенные трудности при розыске ответчиков. В итоге до половины судебных решений о взыскании алиментов оставались неисполненными [16, с. 220].

Противники власти предпринимали активные попытки использовать женщин-горянок в антисоветской борьбе. Ю.Ю. Карпов назвал «традиционными» практиками действия активистов группировок (в частности, духовенства), недовольных проводимой властью политикой и организовывавших публичные выступления женщин [33, с. 235]. В этом им помогали слухи, распространяемые о советской власти, коммунистах и женщинах. По сводкам ОГПУ в феврале 1930 г. на ст. Хасавюрт группой антисоветски настроенных лиц распространялись слухи, что после проведения коллективизации все женщины станут общим достоянием: муж не будет знать жену, а жена – мужа. Подобные слухи вызывали недовольство среди женщин, которые заявляли, что, «мол, лучше пусть убьют, а в колхоз не пойдем»²¹. В феврале 1930 г. вернувшийся из Чечни житель Цумадинского района Дагестанской АССР, говорил, что везде в колхозы загоняют силой, а женщины в коммунах станут общими²². По сводке ОГПУ от 16 марта 1930 г., около 500 женщин из сел. Нахки и Наци Акушинского района, «разогретые» подобными страхами, попытались отбить у правоохранителей арестованного шейха Нахкинского (старшего мюрида Али-Хаджи Акушинского)²³. 15 марта 1930 г. в сел. Костек Хасавюртовского района проходил сход по вопросам культурного строительства, на котором население стало требовать роспуска колхоза. Громче других голосов звучали требования женщин²⁴. Когда в сел. Н. Казанище Буйнакского района в сентябре 1930 г. возникли споры по вопросам землеустройства, инициаторами проявления отрицательных настроений опять-таки стали женщины²⁵.

Среди исследователей есть мнение, что слухи, распространяемые противниками советской власти, наподобие тех, что «в колхозе жены общие», являются прямым отражением общественных настроений и могут рассматриваться как прямое свидетельство массового нежелания крестьян идти в колхозы [34, с. 8]. На наш взгляд, природа их происхождения и распространение не поддаются такому однозначному толкованию, поскольку зачастую менялись местами причины и следствие: появившиеся слухи формировали общественное мнение, «подогревали» антиколхозные настроения селян, в том числе женщин, побуждали их к выступлениям против власти. Использовались они определенной частью сельского общества, местным духовенством для решения своих личных проблем. Но, безусловно, нельзя снимать со счетов, что нередко одной из причин этих выступлений становились непродуманные действия власти при проведении политики коллективизации. Ю.Ю. Карпов в этой связи высказал мнение о том, что подобная активность женщин объяснялась не только тем, что

21 Сводки ОГПУ за февраль 1930 г. // ЦГА РД. Ф. 800-р. Оп. 2. Д. 21. Л. 200.

22 Там же. Л. 235.

23 Сводка ОГПУ от 16 марта 1930 г. о положении в Акушинском районе // Там же. Л. 236.

24 Сводка ОГПУ от 15 марта 1930 г. о положении в Хасавюртовском районе // Там же. Л. 243.

25 Сводка ОГПУ от 17 сентября 1930 г. по Буйнакскому району // Там же. Д. 26. Л. 114 – 114 об.

они исполняли свой, как они его понимали, гражданский долг, но и замещали мужчин, вынужденно сдержанных, чтобы не допустить критического обострения ситуации и негативных последствий [33, с. 235].

Анализ оказавшихся в нашем распоряжении материалов показал, что реалии новой жизни медленно, но верно утверждались в дагестанском обществе, а женщины-горянки все чаще становились активными участниками решения хозяйственных, культурных и государственных вопросов. Ярким подтверждением этому может стать тот факт, что в рассматриваемые годы многие из них заняли должности председателей сельсоветов, членов правлений колхозов, исполнительных комитетов, стали учителями, врачами и т.д., а также избирались в органы власти республиканского уровня. Так, в состав Дагестанского центрального исполнительного комитета в 1935 г. было избрано 40 женщин²⁶, в состав Президиума ЦИК ДАССР вошли 2 женщины – А. Османова и В. Тулупова, а в состав Совнаркома ДАССР – Р. Магомаева²⁷.

Таким образом, в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. Советское государство поэтапно и планомерно осуществляло вовлечение женщин во все сферы жизни дагестанского общества. Советская власть с социально-классовых позиций рассматривала женщин как многочисленную (так, к концу 1930-х гг. доля женщин в общей численности населения Дагестанской АССР составляла 51 %, в сельской местности – 52 % [35, с. 24]) эксплуатируемую группу населения и стала активно привлекать их в качестве своего союзника к социалистическим преобразованиям. В целом по стране в 1932–1933 гг. женщины стали единственным источником новых трудовых ресурсов для развивающейся советской экономики [36, с. 10–12].

Юридическое и экономическое равноправие мужчин и женщин, зафиксированное в декретах советской власти и статьях Конституции, соответствующих законодательных актах создавало условия для радикального изменения правового положения женщины-горянки. Теперь дагестанские горянки могли добиваться защиты своих прав перед административными и судебными органами на основании общесоюзных, федеральных и дагестанских законов, а также получили возможность рассчитывать на поддержку государственных организаций, средств массовой информации, женотделов, вступавших за права женщин.

В то же время документы, материалы, периодической печати содержат немало призывов со стороны активных участников решения женского вопроса о том, что раскрепощение горянок следовало начинать с работы среди мужчин, которым еще предстояло преодолеть стереотипы, связанные с фактическим изменением положения женщин в условиях новой формации. И хотя советское законодательство в области семейно-брачных отношений создавало условия для появления новых взаимоотношений мужчины и женщины, в том числе дагестанского мужчины-горца и женщины-горянки, преобладание традицион-

26 Состав Дагестанского Центрального исполнительного комитета // Дагестанская правда. 1935. 9 января.

27 Состав Президиума ЦИК ДАССР и состав СНК ДАССР // Дагестанская правда. 1935. 18 февраля.

ной формы семьи продолжало обеспечиваться строжайшим социальным контролем со стороны традиционно ориентированного дагестанского общества.

Настоящее исследование выполнено на междисциплинарном уровне, вносит определенный вклад в разработку проблем региональной гендерной, политической, социальной истории, истории повседневности и свидетельствует о необходимости отказываться от иллюстративности «женской темы» в освещении актуальных проблем новейшей отечественной истории.

Статья подготовлена в рамках планового научного исследования коллективной темы «Гендерный аспект социально-культурного развития Дагестана в первой половине XX века» Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хасбулатова О.А. Реалии российской гендерной политики в XXI столетии // *Женщина в российском обществе*. 2011. № 3 (60). С. 12.
2. Пушкарева Н.Л. Женская и гендерная история: итоги и перспективы развития в России // *Историческая психология и социология истории*. 2010. Т. 3. № 2. С. 51–64.
3. Хасбулатова О.А. Профессиональное образование мужчин и женщин в России в 1918 – 2015 гг.: историко-социологический анализ // *Женщина в российском обществе*. 2015. № 3/4 (76/77). С. 3–16.
4. Денисова Л.Н. Русская крестьянка в советской и постсоветской России. – М.: Новый хронограф, 2011. – 528 с.: ил.
5. Карпов Ю.Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. – 412 с.: ил.
6. Юдина Т.Ф. Правовой статус женщин в Советском государстве в 20 – 30 гг.: некоторые аспекты социализации // *Эволюция и революция в праве. Сборник научных статей*. – Самара: Издательство «Инсома-Пресс», 2018. – С. 119–131.
7. Лушников А.М. «Женский вопрос» и отечественное трудовое право: историко-правовой очерк // *Актуальные проблемы российского права*. 2015. № 3 (52). С. 182–189.
8. Силин А.В. Эмансипация по-большевистски: вовлечение женщин в профессиональное образование и производительный труд в 1920-е годы // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2013. № 1. С. 191–194.
9. Лебина Н. Мужчина и женщина: тело, мода, культура. СССР – оттепель. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 208 с.: ил.
10. Голдман В.З. Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917–1937 гг.). – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 352 с.: ил.
11. Фицпатрик III. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – 422 с.

REFERENCES

1. Khasbulatova OA. Realities of Russian gender policy in the XXI century [Realii rossiyskoy gendernoy politiki v XXI stoletii] *Woman in Russian society [Zhenshchina v rossiyskom obshchestve]*. 2011;3(60):12.
2. Pushkareva NL. Women's and Gender History: Results and Development Prospects in Russia [Zhenskaya i gendernaya istoriya: itogi i perspektivy razvitiya v Rossii] *Historical Psychology and Sociology of History [Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii]*. 2010;3(2):51-64.
3. Khasbulatova OA. Professional education of men and women in Russia in 1918–2015: historical and sociological analysis [Professional'noye obrazovaniye muzhchin i zhenshchin v Rossii v 1918–2015 gg.: istoriko-sotsiologicheskiy analiz] *Woman in Russian society [Zhenshchina v rossiyskom obshchestve]*. 2015;3/4(76/77):3-16.
4. Denisova LN. Russian peasant woman in Soviet and post-Soviet Russia [Russkaya krest'yanka v sovetskoy i postsovetskoy Rossii]. Moscow: Novy khronograf, 2011:528.
5. Karpov YuYu. Women's space in the culture of the peoples of the Caucasus [Zhenskoye prostranstvo v kul'ture narodov Kavkaza]. Saint Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 2001:412.
6. Yudina TF. The legal status of women in the Soviet state in 20-30 years: some aspects of socialization [Pravovoy status zhenshchin v Sovetskom gosudarstve v 20 – 30 gg.: nekotoryye aspekty sotsializatsii] *Evolution and revolution in law. Collection of scientific articles [Evolutsiya i revolyutsiya v prave. Sbornik nauchnykh statey]*. Samara: Publishing house "Insoma-Press", 2018:119-131.
7. Lushnikov AM. "Women's question" and domestic labor law: a historical and legal study [Zhenskiy vopros i otechestvennoye trudovoye pravo: istoriko-pravovoy ocherk] *Actual problems of Russian law [Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava]*. 2015;3(52):182-189.
8. Silin AV. Bolshevik Emancipation: Involvement of Women in Professional Education and Productive Labor in the 1920s [Emansipatsiya po-bol'shevistski: вовлечение zhenshchin v professional'noye obrazovaniye i proizvoditel'nyy trud v 1920-ye gody] *Actual Problems of the Humanities and Natural Sciences [Aktual'nyye problemy gumanitarnykh i yestestvennykh nauk]*. 2013; 1:191-194.
9. Lebina N. Man and Woman: Body, Fashion, Culture. USSR – thaw [Muzhchina i zhenshchina: telo, moda, kul'tura. SSSR – ottepel']. Moscow: Modern literary review, 2018:208.
10. Goldman VZ. Women at the gate. Gender relations in the Soviet industry (1917-1937) [Zhenshchiny u

12. Делалой М. Усы и юбки. Гендерные отношения внутри кремлевского круга в сталинскую эпоху (1928–1953). – М.: Политическая энциклопедия, 2018. – 375 с.: ил.
13. Ahmed L. Women and Gender in Islam: Historical Roots of a Modern Debate. – New Haven: Yale University Press, 1992. – 296 p.
14. Омаров С.М. Женское образование в Дагестане. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1960. – 36 с.
15. Каймаразов Г.Ш. Культурное строительство в Дагестане (1920 – 1940 гг.). – Махачкала: Типография Дагфилиала АН СССР, 1960. – 184 с.
16. Гасанова А.И. Раскрепощение женщины-горянки в Дагестане (1920–1940 гг.). – Махачкала: Типография Дагфилиала АН СССР, 1963. – 158 с.
17. Гаджиева С.Ш., Мелешко А.Г. Женщины Советского Дагестана. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1960. – 144 с.: ил.
18. Мирзабеков М.Я. Культура дагестанского села. XX век: история, проблемы. – Махачкала: Бари, 1998. – 308 с.
19. Кундакбаева Ж.Б. Модели самоидентификации женщин Казахстана ранней советской эпохи (1920–1930-е гг.) // Уральский исторический вестник. 2017. № 3 (56). С. 110–118.
20. Бечелов З.Ш., Абазова М.В. Женщины Кабардино-Балкарии в годы первых пятилеток // Женщина в российском обществе. 2017. № 4 (85). С. 104–113. DOI: 10.21064/WinRS.2017.4.10.
21. Коновалов А.А., Битокова Т.В. Основные факторы эмансипации и трансформации гендерных ролей женщин Кабардино-Балкарии в 1920 – 1950 гг. // Манускрипт. 2019. Том 12. Выпуск 6. С. 52–56.
22. Тедеева Н.В. Изменения в сфере семьи и брака женщин Северной Осетии в контексте советских модернизационных процессов 1920 – 1930-х годов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (42): в 2-х ч. Ч. II. С. 183 – 186.
23. Хасбулатова О.А. Женщины и образование в России: исторический обзор (1860–2000 гг.) // Женщина в российском обществе. 2003. № 1 – 2. С. 31–35.
24. Текуева М.А. Эмансипация женщин на Северном Кавказе: трудности перевода с русского на кабардинский // Материалы XIII конгресса МАПРЯЛ: в 15 томах. Санкт-Петербург: Международное некоммерческое партнерство преподавателей русского языка и литературы «МАПРЯЛ», 2015. С. 149–152.
25. Текуева М.А. «Решение» женского вопроса в Кабардино-Балкарии (1917–1941 гг.) // Социальная история / Ежегодник. 2008. СПб.: Алетейя, 2009. С. 303–329.
26. Максимов А.А. Особенности правового положения женщин в Советской России // Вестник Международного института экономики и права. 2016. № 2 (23). С. 130–139.
27. Великий Октябрь и раскрепощение женщин Северного Кавказа и Закавказья. 1917–1936 гг.: Сборник документов и материалов. Ред. кол. К. С. Кузнецова (отв. ред.) и др. – М.: Мысль, 1979. – 350 с.; 8 л. ил.
28. Бобровников В.О. Женщины в шариате и горских адатах // Женщина и ислам: сб. ст. / под ред. А.К. Бустанова. – М.: Дизайн Тим, 2017. – С. 9–18.
- prokhodnoy. *Gendernyye otnosheniya v sovetskoy industrii (1917–1937 gg.)*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2010:352.
11. Fitzpatrick S. *Stalin's peasants. Social history of Soviet Russia in the 30s: the village [Stalinskiye krest'yanе. Sotsial'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-ye gody: derevnya]*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2001:422.
12. Delaloy M. *Mustache and Skirts. Gender relations within the Kremlin circle in the Stalin era (1928-1953) [Usy i yubki. Gendernyye otnosheniya vnutri kremlevskogo kruga v stalinskuyu epokhu (1928–1953)]*. Moscow: Political encyclopedia, 2018:375.
13. Ahmed L. *Women and Gender in Islam: Historical Roots of a Modern Debate*. New Haven: Yale University Press, 1992. (In Eng.).
14. Omarov SM. *Women's education in Dagestan [Zhenskoye obrazovaniye v Dagestane]*. Makhachkala: Daguchpedgiz, 1960:36.
15. Kaimarazov GSh. *Cultural construction in Dagestan (1920 – 1940) [Kul'turnoye stroitel'stvo v Dagestane (1920–1940 gg.)]*. Makhachkala: Dagestan affiliation of the USSR Academy of Sciences, 1960:184.
16. Gasanova AI. *Emancipation of a Mountainous Woman in Dagestan (1920-1940) [Raskreposhcheniye zhenshchiny-goryanki v Dagestane (1920–1940 gg.)]*. Makhachkala: Dagestan affiliation of the USSR Academy of Sciences, 1963:158.
17. Gadzhieva SSh., Meleshko AG. *Women of Soviet Dagestan [Zhenshchiny Sovetskogo Dagestana]*. Makhachkala: Dagkniгоizdat, 1960:144.
18. Mirzabekov MYa. *The culture of the Dagestan village. XX century: history, problems [Kul'tura dagestanskogo sela. XX vek: istoriya, problemy]*. Makhachkala: Bari, 1998:308.
19. Kundakbaeva ZhB. Models of self-identification of women in Kazakhstan in the early Soviet era (1920-1930s) [Modeli samoidentifikatsii zhenshchin Kazakhstana ranney sovetskoy epokhi (1920-1930-ye gg.)] *Ural Historical Bulletin [Ural'skiy istoricheskiy vestnik]*. 2017;3(56):110-118.
20. Bechelov ZSh., Abazova MV. Women of Kabardino-Balkaria during the first five-year plans [Zhenshchiny Kabardino-Balkarii v gody pervykh pyatiletok] *Woman in Russian society [Zhenshchina v rossiyskom obshchestve]*. 2017;4(85):104-113. DOI: 10.21064 / WinRS.2017.4.10.
21. Konovalov AA., Bitokova TV. The main factors of emancipation and transformation of gender roles of women in Kabardino-Balkaria in 1920-1950 [Osnovnyye faktory emansipatsii i transformatsii gendernykh roley zhenshchin Kabardino-Balkarii v 1920-1950 gg.] *Manuscript*. 2019;12(6):52-56.
22. Tedeveva NV. Changes in the sphere of family and marriage of women in North Ossetia in the context of Soviet modernization processes of the 1920s – 1930s [Izmeneniya v sfere sem'i i braka zhenshchin Severnoy Osetii v kontekste sovetskikh modernizatsionnykh protsessov 1920 – 1930-kh godov] *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice [Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki]*. Tambov: Certificate, 2014;4 (42): in 2 parts, Part 2:183-186.
23. Khasbulatova OA. Women and Education in Russia: A Historical Overview (1860-2000) [Zhenshchiny i obrazovaniye v Rossii: istoricheskiy obzor (1860-2000 gg.)] *Woman in Russian Society [Zhenshchina v rossiyskom obshchestve]*. 2003;1-2:31-35.
24. Tekueva MA. Emancipation of women in the North Caucasus: difficulties in translation from Russian into Kabardian [Emansipatsiya zhenshchin na Severnom Kavkaze: trudnosti perevoda s russkogo na kabardinskiy] *Pro-*

29. Ада́ты, по которым разбираются и решаются гражданские споры. Сборник адатов шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского // Законы вольных обществ XVII – XIX вв.: Архивные материалы. Сост. предисл., примеч. Х.-М. Хашаев; отв. ред. Г.-А. Даниялов. – Махачкала: ИД «Эпоха», 2007. – С. 269 – 270.

30. Дзедзиев Н.И. Бытовые преступления и правовое положение горянки // Революция и горец. 1924. № 11-12.

31. Грязнов И. По лезгинским аулам // Просвещение национальностей. 1930. № 6. С. 85 (с. 84 – 87).

32. Ошаев Х. Вопросы антирелигиозной пропаганды и задачи антирелигиозного воспитания в горской школе // Революция и горец. 1931. № 6 – 7. С. 77 (с. 72 – 83).

33. Карпов Ю.Ю. Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20–30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2017. – 400 с.

34. Архипова А., Кирзюк А. Опасные советские вещи: Городские легенды и страхи в СССР. – М.: Новое литературное обозрение, 2020. – 536 с.: ил.

35. Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги / под ред. Ю.А. Полякова. – М.: Наука, 1992. – 256 с.

36. Труд в СССР. Статистический справочник. – М.: ЦУНХУ Госплана СССР, 1936. – 386 с.

ceedings of the XIII MAPRYAL Congress: in 15 volumes [Materialy XIII kongressa MAPRYAL: v 15 tomakh] St. Petersburg: International non-commercial partnership of teachers of Russian language and literature “MAPRYAL”, 2015: 149-152.

25. Tekueva MA. “Solution” to the women’s question in Kabardino-Balkaria (1917-1941) [«Resheniye» zhenskogo voprosa v Kabardino-Balkarii (1917-1941 gg.)] *Social history / Yearbook [Sotsial'naya istoriya / Yezhegodnik]*. 2008. St. Petersburg: Aleteya, 2009: 303-329.

26. Maksimov AA. Features of the legal status of women in Soviet Russia [Osobennosti pravovogo polozheniya zhenshchin v Sovetskoy Rossii] *Bulletin of MIEP*. 2016;2 (23):130-139.

27. *Great October and the emancipation of women in the North Caucasus and Transcaucasia. 1917-1936: Collection of documents and materials [Velikiy Oktyabr' i raskreposhcheniye zhenshchin Severnogo Kavkaza i Zakavkaz'ya. 1917-1936 gg.: Sbornik dokumentov i materialov]*. Ed. board: K.S. Kuznetsova (chief ed.) and others. Moscow: Mysl, 1979:350.

28. Bobrovnikov VO. Woman in Sharia and Mountain Adats [Zhenshchina v shariate i gorskikh adatakh] *Woman and Islam: Collection of articles [Zhenshchina i islam: sb. st.]* / ed. by AK. Bustanova. Moscow: Dizart Tim, 2017:9-18.

29. Adats, according to which civil disputes are examined and resolved. Collection of adats of Tarkovsky Shamkhalstvo and Mehtulinsky Khanate [Adaty, po kotorym razbirayutsya i reshayutsya grazhdanskiye spory. *Sbornik adatov shamkhal'stva Tarkovskogo i khanstva Mekhtulinskogo*] *Laws of free societies of the 17th – 19th centuries: Archival material [Zakony vol'nykh obshchestv XVII-XIX vv.: Arkhiunnye materialy]*. Comp., foreword, note H.-M. Khashaev; ed. G.-A. Daniyalov. Makhachkala: Epokha, 2007:269-270.

30. Dzedziev NI. Domestic crimes and the legal status of a mountain woman [Bytovyye prestupleniya i pravovoye polozheniye goryanki] *Revolution and highlander [Revolyutsiya i gorets]*. 1924:11-12.

31. Gryaznov I. Across the Lezgin auls [Po lezginским aulam] *Education of nationalities [Prosveshcheniye national'nostey]*. 1930:6:85 (84-87).

32. Oshaev H. Questions of anti-religious propaganda and the tasks of anti-religious education in the highland school [Voprosy antireligioznoy propagandy i zadachi antireligioznogo vospitaniya v gorskoy shkole] *Revolution and highlander [Revolyutsiya i gorets]*. 1931:6-7:77(72-83).

33. Karpov YuYu. *National policy of the Soviet state on the North Caucasian periphery in the 1920s and 1930s. XX century: evolution of problems and solutions [Natsional'naya politika sovetskogo gosudarstva na severokavkazskoy periferii v 20 – 30-ye gg. XX v.: evolyutsiya problem i resheniy]*. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 2017:400.

34. Arkhipova A., Kirzyuk A. *Dangerous Soviet Things: Urban Legends and Fears in the USSR [Opasnyye sovetskiye veshchi: Gorodskiy legendy i strakhi v SSSR]*. Moscow: New literary review, 2020:536.

35. *All-Union Population Census of 1939: general results [Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 goda: osnovnyye itogi]* ed. YuA. Polyakov. Moscow: Nauka, 1992:256.

36. *Labor in the USSR. Statistical referencebook [Trud v SSSR. Statisticheskiy spravochnik]*. Moscow: TSUNKHU Gosplan USSR, 1936:386.

Статья поступила в редакцию 05.11.2020 г.

АРХЕОЛОГИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH1641002-1015>

Ахмаров Азамат Усманович,
старший лаборант,
Центр археологических исследований
Институт гуманитарных исследований
Академия наук Чеченской Республики, Грозный, Россия
acztec@mail.ru

Аксёнов Виктор Степанович,
к.и.н., заведующий отделом археологии,
Харьковский исторический музей имени Н.Ф. Сумцова, Харьков, Украина
aksyonovvictor@gmail.com

НОВОВЫЯВЛЕННЫЙ КАТАКОМБНЫЙ МОГИЛЬНИК VIII–IX ВВ. НА ТЕРРИТОРИИ ЧЕЧНИ

Аннотация. Статья вводит в научный оборот материалы двух катакомбных захоронений, которые были выявлены и исследованы сотрудниками Центра археологических исследований Института гуманитарных исследований АН Чеченской Республики в ходе разведок на территории Шалинского района Чеченской Республики на участке одного из частных домовладений в сел. Сержень-Юрт. Могильник расположен на границе Чеченской равнины и Черных гор, у самой их подошвы, на пологом склоне хребта, в месте перехода его в ровную надпойменную террасу левого берега р. Хулхулау. В катакомбе № 1 были обнаружены останки трех человек (мужчины, ребенка, женщины). В анатомическом порядке оказался только скелет женщины, тогда как кости остальных двух погребенных были сдвинуты к правой боковой стенке погребальной камеры. Женщину сопровождал набор личных украшений, включавший серьги, шейную гривну, браслеты, стеклянные и сердоликовые бусы, «рогатую» пряжку и т.п. В почти полностью разрушенной погребальной камере катакомбы № 2 были зафиксированы останки женщины, костяк которой в древности подвергся преднамеренному разрушению. При костяке женщины обнаружены ее личные украшения: стеклянные и сердоликовые бусы, браслеты, «рогатая» пряжка, подвеска-амулет, бронзовые бляхи. По инвентарю данные захоронения датируются VIII – началом IX в. Особенностью исследованных погребальных сооружений является то, что длинная ось камер являлась продолжением длинной оси входной ямы, тогда как для аланского населения Северного Кавказа VI–XIII вв. характерны катакомбы Т-образного типа.

Ключевые слова. Чечня; катакомба; раннее средневековье; аланы; аланская культура; хазарский историко-культурный период.

ARCHAEOLOGY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH1641002-1015>

Azamat U. Akhmarov,
Senior Laboratory Assistant
Center for Archaeological Research
Institute for Humanitarian Studies
Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny, Russia
acztec@mail.ru

Victor S. Aksenov,
PhD (History), Head of the Department of Archeology
Sumtsov Kharkov Historical Museum, Kharkov, Ukraine
aksyonovviktor@gmail.com

NEWLY DISCOVERED CATACOMB BURIAL OF THE 8-9TH CENTURIES IN THE TERRITORY OF CHECHNYA

Abstract. The paper introduces material of two catacomb burials, discovered and investigated by the researchers of the Center for Archeological Research at the Institute of Humanitarian studies of Chechen Academy of Sciences during the archeological reconnaissance in the territory of Shali region of the Chechen Republic, on the land of one of the homeowners of the village Serjen-Yurt. The burial is located at the border of the Chechen plains and Cherny mountains, at their very foot, on a steep slope of the ridge, in the place of its transition into a flat terrace above flood-plain of the left bank of the river Khulkhulau. Remnants of three people (a man, a woman and a child) were revealed in the catacomb №1. In anatomical order, only the woman's skeleton was found, while the bones of the other two buried were placed at the right side wall of the burial chamber. The woman's grave goods included earrings, a neck ring (torc), bracelets, glass and cornelian beads, a "horned" buckle, etc. In an almost collapsed burial chamber № 2 remnants of a woman were found, the skeleton of which was purposefully destroyed. Among the remnants of the skeleton were her personal belongings: glass and cornelian beads, bracelets, a "horned" buckle, a pendant, bronze badges. According to the grave goods, the burials can be dated 8th – early 9th centuries. A feature of the investigated burial structures is that the long axis of the chambers was a continuation of the long axis of the entrance pit, while catacombs of the T-type were characteristic for the Alanian population of the North Caucasus of the 6th – 13th centuries.

Keywords: Chechnya; catacomb; early Middle Ages; Alans; Alanian culture; Khazar historic-cultural period.

В июле 2019 г. сотрудниками Центра археологических исследований Института гуманитарных исследований АН Чеченской Республики в ходе разведок на территории Шалинского района Чеченской Республики был выявлен ранее неизвестный раннесредневековый могильник. Территория, на которой были проведены разведочные работы, расположена на границе Чеченской равнины и Черных гор, у самой их подошвы, на пологом склоне хребта, в месте перехода его в ровную надпойменную террасу левого берега реки Хулхулау. В сел. Сержень-Юрт местный житель Н.Р. Халимов обратил наше внимание на странные провалы, которые образовались на территории его частного домовладения при проведении ландшафтных работ. В результате в срезе склона были обнаружены древние захоронения, представлявшие, как выяснилось в ходе их расчистки, катакомбы.

Земляные работы на участке привели к частичному разрушению первой катакомбы (№ 1) и почти полному разрушению второй катакомбы (№ 2). Данные захоронения свидетельствуют о присутствии на юго-восточной окраине с. Сержень-Юрт могильника, который занимает пологий склон между первой и второй террасой, а также всю площадь второй террасы левого берега р. Хулхулау (на расстоянии 180 м от ее русла). Могильник предположительно занимает значительную площадь, но большая его часть находится под застройкой сел. Сержень-Юрт – по свидетельствам местных жителей, при хозяйственном освоении склона между первой и второй террасами, за последние десятилетия было разрушено большое количество погребений катакомбного типа.

Катакомба № 1 (рис. 1, А). На момент исследования входная яма катакомбы была снесена землеройной техникой. Вместе с ней был разрушен вход в камеру и часть погребальной камеры. В ходе работ удалось зафиксировать пятно сохранившейся части входной ямы и выступающую на поверхность часть закладного камня. Входная яма была ориентирована длинной осью по линии В-З. Размеры ее сохранившейся части 0,6×0,6 м, глубина 2,58 м от уровня современной поверхности почвы. Закладной камень без следов обработки, округлой в плане формы, диаметром 0,45 м и толщиной 0,10 м находился *in situ* и стоял с небольшим наклоном ко входу в камеру. Камера катакомбы была вырыта в слое материковой глины, ее дно находилось на глубине 2,90 м от современной дневной поверхности. В камеру вела ступенька высотой 0,32 м. Погребальная камера в плане имела овальную форму; длинная ось камеры являлась продолжением длинной оси входной ямы. Её длина 1,87 м, ширина 1,18 м, высота на момент исследования 1,17 м. Дно камеры имело незначительное понижение ко входу в камеру, который находился в ее восточной стене.

В камере находились костные останки трех погребенных – мужчины, женщины, ребенка (рис. 1, А). *In situ* сохранился только скелет женщины, который занимал место вдоль левой боковой стенки камеры. Погребенная была уложена в вытянутом положении на спине ногами к входу и головой на запад. Череп покойницы был сильно смещен влево от шейного отдела позвоночника. Судя по расположению шейных позвонков *in situ*, голова изначально лежала ровно

на затылочной части и лишь через какое-то время сместилась на левую сторону. Руки умершей женщины слегка отведены в стороны и согнуты в локтях. Верхняя часть плечевой кости правой руки смещена в область грудной клетки. По расположению лучевой и локтевой костей рук видно, что они первоначально были уложены открытой ладонью вниз. Ноги были немного согнуты в коленных суставах, придавая скелету так называемую «позу всадника». Но по положению костей стоп видно, что первоначально ноги были согнуты коленями вверх и лишь потом, после разрушения мягких тканей и сухожилий, они распались ромбом. За черепом женщины, у западной стенки камеры лежала бедренная кость молодой особи крупнорогатого скота. В области шеи женщины, над правой лопаткой, находились следующие вещи: серебряная шейная гривна (рис. 1, 6); две серебряные сережки в виде незамкнутого кольца (рис. 1, 13, 14); большой серебряный литой бубенчик (рис. 1, 10); серебряный колокольчик (рис. 1, 11); серебряная подвеска в виде кольца с четырьмя петлями (рис. 1, 7); бронзовая подвеска в виде кольца с наплывами (рис. 1, 4); бронзовая «рогатая» пряжка (рис. 1, 2); серебряная брошь (рис. 1, 12); низка бус (рис. 1, 5); железный черешковый нож (рис. 1, 8). На запястье правой руки зафиксированы два бронзовых браслета (рис. 1, 15, 16), а на фаланге пальца этой же руки – бронзовый перстень (рис. 1, 3). На запястье левой руки находился один бронзовый браслет (рис. 1, 17).

Останки мужчины и ребенка были сдвинуты к северной боковой стенке камеры, где они образовывали одно скопление (рис. 1, А). Ближе ко входу в камеру располагались кости мужчины, образовавшие кучу, сверху которой на правой височной кости располагался череп, обращенный лицевым отделом к дальней торцевой стенке камеры. Кости ребенка располагались дальше от входа, западнее костей скелета мужчины. Череп ребенка был разрушен, на нем лежал на боку коричневоглиняный кувшин (рис. 1, 1). Какие-либо иные вещи среди останков мужчины и ребенка обнаружены не были.

Катакомба № 2 (рис. 2, А). Была зафиксирована по затеку плотного суглинка темно-коричневого цвета в оставшейся неразрушенной части камеры. Дно камеры находилось на глубине 2,5 м от уровня современной дневной поверхности. По сохранившемуся контуру дна можно предположить, что камера была идентична камере катакомбы № 1 открытого могильника и ориентирована длинной осью по линии В-З. Размеры сохранившейся части камеры катакомбы 0,9×0,9 м. На дне камеры было зафиксировано скопление костей, принадлежавших взрослой женщине. Среди этого скопления костей были обнаружены фрагменты железного ножа (рис. 2, 11), два железных и один бронзовый браслет (рис. 2, 7, 8, 13). Череп со следами искусственной деформации находился отдельно и чуть севернее основного скопления костей (рис. 2, А). Основная часть погребального инвентаря, сложенная в отдельную кучку, была расположена между черепом и западной стенкой камеры. Здесь стоял коричневоглиняный сосуд (рис. 2, 1), с северной стороны которого в виде скопления диаметром около 15 см лежали бусы (140 шт.) (рис. 2, 9) и раковины каури (4 шт.) (рис. 2, 10). Поверх бус

располагались бронзовая «рогатая» пряжка (рис. 2, 12), подвеска в виде кольца с наплывами (рис. 2, 6), круглая брошь (рис. 2, 5), две штампованные бляшки (рис. 2, 3, 4), фрагмент бляшки в виде розетки (рис. 2, 2).

Инвентарь исследованных захоронений представлен в основном личными украшениями.

Серьги (рис. 1, 13, 14) неправильной овальной формы, размерами 1,9×1,4 см, изготовлены из серебряной проволоки диаметром 0,1 см.

Браслеты (рис. 1, 15, 16, 17; 2, 7, 8, 13) представлены экземплярами, изготовленными из бронзового и железного круглых в сечении прутьев диаметром 0,3–0,4 см. Браслеты округлой формы с разомкнутыми концами. Некоторые из них имеют незначительное утолщение на концах.

Бронзовый перстень (рис. 1, 3) изготовлен из пластины полукруглой в сечении формы (0,4×0,1 см), имеет неправильную форму, концы не замкнуты.

Серебряный колокольчик, размерами 2,2×2,0 см, в виде полусферы с петлей округлой формы для подвешивания на вершине и сквозным отверстием для крепления язычка. Подобные колокольчики встречаются в основном в древностях V–VII вв. юга Восточной Европы. Наиболее близкой аналогией найденному колокольчику является изделие из Чир-Юртовского грунтового могильника (погр. 13П) [1, рис. 80: 22].

Серебряный литой бубенчик (рис. 1, 10), размерами 4,1×3,9 см, имеет шаровидное тулово, вверху которого расположена плоская петелька трапецевидной в плане формы. По корпусу бубенчика проходят хорошо выраженные вертикальные грани. Бубенчики данного типа являются характерной находкой для памятников всех этнических групп населения салтово-маяцкой культуры на территории её распространения [2, рис. 37: 21; 3, табл. VII: 1, 4, 5; XXII: 6].

Так называемые «рогатые» бронзовые пряжки имеют рамку в форме равнобедренного треугольника (размерами 4,0 и 4,8 см), по углам которого располагается по три выступа (центральный выступ ромбической формы, боковые выступы – серповидной формы) (рис. 1, 2; 2, 12). Пряжки снабжены железным пластинчатым язычком. Аналогичные пряжки с разным оформлением угловых выступов достаточно хорошо представлены в памятниках аланского населения салтово-маяцкой культуры с территории лесостепного Подонцовья [4, рис. 3: 17; 4: 38; 6: 13, 38; 5, рис. 2: 17; 5: 10; 6: 7; 8: 8; 10: 15; 2, рис. 36: 44] и в погребальных комплексах VIII–IX вв. Северного Кавказа [6, табл. XIII: 3; 3, табл. XII: 2, 3; XXII: 1; 7, рис. 1: 6; 3: 4]. В материалах лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры такие пряжки представлены в основном в захоронениях Верхне-Салтовско-Ютановской погребальной традиции [8, с. 92. табл. 40], где они выступают атрибутом костюма девушек, достигших брачного возраста, и молодых женщин [5, с. 38–39].

В обоих погребениях обнаружено по одной бронзовой подвеске в виде кольца диаметром 3,2–3,3 см с девятью наплывами шаровидной формы (рис. 1, 4; 2, 6), относящиеся к отделу 1, тип 1 по классификации В.Б. Ковалевской [9, с. 132, 133, 135]. В наибольшем количестве такие амулеты представлены в памятниках

второй половины VI–X вв. Северного Кавказа (53 экз.) и Волго-Камья (57 экз.) [10, с. 112]. В лесостепное Подонцовье амулеты этого типа попадают во второй половине VIII в. с Северного Кавказа вместе с носителями аланской культуры, но широкого распространения там не получают [10, с. 113]. На памятниках лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры они представлены 2 экземплярами, происходящими с Ютановского катакомбного могильника второй половины VIII–IX вв. [11, рис. 6: 9; 10, с. 112, 116, табл. 1], еще одно кольцо с девятью наплывами, превращенное в пряжку, происходит из катакомбы № 21 второй половины VIII в. Старо-Салтовского некрополя [4, рис. 7: 11].

Шейная псевдовитая гривна диаметром 13,8 см изготовлена из серебряной проволоки толщиной 0,3 см (рис. 1, 6). Один конец гривны оформлен в виде крючка (зацепа), а другой конец – в виде незамкнутой петли. Подобные гривны являются довольно характерным предметом для памятников Северного Кавказа III–VIII вв. [1, с. 264. рис. 82: 40–42; 7, с. 83. рис. 2: 6; 12, рис. 4: 4]. В незначительном количестве бронзовые, бронзовые с позолотой гривны встречены в катакомбных захоронениях донских алан второй половины VIII – третьей четверти IX в. [4, рис. 5: 5; 6: 50; 13, рис. 5: 10; 14, с. 391; 15, с. 454]. Одна гривна из гладкой проволоки происходит из разрушенного погребения Старокорсунского могильника второй половины VIII в. на Кубани [16, с. 198. рис. 10: 55].

В обоих погребениях найдены бусы, изготовленные из светло-розового, мутного сердолика, небрежной обработки (14 экз. – катакомба № 1, 40 экз. – катакомба № 2). Все они относятся к разряду круглых в поперечном сечении, шарообразных (рис. 1, 5; 2, 9). Найденные в захоронениях бусы из роговика (10 экз. – катакомба № 1, 27 экз. – катакомба № 2) относятся к отделу круглых, шарообразных (рис. 1, 5; 2, 9).

Одноцветные бусы из белого непрозрачного стекла (11 экз.), синего непрозрачного стекла (12 экз.) шарообразной формы (рис. 1, 5; 2, 9) представлены в катакомбе № 2. Стекланные бусы золотистого цвета с металлической прокладкой (рис. 1, 5; 2, 9) найдены в обеих катакомбах (1 экз. – катакомба № 1, 34 экз. – катакомба № 2).

Стекланные глазчатые бусины из катакомбы № 2 относятся к МЕР 154, 162, 176 (по классификации В.Б. Ковалевской) – всего 16 экз. (рис. 1, 5; 2, 9). В катакомбе № 1 представлены глазчатые стекланные бусы МЕР 162, 176, 177 – 7 экз. (рис. 1, 5; 2, 9).

Все стекланные и каменные бусы, подобные найденным, встречаются повсеместно на памятниках и Северного Кавказа и Юго-Восточной Европы VI–IX вв. [17; 18; 19, с. 5–110].

Раковины каури размерами 1,5×0,5 см снабжены отверстием для подвешивания (рис. 2, 10). Использование раковин каури в качестве украшений характерно для многих традиционных обществ мира. Известны находки раковин каури в аланских захоронениях хазарского историко-культурного периода как с территории Кавказа [3, табл. XVIII: 6; XXV: 19, 20; 6, табл. XLVII: 3, 4], так и лесостепного Подонья [20, рис. 9: 32].

Серебряная солярная подвеска-амулет размерами 4,6×3,7 см имеет форму кольца диаметром 1,8 см, с внешней стороны которого крестообразно расположены четыре петельки (рис. 1, 7) – три петельки кольцевидной формы, четвертая петелька имеет прямоугольную в плане форму. Точная аналогия данному амулету нам не известна. Возможно, данная подвеска несет ту же символику, что и близкие ей по размеру подвески-амулеты с соколиными головками (тип 3, вариант 1 и вариант 2 по классификации В.Б. Ковалевской) [9, с. 141. рис. 2: 10, 11]. Только вместо головок птиц, символизирующих идею движущего, летящего солнечного диска [21, с. 41], идея движения солнца передана тремя круглыми петельками, символизирующими дневное, полуденное и вечернее солнце. Первоначально это были имитации брошей с орлиными головками (памятники Кисловодской котловины VII в., Мокрая Балка – см.: 22). Кроме того, в Мокрой балке представлена брошь, похожая на данный амулет [22, рис. 48, 3].

Из захоронений происходят две пластинчатые броши, которые имеют форму круга диаметром соответственно 3,6 и 4,3 см, в центре которого расположено гнездо для вставки, которая в обоих случаях отсутствует. Бронзовые пластины по краю украшены двойным ободком, имитирующим припаянную рубчатую проволоку (рис. 1, 12; 2, 5). На серебряной пластине (рис. 1, 12) двойной ободок по краю выполнен в виде цепочек из полукруглых выступов (псевдозернь), а поле между ними и гнездо дополнительно украшено выпуклыми треугольниками, заключенными в круг и обращенными вершинами к центру изделия. Данные изделия, по нашему мнению, являются более поздними репликами фибул-брошей и имитирующих их блях, входивших в «аристократический» костюм женщин Северного Кавказа V–VI вв. [23, рис. 1: 3, 4].

Фрагмент бронзовой бляшки, размерами 2,8×2,6 см, имеет форму розетки из четырех крестообразно расположенных лепестков овальной формы (рис. 2, 2). В центре бляшки расположено гнездо для вставки, которая отсутствует. Пространство вокруг гнезда украшено ободком из полукруглых выступов. Таким же образом орнаментированы края лепестков бляшки.

Две бронзовые штампованные бляшки прямоугольной в плане формы, размерами 2,5×2,4 см имеют в центре круглую шишечку, которая заключена в круг из мелкой псевдозерни. Цепочки из мелкой псевдозерни расходятся от центра в виде четырех линий к углам бляшек, края которых по контуру оформлены в виде псевдожгута из перевитой веревочки с прямой или косой намоткой (рис. 2, 3, 4). Подобные, но меньшего размера, выполненные из золота и снабженные стеклянными вставками бляшки происходят из салтовского кремационного захоронения № 176 биритуального могильника Красная Горка и грунтового ингумационного захоронения № 1 у сел. Залиман на Северском Донце, которые датируются второй половиной VIII–IX вв. [24, рис. 1: 19; 2в: 4].

К предметам хозяйственно-бытового назначения в исследованных захоронениях относятся железные ножи и керамические сосуды. Оба найденных ножа (1, 8; 2, 11) – черенковые с прямой спинкой и треугольным в сечении лезвием.

Ножи этого типа широко распространены в древностях второй половины I тыс. н.э. Восточной Европы.

Сосуд (рис. 1, 1) из катакомбы № 1, высотой 15,6 см, изготовлен на гончарном круге, имеет сферическое тулово, широкое плоское дно, высокое горло, венчик со сливом слегка отогнут наружу. В нижней части горла сосуд орнаментирован четырьмя горизонтальными обводящими желобками.

Сосуд (рис. 2, 1) из катакомбы № 2, высотой 14 см, изготовлен на гончарном круге, имеет светло-серую поверхность и представляет собой кувшинчик с высоким горлом, низким приземистым туловом, широким плоским дном и высокой раструбовидной горловиной; основание горла орнаментировано «елочным» обводящим пояском, место максимального расширения тулова – узким поясом наклонных врезных линий, заключенных между двумя узкими горизонтальными желобками.

Оба сосуда имеют широкие аналогии в аланских древностях Северного Кавказа VI–IX вв. [25, рис. 63: 31, 32, 42, 62, 63].

Таким образом, анализ погребального инвентаря показывает, что в исследованных захоронениях отсутствуют узко датируемые вещи. Однако, одновременное присутствие в погребениях «рогатых» пряжек, амулетов в виде кольца с наплывами, пластин имитирующих фибулы-броши V–VII вв. и, особенно, бус МЕР 154 и МЕР 162, позволяет датировать исследованные комплексы VIII – началом IX в.

Предварительно можно констатировать, что на открытом Сержень-Юртовском могильнике зафиксированы захоронения в катакомбах, в которых длинная ось камеры является продолжением длинной оси входной ямы. Вход в погребальную камеру закрывался каменным закладом. Судя по размерам камня заклада (диаметром 0,45 м), вход в камеру был невысокий и узкий. Дно камеры находилось ниже дна входной ямы. Вследствие такой конструкции погребального сооружения погребенные укладывались ногами к входу, и, вероятно, вне зависимости от пола, в вытянутом положении на спине. При этом кости ранее погребенных сдвигались в сторону, освобождая место для нового захоронения. Керамический сосуд ставился у дальней торцевой стенки камеры, рядом или за головой погребенного.

Исследованные катакомбы Сержень-Юртовского могильника выпадают из общего ряда катакомб IV–XIII вв. Северного Кавказа. Общеизвестно, что для аланской культуры Северного Кавказа характерно использование катакомб Т-образного типа, т.е. с перпендикулярно расположенными по отношению друг к другу входной ямой и погребальной камерой [26, с. 34–121; 27, с. 65]. Катакомбы с продольным расположением погребальной камеры относительно длинной оси входной ямы в погребальных комплексах Северного Кавказа представлены в единичных случаях (для памятников III–IV вв. – 3 случая, V–VIII вв. – 3 случая, VIII–IX вв. – 1 случай) [26, с. 361. Прилож. 5. Табл. 1]. При этом пять таких катакомб происходит из памятников Кисловодской котловины (группа 3 по Д.С. Коробову) и по одной катакомбе обнаружено на памятниках

Северной Осетии (группа 6) и центральной части Чечни (группа 8) [26, с. 372. Прилож. 7. Табл. 1]. Это связано, как представляется, разной степенью изученности памятников отмеченных регионов.

Катакомбы, когда длинная ось погребальной камеры является продолжением длинной оси входной ямы, занимают ведущее место среди погребальных сооружений раннесарматской культуры Поволжья и Приуралья [28, с. 77]. Такие катакомбы (типа II по К.Ф. Смирнову) во второй половине III–IV вв. являются господствующим типом погребального сооружения у степного населения Днестро-Дунайского междуречья и изредка встречаются в памятниках этого же времени Днепро-Донского междуречья и Левобережья Днепра [29, с. 49. рис. 2: 6–8]. В памятниках лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры катакомбы с продольным, на одной длинной оси, расположением камеры и выходной ямы встречены на Рубежанском и Старо-Салтовском катакомбных могильниках, где они составляют соответственно 16 катакомб (88,8 %) и 17 катакомб (80,9 %) из исследованных погребальных сооружений [30, с. 155, табл. 1]. Катакомбы этого типа представлены и на Верхне-Салтовском могильнике, где их количество на разных участках некрополя составляет: 15 катакомб (13,88 %) на ВСМ-IV (раскопки 1998–2014 гг.); 37 катакомб (49,4 %) на ВСМ-I (раскопки 1984–1989 гг.); 24 катакомбы (82,7 %) на ВСМ-III (раскопки 1988–1992 гг.) [31, с. 50, табл. 4]. Для других исследованных катакомбных могильников лесостепного Подонцовья хазарского историко-культурного периода господствующим типом погребального сооружения, как и для аланских катакомб Северного Кавказа, является катакомба Т-образного типа. В этом случае можно согласиться с мнением, что не все аланы хоронили своих умерших в Т-образных катакомбах, но большинство погребенных в таких катакомбах можно уверенно относить к аланам [27, с. 65]. Искусственная деформация головы, зафиксированная у погребенной из катакомбы № 2, восходит к традиции носителей аланской культуры раннего этапа и отмечена на черепках погребенных из Бесланского могильника, некрополей Среднего Терека (Братские 1-е курганы, Октябрьский I, Киевский I) и Паласа-сыртского могильника, относящихся к III – первой половине V в. н.э. [32], и далее получает распространение в регионе в V–VII вв.; население же Северного Кавказа заимствует эту традицию у носителей позднесарматской культуры, где данный обычай является одним из диагностических ее признаков [29, с. 47].

Открытый катакомбный могильник в сел. Сержень-Юрт расширяет наши знания об аланской культуре Северного Кавказа.

Благодарность. Выражаем благодарность автору рисунков для публикации преподавателю факультета искусств Чеченского государственного педагогического университета И.И. Мутусханову.

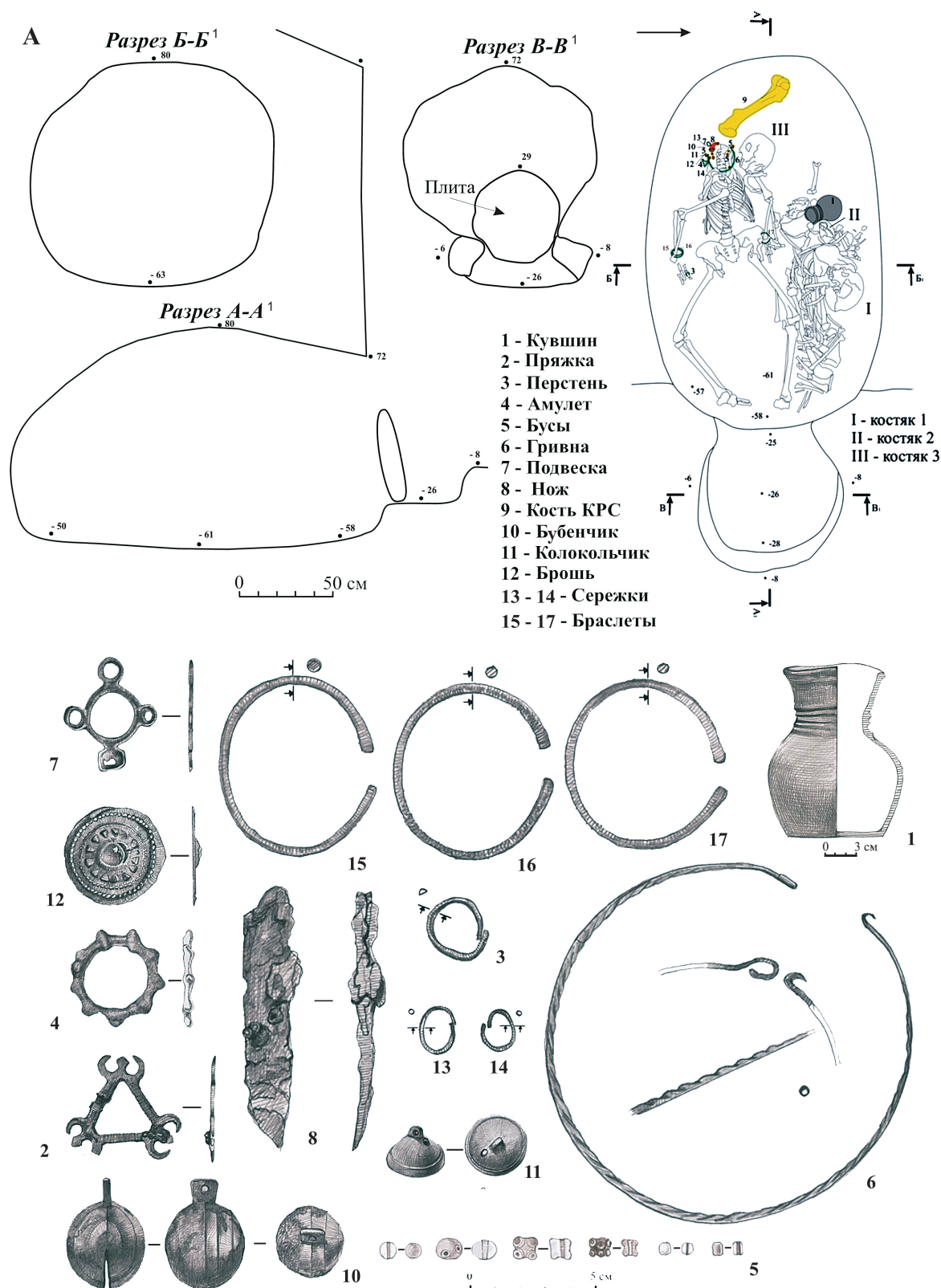

Рис 1. Сержень-Юртовский катакомбный могильник. А – Катакомба 1. План и разрезы погребального сооружения. 1–17 находки из катакомбы 1: 1 – кувшин (№1); 2 – пряжка (№2); 3 – перстень (№3); 4 – амулет (№4); 5 – бусы (№5); 6 – гривна (№6); 7 – подвеска (№7); 8 – нож (№8); 10 – бубенчик (№10); 11 – колокольчик (№11); 12 – брошь (№12); 13, 14 – серьги (№№ 13,14); 15, 16, 17 – бронзовые браслеты (№№ 15, 16, 27)

Fig. 1. Serzhen-Yurt catacomb burial ground. A – Catacomb 1. Layout and cross-sections of the burial structure. 1–17 – findings from the catacomb 1: 1 – jug (№ 1); 2 – buckle (№ 2); 3 – ring (№ 3); 4 – amulet (№ 4); 5 – beads (№ 5); 6 – torc (№ 6); 7 – pendant (№ 7); 8 – knife (№ 8); 10 – small bell (№ 10); 11 – bell (№ 11); 12 – brooch (№ 12); 13, 14 – earrings (№№ 13,14); 15, 16, 17 – bronze bracelets (№ 15, 16, 27)

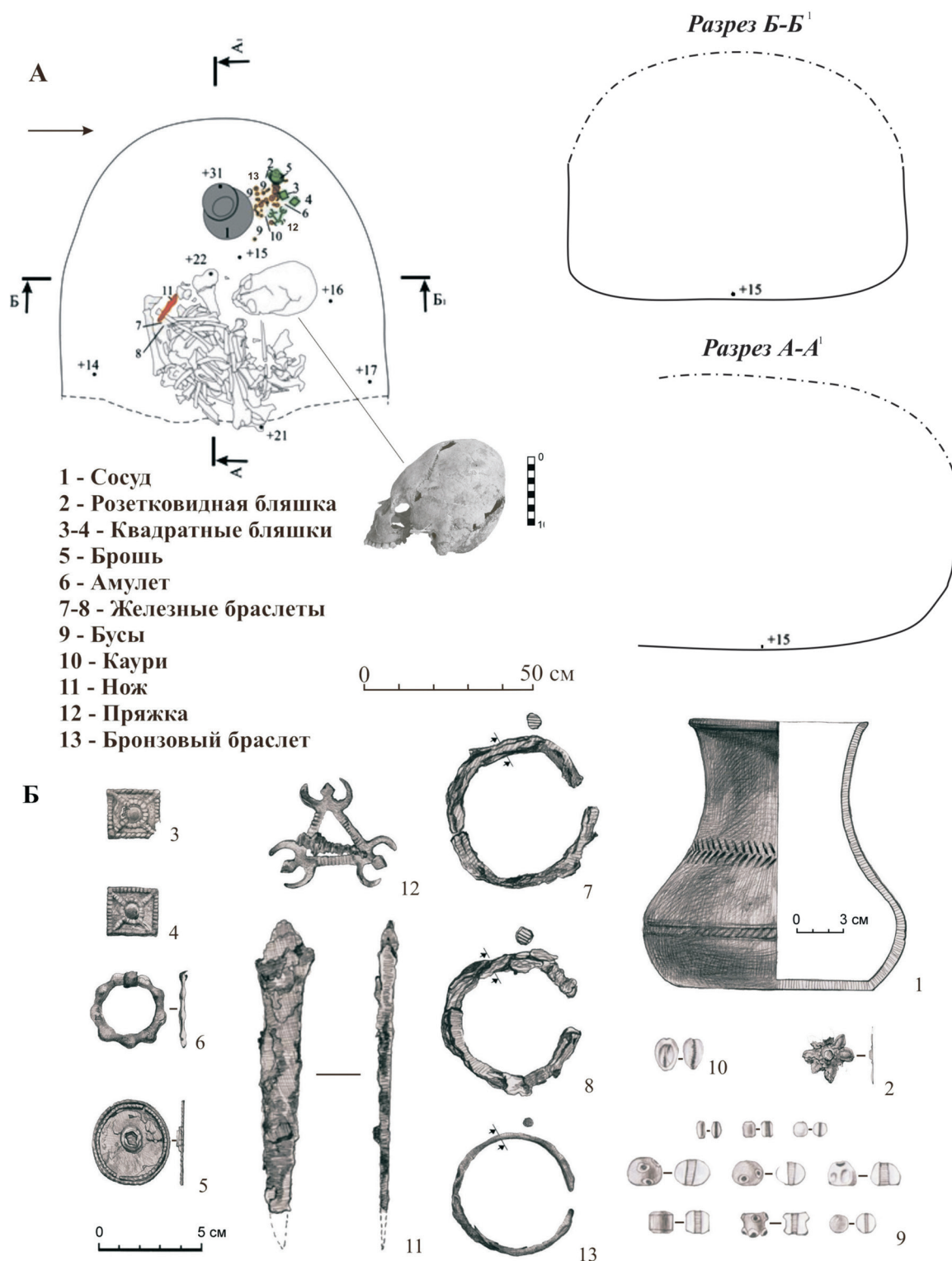

Рис 2. Сержень-Юртовский катакомбный могильник. А – Катакомба 2. План и разрезы погребального сооружения. 1–13 находки из катакомбы 2: 1 – сосуд (№ 1); 2 – розетковидная бляшка (№ 2); 3, 4 – квадратные бляшки (№№ 3, 4); 5 – брошь (№ 5); 6 – амулет (№ 6); 7, 8 – железные браслеты (№№ 7, 8); 9 – бусы (№ 9); 10 – каури (№ 10); 11 – нож (№ 11); 12 – пряжка (№ 12); 13 – бронзовый браслет (№ 13)

Fig. 2. Serzhen-Yurt catacomb burial ground. A – Catacomb 2. Layout and cross-sections of the burial structure. 1–13 – findings from the catacomb 2: 1 – vessel (№1); 2 – rosette badge (№2); 3, 4 – square badges (№№3, 4); 5 – brooch (№5); 6 – amulet (№6); 7, 8 – iron bracelets (№№7, 8); 9 – beads (№9); 10 – cowrie (№10); 11 – knife (№11); 12 – buckle (№12); 13 – bronze bracelet (№13)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический аспект. М.: «Спец-электрострой», 1996. 298 с.
2. Плетнёва С.А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. С. 62–75.
3. Кантемиров Э.С., Дзаттиаты Р.Г. Тарский катакомбный могильник VIII–IX вв. н.э. // *Alanica III. Аланы: история и культура* / Отв. ред. В.Х. Тменов. Владикавказ: СОИГИ, 1995. С. 259–314.
4. Аксенов В.С. Старосалтовский катакомбный могильник // *Vita antiqua*. 1999. № 2. С. 137–149.
5. Хоружая М.В. «Рогатые» пряжки в знаковой системе салтовского населения бассейна Северского Донца // *Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. Серія: Історія*. 2009. № 852. Вип. 41. С. 26–39.
6. Хайнрих А. Раннесредневековые катакомбные могильники у селений Чми и Кобан // *Alanica III. Аланы: история и культура* / Отв. ред. В.Х. Тменов. Владикавказ: СОИГИ, 1995. С. 184–258.
7. Багаев М.Х., Виноградов В.Б. Раскопки раннесредневекового могильника у с. Харачой // *Краткие сообщения Института археологии*. 1971. Вып. 132. С. 80–86.
8. Афанасьев Г.Е. Донские аланы: Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения Среднего Дона. М.: Наука, 1993. 184 с.
9. Ковалевская В.Б. Хронология древностей северокавказских алан // *Alanica III. Аланы: история и культура* / Отв. ред. В.Х. Тменов. Владикавказ: СОИГИ, 1995. С. 123–183.
10. Албегова З.Х., Ковалевская В.Б. Кольцевидные амулеты раннего средневековья // *Краткие сообщения Института археологии*. 2012. Вып. 226. С. 109–122.
11. Албегова З.Х. Палеосоциология аланской религии VII–IX вв. (по материалам амулетов из катакомбных погребений Северного Кавказа и Среднего Дона // *Российская археология*. 2001. № 2. С. 83–96.
12. Малашев В.Ю., Магомедов Р.Г., Дзутцев Ф.С., Мамаев Х.М., Кривошеев М.В., 2018. Охранно-спасательные исследования могильника «Братские 1-е курганы» на территории Чеченской Республики в 2018 г. // *История, археология и этнография Кавказа*. Т. 14. № 4. 2018. С. 195–206.
13. Аксенов В.С. Катакомба № 119 Верхне-Салтовского IV могильника под Харьковом // *Российская археология*. 2016. № 4. С. 106–123.
14. Бабенко В.А. Дневник раскопок в Верхнем Салтове, проведенных в 1905 – 6 году // *Труды XIII Археологического съезда в Екатеринославе*. Т. 1. Ч. 1. М.: Тип. Г. Лиснера, Д. Собко, 1907. С. 387–393.
15. Бабенко В.А. Памятники хазарской культуры на юге России // *Труды XV Археологического съезда в Новгороде, 1911 г.* Т. 1. М.: Тип. Г. Лиснера, Д. Собко, 1914. С. 446–464.
16. Каминский В.Н. Алано-болгарский могильник близ станции Старокорсунской на Кубани // *Советская археология*. 1987. № 4. С. 187–205.
17. Деоник В.Б. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI–IX вв. // *Советская археология*. 1961. № 3. С. 202–232.

REFERENCES

1. Gavritukhin IO., Oblomsky AM. Gaponovsky treasure and its cultural and historical aspect [*Gaponovskiy klad i yego kul'turno-istoricheskiy aspekt*]. Moscow: Spetsselektrostroy, 1996:298.
2. Pletneva SA. Saltovo-Mayatskaya culture [*Saltovo-mayatskaya kul'tura*] *Steppes of Eurasia in the Middle Ages* [*Stepi Yevrazii v epokhu srednevekov'ya*] / ed. S.A. Pletneva. Moscow: Nauka, 1981:62-75.
3. Kantemirov ES., Dzattiaty RG. Tarsky catacomb burial ground of the 8th – 9th centuries AD [*Tarskiy katakombnyy mogil'nik VIII–IX vv. n.e.*] *Alanica III. Alans: history and culture* [*Alanica III. Alany: istoriya i kul'tura*] / ed. V.Kh. Tmenov. Vladikavkaz: SOIGSI, 1995: 259–314.
4. Aksekov VS. Starosaltovskiy catacomb burial ground [*Starosaltovskiy katakombnyy mogil'nik*] *Vita Antiqua*. 1999;2: 137-149.
5. Khoruzhaya MV. “Horned” buckles in the symbolic system of the Saltovsky population of the Seversky Donets basin [*«Rogatyye» pryazhki v znakovoy sisteme saltovskogo naseleniya basseyna Severskogo Dontsa*] *Bulletin of the Karazina Kharkiv National University. Series: History* [*Visnik Kharkivs'kogo natsional'nogo universitetu imeni V.N. Karazina. Seriya: Istoriya*]. 2009;852(41):26-39.
6. Heinrich A. Early medieval catacomb burial grounds near the villages of Chmi and Koban [*Rannesrednevekovyye katakombnyye mogil'nika u seleniy Chmi i Koban*] *Alanica III. Alans: history and culture* [*Alanica III. Alany: istoriya i kul'tura*] / ed. V.Kh. Tmenov. Vladikavkaz: SOIGI, 1995:184-258.
7. Bagaev MKh., Vinogradov VB. Excavations of an early medieval burial ground near the village of Kharachoy [*Raskopki rannesrednevekovogo mogil'nika u s. Kharachoy*] *Brief reports of the Institute of Archeology* [*Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii*]. 1971:132:80-86.
8. Afanasyev GE. *Don Alans: Social Structures of the Alano-Asso-Burtas Population of the Middle Don* [*Donskiye alany: Sotsial'nyye struktury alano-asso-burtasskogo naseleniya Srednego Dona*]. Moscow: Nauka, 1993.
9. Kovalevskaya VB. Chronology of antiquities of the North Caucasian Alans [*Khronologiya drevnostey severokavkazskikh alan*] *Alanica III. Alans: history and culture* [*Alanica III. Alany: istoriya i kul'tura*] / ed. VKh. Tmenov. Vladikavkaz: SOIGI, 1995:123-183.
10. Albegova ZKh., Kovalevskaya VB. Ring-shaped amulets of the early Middle Ages [*Kol'tsevidnyye amulety rannego srednevekov'ya*] *Brief Proceedings of the Institute of Archeology* [*Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii*]. 2012; 226:109-122.
11. Albegova ZKh. Paleosociology of the Alanian religion of the 7th-9th centuries (based on the amulets from the catacomb burials of the North Caucasus and the Middle Don) [*Paleosotsiologiya alanskoy religii VII-IX vv. (po materialam amuletov iz katakombnykh pogrebeniy Severnogo Kavkaza i Srednego Dona)*] *Russian archeology*. 2001; 2:83-96.
12. Malashev VYu., Magomedov RG., Dzutsev FS., Mamaev KhM., Krivosheev MV. Rescue-and-preserve investigations of the Bratsk 1st Kurgan burial ground on the territory of the Chechen Republic in 2018 g. [*Okhranno-spatatel'nyye issledovaniya mogil'nika «Bratskiye 1-ye kurgany» na territorii Chechenskoy Respubliki v 2018 g.*]

18. Деопик В.Б. Классификация и хронология аланских украшений VI–IX вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. 1963. № 114. С. 122–147.
19. Ковалевская В.Б. Компьютерная обработка массового материала из раннесредневековых памятников Евразии. М.: ОНТИ ПНЦ РАН, 2000. 361 с.
20. Хоружая М.В. Катакомбные захоронения главного Верхне-Салтовского могильника (раскопки 1984 года) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 7. Хазарское время / Глав. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2009. С. 259–294.
21. Флёрова В.Е. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. Москва – Иерусалим: Мосты культур, 2001. 159 с.
22. Афанасьев Г.Е., Рунич Л.П. Мокрая балка. Вып. 1: Дневник раскопок. М.: Научный мир, 2001. 252 с.
23. Мастыкова А.В. Средиземноморский женский костюм с фибулами-брошами на Северном Кавказе в V–VI вв. // Российская археология. 2005. №1. С. 22–36.
24. Аксенов В.С. К вопросу о семантике некоторых женских наборов украшений салтовского времени из бассейна Северского Донца // Хазарский альманах. 2004. Т. 3. С. 204–212.
25. Ковалевская В.Б. Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху средневековья / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. С. 83–97.
26. Коробов Д.С. Социальная организация алан Северного Кавказа IV–IX вв. н.э. СПб: Алетейя, 2003. 380 с.
27. Коробов Д.С. К вопросу о расселении аланских племен Северного Кавказа по данным археологии и письменным источникам // Российская археология. 2009. № 1. С. 64–76.
28. Смирнов К.Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья – Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // Советская археология. 1972. № 1. С. 73–81.
29. Малашев В.Ю. Позднесарматская культура: верхняя хронологическая граница // Российская археология. 2009. № 1. С. 47–52.
30. Хоружая М.В., Аксёнов В.С. Катакомбные захоронения Верхне-Салтовского археологического комплекса (к вопросу освоения аланским населением верхнего Подонцовья) // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України: Матеріали II Луганської міжнародної історико-археологічної конференції, присвяченої 85-річчю Луганського обласного краєзнавчого музею / Відп. ред. О.В. Стаднік. Луганськ: Шлях, 2005. С. 154–156.
31. Аксёнов В.С. Поховальний обряд ранньосередньовічного Верхньо-Салтівського могильника: досвід статистичного аналізу // Археологія. 2018. № 2. С. 42–56.
32. Малашев В. Ю., Фризен С. Ю. Краниологические материалы из могильников аланской культуры Северного Кавказа III – первой половины V в. н. э. // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 260. 2020. С. 459–481.
- History, archeology and ethnography of the Caucasus. 2018;(14) 4:195-206.
13. Aksenov VS. Catacomb № 119 of the Upper Saltovsky IV burial ground near Kharkov [Katakomba № 119 Verkhne-Saltovskogo IV mogil'nika pod Khar'kovom] *Russian archeology*. 2016;4: 106-123.
14. Babenko VA. Journal of excavations in Verkhny Saltov, carried out in 1905 – 1906 [Dnevnik raskopok v Verkhnem Saltove, provedennykh v 1905 – 6 godu] *Proceedings of the XIII Archaeological Congress in Yekaterinoslav [Trudy XIII Arkheologicheskogo s"yezda v Yekaterinoslave]*. Vol. 1. Part 1. Moscow: G. Lissner and D. Sobko Typography, 1907:387-393.
15. Babenko VA. Monuments of Khazar culture in the south of Russia [Pamyatniki khazarskoy kul'tury na yuge Rossii] *Proceedings of the XV Archaeological Congress in Novgorod, 1911 [Trudy XV Arkheologicheskogo s"yezda v Novgorode, 1911 g.]*. Vol. 1. Moscow: G. Lissner and D. Sobko Typography, 1914: 446-464.
16. Kaminsky VN. Alano-Bulgarian burial ground near the village of Starokorsunskaya in the Kuban [Alano-bolgarskiy mogil'nik bliz stanitsy Starokorsunskoy na Kubani] *Soviet archeology*. 1987;4: 187-205.
17. Deopik VB. Classification of beads of South-Eastern Europe of the VI-IX centuries [Klassifikatsiya bus Yugo-Vostochnoy Yevropy VI-IX vv.] *Soviet archeology*. 1961;3: 202-232.
18. Deopik VB. Classification and chronology of Alanian jewelry of the 6th – 9th centuries [Klassifikatsiya i khronologiya alanskikh ukrasheniy VI–IX vv.] *Materials and research on archeology of the USSR [Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR]*. 1963;114: 122-147.
19. Kovalevskaya VB. *Computer processing of mass material data from the early medieval monuments of Eurasia [Komp'yuternaya obrabotka massovogo materiala iz rannesrednevekovykh pamyatnikov Yevrazii]*. Moscow: ONTI PSC RAN, 2000:361.
20. Khoruzhaya MV. Catacomb burials of the main Verkhne-Saltovsky burial ground (excavations in 1984) [Katakombnyye zakhoroneniya glavnogo Verkhne-Saltovskogo mogil'nika (raskopki 1984 goda)] *Steppes of Europe in the Middle Ages. Vol. 7. Khazar time [Stepi Yevropy v epokhu srednevekov'ya. T. 7. Khazarskoye vremya]* / chief ed. AV. Evglevsky. Donetsk: DonNU, 2009: 259-294.
21. Florova VE. Images and plots of the mythology of Khazaria. Moscow – Jerusalem: Bridges of Cultures [Obrazy i syuzhety mifologii Khazarii]. Moscow – Jerusalem: Mosty kul'tur, 2001:159.
22. Afanasyev GE., Runich LP. *Mokraya Balka. Issue 1: Journal of excavations [Mokraya balka. Vyp.1: Dnevnik raskopok]*. Moscow: Nauchny mir, 2001:252.
23. Mastykova AV. Mediterranean women's costume with brooches in the North Caucasus in the 5th-6th centuries [Sredizemnomorskiy zhenskiy kostyum s fibulami-broshami na Severnom Kavkaze v V–VI vv.] *Russian archeology*. 2005;1: 22-36.
24. Aksenov VS. On the semantics of some women's jewelry sets from the Saltov period from the Seversky Donets basin [K voprosu o semantike nekotorykh zhenskikh naborov ukrasheniy saltovskogo vremeni iz basseyna Severskogo Dontsa] *Khazar Almanac [Khazarskiy al'manakh]*. 2004;3: 204-212.

25. Kovalevskaya VB. North Caucasian antiquities [Severokavkazskiye drevnosti] *Steppes of Eurasia in the Middle Ages [Stepi Yevrazii v epokhu srednevekov'ya]* / ed. S.A. Pletnev. Moscow: Nauka, 1981: 83-97.

26. Korobov DS. *Social organization of the Alans of the North Caucasus IV – IX centuries AD [Sotsial'naya organizatsiya alan Severnogo Kavkaza IV–IX vv. n.e.]*. Saint Petersburg: Aleteya, 2003:380

27. Korobov DS. On the question of the settlement of the Alanian tribes of the North Caucasus according to archeology and written sources [K voprosu o rasselenii alanskikh plemen Severnogo Kavkaza po dannym arkheologii i pis'mennym istochnikam] *Russian archeology*. 2009;1: 64-76.

28. Smirnov KF. Sarmatian catacomb burials of the Southern Urals – Volga region and their relation to the catacombs of the North Caucasus [Sarmatskiye katakombnyye pogrebeniya Yuzhnogo Priural'ya – Povolzh'ya i ikh otnosheniye k katakombam Severnogo Kavkaza] *Soviet archeology*. 1972;1: 73-81.

29. Malashev VYu. Late Sarmatian culture: the upper chronological limit [Pozdnesarmatskaya kul'tura: verkhnyaya khronologicheskaya granitsa]. *Russian archeology*. 2009; 1: 47-52.

30. Khoruzhaya MV., Aksyonov VS. Catacomb burials of the Verkhne-Saltovsky archaeological complex (on the question of the development of the Upper Podontsovy of the Alanian population) [Katakombnyye zakhoroneniya Verkhne-Saltovskogo arkheologicheskogo kompleksa (k voprosu osvoineniya alanskim naseleniyem verkhnego Podontsova)] *Problems of the Preceding Monuments of the Archeology of the Old Ukraine: Proceedings of the II Luhansk International Historical-Archaeological-Regional Conference, dedicated to the 85th anniversary of the Lugansk region local museums [Problemi doslidzhennya pam'yatok arkheologii "Skhidnoi" Ukraini: Materiali II Lugansk'koi" mizhnarodnoi" istoriko-arkheologichnoi" konferentsii, prisvyachenoii 85-richchyu Lugansk'kogo oblasnogo kraïznavchogo muzeyu]* / ed. O.V. Stadnik. Luhansk: Shlyakh, 2005: 154-156.

31. Aksenov VS. The funeral rite of the early-middle Verkhny-Saltavsky burial ground: a preliminary statistical analysis [Pokhoval'niy obryad rann'oseredn'ovichnogo Verkhno-Saltivskogo mogil'nika: dosvid statistichnogo analizu] *Archeology*. 2018;2: 42-56.

32. Malashev VYu., Frizen SYu. Craniological materials from the burial grounds of the Alan culture of the North Caucasus in the 3rd – first half of the 5th century. n. e. [Kraniologicheskiye materialy iz mogil'nikov alanskoy kul'tury Severnogo Kavkaza III – pervoy poloviny V v. n. e.] *Brief reports of the Institute of Archeology [Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii]*. 2020;260: 459-481.

Статья поступила в редакцию 06.11.2020 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH1641016-1033>

Кадзаева Залина Петровна,
научный сотрудник
Институт истории и археологии PCO-Алания, Владикавказ, Россия
zalina.kad@mail.ru

Малашев Владимир Юрьевич,
к.и.н., старший научный сотрудник
Институт археологии РАН, Москва, Россия
malashev@yandex.ru

О ВОЗМОЖНОЙ АТРИБУЦИИ КОЛЬЧУЖНЫХ ПРЕДМЕТОВ ИЗ ВОИНСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ САДОНСКОГО МОГИЛЬНИКА

Аннотация: из воинских погребений раннего средневековья происходят небольшие фрагменты кольчуг или кольчужные секции. Эти предметы исследователи считают, в основном, частью натальной кольчуги, помещенной в могилу в качестве символа. Из-за небольших размеров их иногда интерпретируют как кольчужные нагрудники или насердечники. Авторы предлагают несколько иную атрибуцию подобных предметов. В статье анализируются находки кольчужных предметов из двух воинских захоронений раннесредневекового Садонского могильника аланской культуры. По аналогии со схожими артефактами из хронологически близких воинских погребений лангобардов могильника Кастель-Трозино в Италии, образцы из Садона, предположительно, интерпретируются как перчатки, предназначенные для защиты кисти руки в боевых условиях. Сохранившиеся на кольчужных предметах из Садона фрагменты кожи могут являться остатками изделий в виде рукавиц или перчаток; с тыльной стороны к ним пришивался прямоугольный кусок кольчужной сетки для защиты кисти. Так как эти предметы в погребениях найдены в одном экземпляре, как и в погребениях Кастель-Трозино, можно предположить, что защитные перчатки были предназначены только для одной руки, другую руку защищал щит. В работе приведены также и другие находки кольчужных предметов из воинских погребений, преимущественно из могильников Северного Кавказа, которые, на наш взгляд, похожи на садонские и лангобардские экземпляры.

Археологические, этнографические и иконографические сведения о методах защиты кисти, приведенные в работе, свидетельствуют о том, что перчатки как элемент защитного военного снаряжения были известны с Раннего Средневековья и до Нового времени. Исходя из приведенных сведений, в качестве гипотезы можно предположить, что перчатки с пришитой кольчужной сеткой могли существовать в эпоху Раннего Средневековья у населения Северного Кавказа. В этом случае, публикуемые находки из Садона относятся к элементам защитного снаряжения и позволяют говорить о существовании в VII в. у алан Северного Кавказа кольчужных перчаток, предназначенных для защиты в бою кисти одной из рук.

Ключевые слова: раннее средневековье; аланская культура; Садонский могильник; кольчужные предметы; защитное снаряжение; перчатки.

© Кадзаева З.П., Малашев В.Ю., 2020

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2020

 Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH1641016-1033>

Zalina P. Kadzaeva,
Researcher
Institute of History and Archeology, RNO-Alania, Vladikavkaz, Russia
zalina.kad@mail.ru

Vladimir Yu. Malashev,
PhD (History), Senior Researcher
Institute of Archeology, RAS, Moscow, Russia
malashev@yandex.ru

ON POSSIBLE ATTRIBUTION OF CHAIN-ARMOR ITEMS FROM THE MILITARY BURIALS OF SADONSKOY BURIAL GROUND

Abstract. Small fragments of chain-mail armor and chain-mail sections were obtained from the military burials of the early Middle Ages. Researchers consider these items as part of underclothes chain-armor, placed in the burial as a symbol. Due to the small size, they are often interpreted as chain breastplates or pectorals. The authors suggest a new ascription of the said items. The paper analyzes the findings of chainmail pieces from two military burials of the early medieval Sadonsky cemetery of Alan culture. By analogy with similar artifacts from chronologically close military burials of the Lombards of the Castel Trozino burial ground in Italy, the pieces from Sadon are supposedly interpreted as gloves designed to protect the hand in combat. Fragments of leather preserved on chain mail items from Sadon may be the remains of items in the form of gauntlets or gloves; from the back side a rectangular piece of chain mail was sewn to them to protect the hand. Since these objects were found in the burials in single copy, as well as in the burials of Castel Trozino, it can be assumed that protective gloves were intended only for one hand, as the other hand was protected by a shield. The study also presents other findings of chain mail items from military burials, mainly from the burial grounds in the North Caucasus, which, in our opinion, are similar to the Sadon and Lombard pieces.

The archaeological, ethnographic and iconographic information on the methods of protecting the hand, given in the study, indicates that gloves as an element of protective military equipment were known from the Early Middle Ages to the New Age. Based on the information above, as a hypothesis, we can assume that gloves with a chainmail mesh sewn on could exist in the Early Middle Ages among the population of the North Caucasus. In this case, the published material from Sadon refer to elements of protective equipment and allow us to consider the existence in the 7th century in the Alans of the North Caucasus of chain-mail gloves designed to protect the wrist of one of the hands in battle.

Keywords: early Middle-Ages; Alan culture; Sadonsky burial ground; chainmail items; protective equipment; gloves.

Из воинских погребений раннего средневековья иногда происходят небольшие фрагменты кольчуг или кольчужные секции. Эти предметы исследователи считают, в основном, частью нательной кольчуги, помещенной в могилу в качестве символа. Из-за небольших размеров их иногда интерпретируют как кольчужные нагрудники или насердечники. Предлагаем несколько по-иному взглянуть на некоторые из подобных предметов.

В статье приводятся находки кольчужных предметов из двух воинских захоронений раннесредневекового Садонского могильника аланской культуры, расположенного в Алагирском районе Республики Северная Осетия-Алания¹. По аналогии с предметами из статусных воинских погребений лангобардов могильника Кастель-Трозино в Италии, находки из Садона, предположительно, интерпретируются как перчатки, предназначенные для защиты кисти руки в боевых условиях.

В Садонском могильнике кольчужные предметы находились в инвентаре мужских погребений катакомб 68 и 69². Погребения содержали многочисленные детали пояса и подвесных ремешков (наконечники и накладки из серебра, прессованные из серебряного листа с позолотой и зерненым декором, пряжки, луки, наконечники стрел, ножи, удила, стремяна, сбруйные украшения и т. д. [1, с. 340–343]. Датировка комплексов из садонских катакомб по И.О. Гавритухину³: катакомба 68 – около середины – третьей четверти VII в., катакомба 69 – в пределах второй половины VII в.

Рассматриваемые предметы находились на дне камер катакомб, справа от входа (рис. 1, 1). Кольчужные сетки прямоугольной формы (деформированы), изготовлены из колец круглого сечения. На тыльной стороне кольчужной сетки из катакомбы 68 сохранились фрагменты кожаных ремешков, на ладонной – фрагменты от большого куска выделанной кожи (рис. 1, 2 – 3). Тыльная часть кольчужной сетки украшена тремя литыми серебряными дисковидными накладками с двумя штифтами и тремя дисковидными со скошенными краями, прессованными из серебряного листа, с бронзовыми креплениями. Накладки крепились к кольчужной сетке, прихватывая края кусков кожи на ладонной части. Размеры кольчужной сетки – около 14×11 см. Кольчужная сетка из катакомбы 69 украшений не имеет, на ладонной стороне также сохранились фрагменты выделанной кожи (рис. 2). Дополнительных креплений к ней не зафиксировано; размеры кольчужной сетки – около 12×10 см.

1 Кольчужные предметы из этих катакомб обсуждались на XXX Крупновских чтениях в 2018 г. в г. Карачаевск. Авторы глубоко признательны М.С. Гаджиеву за высказанную в процессе обсуждения версию о перчатках. Авторы благодарят О.А. Радюша, М.М. Казанского (Michel Kazanski), А.А. Сланова, Р.Х. Мамаева за рекомендации в процессе написания статьи.

2 В погребениях Садонского могильника найдены и другие предметы, изготовленные из кольчужной сетки. Эти предметы происходят из женских погребений и в большинстве случаев являются сумочками, которые были расшиты бусами, бисером и другими украшениями.

3 Авторы благодарят И.О. Гавритухина за уточнение датировок комплексов из Садона, Кастель-Трозино и Сивашовки и рекомендации в процессе написания статьи.

Сохранившиеся на кольчужных сетках фрагменты кожи могут являться остатками изделий, изготовленных в виде рукавиц или перчаток⁴. С тыльной стороны кисти к перчатке пришивался прямоугольный кусок кольчужной сетки (возможно, в некоторых случаях в области запястья кольчужные кольца «присборивались» и, видимо, поэтому, дошедшие до нас корродированные изделия часто имеют трапециевидный контур). Кольчужная сетка защищала кисть, пальцы при этом оставались свободными, а ладонь, прикрытая кожей перчатки, могла свободно обхватывать оружие. Перчатка из катакомбы 68 снабжена ремешками для крепления к руке. Так как эти предметы в погребениях найдены в одном экземпляре, можно предположить, что защитные перчатки были предназначены только для одной руки; вторую мог защищать щит.

В отмеченных выше двух лангобардских воинских погребениях Кагель-Трозино, как считают итальянские исследователи, находились перчатки, изготовленные из кожи с использованием кольчужной сетки [3]. В погребении 90 кольчужная сетка хорошей сохранности находилась у ног погребенного; она прямоугольной формы размерами 12,5×7 см, на ладонной стороне сохранились фрагменты кожаной перчатки (рис. 3, 1–2) [3, р. 66–67, tav. 64, 7; 163, 90/7]. В погребении 119 кольчужная сетка также находилась у ног погребенного; она также прямоугольной формы, с разрушениями; на ладонной стороне сохранились фрагменты кожи; размеры кольчужной сетки – 13×9,5 см, диаметр кольчужных колец – 0,9 см (рис. 3, 3–4) [3, р. 79–81, tav. 99, 28; 163, 119/28]. Погребальный инвентарь лангобардских воинов содержал многочисленные детали ремней (пряжки, U-образные наконечники и накладки из тонкого золотого и серебряного листа, а также железные, плакированные серебром и латунью), мечи, боевые ножи, щиты, наконечники стрел и, возможно, колчан (погребение 90), упряжь коня, включая седельные накладки из золотого листа, шпоры, медные котлы, ножницы, костяные гребни (в погребении 119 – шлем, пластинчатый доспех, копье, кинжал, стеклянный сосуд в форме рога животного, в погребении 90 – фибула) и др. [3, р. 66–70, 79–86, tav. 64–73; 83–110]. Могильник Кагель-Трозино, в целом, принято датировать концом VI – VIII в. [3, р. 118]. Л. Пароли (Lidia Paroli) относит погребения 90 и 119 ко второму хронологическому этапу, датирующемуся около 610–630 гг. [4]. Датировка ряда вещей лангобардских древностей по Л. Йоргенсену (Lars Jorgensen) – умбонов (620–680/690 гг.), седельных накладок (620–640 гг.), поясных наборов (600–680/690 гг.) – позволяет оценить хронологию рассматриваемых погребений – около 620–680 гг. [5]. С датировкой Л. Йоргенсена согласился И.О. Гаври-тухин, отметив, что погребение 90 по времени несколько раньше. Наконечник пояса с монограммой из погребения 90 в Кагель-Трозино Б. Тобиаш (Bendeguz Tobias) датирует в пределах второй трети VII в. [6, s. 156, abb. 2, 7].

4 А.А. Иерусалимской из могильника Мощевая Балка в Карачаево-Черкессии опубликована хорошо сохранившаяся перчатка (вероятно, женская), сшитая из кожи ягненка и украшенная декоративной строчкой, и аппликацией из сафьяновых кружочков, со срезанными стрелками под пальцы [2, с. 212, рис. 130].

Упомянутые выше комплексы близки по времени. Кольчужные предметы из погребений Италии и Садона имеют близкие размеры и форму. Фрагменты кожи от перчаток на ладонной стороне сохранились на всех экземплярах. Найдены приведенные предметы в погребениях в одном экземпляре. И, наконец, подобные находки связаны с погребальным инвентарем воинских захоронений. Как примерно выглядела перчатка можно увидеть на реконструкции снаряжения воина из погребения 119 Кастель-Трозино (рис. 3, 5) [7, fig. 62].

Отметим также некоторые находки кольчужных предметов из воинских погребений, которые, на наш взгляд, схожи с садонскими и лангобардскими экземплярами.

В степях Северо-Западного Приазовья найден очень похожий на рассматриваемые находки предмет в погребении коня, сопровождавшем воинское захоронение 2 в кургане 3 Сивашовки (рис. 4, 1) [8, рис. 24, 4]. Авторы публикации считают, что этот кольчужный предмет является бармицей передней луки седла [8, с. 293]. Контур предмета подтрапецевидный, скругленный вверху, состоит из колец диаметром 0,6–0,7 см, к луке крепился тремя медными гвоздиками со шляпками диаметром 0,8 см; размеры кольчужной сетки около 13×16 см [8, с. 293, рис. 24, 4]. В погребениях кургана 3 Сивашовки находились также серебряные детали ремней геральдического стиля, меч, боевой нож, лук, наконечники стрел, колчан, седло, деревянное блюдо, удила и др. [8]. А.В. Комар датирует погребение в Сивашовке третьей четвертью VII в. [8, с. 309]. И.О. Гавритухин предложил датировку комплекса из Сивашовки в рамках первой половины – третьей четверти VII в., скорее первой половины столетия; дату комплекса определяют ИС-24, 27, 29, 31, 34, 47, 52, 54, 60 и др. [9].

Серия предметов, отнесенных авторами публикации к натальной кольчуге и помещенных в могилу в качестве символа, происходит из воинских погребений могильника Клинь-Яр III в Кисловодской котловине [10].

Кольчужный предмет из катакомбы 341 Клинь-Яр III найден в ногах погребенного вместе с конским снаряжением. Он трапецевидной формы размерами 16×15,5 см (рис. 5, 1), изготовлен из колец диаметром от 0,9–9,12 см, с бронзовыми кольцами, крепившими сетку к подкладке. Сохранилась кожаная окантовка со следами сшивания; предмет был покрыт толстым слоем органического материала, вероятно, остатками рубашки [10, р. 247–248, fig. 60, 28]. Погребальный инвентарь воина включал лук, колчан со стрелами, ножи, пояс, сбруйные украшения, удила, стремяна, золотую серьгу и др. [10]. Комплекс катакомбы по керамике отнесен В.Ю. Малашевым к периоду IIIб (650–680/720) гг. [11, р. 45]. И.О. Гавритухин относит катакомбу 341 к хронологической группе IV – 2 [9, табл. 19].

К периоду IIIа по В.Ю. Малашеву и хронологической группе IV – 1 по И.О. Гавритухину (в пределах 2 – 3-й четвертей VII в) [11, р. 45; 9, табл. 19] относится комплекс воинского погребения из катакомбы 352 Клинь-Яр III, где находился лежавший в ногах кольчужный предмет размерами 14×16,8 см (рис. 5,

3) [10, fig. 99, 78]. Диаметр колец – 1,2 см; на одной стороне сохранилась кожа, на другой – кожаная окантовка; кольчужный предмет найден вместе с серебряными накладками, бронзовыми заклепками и железным кольцом [10]. Погребальный инвентарь содержал ременную и сбруйную гарнитуры, лук, колчан, стрелы, удила, нож, медный котел и др. [10].

В катакомбе 360 кольчужный предмет находился во входной яме (рядом с котлом); он прямоугольной формы, размерами 13,8×10,1 см, диаметр колец 0,9–0,11 см; на одной стороне остатки кожи, на другой – кожаная окантовка со следами сшивания. Найден вместе с железной пряжкой и плохо сохранившимися серебряными прессованными накладками (рис. 5, 2) [10, p. 325, fig. 137, 81]. Погребальный инвентарь включал меч, вероятно, лук, колчан со стрелами, ременную, портупейную и обувную гарнитуры, сбруйные украшения, стремяна, удила, бронзовый клепаный котел, золотую серьгу и др. [10]. Керамический комплекс этой катакомбы отнесен В.Ю. Малашевым к периоду IIIa [11, p. 45]. И.О. Гавритухин датирует катакомбу 360 в рамках второй четверти – середины VII в.; захоронение произошло, по-видимому, вскоре после 630 г. или несколько позднее [9].

Еще один небольшой фрагментированный кольчужный предмет находился во входной яме в катакомбе 357 Клинь-Яр III вместе с мечом, поясной гарнитурой, бронзовым котлом, удилами, железными ножницами (?) и др. [10, fig 114, 27, 38]. В.Ю. Малашев относит керамику из этого погребения к периодам Iг – Iд – VI в. [11, p. 45]. И.О. Гавритухин отнес погребение 357 к ХГ-I и датировал временем от 560 г. до начала VII в. [9].

Небольшие фрагменты кольчужного предмета находились в составе инвентаря воинского погребения катакомбы 29 Клинь-Яр III из раскопок В.С. Флерова (рис. 4, 3) [12, рис. 38, 7]. По размерам сохранившихся фрагментов кольчужной сетки можно предположить, что первоначально это был небольшой предмет. Автор раскопок предполагает, что фрагменты кольчуги помещены в могилу в качестве амулетов [12, с. 44]. В погребальном инвентаре клинь-ярской катакомбы также находились накладки и наконечники ремней, пряжки, колчан, лук, стрелы, медный котел, конское снаряжение и др. [12]. Материалы соотносятся с периодом IIIб (около 650–680/720) раннесредневековых древностей Кисловодской котловины [13, с. 48; 14, с. 48, рис. 59.].

Отметим еще одну находку кольчужного предмета, похожего на садонские экземпляры из погребения более раннего времени – кургана 1057 могильника Киевский I раннего этапа аланской культуры на территории Северной Осетии [15, рис. 1812]; комплекс относится к гуннскому времени и датируется последними десятилетиями IV – началом V в. В погребальном инвентаре, сохранившемся после ограбления, находился предмет, изготовленный из кольчужной сетки, с прикипевшей бусиной (рис. 4, 2). Предмет прямоугольной формы (деформирован) размерами 8×7 см, изготовлен из колец диаметром 0,9 см. На одной стороне сохранились пятна органического тлена, возможно, предмет был пришит к какому-то изделию. Вследствие ограбления трудно сказать

относился ли данный предмет к воинскому захоронению или является деталью кольчужной сумочки.

Рассмотрим некоторые доступные сведения о воинских перчатках и методах защиты кисти.

Анализируя аристократические воинские захоронения лангобардов Италии, К. Гиостра (Caterina Giostra) описывает сохранившийся на севере Италии фрагмент скульптуры (первые десятилетия VIII в., возможно, конец VII в.), на котором изображена мужская фигура: бородатый человек с густыми волосами несет в правой руке молот; он в подпоясанной одежде и нельзя исключить наличие перчаток, которые обозначены двумя поперечными штрихами на предплечьях [16, р. 337–338, fig. 12]. Считается, что изображение символизирует три знака бога Тора: молот, перчатки для захвата молота и пояс силы; некоторые также полагают, что в руке человек держит крест [16, р. 338]. К. Гиостра предполагает, что на данном изображении есть элементы, заимствованные из более ранних германских воинских образов, например, пояс воспроизведен с U-образными накладками [16, р. 338].

В исследовании оружия и доспехов на основе византийской иконографии 843–1261 гг. П. Гротовский (Piotr L. Grotowski) отмечает, что святые воины обычно изображаются без рукавиц, их ладони всегда показаны обнаженными, без перчаток, хотя последние были известны византийцам, но широкого использования в императорской армии не получили [17, р. 186]. Какими были перчатки неизвестно, но сохранилось описание наручей, которые, в том числе, были изготовлены из сшитых слоев хлопка и шелка⁵, и, возможно, усилены деталями из металла и другими твердыми «прокладочными» материалами, вшитыми между слоями ткани [17, р. 186–187]. Такой принцип укрепления наручей, на наш взгляд, согласуется со способом армирования рассматриваемых в данной работе перчаток.

Элементы защиты кисти представлены в сцене «поединка богатырей», изображенной на сасанидском серебряном блюде из Пермской области (ГЭ) [19, с. 182]. Кисти изображенных на блюде воинов прикрыты скругленными в нижней части (кольчужными?) пластинами, вероятно крепившимися к запястью.

А.В. Барышевым и О.А. Радюшем была опубликована находка латной рукавицы с территории Краснодарского края, которая датируется по аналогиям найденной вместе с ней пряжки, второй половиной VI – началом VII в. [20]. В качестве аналогии приведена также железная рукавица из Ирана VI–VII в., хранящаяся в Центральном римско-германском музее г. Майнца [20, рис. 7].

В исследовании, посвященном производству пластинчатых доспехов позднесредневековой Центральной Европы в период с 1350 по 1500 г. М. Голль (Matthias Goll) отмечает, что ранние перчатки были сделаны из кольчужной сетки, в некоторых случаях, вероятно, соединенные с рукавами кольчужной рубашки (рис. 6, 1) [21, р. 57, ref_ill_art_5390]. Со второй половины XIII в. к таким

5 Эксперименты защитной способности различных типов брони показали, что многослойный стеганый текстиль также эффективен как кольчуга для отражения ударов холодного оружия и стрел [18, р. 100].

защитным средствам иногда крепились пластинки-диски на тыльной стороне ладони (рис. 6, 2) [21, p. 57, ref_ill_art_5377]. Кожаные и текстильные перчатки с пришитой кольчужной сеткой для защиты пальцев, использовались в комбинации с латными рукавицами (рис. 6, 3, 4) [21, ref_arm_1061, ref_arm_1296]. Во всех позднесредневековых кольчужных и латных перчатках ладонная часть кисти никогда не была защищена [21, p. 57].

Свидетельства знакомства жителей древнего Новгорода с боевыми элементами защиты кистей рук на основе археологического материала приводит А.Н. Каменский [22]. Он предполагает, что найденные в напластованиях XIV в. Великого Новгорода фрагменты железных пластин могут являться частями металлических латных перчаток [22].

В Новое время перчатки из кольчужной сетки, крепившиеся к налокотникам, известны с территории Ирана: роскошное изделие представлено в коллекции Военно-морского музея в Энзели [23, cat. 387].

Боевые, как их называют исследователи, перчатки известны в XVIII–XIX в. у народов Северного Кавказа. Д.Ю. Чахкиев отмечает, что перчатки, использовавшиеся в бою у чеченцев и ингушей, были изготовлены из кольчужной сетки, подбитой тканью; они облевали руку воина, оставляя открытыми лишь фаланги пальцев и ладонь для удобства держания оружия; крепились к налокотнику, но чаще фиксировались на руке с помощью ремешка [24, с. 77]. У адыгов известен один экземпляр перчатки, полностью сплетенный из кольчужных колец; такие изделия не получили широкого распространения [24, с. 78]. Д.Ю. Чахкиев также полагал, что некоторые фиксируемые при раскопках погребений мелкие обрывки кольчужной сетки могли являться фрагментами «боевых» перчаток⁶. Черкесские перчатки, служившие для защиты кисти, изготавливались из красного или черного сафьяна, к которому пришивались с тыльной стороны куски кольчуги и кожаные шнуры для крепления к руке; перчатки обшивались галуном, вытканым из золотых или серебряных нитей (рис. 7) [25, с. 84]. В Новое время о бытовании таких изделий у осетин свидетельствует кольчужная перчатка, хранящаяся в коллекции Северо-Осетинского государственного объединенного музея истории, архитектуры и литературы (г. Владикавказ) [26, с. 293, табл. LII, 4].

Таким образом, исходя из приведенных сведений можно предположить в качестве гипотезы, что перчатки с пришитой кольчужной сеткой могли существовать в эпоху раннего средневековья наряду с латными рукавицами, известными по крайней мере с VI в.

Подводя итог и учитывая приведенные сведения, отметим, что перчатки, как элемент защитного военного снаряжения были известны с Раннего Средневековья и до Нового времени. Если данное предположение верно, то публикуемые находки из Садона относятся к элементам защитного снаряжения и позволяют говорить о существовании в VII в. у алан Северного Кавказа кольчужных перчаток, предназначенных для защиты кистей рук в бою.

6 Чахкиев Д.Ю. Оружие и вопросы военного искусства позднесредневековых вайнахов (XIII–XVIII вв.) (археолого-этнографическое исследование), 1986: дисс. канд. ист. наук // Архив научной библиотеки им. А.М. Горького. МГУ, 1987. Д. № 555.

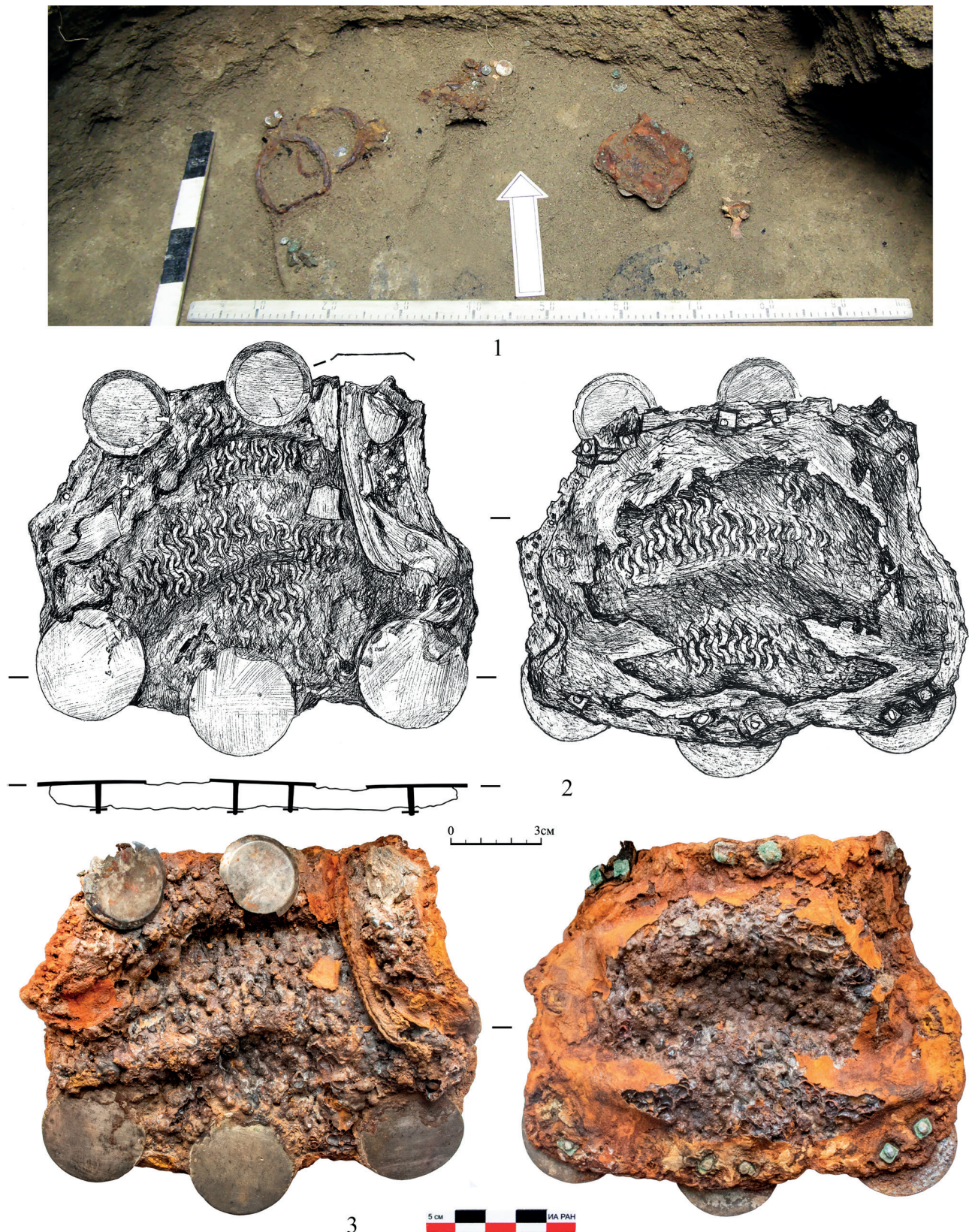

Рис. 1. 1 – Садонский могильник, катакомба 68. Кольчужный предмет в погребальной камере. 2, 3 – кольчужный предмет из катакомбы 68

Fig. 1. 1 – Sadon cemetery, catacomb 68. Chainmail item in the burial chamber; 2, 3 – chainmail artifact from the catacomb 68

Рис. 2. Кольчужный предмет из катакомбы 69 Садонского могильника

Fig. 2. Chainmail artifact from catacomb 69 of the Sadon cemetery

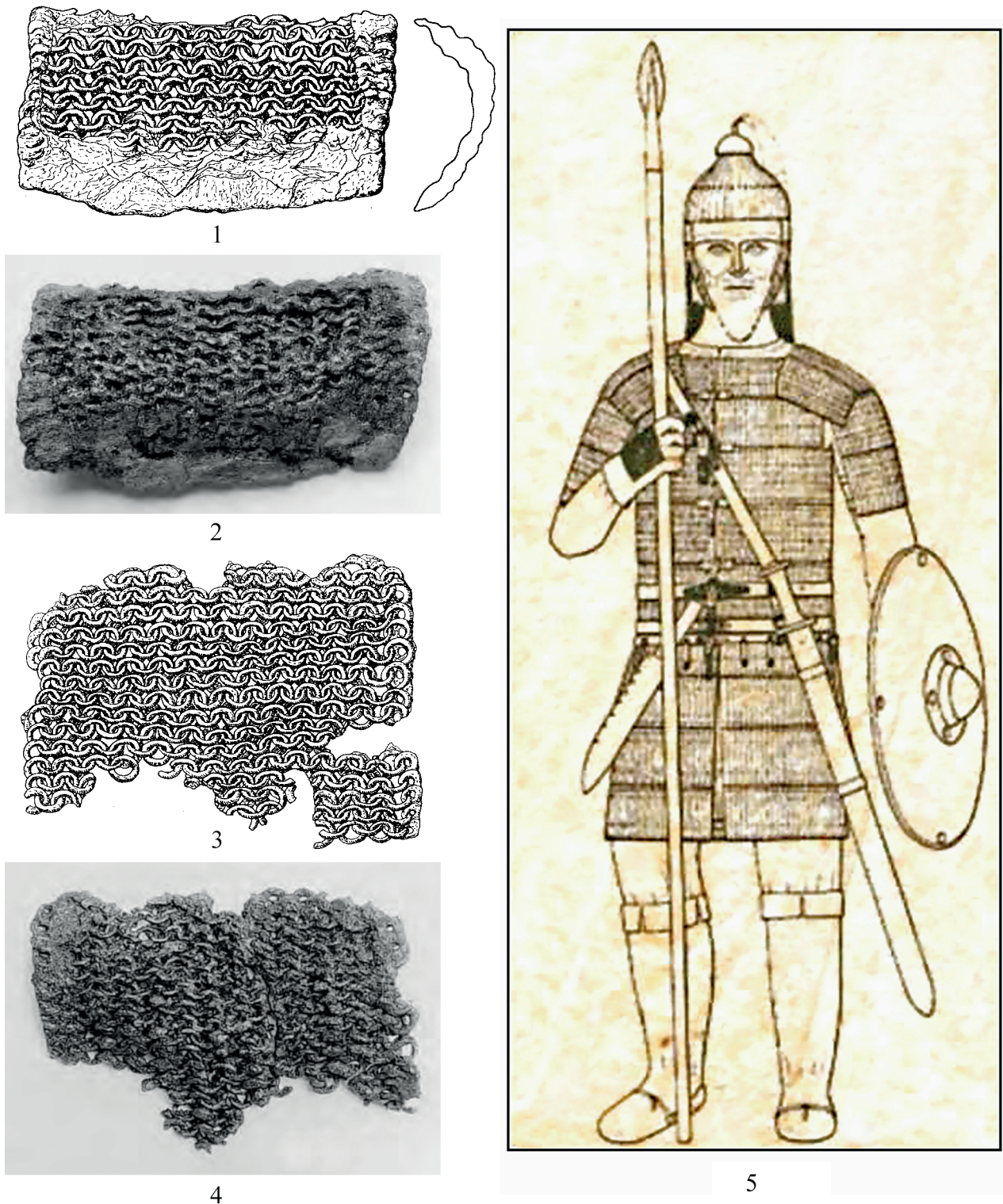

Рис. 3. 1-4 – кольчужные предметы из воинских погребений могильника Кастель-Трозино (по Paroli L., Ricci M., 2007. Tav. 64, 7; 163, 90.7; 99, 28; 163, 119.28). 1, 2 – погребение 90 (без масштаба); 3, 4 – погребение 119 (без масштаба). 5 – реконструкция снаряжения воина из погребения 119 могильника Кастель-Трозино (по Staffa A.R., Paroli L., Profumo M.C., 2004. Fig. 62)

Fig. 3. 1-4 – chainmail artifacts from military burials of the Castel Trosino burial ground (Paroli L, Ricci M., 2007. Tav. 64, 7; 163, 90.7; 99, 28; 163, 119.28): 1, 2 – burial 90 (without scale); 3, 4 – burial 119 (without scale); 5 – reconstruction of warrior's equipment from burial 119 of the Castel Trosino burial ground (Staffa A. R., Paroli L, Profumo M. C, 2004. Fig. 62)

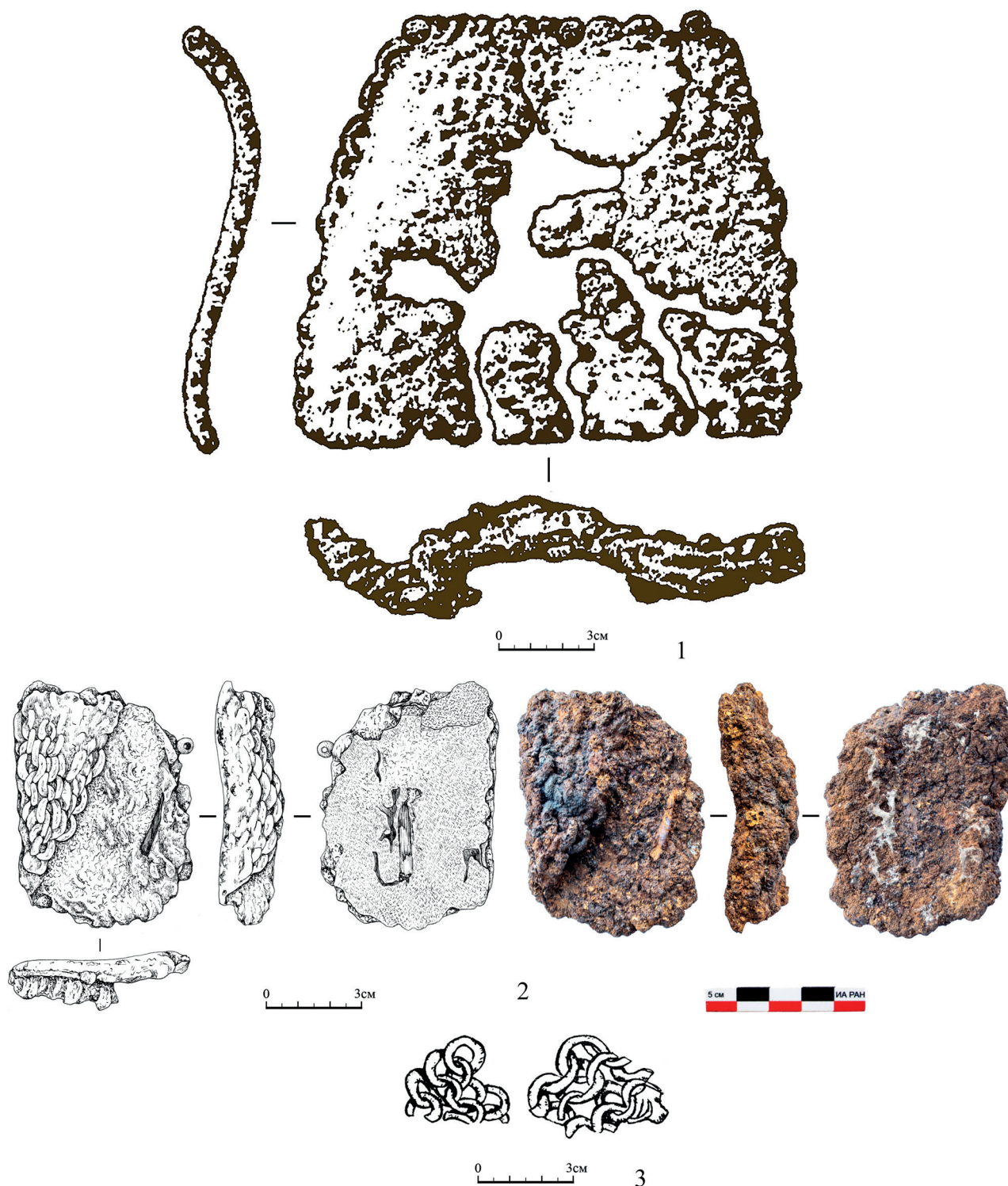

Рис. 4. 1 – кольчужный предмет из погребения 3 кургана 3 Сивашовки (по Комар А.В., Кубышев А.И., Орлов Р.С., 2006. Рис. 24, 4). 2 – кольчужный предмет из кургана 1057 могильника Киевский I (по Малашев В.Ю., 2020. Рис. 1812). 3 – фрагменты кольчужного предмета из катакомбы 29 могильника Клинь-Яр III (по Флеров В.С., 2000. Рис. 38, 7)

Fig. 4. 1 – chainmail artifact from the burial 3 of Sivashovka mound 3 (Komar A.V., Kubyshev A. I., Orlov R. S., 2006. Fig. 24, 4); 2 – chainmail artifact from the Kievskii I mound 1057 (Malashev V. Y., 2020. Fig. 1812); 3 – fragments of chainmail artifact from the catacomb 29 burial ground Klin-Yar III (Flerov V. S., 2000. Fig. 38, 7)

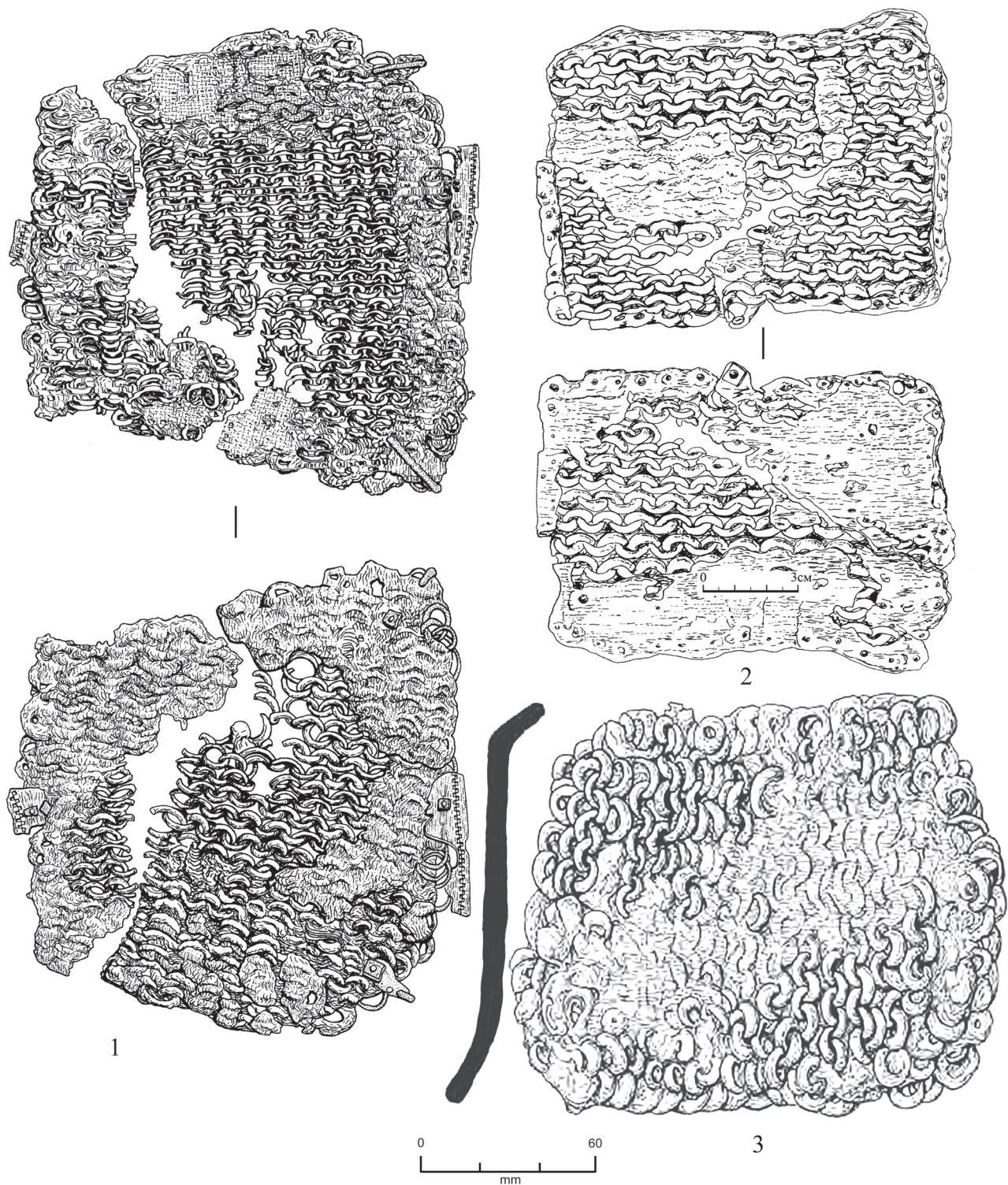

Рис. 5. Кольчужные предметы из погребений могильника Клинь-Яр III
(по Belinskij A. B., Härke H., 2018. Fig. 60, 28; 137, 81; 99, 78): 1 – катакомба 341.
2 – катакомба 360. 3 – катакомба 352

Fig. 5. Chainmail artifact from the Klin-Yar III burial ground
(Belinskij A. B., Härke H., 2018. Fig. 60, 28; 137, 81; 99, 78): 1 – catacomb 341;
2 – catacomb 360; 3 – catacomb 352

Рис. 6. 1 – скульптурное изображение рыцаря (1311 г.); церковь Св. Марии, Эбербах – Рейн, Германия (по Goll M, 2013. Ref_ill_art_5390). 2 – французская (?) миниатюра (1457–1470 гг.); Австрийская национальная библиотека, Вена (по Goll, 2013. Ref_ill_art_5377). 3 – кольчужная и пластинчатая перчатки XV в; Королевский музей армии и военной истории Бельгии, Брюссель (по Goll M, 2013. Ref_arm_1061). 4 – кольчужная и пластинчатая перчатки XV в. из коллекции Музея Валере-Сион, Сион, Швейцария (по Goll M, 2013. Ref_arm_1296)

Fig. 6. 1 – sculptural image of a knight (1311 AC); Church of St. Maria, Eberbach-Rhein, Germany (Goll M, 2013. Ref_ill_art_5390); 2 – French (?) miniature (1457–1470 AC); Austrian national library, Vienna (Goll, 2013. Ref_ill_art_5377); 3 – chainmail and plate gloves of the XV century; Royal Museum of the Army and of Military History, Brussels, (Goll M, 2013. Red_army_1061); 4 – chainmail and plate gloves of the XV century from the collection of the Valere-Sion Museum, Sion, Switzerland (Goll M, 2013. Ref_arm_1296)

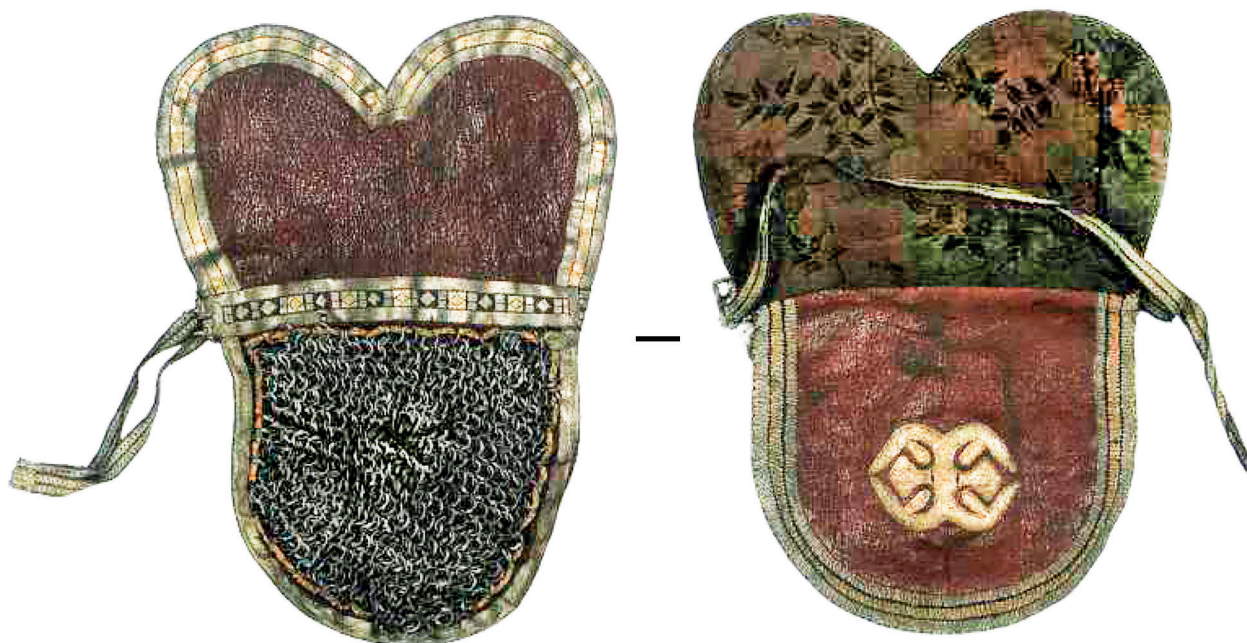

Рис. 7. Черкесские перчатки (по Аствацатурян Э. Г., 2004, рис. 84)

Fig. 7. Circassian gloves (Astvatsaturyan E. G., 2004, Fig. 84)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Кадзаева З.П. Катакомба с прессованными и литыми ремennыми деталями из Садонского могильника // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Карачаевск, 2018. С. 340–343.

2. Иерусалимская А.А. Мощевая Балка: необычайный археологический памятник на Северокавказском шелковом пути. Государственный Эрмитаж. – Санкт-Петербург; изд. Гос. Эрмитажа, 2012. 384 с.

3. Paroli L., Ricci M. La necropoli altomedievale di Castel Trosino. Catalogo. («Ricerche di Archeologia Altomedievale e Medievale» 32/33). Firenze, 2007. 380 p.

4. Paroli L. La necropoli di Castel Trosino: un laboratorio archeologico per lo studio dell'età longobarda, in L. Paroli (a cura di) L'Italia centro-settentrionale in età longobarda, Firenze, 1997. P. 91–111.

5. Jørgensen L. A Chronological Analysis of Lombard Graves in Italy // Chronological

1. Kadzaeva ZP. Catacomb with pressed and cast belt parts from the Sadon burial ground [Katakomba s pressovannymi i litymi remennymi detal'nyami iz Sadonskogo mogil'nika] *Caucasus in the system of cultural relations of Eurasia in antiquity and the middle ages. XXX Krupnovskie readings. Proceedings of the International scientific conference [Kavkaz v sisteme kul'turnykh svyazey Yevrazii v drevnosti i srednevekov'ye. XXX «Krupnovskiye chteniya. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii].* Karachayevsk, 2018: 340–343. (In Russ).

2. Ierusalimskaya AA. *Moshchevaya Balka: an extraordinary archaeological monument of the North Caucasian silk road. State Hermitage [Moshevaya Balka: neobychnyy arheologicheskij pamyatnik na Severokavkazskom shelkovom puti].* Saint Petersburg: Hermitage, 2012. (In Russ).

3. Paroli L., Ricci M. La necropoli altomedievale di Castel Trosino. Catalogo «Ricerche di Archeologia Altomedievale e Medievale». Firenze, 2007. 32/33 (In Italian).

Studies of Anglo-Saxon England, Lombard Italy and Vendel Period Sweden / Ed. L. Jørgensen. Copenhagen: University of Copenhagen, 1992 P. 94 – 122.

6. Tobias B. Riemenzungen mediterraner Gürtelgarnituren mit Monogrammen. Studien zur Chronologie und Funktion. *Acta Praehist. et Arch.* 43, 2011. S. 151–188.

7. Staffa A.R., Paroli L., Profumo M.C. Il ritorno dei Longobardi. I Nuovi scavi di Castel Trosino (2001-2004) ed il Museo dell'Altomedioevo ascolano, Guida della Mostra Ascoli Piceno, 2004. 74 p.

8. Комар А.В., Кубышев А.И., Орлов Р.С. Погребения кочевников VI–VII вв. из Северо-Западного Приазовья // Степи Евразии в эпоху средневековья. 5 / Хазарское время. Труды по археологии. Донецк, 2006. С. 245–373.

9. Гавритухин И.О. Эволюция «геральдических» ременных гарнитур Кисловодской котловины // Плиска-Преслав. Т. 14. София, 2020. В печати.

10. Belinskij A. B., Härke H. Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus). Excavations 1994 – 1996 in the Iron Age to early medieval cemetery; with contributions by Bogatenkov D.V., Buzhilova A.P., Dobrovolskaya M.V., Dudarev S.L., Gavritukhin I.O., Higham T., Korobov D.S., Lebedinskaya G.V., Malashev V.Yu., Mednikova M.B., Savenko S.N., Shvyryova A.K. and Warren R. Deutsches Archäologisches Institut, Eurasien-Abteilung. Habelt-Verlag, Bonn, 2018. 416 p.

11. Malashev V.Yu. Pottery vessels from Sarmatian and Alanic graves // Belinskij A. B., Härke H. Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus). Excavations 1994 – 1996 in the Iron Age to early medieval cemetery. with contributions by Bogatenkov D.V., Buzhilova A.P., Dobrovolskaya M.V., Dudarev S.L., Gavritukhin I.O., Higham T., Korobov D.S., Lebedinskaya G.V., Malashev V.Yu., Mednikova M.B., Savenko S.N., Shvyryova A.K. and Warren R. Deutsches Archäologisches Institut, Eurasien-Abteilung. Habelt-Verlag, Bonn, 2018. P. 35–48.

12. Флеров В.С. Аланы центрального Предкавказья V–VIII веков: обряд обезвреживания погребенных. – Труды Клин-Ярской экспедиции. I. Москва: Полимедиа, 2000. 164 с.

13. Гавритухин И.О. Приложение 1. Периодизация раннесредневековых древностей

4. Paroli L. La necropoli di Castel Trosino: un laboratorio archeologico per lo studio dell'età longobarda, in L. Paroli (a cura di) *L'Italia centro-settentrionale in età longobarda*. Firenze, 1997: 91-111. (In Italian).

5. Jørgensen LA Chronological Analysis of Lombard Graves in Italy *Chronological Studies of Anglo-Saxon England, Lombard Italy and Vendel Period Sweden* / Ed. L. Jørgensen. Copenhagen: University of Copenhagen, 1992: 94–122.

6. Tobias B. Riemenzungen mediterraner Gürtelgarnituren mit Monogrammen. Studien zur Chronologie und Funktion. *Acta Praehist. et Arch.* 43, 2011: 151–188. (In German).

7. Staffa AR., Paroli L., Profumo M.C. Il ritorno dei Longobardi. I Nuovi scavi di Castel Trosino (2001-2004) ed il Museo dell'Altomedioevo ascolano, Guida della Mostra Ascoli Piceno, 2004. (In Italian).

8. Komar AV., Kubyshev AI., Orlov RS. Burials of nomads of the VI – VII centuries from the North-Western Azov region [Pogrebeniya kochevnikov VI–VII vv. iz Severo-Zapadnogo Priazov'ya] *Steppes of Eurasia in the Middle Ages. 5 / Khazar time. Studies on archeology [Stepi Yevrazii v epokhu srednevekov'ya. 5 / Khazarskoye vremya. Trudy po arkheologii]*. Donetsk, 2006: 245–373. (In Russ.)

9. Gavritukhin IO. Evolution of “heraldic” belt sets of the Kislovodsk basin [Evolutsiya «geraldicheskikh» remennykh garnitur Kislovodskoy kotloviny] *Pliska-Preslav*. Sofia, 2020; 14. In print.

10. Belinskij AB., Härke H. *Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus). Excavations 1994 – 1996 in the Iron Age to early medieval cemetery*; with contributions by Bogatenkov D.V., Buzhilova A.P., Dobrovolskaya M.V., Dudarev S.L., Gavritukhin I.O., Higham T., Korobov D.S., Lebedinskaya G.V., Malashev V.Yu., Mednikova M.B., Savenko S.N., Shvyryova A.K. and Warren R. Deutsches Archäologisches Institut, Eurasien-Abteilung. Habelt-Verlag, Bonn, 2018. (In English).

11. Malashev VY. Pottery vessels from Sarmatian and Alanic graves Belinskij A. B., Härke H. *Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus). Excavations 1994 – 1996 in the Iron Age to early medieval cemetery*. with contributions by Bogatenkov D.V., Buzhilova A.P., Dobrovolskaya M.V., Dudarev S.L.,

Кисловодской котловины на основе керамики в свете изучения изделий из металла // В кн.: Малашев В.Ю. 2001. Керамика ранне-средневекового могильника Мокрая Балка. М.: ИА РАН, 2001. С. 40–49.

14. Малашев В.Ю. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. Москва: ИА РАН, 2001. 149 с.

15. Малашев В.Ю. Отчет об охранно-спасательных исследованиях курганных могильников «Октябрьский I» и «Киевский I» в зоне строительства магистрального газопровода «Моздок – Грозный» в Моздокском районе Республики Северная Осетия-Алания в 2019 г. (Открытые листы №№ 2739, 2740). Архив ИА РАН, 2020. Б/н.

16. Giostra C. Luoghi e segni della morte in età longobarda: tradizione e transizione nelle pratiche dell'aristocrazia // Archeologia e società tra tardo antico e alto medioevo; a cura di G.P. Brogiolo e A. Chavarria Arnau. Mantova 2007. P. 311–344.

17. Grotowski P.L. Arms and Armour of the Warrior Saints: Tradition and Innovation in Byzantine Iconography (843–1261). Translated by R. Brzezinski. Leiden, Boston: Brill, 2010. 630 p.

18. Adams N. Rethinking the Sutton Hoo Shoulder Clasps and Armour. In: Entwistle, C. & Adams, N., eds. Intelligible Beauty: Recent Research on Byzantine Jewellery. London: British Museum Press, 2010. P. 83–112.

19. Артамонов М.И. История хазар. Под редакцией и примечаниями Л.Н. Гумилева. Ленинград: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 523 с.

20. Baryshev A. V., Radjush O. A. Ранне-средневековая латная рукавица из Сочинского района Краснодарского края (предварительное сообщение) // Historia i świat. Nr. 7. Siedlce, 2018. P. 129 – 139.

21. Goll M. Iron Documents. Interdisciplinary studies on the technology of late medieval European plate armour production between 1350 and 1500. PhD-Thesis, Philosophical Faculty of the University of Heidelberg // Heidelberger Dokumentenserver (HeiDok), 2013. <https://doi.org/10.11588/heidok.00017203> (дата обращения: 15.07.2020).

22. Каменский А.Н. Латные перчатки из раскопок в Великом Новгороде // Вестник Новгородского государственного университета. № 83. Ч. 2. Новгород, 2014. С. 26–34.

Gavritukhin I.O., Higham T., Korobov D.S., Lebedinskaya G.V., Malashev V.Yu., Mednikova M.B., Savenko S.N., Shvyryova A.K. and Warren R. Deutsches Archäologisches Institut, Eurasien-Abteilung. Habelt-Verlag, Bonn, 2018: 35–48. (in English).

12. Flerov VS. *Alans of the Central Ciscaucasia of the V-VIII centuries: the rite of neutralization of the buried. Proceedings of the Klin-Yar expedition. I. [Alany centralnogo Predkavkazy V-VIII vekov: obryad obezvrezhivaniya pogrebennykh. – Trudy Klin-Yarskoj ekspedicii. I.]* Moscow: polimedia, 2000. (In Russ.)

13. Gavritukhin IO. Appendix 1. Periodization of early medieval antiquities of the Kislovodsk basin based on ceramics in the light of the study of metal products [Prilozheniye 1. Periodizatsiya rannesrednevekovykh drevnostey Kislovodskoy kotloviny na osnove keramiki v svete izucheniya izdeliy iz metalla Malashev V. Yu. 2001. *Ceramics of the early medieval burial ground Mokraya Balka* [V kn.: Malashev V.YU. 2001. *Keramika rannesrednevekovogo mogil'nika Mokraya Balka*]. Moscow: IA RAS, 2001: 40–49. (In Russ.)

14. Malashev VY. *Ceramics of the early medieval burial ground Mokraya Balka* [Keramika rannesrednevekovogo mogil'nika Mokraya Balka]. Moscow: IA RAS, 2001. (In Russ.)

15. Malashev VY. *Report on preserve and rescue studies of the Oktyabr'sky I and Kievsky I burial mounds in the construction zone of the Mozdok-Grozny main gas pipeline in the Mozdok district of the Republic of North Ossetia-Alania in 2019 (Open sheets № 2739, 2740) [Otchet ob okhranno-spasatel'nykh issledovaniyakh kurgannykh mogil'nikov «Oktyabr'skiy I» i «Kievskiy I» v zone stroitel'stva magistral'nogo gazoprovoda «Mozdok – Groznyy» v Mozdokskom rayone Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya v 2019 g. (Otkrytyye listy №№ 2739, 2740)]*. Archive of IA RAS, 2020. (In Russ.)

16. Giostra C. Luoghi e segni della morte in età longobarda: tradizione e transizione nelle pratiche dell'aristocrazia // Archeologia e società tra tardo antico e alto medioevo; a cura di G.P. Brogiolo e A. Chavarria Arnau. Mantova 2007: 311–344. (In Italian).

17. Grotowski PL. *Arms and Armour of the Warrior Saints: Tradition and Innovation in Byzantine Iconography (843–1261)*. Translated by R. Brzezinski. Leiden, Boston: Brill, 2010. (In English).

23. Khorasani M.M. Arms and Armor from Iran: The Bronze Age to the End of the Qajar Period. Tübingen: Legat Verlag, 2006. 780 p.
24. Чакхкиев, Д.Ю., Голованова С.А., Нарожный Е.И. О хронологии и методах применения некоторых позднесредневековых образцов вооружения у вайнахов // Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии. Грозный, 1986. С. 70 – 80.
25. Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. Изд. 2-е, дополненное. Санкт-Петербург: «Атлант», 2004. 432 с.
26. Сланов А.А. Военное дело алан I–XV вв. Под ред. д. и. н. Р.С. Бзарова. Владикавказ: СОИГСИ им. В.И. Абаева, 2007. 400 с.
18. Adams N. Rethinking the Sutton Hoo Shoulder Clasps and Armour. In: Entwistle, C. & Adams, N., eds. *Intelligible Beauty: Recent Research on Byzantine Jewellery*. London: British Museum Press, 2010: 83–112. (In English).
19. Artamonov M.I. *History of the Khazars. [Istoriya hazar]* Edited and annotated by L.N. Gumilyov. Leningrad: state publishing house. Hermitage, 1962. (In Russ.)
20. Baryshev A.V., Radjush O.A. Early Medieval gauntlet from the Sochi district of the Krasnodar territory (preliminary report) *Historia i świat*. Nr. 7. Siedlce, 2018: 129–139. (in English).
21. Goll M. Iron Documents. Interdisciplinary studies on the technology of late medieval European plate armour production between 1350 and 1500. PhD-Thesis, Philosophical Faculty of the University of Heidelberg // Heidelberg-Dokumentenserver (HeiDok), 2013. <https://doi.org/10.11588/heidok.00017203> (date of request: 15.07.2020). (in English).
22. Kamenskij A.N. Gauntlets from excavations in Veliky Novgorod [*Latnyye perchatki iz raskopok v Velikom Novgorode*] *Bulletin of the Novgorod state University*. № 83, Part 2. Novgorod, 2014: 26–34. (In Russ.)
23. Khorasani M.M. *Arms and Armor from Iran: The Bronze Age to the End of the Qajar Period*. Tübingen: Legat Verlag, 2006.
24. Chakhkiev D.Y., Golovanova S.A., Narozhny E.I. On the chronology and methods of using some late medieval weapons samples among the Vainakh people [O khronologii i metodakh primeneniya nekotorykh pozdnesrednevekovykh obraztsov vooruzheniya u vaynakhov] *Problems of the chronology of funerary monuments of the Chechen-Ingush Republic [Problemy khronologii pogrebal'nykh pamyatnikov Checheno-Ingushetii]*. Grozny, 1986: 70–80. (In Russ.)
25. Astvatsaturyan E.G. Weapons of the peoples of the Caucasus [*Oruzhie narodov Kavkaza*] 2nd Ed., supplemented. Saint Petersburg: "Atlant", 2004. (In Russ.)
26. Slanov A.A. *Military Affairs of Alans I–XV centuries*. Ed. by PhD. R. S. Bzarov [*Voennoe delo alan I – XV vv.*]. Vladikavkaz: Abaev SOIGSI, 2007. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 05.11.2020 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH1641034-1048>

Гаджиев Муртазали Серажутдинович,
д.и.н, проф., зав. отделом археологии,
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
turgadj@rambler.ru

Фризен Сергей Юрьевич,
к.и.н., научный сотрудник,
Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия,
frizents@gmail.com

СРЕДНЕВЕКОВОЕ МУСУЛЬМАНСКОЕ ЗАХОРОНЕНИЕ МУЖЧИНЫ С БОЕВЫМИ ТРАВМАМИ У СТЕН ДЕРБЕНТА

Аннотация. На территории Дербентского поселения I–VI веков н.э. в средневековье возник мусульманский некрополь, на котором в 1977, 1989, 2012, 2013, 2015–2019 гг. было раскопано 71 захоронение. В статье предпринята публикация и интерпретация редкого информационно ценного и показательного средневекового комплекса – погребения № 24, открытого на раскопе XXV (2016 г.). Оно, как и другие мусульманские захоронения этого могильника, было совершено в простой длинной узкой яме (араб. *shiqq* / *shaqq* ‘траншея’) по мусульманским погребальным нормам: погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад, череп повернут вправо лицевыми костями на юг по направлению *киблы*, инвентарь отсутствовал. В могиле был погребен мужчина, 45–55 лет, среднего роста и телосложения. На черепе зафиксированы следы трех единовременных травм от ударов саблей, одно из которых квалифицируется как смертельное. Датировка этого погребения, как и других захоронений могильника, опирается на находки надмогильной стелы с эпитафией и датой (915 г. хиджры / апрель 1509 – апрель 1510 г.) и фрагмента надмогильной стелы. В эпитафиях обеих стел упоминается титул *шахид*, которым были посмертно наделены умершие. Указанная на стеле дата дает возможность соотнести погребения *шахидов* с военно-политическими событиями этого времени на Восточном Кавказе, когда в 915 г.х. войска шаха Исмaила I предприняли завоевание Ширвана под флагом борьбы шиитов с суннитами, заняли Шемаху, Баку, Шабиран, а затем осадили Дербент. Очевидно, что открытое погребение № 24, в котором был захоронен мужчина со следами боевых травм, также относится к этому времени.

Ключевые слова: Восточный Кавказ; Ширван; Дербент; шах Исмaил I; мусульманский могильник; *шахид*.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH1641034-1048>

Murtazali S. Gadzhiev,
D.Sc. (History), Prof., Head of Department of Archeology
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
murgadj@rambler.ru

Frizen Sergey Yurievich,
PhD (History), Researcher
Institute of Ethnology and Anthropology of RAS, Moscow, Russia
frizents@gmail.com

MEDIEVAL MUSLIM BURIALS OF A MAN WITH COMBAT INJURIES AT DERBENT WALLS

Abstract. In the territory of the Derbent settlement of the I-VI centuries AD, a Muslim necropolis emerged in the Middle Ages; 71 burials were excavated on the site in 1977, 1989, 2012, 2013, 2015-2019. The paper publishes with interpretations a rare representative medieval complex – burial № 24, discovered in the dig XXV (2016). As other Muslim burials of the same cemetery, the one under study was dug in a simple narrow pit (Arab. *shiqq* / *shaqq* ‘a trench’) in compliance with all the Muslim funerary norms: the buried laid stretched out on his back, head to the west, the skull turned to the right with the facial bones to the south in the direction of the qibla; no grave goods were revealed. A man of 45-55 years old, of average height and build was buried in the grave. Traces of three simultaneous injuries from saber blows were recorded on the skull, one of which qualifies as fatal. The dating of the burial, as well as of other burials of the necropolis, is guided by the discovery of a tombstone with an epitaph and a date (915 AH / April of 1509 – April of 1510), along with a fragment of another tombstone. The epitaphs of both tombstones mention the title *shahid*, which was granted postmortem to the buried men. The indicated date provides an opportunity to compare the burials of *shahids* with military-political events of that time in the East Caucasus, when in 915 AH an army of Ismail I attempted to conquer Shirvan in the name of the struggle between Shiah and Sunnis, and seized Shemakha, Baku, Shabran, and then sieged Derbent. The burial № 24, in which the man with traces of battle injuries was buried, obviously dates back to the same time period.

Keywords: East Caucasus; Shirvan; Derbent; shah Ismail I; Muslim burial; shahid.

Во время исследований на территории Дербентского поселения албано-сарматского и сасанидского времени (I–VI вв. н.э.), расположенного к югу от цитадели Нарын-кала, на размещенных близ друг от друга раскопах VI (1977 г.), XV (1989 г.), XVII (1989 г.) и XXV (2012, 2013, 2015–2017 гг.) был открыт ранее неизвестный средневековый мусульманский могильник (рис. 1). На этих раскопах, находящихся на расстоянии 60–110 м к югу и юго-востоку от южной угловой башни цитадели Нарын-кала, было выявлено суммарно 71 мусульманское захоронение, которые были впущены в культурный слой поселения. На раскопе VI было открыто 20 захоронений [1, с. 125–129]. На раскопе XV – 13 захоронений¹. На раскопе XVII было выявлено мусульманское захоронение в каменном ящике-цисте и упавшая надмогильная стела². На раскопе XXV, расположенном в 90–110 м к юго-востоку от угловой башни цитадели Нарын-кала, в 2012–2019 гг. было обнаружено 37 захоронений [2, с. 155–156; 3, с. 220–223; 4, с. 94–95; 5, с. 139–140; 6, с. 259–260; 7, с. 268–269; 8, с. 292–293].

Среди исследованных захоронений особый интерес вызывает погребение 24, открытое на раскопе XXV в. в 2016 г. Оно было выявлено в площади помещения 6 жилищно-хозяйственного комплекса, датируемого V веком н.э., и при этом, будучи впущенным в культурный слой, в значительной степени разрушило пристенный очаг-тандыр (рис. 2).

Погребение 24: описание и антропологическая характеристика

Погребение (рис. 2, 3), очевидно, было совершено в узкой длинной яме, следы которой сохранились частично на уровне залегания скелета. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад, лицевыми костями на юг. Правая рука была вытянута вдоль туловища, левая рука была согнута в локте под прямым углом, и лучевая и локтевая кости лежали на животе; правая нога слегка согнута в колене и повернута на правый бок.

Основные черты погребального обряда, характерные и для других погребений данного могильника, а именно безынвентарное захоронение умершего в простой удлиненной узкой яме вытянуто на спине (или на правом боку), головой на ЮЗЗ, с положенными на грудь или вдоль туловища руками и, особенно, с повернутой вправо головой и обращенными на юг лицевыми костями, т.е. по направлению *киблы* – в сторону Каабы в Мекке, однозначно указывают на мусульманский обряд захоронения. Представленное погребальное сооружение представляет собой вариацию мусульманского погребального обряда в яме с заплечиками (араб. *shiqq* / *shaqq* ‘траншея’) (подробнее см.: [9, с. 216–218]). Хотя заплечики-уступы, на которые в данном случае, по всей видимости, опиралось дощатое перекрытие, здесь не сохранились (захоронение фиксировалось на

1 Кудрявцев А.А. Отчет о работе Дербентской археологической экспедиции в 1989 г. Махачкала, 1990. 51 с., 137 илл. // Научный архив Института истории, археологии и этнографии. Ф. 3. Оп. 3. Д. 729, 729-а. С. 29–34.

2 Там же. С. 49–51.

нижнем, придонном уровне), но можно предположить былое существование их и изолирующего перекрытия, принимая во внимание запрет в исламе на непосредственную засыпку землей обернутого в саван умершего³ и необходимость наличия погребальной камеры (свободного внутримогильного пространства).

Захоронение не в подбойной могиле (араб. *lahd* 'могильная ниша'), являвшемся предпочтительным (считается, что в такой могиле был погребен пророк Мухаммад), а в простой яме с заплечиками (араб. *shaqq*) допускалось, если почва была неустойчивой, рыхлой, сыпучей, что могло привести к разрушению могильной ниши (10, р. 252).

Захороненный в погр. 24 – взрослый мужчина 45-55 лет (*maturus* II). Большая часть костей скелета была измерена (табл. 1). Судя по индексам (табл. 2), данный индивид обладал среднemasсивным скелетом, прижизненная длина тела составляла около 166 см, что является средним ростом для периода развитого средневековья. Характеристики скелета соответствуют данным всей серии из раскопа XXV. Костные остатки и зубы не несут следов каких-либо патологий.

Таблица 1. Дербент. Раскоп XXV, погребение 24.
Размеры костей (мм).

		правая	левая
Ключица	1	161,0	165,0
	6	42,0	43,0
Плечевая кость	1	318,0	315,0
	2	313,0	309,0
	3	54,0	53,0
	4	62,0	62,0
	5	24,0	23,0
	6	21,0	21,0
	7a	73,0	72,0
	7	67,0	66,0
	Головка	48,0	47,0
	Мыщелок	48,0	48,0
	Ямка	28,0	28,0
Лучевая кость	1	246,0	242,0
	4	18,0	17,0
	5	11,0	13,0
	3	42,0	44,0
	Наиб. D головки	23,0	23,0
Локтевая кость	1	261,0	
	2	260,0	
	11	17,0	
	12	14,0	
	13	25,0	
	14	24,0	
	3	39,0	
	Локтевой отросток	44,0	

3 Порядок захоронения покойного // <http://islamdag.ru/verouchenie/23093>

Крестец	2	101,0	
	5	118,0	
	1	119,0	
Бедренная кость	1		442,0
	2		437,0
	21		86,0
	6	30,0	30,0
	7	29,0	29,0
	10	25,0	26,0
	9	32,0	32,0
	8	90,0	92,0
	Головка		53,0
Большая берцовая кость	1а	363,0	
	1	354,0	356,0
	5	75,0	79,0
	6	57,0	
	8	29,0	31,0
	9	21,0	22,0
	8а	38,0	36,0
	9а	23,0	24,0
	10	80,0	82,0
	10б	75,0	74,0

Таблица 2. Дербент. Раскоп XXV, погребение 24.
Индексы массивности и пропорции скелета.

Индексы массивности	Ключицы (6/1)	26,1	26,1
	Плечевой (7/1)	21,1	21,0
	Лучевой (3/1)	17,1	18,2
	Сечения лучевой кости (5/4)	61,1	76,5
	Локтевой (3/2)	15,0	
	Сечения локтевой кости (13/14)	104,2	
	Бедренная (8/2)		21,1
	Пилястрии бедра (6/7)	103,4	103,4
	Укрепления тела бедра (6+7/2)		13,5
	Платимер. бедра (10/9)	78,1	81,3
	Большой берцовой кости (10/1)	22,6	23,0
	Большой берцовой кости (10б/1)	21,2	20,8
	Массивности тела большой берцовой кости (9/8)	72,4	71,0
	Кнемии большой берцовой кости (9а/8а)	60,5	66,7
Пропорции	Инермембральный		69,5
	Плечебедренный		72,1
	Лучеберцовый	69,5	68,0
	Лучеплечевой	77,4	76,8
	Берцовобедренный		81,5
	Ключично-плечевой	51,4	53,4
	Крестцовый	116,8	
Прижизненная длина тела		166,3	

Так как череп и мозговая коробка были существенно деформированы по-смертно, то их измерения не проводились. Визуально, мозговая коробка брахи-кранная, средневысокая и в целом соответствует по форме и размерам другим черепам из раскопа XXV. В левой части лобной кости присутствуют две травмы. Первая из них расположена в 25 мм от точки bregma (рис. 4А,1, 4Б,а) и представляет собой поверхностную, неглубокую короткую (25 мм) рану, нанесенную рубяще-режущим орудием (саблей) сверху. В 10 мм от первой раны, на пересечении с венечным швом, расположен след еще одной небольшой, несквозной, но более глубокой травмы, вероятно, нанесенной также ударом сверху, кончиком сабли (рис. 4А,4, 4Б,б). Вероятно, удар был достаточно сильным и повлек за собой растрескивание черепной коробки в левой части лобной кости (рис. 4Б,в). Следы облитерации первой и второй травмы отсутствуют. Наконец, на левой теменной кости находится еще один длинный (около 100 мм) узкий след от сильного сквозного удара (рис. 4А,3, 4Б,г), нанесенного тонким рубяще-режущим орудием, пробившем теменную кость и вскрывшем черепную коробку. Следы заращения этой травмы также отсутствуют. Вероятно, рана была нанесена перед смертью индивида и могла быть ее причиной. Судя по расположению, форме, длине и ширине «пореза» травма могла быть нанесена саблей сверху сбоку косым ударом – мужчина, возможно, находился в приклоненном положении вправо, что характерно для воина, прикрывающегося щитом в левой руке от удара, или лежал на правом боку. Характер, расположение и параметры травм позволяют прийти к заключению, что они являются единовременными, данные повреждения носят боевой характер и мужчина был погребен вскоре после полученных травм.

Датировка и историческая интерпретация погребения

Средневековые мусульманские захоронения, выявленные в близ расположенных раскопах VI, XV, XVII и XXV, нужно рассматривать, как захоронения одного городского некрополя Дербента. Следует отметить, что все погребения залегают в одном горизонте, практически отсутствуют захоронения, перекрывающие друг друга, что, очевидно, указывает на существование наружных маркеров погребений и их относительно близкий хронологический диапазон. В силу безынвентарности могил мы не имеем возможности точно определить дату могильника. Хронологическим репером, который может указывать на относительную датировку выявленных погребений, в том числе рассматриваемого погребения 24 раскопа XXV является обнаруженная в раскопе XVII надмогильная стела (рис. 5, 1, 2, 6) с датой 915 г. хиджры / апрель 1509 – апрель 1510 г., некогда возвышавшаяся над могилой, как гласит эпитафия, «счастливого шахида» (шахид ас-са'ид) Шах Вали, сын Шакила [11, р. 10–19; 12, с. 13–18].

Еще одним хронологическим маркером для датировки данного некрополя и анализируемого погребения может выступать фрагмент надмогильной

стелы, выявленный в раскопе XV (рис. 5, 3). В частично сохранившейся эпитафии читается слово *шахид* и по особенностям палеографии стела была отнесена к XVI в.⁴ На этом основании могильник, выявленный на данном раскопе, был отнесен к позднему средневековью. Обнаруженный фрагмент принадлежал прямоугольной стеле с рельефной арабской надписью *насхом* в центральном поле и окаймляющей П-образной полосой. По этим показателям, как и по палеографическим особенностям, этот фрагмент близок упомянутой выше стеле 915 г.х. / 1509–10 г., что позволяет относительно синхронизировать их. Это, как представляется, дает дополнительный аргумент в пользу высказанного предположения о датировке выявленного в близ расположенных раскопах VI, XV, XVII и XXV мусульманского некрополя.

Упомянутый на стелах титул *шахид*, как и изображения на оборотной стороне стелы Шаха Вали, сына Шакила, щита, сабли, лука с колчаном и стрелы (рис. 6), позволяют считать, что стелы были установлены над погребениями воинов, павших в сражении с неверными. Указанная на стеле дата дает возможность соотнести эти погребения шахидов с военно-политическими событиями этого времени на Восточном Кавказе, когда в 915 г.х. / 1509–10 г. войска, возглавляемые шахом Исмаилом I Сефеви, предприняли завоевание Ширвана под флагом борьбы шиитов с суннитами, заняли Шемаху, Баку, Шабиран, а затем осадили Дербента [11, р. 10–19; 12, с. 13–18; 13, с. 267–268]. Очевидно, что и рассмотренное погребение 24, в котором был захоронен мужчина со следами боевых травм, относится именно к этому времени.

В заключение отметим, что рассмотренное погребение с боевыми травмами Дербентского мусульманского могильника предстает уникальным, не находящим аналогии для территории Восточного Кавказа средневекового времени. Вместе с тем, подобные захоронения с травматическими повреждениями свода черепа различной локализации, наблюдаемые преимущественно на мужских черепах и полученные, как считают исследователи, в столкновениях с использованием оружия, известны, в частности, в серии захоронений могильников салтово-маяцкой культуры [14, с. 134, 202; 15, с. 39, 40, 42]. В отличие от данных захоронений проанализированное погребение 24 может быть узко датировано и связано с конкретным историческим событием.

Благодарность. Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН 11. «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России», 25. «Памятники материальной и духовной культуры в современной информационной среде», раздел программы «1. Методология анализа и интерпретации археологического наследия, разработка вопросов его сохранения и презентации; создание баз данных по археологическим данным и биоархеологическим материалам», проект «Этногенез народов Кавказа и Крыма по данным физической антропологии».

4 Кудрявцев А.А. Отчет о работе Дербентской археологической экспедиции в 1989 г. Махачкала, 1990 // Научный архив Института истории, археологии и этнографии. Ф. 3. Оп. 3. Д. 729, 729-а. С. 29. Перевод и определение датировки надписи были осуществлены проф. А.Р. Шихсаидовым.

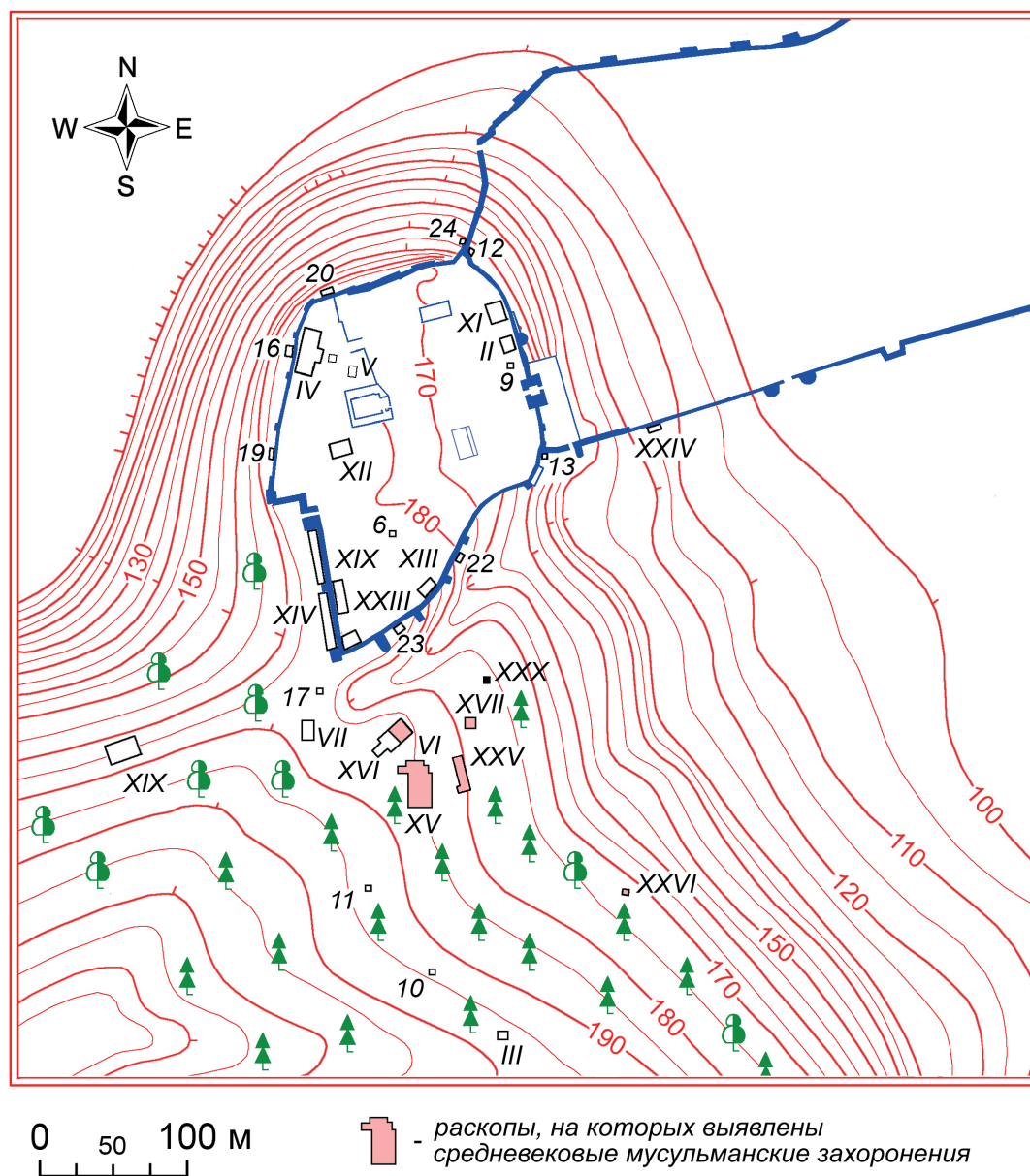

Рис. 1. План цитадели Нарын-кала сер. VI в. и Дербентского поселения I–VI вв. с указанием места расположения раскопок (обозначены римскими цифрами) и стратиграфических шурфов (обозначены арабскими цифрами)

Fig. 1. Layout of Naryn-kala citadel (mid. 6 c. AD) and Derbent settlement (1-6 centuries AD), with indications of excavation areas (indicated by Roman numerals) and stratigraphic trenches (indicated by Arabic numerals)

а

б

Рис. 2. Дербентское поселение. Раскоп XXV.
Погребение 24: а – вид с юго-востока, б – вид с севера

Fig. 2. Derbent settlement. Excavation area XXV.
Burial № 24: а – view from the southeast, б – view from the north

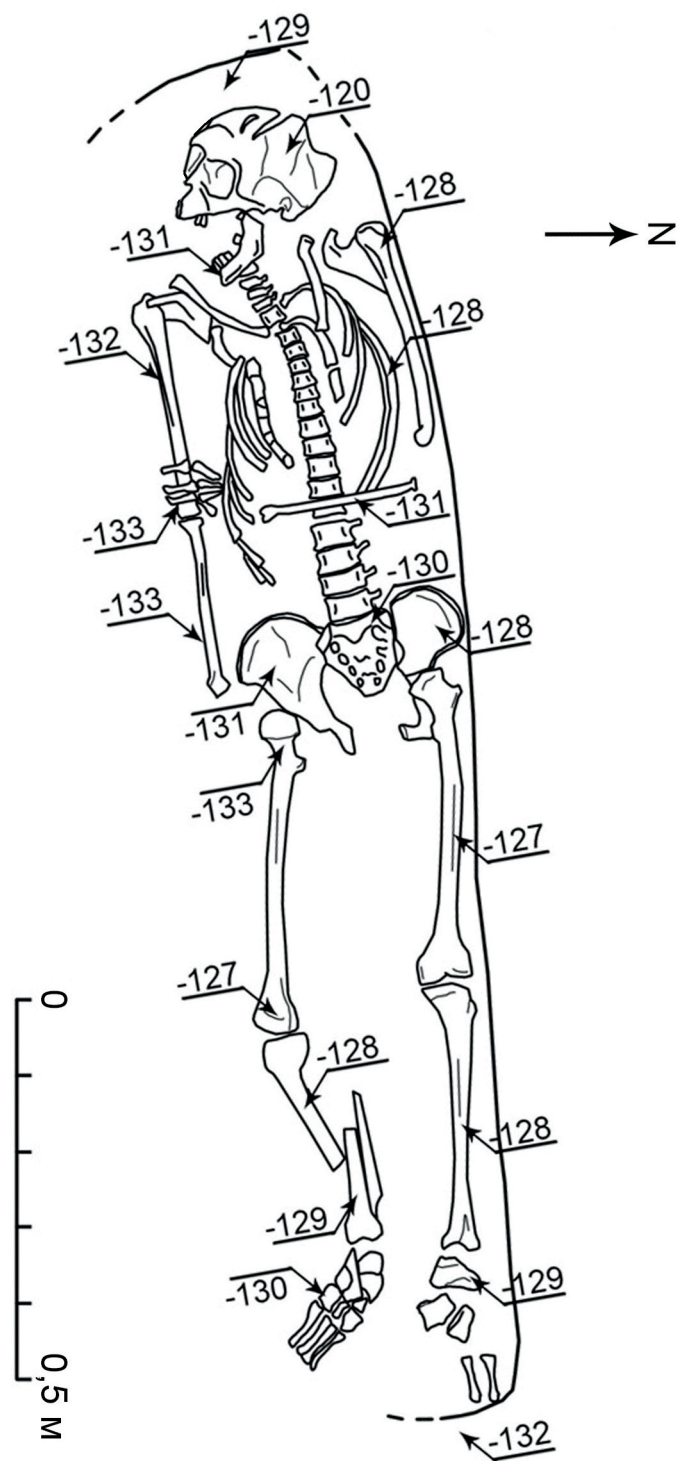

Рис. 3. Дербентское поселение. Раскоп XXV. Погребение 24. План
Fig. 3. Derbent settlement. Excavation area XXV. Burial № 24. Layout
F

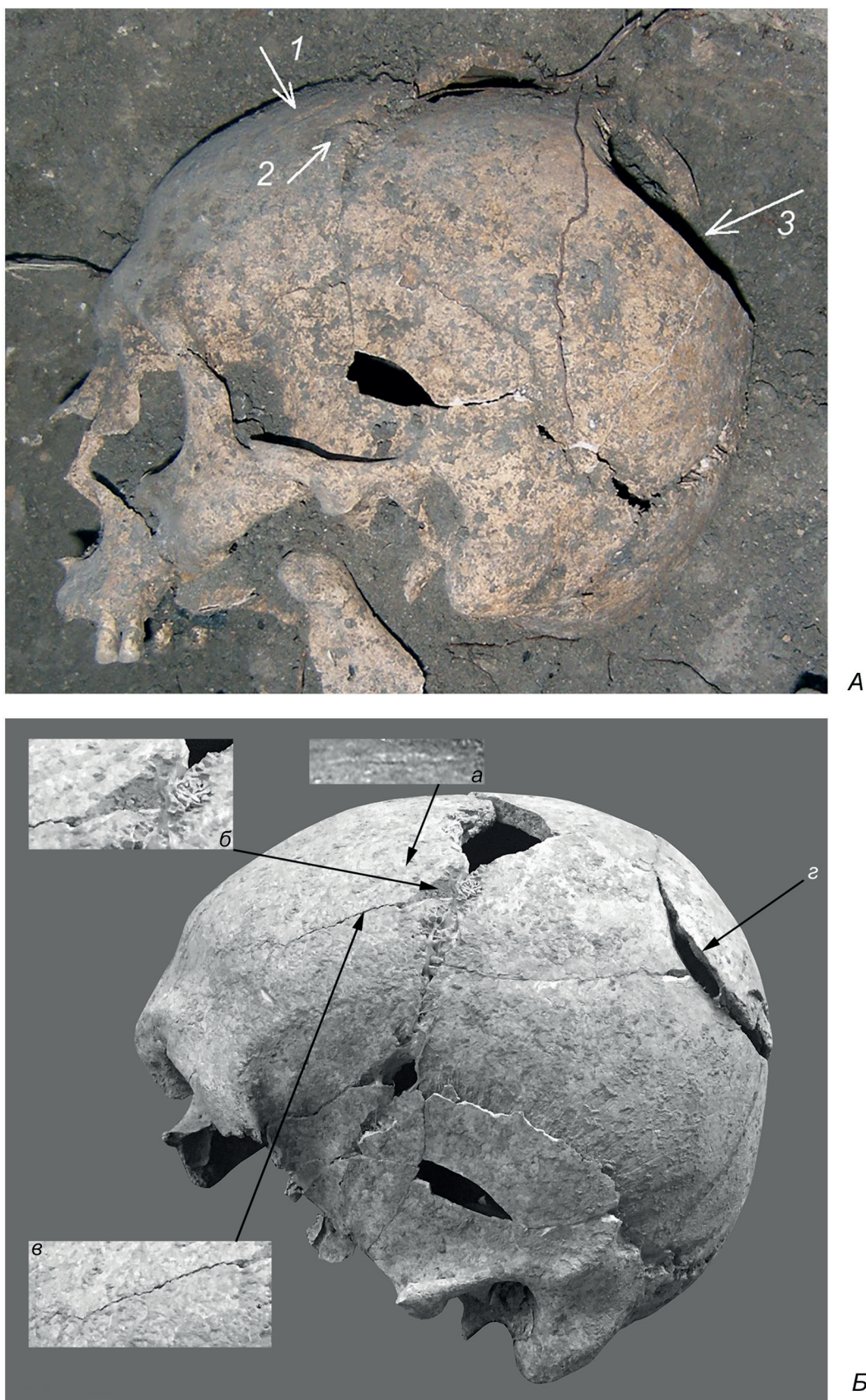

Рис. 4. Дербентское поселение. Раскоп XXV. Погребение 24. Череп погребенного (а – *in situ*)

Fig. 4. Derbent settlement. Excavation area XXV. Burial № 24. Skull of the buried man (а – *in situ*)

Рис. 5. Дербентское поселение. Надмогильная
стела из раскопа XVII *in situ* (1) и фото (2).
Фрагмент надмогильной стелы (3) из раскопа XV

Fig. 5. Derbent settlement. Tombstone from
excavation area XVII *in situ* (1) and a photo (2).
Tombstone fragment (3) from excavation area XV

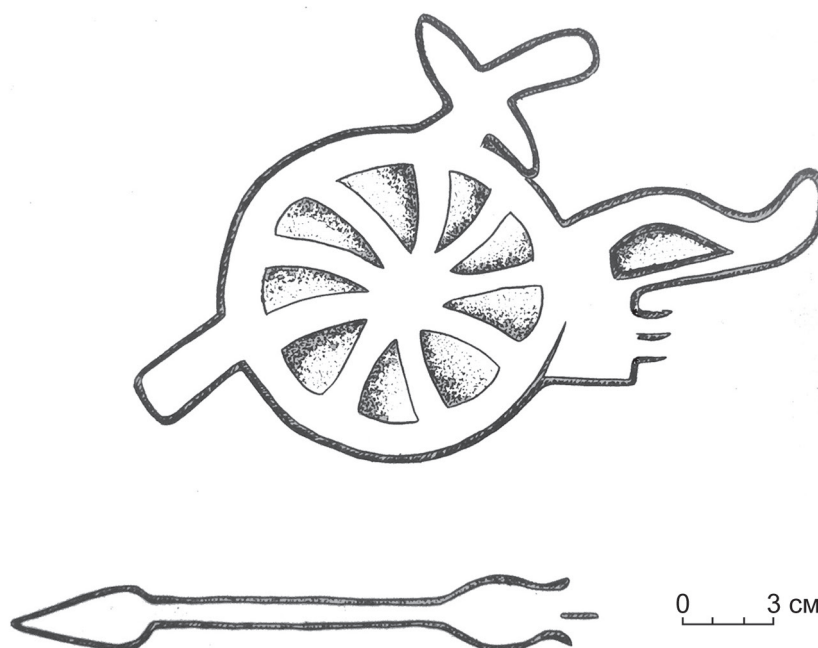

Fig. 6. Derbent settlement. Tombstone from excavation area XVII.
Images on the backside

Рис. 6. Дербентское поселение. Надмогильная стела из раскопа XVII.
Изображения на оборотной стороне

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Кудрявцев А.А. Дербентский могильник // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Сборник статей. Махачкала, 1985. С. 125–146.
2. Гаджиев М.С. Дербентское поселение: некоторые итоги раскопок (2012–2016 гг.) // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. № 2. 2017. С. 155–163.
3. Гаджиев М.С., Абиев А.К., Будаичев А.Л., Абдулаев А.М., Шаушев К.Б. Раскопки Дербентского поселения // Археологические открытия 2014 г. М.: ИА РАН, 2016. С. 220–223.
4. Гаджиев М.С., Будаичев А.Л., Абдулаев А.М., Шаушев К.Б. Новейшие исследования Дербентского поселения первой пол. – сер. I тыс. н.э. // Дагестан в кавказском историко-культурном пространстве. Материалы Международной научной конференции, посвященной 90-летию Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. Махачкала, 21–22 октября 2014 г. Махачкала, 2014. С. 94–95.
5. Гаджиев М.С., Будаичев А.Л., Абдулаев А.М., Шаушев К.Б. Раскопки Дербентского поселения в 2012–2015 гг. // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Грозный, 18–21 апреля 2016 г. Грозный: Изд-во ЧГУ, 2016. С. 139–140.
6. Гаджиев М.С., Будаичев А.Л., Абиев А.К., Абдулаев А.М. Раскопки Дербентского поселения // Археологические открытия 2015 г. М.: ИА РАН, 2017. С. 259–260.
7. Гаджиев М.С., Будаичев А.Л., Абиев А.К., Абдулаев А.М. Раскопки Дербентского поселения // Археологические открытия 2016 г. М.: ИА РАН, 2018. С. 268–269.
8. Гаджиев М.С., Абиев А.К., Будаичев А.Л., Абдулаев А.М. Раскопки Дербентского поселения // Археологические открытия 2017 г. М.: ИА РАН, 2019. С. 292–293.
9. Гаджиев М.С., Таймазов А.И., Будаичев А.Л., Абдулаев А.М., Абиев А.К. Раннемусульманский некрополь в Дербенте (Баб ал-абвабе) // Проблемы истории, филологии, культуры. №. 1 (63). 2019. С. 202–226.
10. Al-Nawawi, Abu Zakariyya Yahya Muhiy-al-Din. Al-Majmu' sharh al-Muhadhdhab. Vol. 2. Beirut, 1980.
11. Gadjiev M.S. A Burial of 915 A.H. at the Walls of Derbent // Iran and the Caucasus. 2019. Vol. 23.2. P. 10–19.
12. Гаджиев М.С. Погребение 915 г. хиджры у стен Дербента // Caucaso-Caspica. Труды Института востоковедения Российско-Армянского университета. Вып. IV. Ереван: Изд-во РАУ, 2019. С. 13–18.
13. Ашурбейли С. Государство Ширваншахов (VI–XVI вв.). Баку: Элм. 1983. – 344 с.
14. Бужилова А.П. Древнее население (палеопатологические аспекты исследования). Москва: ИА РАН, 1995. – 198 с.
15. Решетова И.К. Население Донецко-Донского междуречья в раннем Средневековье: палеоантропологическое исследование. СПб.: Нестор-История, 2015. – 131 с.
1. Kudrjavitsev AA. Derbent burial [Derbentyskij mogil'nik]. *Ancient cultures of North-East Caucasus (Drevnie kul'tury Severo-Vostochnogo Kavkaza)*. Makhachkala, 1985:125-146.
2. Gadzhiev MS. Derbent settlement: some results of excavation (2012-2016) [Derbentskoe poselenie: nekotorye itogi raskopok (2012-2014 gg.)]. *Russian Foundation for Basic Research Journal. Humanities and social sciences*. 2017, 2(87):155-163. (in Russ.).
3. Gadzhiev MS., Abiev AK., Budayichiev AL., Abdulaev AM., Shaushev KB. Excavation of Derbent settlement [Raskopki Derbentskogo poselenija]. *Archaeological discoveries of 2014. (Arheologicheskie otkrytiya 2004 g.)*. 2016:220-223.
4. Gadzhiev MS., Budayichiev AL., Abdulaev AM. The latest researches of the Derbent settlement of the first half – mid. of the 1st mill. AD [Novejshie issledovaniya Derbentskogo poseleniya pervoj pol. – ser. I tys. n.e.]. *Dagestan in the Caucasian historical and cultural space. Proceedings of the International scientific conference devoted to the 90th anniversary of the Institute of history, archeology and ethnography of DSC RAS [Dagestan v kavkazskom istoriko-kul'turnom prostranstve. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashennoj 90-letiyu Instituta istorii, arheologii i etnografii DNC RAN. Mahachkala, 21-22 oktyabrya 2014 g.]*. Makhachkala, October 21-22, 2014). Makhachkala, 2014:94-95.
5. Gadzhiev MS., Budayichiev AL., Abdulaev AM., Shaushev KB. Excavations of Derbent settlement in 2012-2015]. *Study and preservation of archaeological heritage of the people of the Caucasus. XXIX Krupnovsky readings. Proceedings of the International scientific conference. Grozny, April 18-21, 2016. / Izuchenie i sohranenie arheologicheskogo naslediya narodov Kavkaza. XXIX Krupnovskie chteniya. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Grozny, 18-21 aprelya 2016 g.]*. Grozny: Chechen State University, 2016:139-140.
6. Gadzhiev MS., Budajchiev AL., Abiev AK., Abdulaev AM., Shaushev KB. Raskopki Derbentskogo poselenija [Excavation of Derbent settlement]. *Archaeological discoveries of 2015 [Arheologicheskie otkrytiya 2015 g.]*. 2017:259-260.
7. Gadzhiev MS., Budayichiev AL., Abiev AK., Abdulaev AM., Shaushev KB. Excavations of the Derbent settlement [Raskopki Derbentskogo poselenija]. *Archaeological discoveries of 2016. [Arheologicheskie otkrytiya 2016 g.]*. 2018:268-269.
8. Gadzhiev MS., Abiev AK., Budayichiev AL., Abdulaev AM., Shaushev KB. Excavations of the Derbent settlement [Raskopki Derbentskogo poselenija]. *Archaeological discoveries of 2017. [Arheologicheskie otkrytiya 2017 g.]*. 2018:292-293.
9. Gadzhiev MS., Tayimazov AI., Budayichiev AL., Abdulaev AM., Abiev AK. Rannemusul'manskij nekropol' v Derbente (Bab al-abvabe) [Early Muslim Cemetery

Статья поступила в редакцию 16.05.2020 г.

in Derbent (Bab Al-Abwab)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Journal of Historical, Philological and Cultural Studies)*. 2019;1 (63):202-226.

10. Al-Nawawi, Abu Zakariyya Yahya Muhyi-al-Din. *Al-Majmu' sharh al-Muhadhdhab*. Vol. 2. Beirut: Dar Ehia Al-Tourath Al-Arabi, 1980. (In Arab.).

10. Gadzhiev MS. A Burial of 915 A.H. at the Walls of Derbent. *Iran and the Caucasus*. 2019, 23.2:10-19.

12. Gadzhiev MS. Burial of 915 A.H. at the Walls of Derbent. [Pogrebenie 915 g. hidzhry u sten Derbenta] *Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the Russian-Armenian University. Caucaso-Caspica. Trudy Instituta vostokovedeniya Rossijsko-Armjanskogo universiteta* [Erevan: RAU Publishing House, 2019, IV:13-18.

13. Ashurbejli S. *The State of Shirvanshahs (VI-XVI centuries)* [Gosudarstvo Shirvanshahov (VI-XVI vv.)]. Baku: Elm, 1983.

14. Buzhilova AP. *Ancient population (paleopathological aspects of the study)* [Drevnee naselenie (paleopatologicheskie aspekty issledovaniya)]. Moscow: Institute of Archaeology, RAS, 1995.

15. Reshetova IK. *Population of the Donetsk-Don interfluvium in the early Middle Ages: paleoanthropological study* [Naselenie Donetsko-Donskogo mezhdurech'ya d rannem Srednevekov'e: paleopatologicheskie issledovanie]. Saint Petersburg: Nestor-Istoria, 2015.

ЭТНОГРАФИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH1641049-1060>

Шахбан Магомедович Хапизов
К.и.н., научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН
markozul@mail.ru

Тупцокова Лариса Казбековна
научный сотрудник
Черкесский культурный центр, Тбилиси, Грузия
circassianculture@gmail.com

Шехмагомедов Магомед Гаджиевич
научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН
shehmagomedov.magomed@yandex.ru

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ (НА ПРИМЕРЕ СЕЛ. МАЧАДА В ДАГЕСТАНЕ)

Аннотация. В статье на основе анализа археологических материалов, письменных источников и устной традиции проведена попытка воссоздания истории становления сельской общины Мачада в Нагорном Дагестане. В дагестанской историографии была распространена версия, согласно которой селение Мачада было основано в начале XVI в. Однако, за северным краем сел. Мачада, на большом крутом склоне горы находится могильник с каменными ящиками, датируемый VI–VIII вв. н.э. Таким образом, возникновение населенного пункта Мачада следует датировать как минимум VI в. н.э. Вместе с тем, в 1,5 км от Мачады расположено средневековое поселение Чолода, жители которого переселились в начале XVI в. в Мачаду. Сюда же переселились жители поселения, располагавшегося на северной окраине Мачады. Несмотря на сформировавшуюся в первой половине XVI в. сельскую общину, новое кладбище там было образовано с 1630-х гг. Таким образом, около 100 лет жители Мачады хоронили покойников на мусульманском кладбище Чолоды. Благодаря наличию большой площади сельхозугодий вокруг Мачады, они могли принять новых поселенцев. Самое крупное переселение, видимо, состоялось в XVI в. из Хунзаха, что привело к формированию одной из 4 родственных групп Мачады. Остальные три тухума сформировались за счет переселения в Мачаду жителей соседних тухумных поселений. К концу XVI в. произошло становление тухумной структуры, состоявшей из 4 тухумов – родственных групп, которые в дальнейшем стали принимать в свой состав более поздних переселенцев. Таким образом, применение ретроспективного метода позволяет ответить на основные вопросы, возникающие перед исследователями истории формирования сельской общины в Нагорном Дагестане.

Ключевые слова: Дагестан; Гидатль; Мачада; этнография; поселенческая культура; тухум; ономастика; башня.

©Хапизов Ш.М., Тупцокова Л.К., Шехмагомедов М.Г., 2020
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2020
 Creative Commons Attribution 4.0 International License

ETHNOGRAPHY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH1641049-1060>

Shakhban M. Khapizov,
PhD (History), Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
markozul@mail.ru

Larisa K. Tuptsokova,
Researcher
Circassian Cultural Center, Tbilisi, Georgia
circassianculture@gmail.com

Magomed G. Shekhmagomedov,
Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
shehmagomedov.magomed@yandex.ru

RECONSTRUCTING THE PROCESS OF FORMATION OF RURAL COMMUNITIES (ON THE EXAMPLE OF MACHADA VILLAGE)

Abstract. Based on the analysis of archeological material, written sources and oral tradition, the paper attempts to recreate the history of formation of Machada rural community in Nagorny Dagestan. According to a popular version in Dagestan historiography, Machada village was believed to be founded in the early 16th century. However, across the northern border of the village, on a large steep mountain slope, there is a burial with stone boxes belonging to the 6th – 8th centuries AD. Thus, the foundation of Machada settlement should be dated at least 6th century AD. At the same time, 1.5 km away from Machada, a medieval settlement of Choloda is located, whose inhabitants moved to Machada at the beginning of the 16th century. The inhabitants of the settlement located on the northern outskirts of Machada also moved there. Despite the emergence of the rural community in the first half of the 16th century, a new cemetery was founded there only from the 1630s. Thus, for about a century the inhabitants of Machada buried their dead in the Muslim cemetery of Choloda. Due to the large areas of farming lands around Machada, they were able to accept the newcomers. The largest resettlement presumably occurred in the 16th century from Khunzakh, which led to the formation of one of the four kindred groups of Machada. The other three tukhums were formed due to the resettlement of residents of neighboring tukhum settlements to Machada. At the end of the 16th century, the formation of a tukhum structure of 4 tukhums occurred – related groups, which began to accept the later settlers. Therefore, the use of retrospective method allows to give answers to the main questions, emerged before researchers of history of formation of rural communities in Nagorny Dagestan.

Keywords: Dagestan; Gidatl; Machada; ethnography; settlement culture; tukhum; onomastics; tower.

Традиционный взгляд на методику исторических исследований предполагает при реконструкции исторических процессов комплексный подход: следование за данными, содержащимися в письменных источниках, подкрепляемых сведениями из устной традиции, а также смежных исторических дисциплин. Однако, на наш взгляд, при этом недооценивается возможность ретроспективного анализа, основанного на исследовании современных этнографических реалий, совмещенного с попыткой их экстраполяции на процессы, происходившие несколько веков назад.

Авторами была предпринята попытка использовать такого рода методику при классических исследованиях социальной истории и, в частности, процесса формирования сельских общин Дагестана в XV–XVII вв. Ее использование, естественно, сопровождается широким привлечением всего спектра исторических источников, в т.ч. нарративных, археологических, этнографических, в том числе такого специфического характера, как устная история. В качестве примера авторами была выбрана сельская община Мачада, расположенная в центре горного Дагестана – в Гидатлинской долине. Выбор был обусловлен как наличием различных исторических источников, так и полевого материала¹, который собран авторами в ходе историко-этнографических экспедиций, принятых в 2015–2019 гг.

Касаясь происхождения названия Мачада, укажем три возможные его этимологии. У гидатлинцев и кахибцев слово «родник» известно под двумя терминами – *gIuc* и *machIal* [2, с. 171]. Учитывая, что сел. Мачада расположено в месте, где много родников и маленьких озер, нельзя исключать то, что в корне названия *MachIada* лежит именно это слово (*MachIalda* → *MachIada* – «на роднике»). Вместе с тем, есть еще две возможные этимологии. Первая из них связана со словом *machIalad* – «скотина, откормленная на убой» [2 с. 250] и отсюда: *machIalada* – «на месте откорма скота». Наиболее распространена этимология, исходящая от слова *machI* – «луг» [2, с. 253], соответственно *MachIada* – «на лугу».

В литературе уже высказывались суждения о времени образования Мачады. Х.-М. Хашаев и М.-С. Саидов, издавшие текст гидатлинских адатов в 1957 г., в связи с датировкой данного письменного памятника, писали, что «в тексте адатов не упоминается гидатлинское селение Мачада, которое образовалось в начале XVI в., а упоминается несуществующее ныне селение Чолода» [1, с. 3]. Таким образом, вышеуказанными авторами была высказана точка зрения, согласно которой Мачада стало новым поселением, основанным чолодинцами после принятия ислама.

Между тем, в тексте адатов указаны жители сел. Мачада, которые входили в состав земель, попавших под влияние некоего Кабтара, жившего в Чолода. Приводим ниже текст предания, записанного, судя по всему, во второй половине XVII в.: «*Был человек по имени Шамхал, который жил в селении Цинаб, и другой человек, по имени Кабтар, который жил в селении Чолода. Шамхал имел шесть сыновей, а Кабтар только одного сына. Шамхал сказал*

1 Информанты – Тируч Магомедов 1927 г.р. и Гаджи Шехмагомедов 1951 г.р.

Кабтару: «Пришло время, когда нужно установить границы наших земель, выбери себе любую половину». Кабтар взял землю Мучудул (МучІдул), Тлагал (Лъагъал), Ратлада (Ралъада) и земли, расположенные по Ратлубской речке. Остальные земли он оставил Шамхалу» [1, с. 7]. Недоразумение связано с тем, что название мачадинской общины во множественном числе – мучІдул переводится с аварского как «луга» или «сельхозугодия», что было переведено буквально и также истолковано.

Однако, помимо вышеуказанного возражения, против подобной точки зрения говорят и археологические материалы из окрестностей Мачады. За северным краем сел. Мачада, на большом крутом склоне горы, прорезанной дорогой, находится могильник с каменными ящиками. Памятник датируется VI–VIII вв. н.э. [3, с. 194]. Таким образом, старое доисламское кладбище Мачады функционирует, начиная с VI в.

Наряду с поселением Мачада на территории, принадлежащей ныне мачадинцам, расположены остатки другого средневекового поселения – Чолода [3, с. 194], жители которого несколько веков назад участвовали в формировании этой сельской общины. Ю.В. Иванова пишет, что в Гидатле *«весьма почитаемым местом считается Чолода-росо – место, где когда-то находилось древнее поселение Чолода, жители которого спустились со временем ниже и основали сел. Мачада. На старом месте остался лишь склеп Хаджи Удурата, легендарного проповедника ислама в Гидатле. Не исключено, что это позднейшее объяснение особого почитания источника, расположенного высоко на перевале, господствующем над всем Гидатлем. Сюда приходили молиться преимущественно женщины (без духовного лица), приносили с собой поджаренную муку и другие кушанья и делили их между собой»* [5, с. 60].

Учитывая, что в гидатлинском диалекте аварского языка родник с бассейном, над которым построено помещение, называется *чал*, то уместно предположить, что название Чолода следует понимать «у родника с бассейном». В 1 км ниже Чолоды расположен такой домик с родником, известный как *ГлабдурахІманил чал* (авар. – «Абдурахмана бассейн»), а в 500 м к западу от Чолоды расположен такой же бассейн с домиком, известный как *Удуратил чал* (авар. – «Удурата бассейн»). В соседнем батлукском говоре *чал* означает именно «бассейн, водоем» [2, с. 370].

Таким образом, приведенные данные позволяют нам сделать вывод, что к середине XV в. на территории, принадлежащей ныне общине сел. Мачада, существовало два стационарных поселения. Это поселение Мачада и поселение Чолода. До появления последнего на этих землях, на правобережье р. Авар-ор (Аварское Койсу), имелось три поселения – *Нехъел’а*, *Соло* и *ЧІурда*.

Что касается поселения Чолода, если верить устной традиции, оно образовалось относительно недавно. Согласно сообщению Т. Магомедова (1927 г.р.), врагам удалось захватить и разрушить Соло путем обмана его жителей. Осаждавшие укрепленное поселение ночью сняли осаду и скрылись в неизвестном направлении. Однако оказалось, что они забили подковы лошадей задом

наперед (так называемый бродячий сюжетно-фабульный мотив) и скрылись в близлежащем лесу. После того, как жители Соло открыли утром обитые железом ворота своего укрепленного поселения, в него внезапно ворвались враги и сумели захватить село. Кабтар был убит, а жители Соло покинули его и скрылись в лесах и ущельях. Часть из них якобы навсегда ушла в Грузию. После ухода отряда завоевателей жители Соло уговорили своих соседей из *Чурда* и *Нехьел'а* создать объединенное поселение в надежном месте. Для этого по совету мудреца они ночью в ненастную погоду выпустили козла – вожака отары (*гванзаб дег'ен*), который, по преданию, выбирает для своего ночлега надежное место. Отправившись утром на его поиски, они нашли козла на скальной гряде, где впоследствии и было основано селение Чолода.

Исходя из преданий, а также факта принадлежности этих хуторов в начале XX в. определенным фамилиям, в этих поселениях проживали предки двух из четырех *тухумов* сел. Мачада. В Соло жил основной род *тлибила* (тухума) Кабтарилал, в Чурда – род Салихилал (они же Хочолал), входящий в *тлибил* Кабтарилал, а в Нехьел'а – предки рода Гампилал (входят в *тлибил* Хундериалал). Наиболее крупным и влиятельным считалось поселение Соло, расположенное на скальном отроге на правом берегу р. Авар-ор. Здесь, по преданию, на холме располагался замок (авар. – *гьен*) Кабтара, который чаще жил в башне (авар. *си*, гидатл. диал. *со*; возможно отсюда и название – Соло), построенной на холме в центре поселения.

Принимая во внимание расположение поселения Соло на границе с обществом Келеб, на традиционном пути из Грузии, и выполнение им роли северных «ворот» Гидатля (остальная его часть заслонена высокими скальными хребтами), не исключено, что имя его владельца (Кавтар, Кабтар) является, также как и имя Шамхал, сословным титулом. Понять его значение можно, если обратиться к аварской антропонимике, которая знает подобные имена личные: Кавулав (авар. – «охраняющий ворота»), Кавутар (авар. – «оставленный у ворот») и т.д. Таким образом, на наш взгляд, имя Кавтар следует этимологизировать как «владелец ворот», в переносном смысле – «глава пограничного пункта пропуска» в Гидатль. Интересно, что в Хунзахе существовало подобное сословие, обладавшее большим влиянием и считавшееся военной элитой данной общины. Назывались они *нажилал* (от авар. *паж* – «хижина», в данном случае пограничный или наблюдательный пункт), за свою службу имели в собственности лучшие пахотные земли и обладали влиянием в Хунзахе. Не исключено, что в Гидатле подобную роль выполняли *кавутары*.

В социальной и духовной истории Мачады значительную роль играл религиозный фактор. Но следует заметить, что за северным краем сел. Мачада расположена распаханная терраса – место бывшего христианского храма, по преданию, разобранного местными жителями после принятия ислама [3, с. 194]. Гидатль является одним из регионов, в котором христианство в свое время пустило глубокие корни. Здесь, практически в каждом селении (Урада, Тидиб, Мачада, Хотода) обнаружены остатки церквей, христианские могильники, изображения крестов на камнях и т.д. [3, с. 194].

В XV в., по местным преданиям, в Гидатле было сильно культурное влияние Грузии, с которой они обменивались заложниками для гарантии соблюдения обеими сторонами мирного соглашения. Одним из гидатлинских заложников, отправленных в Кахети или Картли, оказался молодой человек из сел. Чолода по имени Удурат. В Грузии Удурат проявил большой интерес к наукам и ему удалось в поисках новых знаний отправиться на Ближний Восток, где он ознакомился с исламом и стал его последователем. Через определенное время он вернулся на родину. Путь его пролегал через Карах (ныне Чародинский район); переправившись через перевал *Хиришхъ*, он спустился к Тидибу и оттуда поднялся в Чолода. Чуть выше современной границы сел. Мачада он остановился у родника и после омовения стал совершать молитву. Здесь его обнаружил сельский старшина Чолоды. В преданиях сохранилось мусульманское его имя – Абдурахман. Он стал первым гидатлинцем, который принял ислам под воздействием проповеди Удурата. Это место поныне почитается гидатлинцами, здесь построен каменный домик, известный как *Абдурахманил чал* (авар. – «родник Абдурахмана»; *чал* – аналог арабского *къулгIа*). Согласно преданию, Абдурахман, будучи сельским старшиной и главой влиятельного рода, поддерживал Удурата. Более того, благодаря его помощи, принятие ислама чолодинцами прошло довольно быстро и без особого сопротивления [4].

Стоит отметить и относительно позднее приобщение населения Гидатля к исламу (1475 г.) [4], что позволило дольше сохраниться христианству и, соответственно, письменной традиции на основе грузинского алфавита.

В то же время в сел. Мачада продолжал функционировать христианский храм, а его жители не желали принять религию соседнего селения. Но чолодинцам удалось убедить своих соседей принять ислам. На наш взгляд, вскоре сами чолодинцы переселились в Мачада, разобрали христианский храм и способствовали более глубокому проникновению ислама в жизнь мачадинцев. После переселения было заброшено старое, христианское кладбище в местности *ХIабза'а* (авар. – «на кладбище») за северной окраиной сел. Мачада. Видимо, произошло и небольшое смещение жилой части поселения, поскольку в 200 м от местности *Хабза'а* расположен новый квартал Мачады, носящий прозрачное название *Росохъ* (авар. – «у селения»). Новый центр Мачады стал располагаться в 300–400 метрах к югу старого места. Здесь была построена мечеть, а еще южнее, выше по склону, было положено начало новому, мусульманскому, кладбищу.

Таким образом, в XVII в. Мачада стала относительно крупной общиной Гидатля, состоящей из 4 *тлибилов*:

1. *Кабтарилал*. Включает роды: *ЦIихIул-ХIусенилал*, *ГIисал-ХIасанилал*, *ХIанатиял*, *СалихIулал* (*Хочолал*).
2. *Хундериалал*. Включает роды: *ГIандиялал* (считаются потомками Удурата; название происходит от *ГIандри*); *ХIурайилал*, *Гампилал* (первые три рода – коренные), *ГIарабиял* (выходцы из Караха), *ХIадулал* (выходцы из Караха; их представитель *алим* Багужалав умер в 1770 г.), *Танкалал*

(из Караха), *Кюмпюлал* (переселились из Хунзаха в XVI в.; по преданиям здесь поселилась родня отца *шайха* Мухаммада ал-Мачади, умершего в 1637 г.).

3. *Гтемерилал*. Включает роды: *Гирайлал*, *Нагизал*, *Клубелал* (*Хласанилал*), *Мурадилал*, *Гонжолал*, *Хласайилал* (выходцы из сел. Годобери; из этого рода происходит известный *алим* Хадис, умерший в 1770 г.), *Дарбишал* (из сел. Мазада, расположенного в ущелье Ташал, ныне Тляратинского района), *Тикилал* (из Гоора?), *Ахайилал*.
4. *Чаткинал*. Включает роды: *Мирзалал* (владельцы знаменитого дома Якуповых – памятника архитектуры XVI в.), *Херал*, *Буравал*, *Гантулал*, *Малачилал*, *Инквачал*, *Къабучлалал*.

Учитывая квартальное деление и устную традицию, мы склонны считать, что в Мачаде изначально жили предки *тлибила* Чаткинал (авар. *чаткин* – вид местной сосны, который отличается более темным цветом коры и извилистой кроной большей толщины), которых за их приверженность христианству называли также *Гергилал* (авар. – «Георгиевы», опосредованно – «грузины»). Вместе с тем, Чаткинал были в Мачаде влиятельным тухумом, им принадлежали обширные земельные участки.

При анализе локализации тухумных пашен и хуторов, выясняется, что в начале XX в. они располагались там же, где были расположены их тухумные поселения. К примеру, *тлибил* Хундерилал владел хуторами *Нехьел'а* и *Хазари'а*; Кабтарилал – *Соло*, *Чурда*, *Нихида* и *Ралъада'а* (авар. – «над морем»²). Таким образом, коренные фамилии этих двух *тлибилов* Мачады традиционно владели землями к западу от Мачады, начиная от Чолоды и кончая рекой Авар-ор (Аварское Койсу) и на юге – вплоть до Келеба. Этот земельный массив не находится, собственно, в Гидатлинской долине, это правобережье р. Авар-ор, он разделен несколькими речушками на небольшие боковые хребты, покрытые в основном лесами и альпийскими лугами с отдельными скальными выходами.

Третий *тлибил* – *Чаткинал* – традиционно проживал в сел. Мачада (на его окраине *Росохъ*), здесь же, в его окрестностях, к северу и югу от села, располагались их пашни и хутора.

Четвертый *тлибил* – *Гтемерилал* – имел пашни и хутора также близ сел. Мачада и к востоку от него, на границе с сел. Гента. Необходимо отметить, что они имеют родственные отношения с тухумом Нахатилал в гидатлинском селении Гента. Там они считаются коренным населением, впоследствии, в ходе исламизации, заметно уменьшившимся в численности и утратившим былое влияние в своих общинах. Раньше, в обоих селениях, они именовались *Гтемерилал*, но в Генте получили впоследствии название *Нахатилал*.

Произошло это, судя по преданиям, из-за их несогласия принять ислам. В Мачаде распространено мнение о том, что жена Удурата была из рода *Гтемерилал*, который проживал в сел. Гента. Ее братья, желая противодействовать

2 Т.е. над крупной рекой Авар-ор, которую видимо в древности местные жители называли «морем», также как закатальские аварцы даже сейчас реку Алазани называют также морем («ралъад»).

распространению ислама, убили из засады Удурата в местности, получившей позднее название *Удуратил чал* («родник Удурата», здесь построен домик – *кьулгIа*) и расположенной в 500 м к западу от сел. Чолода. Якобы после этого случая, последователи ислама из числа других тухумов решили отомстить *тлибилу ГЕмерилал* и, сообщив, что они идут на сельхозработы в местность *ХIарада*, захватили с собой оружие и скрытно устроили нападение. В результате бойни в живых осталось лишь несколько человек, после чего старейшины приказали: «*Наха те гьел*» («Оставьте их»). После этого представители *тлибила ГЕмерилал* в селениях Гента и Тидиб получил название *Нахателал*, т.е. «оставленные» в живых. В сел. Мачада этот *тлибил* сохранил свое исконное название (*ГЕмерилал*, т.е. «многочисленные»; вариант: «составляющие большинство») и свой статус, а в Гента и Тидиб, на оставшихся в живых представителей *тлибила*, как на немусульман, наложили джизью. Организаторы истребления *тлибила* Нахателал в Тидиб и Генте – представители тухума *Чухби* («старшины») – сохранили под различными предлогами за собой в дальнейшем право получения налогов с этого *тлибила*. Чухби – представители влиятельного тухума, первоначально жившего в сел. Цинаб, ныне ставшем частью сел. Урада.

Представителям рода Чухби, удачно присоединившимся к процессу исламизации, мирно начатому проповедями Удурата, но после его убийства приобретшему насильственную форму, удалось на этой волне занять привилегированное положение и завладеть землями целого ряда общин – Урада, Тидиб, Хотода, Гента, Кахиб и Гоор. Во все эти селения из Цинаба переселилась часть представителей тухума Чухби и заняла лучшие земли. Впоследствии экспансия рода Чухби затронула селения Хучада и Ратлуб. Кроме них в Гидатлинской долине еще один *тлибил* смог в ходе исламизации занять привилегированное положение и на правах распространителей ислама завладеть землями сел. Мачада, Тлях, Чолода и т.д. Таким образом, два влиятельных клана, взяв на себя роль региональных исламских газиев, поделили территорию Гидатля на две зоны влияния. В дальнейшем Чухби удалось потеснить *тлибил* Кабтарилал, путем дарения земель сумев заполучить контроль над сел. Тлях и расширить свои владения в долине р. Авар-ор.

Заметим, что применительно к сел. Ругуджа Г.Я. Мовчан привел сведения, зафиксированные в устной традиции, согласно которой каждый крупный тухум в этом поселении имел свою башню. Были и малые тухумы, которые уже строили башню сообща, одну на несколько тухумов [6, с. 222]. Здесь мы должны отметить, что наличие собственной башни являлось привилегией лишь богатых и влиятельных тухумов. Во-первых, поскольку ее строительство являлось дорогостоящим проектом, а во-вторых, башни были построены несколько веков назад коренными для Ругуджи тухумами в укрепленной центральной части поселения, тогда как переселившиеся позднее тухумы оседали в основном на окраинах, да и не имели, особенно на первых порах, материальных средств для строительства башен.

Применительно к Мачаде нами также зафиксировано наличие у каждого тухума своего укрепленного комплекса (*гьен*) – локального варианта кавказского замка, характерного для зоны, примыкающей к Главному Кавказскому хребту. Здесь он состоял из башни и пристроенного к ней укрепленного жилища. Перечислим их:

1. *Гонжоллазул си* («башня Онжоловых»). Располагался в квартале *ЦПалах*, принадлежал тлибилу Гемерилал (род Тикилал).
2. *Кюмполазул си* («башня Комполовых»). Располагался в квартале *Гьогьоа* (авар. – «на гальке») и принадлежал тлибилу Хундерилал. В стену башни вложен камень с арабоязычной надписью, палеографически датируемой XVI в. Ее перевод гласит: «Построил («сделал») это здание Ахмад сын Хазами». Мужское имя Хазами характерно для хунзахцев и не встречается среди гидатлинцев, что может быть дополнительным аргументом в пользу версии о происхождении данного тухума из Хунзаха. В рукописной коллекции алима Хадиса из Мачады (ум. 1770) нами была выявлена краткая история шайха Халватийского тариката Мухаммада ал-Мачади (ум. 1637), написанная в первой половине XX в. на аварском языке при помощи аджама. В ней приводится информация о том, что несколько семей – основателей тухума *Кюмполал* – переселились из Хунзаха по причине кровной мести и являлись представителями тухума *Гурбалал*. Данная патронимия в Хунзахе нами зафиксирована в качестве небольшой родственной группы, расселенной исторически в квартале Самилах. В названной рукописи указывается также, что шайх Мухаммад родился в одной из семей тухума *Кюмполал* уже в самой Мачаде. Таким образом, палеографические особенности надписи и биографические данные шайха свидетельствуют, что переселение Комполал из Хунзаха состоялось в первой половине XVI в.
3. *Агилазул си* («башня Агиловых»; *Агилал* < *Абгилал* – «ячменные»). Располагался в квартале *Хирухъ* (авар. – «у озера») и принадлежал тлибилу Кабтарилал.
4. *Мирзалазул си* («башня Мирзаловых»). Располагался в квартале *Рагъа'а* (авар. – «у входа [в селение]») и принадлежал тлибилу Чаткинал. Это укрепленный жилой комплекс известен как дом Якуповых.

Процесс вхождения родственных групп, образованных переселенцами, в состав одного из четырех тухумов Мачады, приведен в документе от 1764/65 г. Согласно этому арабоязычному документу, мачадинцы согласились включить тухум *Дарчулал* в состав тухума *Хундерилал* и *Багъучалал* – в состав *Гемерилал*. При этом оговаривается, что вновь включенные родственные группы будут разделять с принимающими их тухумами все «обещания и угрозы, исходящие» от них, а также «ощущать все, что затрагивает, хотя бы с края членов названного рода» [7, с. 73].

Нам удалось показать, что мачадинская община сформировалась в начале XVI в. в результате объединения тухумных поселений, располагавшихся на

данной территории, а также переселений из Хунзаха, Караха, Годобери, Мачады, Кахиба и других аварских селений и микрорегионов. При этом тухумы Мачады изначально не являлись кровнородственными группами, а сформировались как искусственные объединения различных по происхождению патронимий. При этом поздние переселенцы не формировали собственного тухума, а включались в один из существующих, что видно из вышеприведенного документа 1764/65 г. На данном примере мы видим, что ретроспективное исследование, основанное на интерпретации этнографических реалий с использованием информации письменных источников и устной традиции, позволяет реконструировать основные контуры формирования сельской общины Нагорного Дагестана в средневековый период. Такой комплексный подход дал возможность авторам датировать формирование указанной сельской общины, а также проследить географию сопровождавших это явление миграционных процессов. Как нам кажется, на данном примере нам удалось показать эффективность комплексного подхода в историко-этнографических исследованиях.

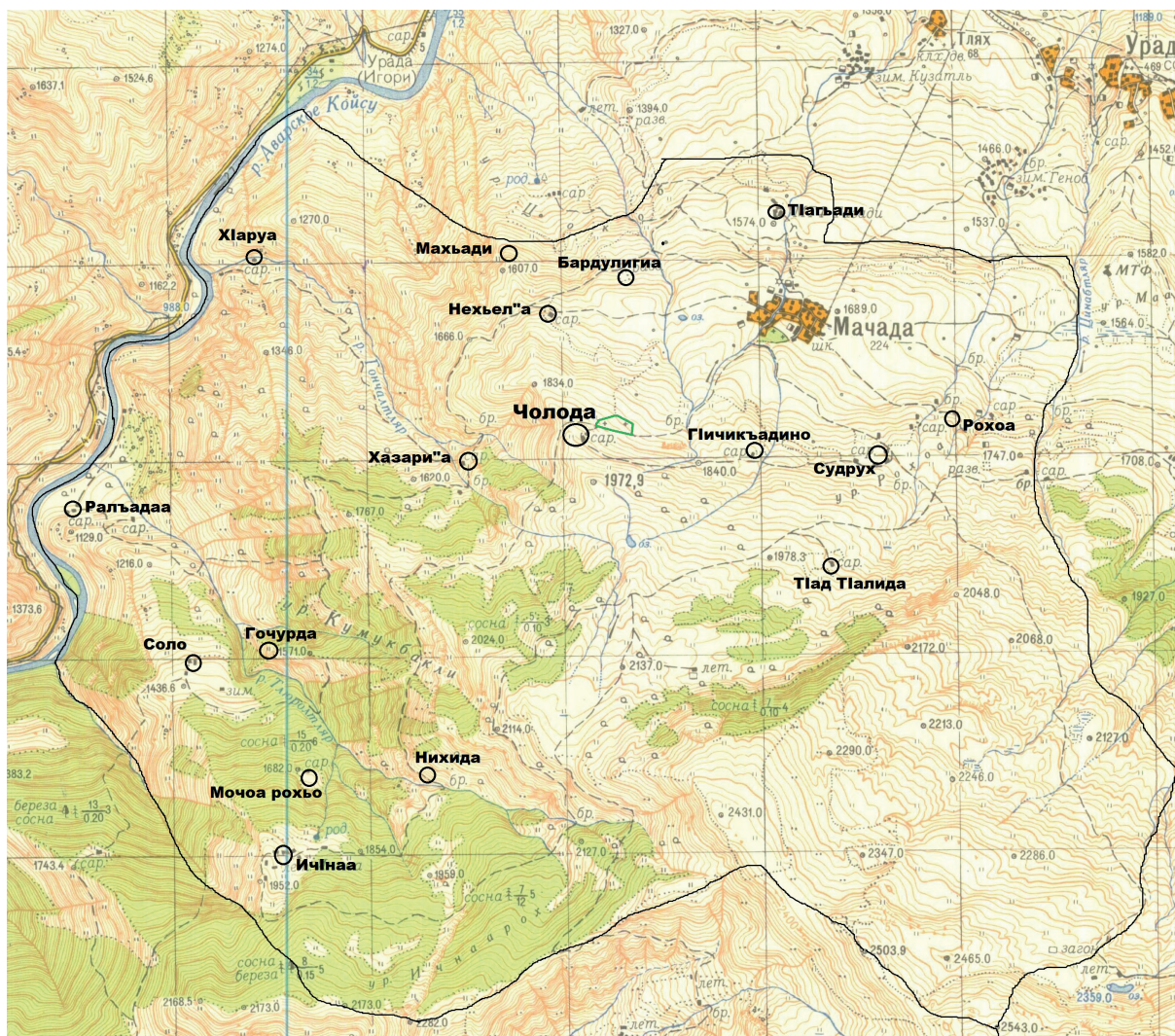

Рис. 1. Карта хуторов и поселений на землях мачадинской общины

Fig. 1. Map of farms and settlements on the lands of Machada community

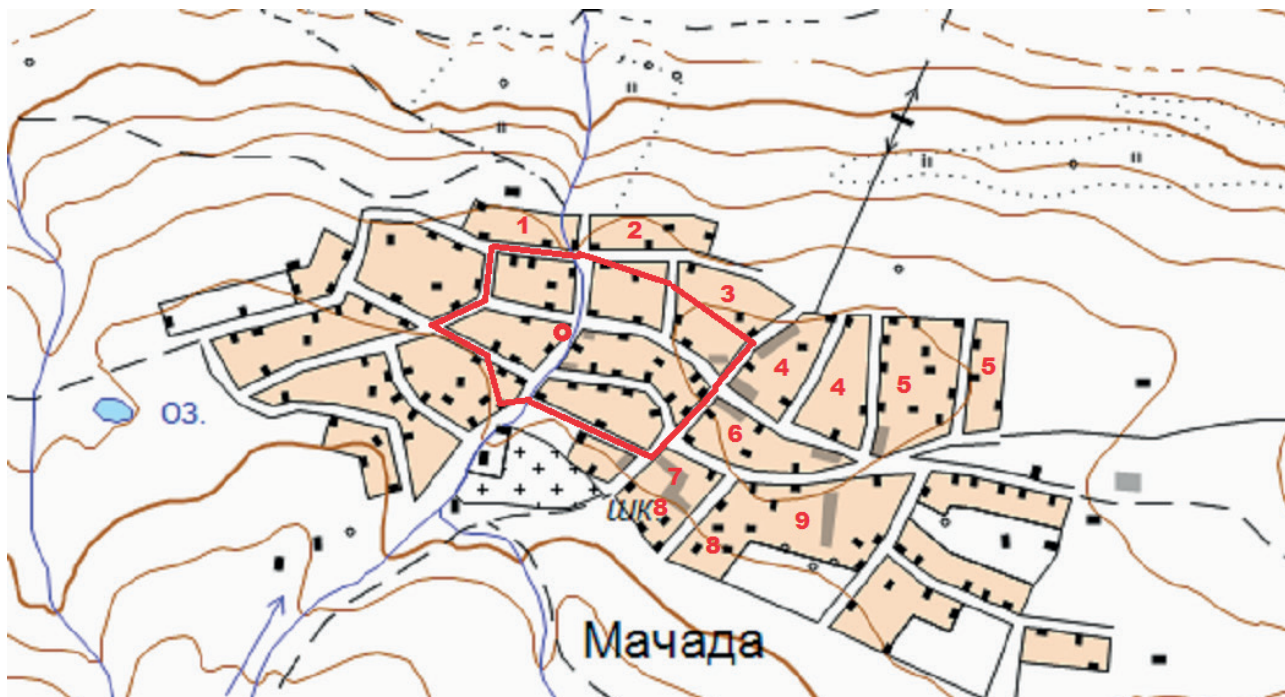

Рис. 2. Карта селения Мачада

Fig. 2. Map of the village of Machada

Рис. 3. Надпись на камне в стене башни Комполал

Fig. 3. Inscription on the wall stone of the Compolal Tower

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гидатлинские адаты / подгот. Х.М. Хашаев и М.С. Саидов. Махачкала: Типография Даг. филиала АН СССР, 1957. – 42 с.
2. Саидова П.А. Диалектологический словарь аварского языка. М.: Наука, 2008. – 484 с.
3. Абакаров А.И., Давудов О.М. Археологическая карта Дагестана. М.: Наука, 1993. – 325 с.
4. Хапизов Ш.М., Шехмагомедов М.Г. К вопросу об исламизации центра горной Аварии в XV в., на примере биографии хаджи Удурата из Гидатля // Кавказоведческие разыскания. 2016. № 7. С. 266–270.
5. Иванова Ю.В. Земледельческие культы народов Центрального и Западного Дагестана и их обрядовые практики (середина XX века) // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы. М., 2006. Вып. 31. С. 41–67.
6. Мовчан Г.Я. Старый аварский дом в горах Дагестана и его судьба. М.: ДМК Пресс, 2001. – 520 с.
7. Айтберов Т.М. Хрестоматия по истории права и государства Дагестан в XVIII – XIX вв. Махачкала: ДГУ, 1999. Ч. I. – 122 с.

REFERENCES

1. *Gidatl book of Adats [Gidatlinskie adaty]*/ ed. by HM. Hashaev and MS. Saidov. Makhachkala: Dag. branch of the USSR Academy of Sciences, 1957:42.
2. Saidova PA. *Dialectological Dictionary of Avar Language [Dialektologicheskij slovar' avarskogo yazyka]*. Moscow: 2008:484. (In Russ).
3. Abakarov AI., Davudov OM. *Archaeological Map of Dagestan [Arheologicheskaya karta Dagestana]*. Moscow: Nauka, 1993:325. (In Russ).
4. Khapizov ShM., Shehmagomedov MG. On the question of Islamization of the center of mountain Avaria in the 15th century, on the example of biography of Hajji Udurat from Gidatl [K voprosu ob islamizacii centra gornoj Avarii v XV v., na primere biografii hadzhi Udurata iz Gidatlya]. *Caucasian Studies*. 2016;(7):266-270.
5. Ivanova YV. Agricultural cults of the peoples of Central and Western Dagestan and their ritual practices (mid-20th century) [Zemledel'cheskie kul'ty narodov Central'nogo i Zapadnogo Dagestana i ih obryadovye praktiki (seredina XX veka)]. *Race and people: modern ethnic and racial problems*. Moscow, 2006;(31):41-67.
6. Movchan GY. *An old Avar house in the mountains of Dagestan and its fate [Staryj avarskij dom v gorah Dagestana i ego sud'ba]*. Moscow: DMK Press, 2001:520.
7. Aitberov T.M. *Chrestomathy on the history of law and state of Dagestan in the 18th – 19th centuries [Hrestomatiya po istorii prava i gosudarstva Dagestan v XVIII – XIX vv.]*. Vol. I. Makhachkala: DGU, 1999;(1):122.

Статья поступила в редакцию 06.10.2020 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH1641061-1082>

Maisarat K. Musaeva,
PhD (History), Leading Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
majsarat@yandex.ru

Lyubov T. Solovyova,
PhD (History), Senior Researcher
Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of RAS, Moscow, Russia
lubsolov@gmail.com

THE WEDDING NIGHT IN THE WEDDING RITUALS AMONG THE PEOPLES OF DAGESTAN (19th – EARLY 20th CENTURIES)

Abstract. Based on the methodology of ethnological research – processing of field ethnographic material, archival material, scientific works of individual authors on family, marriage and family rites – the paper describes and analyzes a quite sensitive and controversial topic in the traditions of the peoples of Dagestan related to the preservation of female virginity before marriage. The concept of interpreting the values of chastity is considered in the complex of rituals, ideas and beliefs among the Dagestani peoples not only through the prism of such an important family and social event as wedding, but also as an independent object, although closely related to it.

Chastity, or the virginity of a girl before marriage is a subject of heated debate in society, since the attitude to it has been transforming from epoch to epoch, from nation to nation. Nonetheless, there is no special study in Dagestan devoted specifically to the rituals associated with the wedding night – the transition of a girl to the status of a woman. The challenge before us is to fill this gap.

The first wedding night of the peoples of Dagestan is associated with an extensive set of rituals, which comprises both ancient and folk beliefs about healthy offspring. The successful conclusion of one of the most important milestones of the human life cycle is starting a family. The happiness of women and their status in society depend on the outcome of this night in Dagestan realities not only of the time under study, but also of today.

The fact of chastity, proved on the wedding night, is still relevant among the vast majority of the peoples of Dagestan at the present time. Accordingly, some traditional ethnographic ritual nuances will undoubtedly be of interest to the general public.

Keywords: Dagestan; ritual; wedding; female chastity; wedding night; preventive measures.

© M.K. Musaeva, L.T. Solovyova, 2020

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2020

 Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH1641061-1082>

Мусаева Майсарат Камиловна

к.и.н., ведущий научный сотрудник

Институт истории, археологии и этнографии

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия

majsarat@yandex.ru

Соловьева Любовь Тимофеевна

к.и.н., старший научный сотрудник

Институт этнологии и антропологии

им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия

lubsolov@gmail.com

ПЕРВАЯ БРАЧНАЯ НОЧЬ В РИТУАЛАХ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА (XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

Аннотация. В статье на основе методологии этнологических исследований – обработки полевого этнографического материала, архивного наследия, научных работ отдельных авторов по семье, браку и семейной обрядности – описывается и анализируется щепетильная и неоднозначная тема в традициях народов Дагестана, связанная с сохранением непорочности девушки до брака. Концепция интерпретации ценностей целомудрия рассматривается в комплексе ритуалов, представлений и верований дагестанских народов, не только через призму такого важного семейно-общественного мероприятия, как свадьба, но и как самостоятельного объекта, хотя и тесно с ней связанного.

Целомудрие, девственность девушки до замужества – объект горячих споров в обществе, поскольку отношение к нему трансформируется от эпохи к эпохе, от народа к народу. Несмотря на это, в Дагестане нет специального исследования, посвященного именно ритуалам, связанным с первой брачной ночью – переходом девушки в статус женщины. Перед этнографами стоит задача восполнить этот пробел.

С первой брачной ночью у народов Дагестана связан обширный комплекс ритуалов, в котором переплетаются как древнейшие верования, так и народные представления о здоровом потомстве. Благополучное завершение одного из эпохальных событий жизненного цикла человека – создания семьи, а также счастье женщины и ее статус в обществе зависят в дагестанских реалиях, не только исследуемого времени, но и сегодняшнего дня, от исхода этой «ночи».

Факт целомудрия, доказанный в «первую брачную ночь», не потерял актуальности у подавляющего большинства народов Дагестана и в настоящее время. Соответственно, некоторые традиционные этнографические ритуальные нюансы, несомненно, будут интересны не только специалистам.

Ключевые слова: Дагестан; ритуал; свадьба; целомудрие девушки; первая брачная ночь; превентивные меры.

© Мусаева М.К., Соловьева Л.Т., 2020

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2020

 Creative Commons Attribution 4.0 International License

Founding a strong, stable family is the key to the formation of another unit of society, a link that contributes to its development. In this regard, one of the tasks of the Dagestan peoples is to preserve the traditions, customs, rituals associated with starting a family: matchmaking, wedding, first night, preservation and restoration of the cult of virginity. Modern experience shows that conventionality helps to strengthen the family institution, which currently raises certain concerns.

The following Dagestani proverb is associated with the birth of a daughter in the family: “a stone was born for someone else’s wall”. Families in which girls were brought up understood that it was necessary to make enough efforts to shape this “stone” so that it could “fit” into any wall and not look alien in the husband’s family, where the girl went to live after marriage. The first condition for living in her husband’s house was that she had to remain innocent until marriage; and this circumstance still holds its relevance at the present time.

Researchers who have followed in retrospect the significance of virginity in various world cultures, note that it – as a strong confirmation of “not belonging to someone else” – was considered a valuable gift only with the regulation of social relations, when it became important for family men to know whom the child belonged to, so that the right of inheritance was clear. According to researchers, the fashion for “purity” in marriage came to Europe only in the 19th century¹.

The peoples of Dagestan believe that female chastity have two major functions: serving as a pillar of the family foundation, and the genetic transmission of the health and well-being of the family, the people and society as a whole. Perhaps for this reason all the leading religions of the world insist on protecting girls’ purity.

Even in pre-Christian Russia, according to written sources, the first “anti-debauchery” penalty was introduced by Princess Olga in 953 in the form of a “tax” (monetary or material compensation) on girls who married impure. Formerly, the loss of innocence before marriage had not been censured².

The chastity of a girl, proven on the marriage bed, was considered a consequence of proper upbringing. Such a mandatory requirement for the pre-marital innocence of girls was not a local phenomenon, inherent only in the peoples of Dagestan. This fact, with some remarks regarding the more ancient concepts, was also pointed out by a prominent caucasiologist Y.Y. Karpov, who studied the role of the female space across the whole Caucasus [1, p. 138–155]. At the period under study, it was common for the most peoples beyond the regions of the Caucasus to demand a girl to be pure before marriage.

A girl who failed to keep her virginity was considered lecherous, which would only worsen her status in the society and could even be a threat to her personal safety: in some Arab countries, women still face death for an extramarital loss of innocence [2; 3]. A fallen girl became a target for mockery and humiliation. This was expressed differently among different nations and peoples [4, p. 259]. Furthermore, the disgrace

1 What was considered fornication in Russia // <https://suharewa.ru/chto-schitali-bludom-na-rusi/>

2 Silvester. The book of Domostroy. Chapter 21. How to educate children and save them by fear // <https://xn--d1akihbanhj.xn--p1ai/>

was placed not only on her, but on her parents as well, as they were considered guilty of her “sin” and of the gap in her upbringing. This is noted by a number of researchers [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13].

Domostroy³ – the written monument of the Russian literature – emphasizes the upbringing of a girl before marriage.

In pre-revolutionary Russia “protection of chastity” was even a matter of state concern [14, p. 271]. In Dagestan, as well as in many other regions of the Caucasus, it is still quite a relevant requirement for a girl to be innocent before marriage. All studies on Dagestan regarding the issues of family and marriage, upon analyzing wedding rituals highlight the aforementioned fact [15, p. 251–254; 16, p. 167–171; 17, p. 171; 18, p. 150–153; 19, 219–221; 20, p. 36–37; 21, p. 120–146; 22, p. 134–135; 23, p. 59–64].

This anatomical feature of the women’s body, which absolutely does not affect their physical appearance, and, moreover, is deeply hidden from the people’s eyes, arouses curiosity and is surrounded by many ideas, myths and a whole set of rites and rituals. It was most likely created by humans to consolidate the transition from group marriage, to eliminate promiscuous sexual relations that existed at the dawn of humanity. It is hard to find any other explanation on the attitude of most peoples around the globe to women’s virginity.

A girl who lost her innocence before marriage was condemned by society and became the target of gossips: some pitied her, some wondered who was responsible for her disgrace, others had their doubts. However, the girl could definitely forget about a successful marriage in her future. In addition, “scary tales” were spread among women, mainly among teenage girls, regarding the failure of remaining virgin before marriage. Such fear-mongering stories could be seen as preventive measures against possible deviant behavior.

Among some Dagestan peoples there are certain beliefs about the loss of virginity and its harmful effects on future children. In particular, they believe that the first child, regardless of who the girl later married, will resemble the one who dishonored her. If a girl had a “bad name”, she was usually married off to a close relative or a widower to cover up the “shame” that could pass from generation to generation on the female line in the form of rebukes. Those around, due to existing at that time beliefs, would then try to figure out by the appearance of the first child of the fallen woman the one “who was her first lover”. One can assume that this was based on ancient beliefs that not only the birth of children, but also the fertility of livestock to some extent was associated with the “socially acceptable” behavior of women. It is worth noting that in some groups of Terek Cossacks, the young couple had to inform the groom’s parents about the loss of girl’s virginity, even if it was the bridegroom’s fault, as it was believed, otherwise “the cattle on the farm will be lacking.”

In this regard, it is appropriate to mention a well-known proverb: “Watch over your clothes while they are new, and over your honor while you are young.” Moreover,

3 Silvester. The book of Domostroy. Chapter 21. How to educate children and save them by fear // <https://xn--d1akihbanhj.xn--p1ai/>

it is known that innocence and chastity do not harm women's health and, according to popular beliefs, are the "keys" to serene family life.

Before the wedding night

A detailed sign-symbolic system was characteristic for many stages of the Dagestani wedding. It was a complex set of elements that were very diverse in their origin, character, and functions, which made it possible to transmit the uniqueness of ethnic culture precisely through the ritual sphere. First of all, the customs and rituals of the family and life circle. Characterized by conservatism, due to the intimacy of the family and ritual sphere, they are traditionally preserved here, although in a reduced form, longer than in other areas of the social sphere. A significant place in the system of family rites of individual peoples was occupied by customs and rituals of fertility, some of which still exist today.

The first wedding night was no exception. This ritual was the final and most important part of the wedding ceremony. It served as the boundary after which a girl became a woman, and a young man – a real man. In order for this "ritual of transformation" to happen without much agitation and nervousness – the time, when it was believed the newlyweds were particularly susceptible to the influence of evil forces – it was first necessary to conduct a series of protective rituals that had specific instructions and prohibitions. Each ethnic group, of which there are more than forty in Dagestan, had its own perception of the wedding night, with nuances that are characteristic only for this particular group, community, or even a village.

The first wedding night was preceded by the girl's farewell to her family and her departure to the groom's house among some peoples of Dagestan, or to a special place – "other house", where the ceremony was to take place for others. In both cases, the girl left the home with an escort.

A major role in the bride's escort belonged to the woman who accompanied the bride to the groom's house. She was known under different names: *gʷdul*, *kludiyai gʷdul*, *tsadahʷ yatchIarayi* ("the girl friend", "the elder female friend", "the one that came along" – among the Avars); *tsIikIula aba* ("the mother of brides" – among the Dargins); *abayi kʷatyn* ("the Granny" – among the Kumyks); *yenge* (among the Derbent Azerbaijanis, the Nogais); *naibi*, *yangi* (among the Lezgins, Tsakhurs, Rutuls, Aghuls); *tchIarav shar* ("the close woman" – among the Laks); *shvushvan bab* (among the Tabasarans), etc. Almost everywhere, these main representatives of the bride's family at the wedding had assistants in the house. In some ethnic groups, the bride's escort included two of her aunts, on the father and mother's sides. Thus, the Lezgins of the village Akhty had two yangi – "the left one" and "the right one"; In Ashaga-Zakhit village – the elder and younger ones. In most cases the bride was accompanied to the groom's house by the wife of her maternal uncle or the wife of her older brother. Researchers consider the escort that accompanied the young couple as "one of the forms of protection against the evil forces" in terms of functionality [24, p. 165].

The woman who accompanied the bride was fully responsible for her and was the

only one of the bride's relatives present at the groom's house during the wedding. She would stand beside her, had to protect and take care of the bride and be responsible before her family for observing all the customs that took place in the groom's house concerning the girl – both on her side and the side of the groom. The prominent caucasiologist G.F. Chursin writes about the groomsmen the following: "In most cases, they relentlessly follow the groom and the bride and conduct certain rituals, which have magical power to dispel evil spirits and protect from evil-wishing" [25, p. 124].

Departure of the bride to the groom's house

The bride was escorted (or transported) to the groom's house in different peoples in different time: during the day, in the evening, at night, sometimes at midnight. Secretly in some and, on the contrary, loudly with music, accompanied by numerous groomsmen and shooting – in others. Among the Andi people, the bride would be led to the groom's house late at night in the company of two or three women and her mentor.

She concealed the bride with the skirts of her fur coat to hide her presence among the women. Among the Gergebil Avars, the bride was escorted in the daylight. She would purposely walk slowly, as if she forced herself to make step after step. Even today, the Avars say to a slow person: "He is like a Gergebil bride – not in a hurry." The Khvarshins led the bride to the groom's house in the daylight as well; on their way, people would throw eggs at her, sprinkle with ash, pour water, and for these reasons she would be covered with a large mattress carried over her. Since they were afraid of ill-wishers during the moving of the bride to the groom's house, they took various precautions to deceive them. Thus, the Laks had a fake bride in their wedding procession, while the real one, accompanied by one or two friends, took a detour. Sometimes the bride was moved from her father's house by agreement to another house: to the neighbors or relatives, from where she was later picked up by the groom's messengers. To find and pick up the Bezhta bride, the groom's messengers needed to put a lot of effort, since she changed her location several times [17, p. 157]. Others resorted to different tricks, for example, the Lezgins, due to the belief that if you go back by the same route you went for the bride, evil spirits may be waiting for them there to harm the bride, the wedding procession took a different path while returning to the groom's house.

The welcoming of the bride at the groom's house

The bride was to be met by her mother-in-law at the entrance to the groom's house; if she was absent, then the groom's aunt on the father's side or one of his older relatives, who had a successful life were assigned for that. She was met with a spoonful of honey, which she had to taste upon entering the house. Some peoples of Dagestan provided for additional actions and rituals when meeting the bride. In certain groups of Avars, Dargins, Laks, and Tabasarans, a cup of butter and a bowl of flour were brought to the girl at the entrance. She had to dip her right hand first in oil, then in flour and leave her imprint on the door lintel. Among the Khvarshins,

a sheepskin blanket with a nap – *tsakhzhza alla* – was placed under the bride's feet; the bride of the Avar village Rugudzha had to step over an upturned fireplace triangle *uhhi*; often at the entrance to the house, small silver coins were thrown at the bride's feet. The showering of the bride at the entrance to the house with flour, rice, raisins, nuts and other well-known symbols of fertility played a major role, since this property was supposed to strengthen, and, at the birth of sons, increase her status in the husband's family. Among the Nogais and the northern Kumyks, along with the showering, a sheepskin was placed under the bride's feet. Walking on sheep's skin "was regarded as flaunting the girl's fertile qualities..." [1, p. 101]. As the result of close ethno-cultural interactions, such a ritual of the bride's entering the house over the sheepskin became popular among the Adygs [26, p. 127], Kabardins [27, p. 179], and the Russian population of the North Caucasus [25, p. 131]. Among the Akhvaks, the bride, after entering the groom's house, was supposed to sit under the veil of ship wool, in a separate room or enclosed corner of the room, in a company of her girl friends or an attendant woman.

Of great importance was the protection of the bride against the harmful influence of evil spirits and all sorts of supernatural forces, as well as against people who had a reputation for "evil-wishing". According to popular beliefs, otherwise she could get sick or become infertile. Perhaps for this reason the room, dedicated for the bride, was prepared beforehand with the use of "protective" measures: in a vessel with water three raw eggs were put (apparently, it symbolized the bride, the groom and their future child); on a windowsill, a large stone was placed (the symbol of masculinity and fertility). After entering the room, the bride herself was often put in a corner (sometimes curtained) on a large pillow. Traditionally, the side (the bride or the groom's one) which first put the pillow determined who would be the leader in the family [17, p. 168]. In the Lezgin village of Maza, the bride, upon entering the room assigned to her, had to stand in the corner until her mother-in-law or an elder woman allowed her to sit. She would then make her sit down on a chair or a chest, saying: "Sit down, my dear! This house is yours, the boy is also yours, we have one cow and she is yours." And every time someone entered, the bride had to get up. The Kurin Lezgins, before allowing the bride to sit down, put her on an upturned kneading tub (*chanah*), having placed seven iron hooks beforehand (according to their beliefs, they symbolized seven sons), which were used for fastening ropes when transporting hay on a cart. It is an obvious use of the symbolism of fertility through objects that could simultaneously perform the apotropaic role.

Prior to the wedding night

The meeting of the bride and groom before the event, which was supposed to be the major part of creating a family, took place in its own way in each of the peoples of Dagestan, with numerous nuances (playful, romantic, shocking, in the modern view). The Dargins, Laks, Lezgins and peoples of the Lezgin ethnic group, as well as part of the Avars, had their wedding night in the groom's parents' house. Among the

Turkic-speaking peoples of Dagestan, the groom, along with his close friends, stayed until the meeting in the “other house” (by agreement – with neighbors, relatives), from where he was usually secretly brought to the bride in his house. Most Avars and certain other peoples of the Ando-Didoi ethnic group who had their groom in the “other house”, also had their first or even several wedding nights there.

Among the Andi people, in particular, the groom was secretly led from the “other house” to the bride who was in his house. The bridesmen stayed vigilant to make sure the bride would not be poured with water, and that rags would not be tied to his clothes, which could be done by the women-eyewitnesses of this process. The pouring of the bride with water was likely to originally symbolize the wishing for fertility, since water was seen as life. However, later there was a semantic shift of this rite and such actions in general turned into an element of fun and entertainment for young people.

In case the wedding night was to take place in the “other house”, the bride, sometimes even disguised as a man, or through a window, was secretly escorted to the groom. The first three nights the bride and groom spent in this “other house”, returning early in the morning to the parents’ house of the newlywed man. It was believed that spending the wedding night secretly in the “other house” originated in the ancient times in response to the mischiefs of single young men, who would disturb the newlywed, peeking through windows and funnels, as well as eavesdropping. Such actions, known as “wedding obstruction”, are characteristic of many peoples of the Caucasus and neighbouring regions. It is believed that their main function was to scare off the hostile “evil forces” from the young couple [28, p. 62]. It should be noted that among almost all the peoples of Dagestan, the groom also had a married man appointed by relatives, who was supposed to accompany him everywhere, take care of him, give instructions, but not interfere with bachelor entertainment.

Among the Dargins of the Syurgin district (Urari village) after welcoming the bride in the groom’s house, his single friends brought him to this room and pushed him to the bride; the rite was called “meeting the bride” [17, p. 169]. After that, the groom immediately left, and the female and male youth, which stayed with the bride, performed the rite of sharing a large cheese pie, which had been prepared specifically for this moment in the groom’s house. It was prohibited for the married men to participate in this ritual.

The meeting of the bride and groom was the most important moment. The wedding night was preceded by preparation, which was carried out by a specially assigned woman who accompanied the bride from the parental home mentioned above. It was she who was usually supposed to make the bed for the newlyweds. The wedding bed was made with bed-linen brought by the bride as a dowry. The process was accompanied by certain symbolic actions: starting to make the bed, she would “tie Shaitan” by uttering a special phrase and reciting the *Dua* prayer three times; almost all the peoples of Dagestan used to put a sheathed dagger under the mattress (as a symbol of male dignity). Some peoples (Rutuls, Laks, parts of Avars), while making the wedding bed, would let a boy of 5-6 years enter the room and roll him on the bed.

When preparing the bed for the young couple, the close relatives of the groom

could be present. Among the Chamalal of Gigatli village, any of the men in the room had the right to throw their papakha on the bed, but for this action they had to pay a monetary fine. Papakha often appeared in the marriage rituals. Among the Godoberins, for instance, the bridesmaid threw the man's hat on the wedding bed before letting the groom in.

In some Dargin communities, it was customary to trample the newlyweds' bed: the groomsmen waited for the moment when it was ready, and, ahead of each other, threw themselves on the bed to make a mess until sweets and pies were given to them as a fee from the woman who made the bed.

In the Avar village of Tukita one of the men would lie on the bride's bed, cover himself with a blanket, and put out two dancing puppets in men's and women's clothing. The puppets would then be taken by the woman, who made the bed, and hanged on a nail in the young couple's room. These puppets had to be kept until their son's wedding. Some of the puppets were passed down from generation to generation.

In Avars of Rugudzha village, the bed was made by the mother-in-law. Every woman who had sons, for each of them in advance ordered a white felt "sheet" (*burtina*) the size of a mattress, which she carefully trimmed around with red braid and decorated with beautiful embroidery along the contour. The mother-in-law would then lay the said burtina on top of a fabric sheet.

Among the Akhtyn Lezgins, the woman who made the newlyweds' bed, received a reward from the groom or his mother.

Analyzing the ceremony of preparing the wedding bed for the climatic part of the day, it should be noted that the bed becomes a place where certain manipulations with a boy, with an item of men's clothing – a papakha, with a man himself and wedding puppets were performed. All this symbolized the wish for the bride to give birth to a first-born male child, since the birth of a son traditionally raised the status of a family for most peoples of Dagestan.

The meeting of the newlyweds was usually accompanied by a number of excesses, since in the traditions of almost all the peoples of Dagestan it was customary to prevent them from having intercourse on that night.

In the Dargin village of Kunki after bringing the bride to the groom's house, a certain "friend" appeared, in whose house the groom stayed at that time, and started a joking allegorical conversation with women, the duration of which depended on the women's talkativeness and the duration of the comic struggle between the bride and groom's proxies on the newlyweds' bed. The end of the struggle was a signal that it was time to leave the room where the groom should go.

S.S. Gadzhieva suggests that the struggle between the groom and the bride's sides, accompanied by playful actions, was a symbol of two origins – patrilocal and matrilineal settlement [15, p. 238] For example, among the Avars of the Karakh society, the bride had to step on a flintlock gun, two men – a relative of the groom and a relative of the bride – grabbed it and pulled each to themselves. The contest usually ended with the victory of the relative of the groom. The Dargins

did much the same with a carpet. One party pulled it towards the yard, the other – towards the street, until either of them won. If the forces of the both parties turned out to be equal, “then they would fiddle around for an hour without any success. Misfortunes could also happen: the carpet could tear and then the parties would fly aside with terrible force for as much as three sazhen” [29, p. 32].

First meeting of the newlyweds

There is evidence that some peoples of Dagestan used to treat the bride rather harshly at the first intimate encounter. In particular, there is evidence that among the Akhtyn Lezgins, on their wedding night, the groom had to severely beat the bride with a whip⁴. The existence of such a custom among the Lezgins of Miskindzha is also noted by M.S. Rizakhanova [30, p. 136]. Regarding the Lezgins of the Samur valley, B. Ragimova writes that this custom was considered optional [21, p. 37].

In some peoples of Dagestan, harsh treatment towards the bride allegedly sought to set the vector of their future life, where the man would be the “master of the house”. The Dargins of the villages Urakhi, Mulebki, and others had their groom standing behind the door in order to hit the bride on the head, as soon as she crossed the threshold of the wedding room. G.-M. Amirov describes what happened when the bride was brought into the room, while the groom was waiting behind the doors: “As soon as she crosses the threshold, he gives her a good kick, and that is the first act of kindness from her husband-to-be” [29, p. 31]. Regarding the same Dargins, B. Dalgat notes: “When the bride enters the room, the groom usually hid behind the door and hit her three times on the back as a sign of his dominance over her since that moment” [31, p. 98]. In Dargins of the village Mekegi, the meeting of the groom and bride went like this: the groom, hiding behind the door, had to try to bend the wife’s head in front of the whole crowd. The bride would then attempt to avoid that and was ready to get a bump on her forehead as long as she managed to prevent the groom to show his dominance. The rite of “hitting” the bride at the first meeting was common in Karabudakhkent Kumyks, Azerbaijanis, Tabasarans, and parts of the Laks. The Tabasarans would say: “The bride needs to be given a lesson before the wedding veil is removed”. The ritual of taking off the veil from the bride symbolized the turning of a girl into a woman (it is no accident that the Kumyks, if the girl turned out to be impure, said: “The veil has already been blown away of the head”). Among the Laks of the village Shali the aunt, escorting the bride, would search the room to find the groom’s whip and hide it so that he couldn’t use it.

According to popular belief, the rite of “hitting the bride” was supposedly demonstrate obedience of the wife to her husband in their life together. However, researchers believe that this ritual is likely to be considered an echo of the magical “ritual of flagellation”, which was used as a ceremony for purification and redemption, or the “hit with the rod of life”, with a carpogonic (fertility) meaning; as we know, the

4 Notes of the LSU student Butkevich Bronislav on his participation in the Dagestan ethnographic expedition. 1925 // Scientific archive of the IHAE DFRC RAS. F. 5. Issue 1. File 49. List 17.

fertility customs and rites occupied a major place in the system of family rituals of some peoples, some of which remain to this day [25, p. 177].

According to religious canons, before the intercourse, the bride and groom must follow a number of traditional Sharia rules that lay the foundation for a God-pleasing, serene and prosperous family life. Young people had to make sure that there were no strangers or animals in the room, and also take the Koran out or at least cover it with a cloth. The lights in the room should be dimmed. In mountainous areas, the room was usually lit by a stove, since wedding ceremonies in the old days were carried out in the fall, when it was quite cold at night. Prior to the intimate act, men were recommended to cite the *Dua* prayer.

In most cases, the meeting of newlyweds among most peoples of Dagestan took place according to a scenario that was created on the basis of ancient ideas and beliefs, closely connected to Islam.

Among the Lezgins (the villages of Yaljuh, Ihir, Khnov, Kurakh, Kasumkent, etc.) the ritual of the wedding night proceeded as follows: the groom, upon entering the room, greeted the bride, after which they had to cite the *Dua* together. Then he would step on the bride's foot, put his thumb on her finger, and say: "There are four angels in the four corners, the fingers and toes – they are the witnesses to whether you gave me your word." The bride had to answer: "I gave you my permission." Upon completing this dialogue, the groom ordered her to take off her boots and untie her trousers. Then he would give the bride a boiled egg, which she had to peel. Half of the egg was eaten by the groom, the other half – by the bride. As a rule, the bride obeyed his orders without hesitation, otherwise, according to tradition, the groom had the right to hit her with a whip. The act of sharing the egg can be seen both as the use of a symbol of fertility, vitality, the place of which in the wedding ceremony is well known, as well as the first interaction between the bride and groom, since not all the peoples of Dagestan let the bride and groom communicate freely before the wedding.

The egg appeared everywhere in the wedding ceremony. In particular, the Tabasarans, in addition to the fact that at midnight, prior to coming to the bride, the groom was demanded a ransom for the door handle, during their conversation, the groom had to put the bride to a simple test: she had to peel off the boiled egg without touching the shell with her nails. Then they would eat the egg together. Among the Lezgins of Akhty, by the time the groom, secretly escorted by his groomsmen, arrived, the *yenge* had to prepare a large tray of food ("*soufra*"), with which she met them. The groom and his friends would sit and share the meal, in which neither the bride, nor *yenge* took part. After the dinner, the bride gave them a bundle of food, prepared specially for the groomsmen in order to make them go, leaving the bride and groom alone. They, as a rule, went out, but stayed behind the door and guarded the couple so that no one could disturb them. In some villages (Kudchakh, Kakhoul, Smugul) after the meal, the groomsmen would forcibly, in a joking manner, took the groom to the river for some time and only after that return him to the bride.

In Rutuls, when the groom came to the bride, the ritual of "sharing the bread" would occur: the groom and bride, holding a large round bread, pulled it, trying to

break off the most of it.

In some Dargin communities, a similar ritual would be carried out on the wedding night: the groomsmen brought the newlywed churek with butter on a platter. The bride and groom were supposed to grab the churek ahead of each other. The bridesmaid tried to help the bride to touch the churek first, while the groomsmen prevented it to happen, as they believed that the one who touched the bread first would be the master in the house.

In villages where the wedding was held, on the first intimate night, the single men and women would often cause mischief, sometimes in quite a harsh manner, which can be associated with the tradition of “wedding obstruction”, mentioned above.

Among the Khvarshins, the wedding night was held in a “secret house” (the “secret” part was rather nominal, as keeping something a secret in a small village was difficult). All the single men and women from the village would gather around this house, make noise, dance on the roof, peek through the windows. The groom paid off with specially prepared for this moment boiled eggs, pies; in the village of Inkhokvari – with a hazelnut halva, as nuts with a thin shell grew in abundance there. If the young people thought the groom couldn’t handle the bride, his friends climbed onto the roof of the wedding house and conducted the “*kushakha*” rite – they would tie the roof roller with a red belt (piece of the Khvarshin women’s clothing) and put it vertically, so that the so-called “sympathetic magic” would come into effect.

Such games of the single youth on the wedding night were common in Dagestan. In some villages, this custom existed until the end of the twentieth century.

Among the Dargins of the villages Duakar, Kisha, Zubanchi, the guests headed home no later than at three in the morning, leaving the groom and bride alone. However, 30-40 minutes after, young people – single men and groom’s friends – would climb the flat roof of the saklya and dismantle it, pouring water into the chimney, knock on the window. In most of the southern Dargins, the groom had no right to close the door of the wedding room when meeting the bride. In Itsari and Kunki villages, the groomsmen who stood on the porch could even enter the room for a brief moment. If the newlyweds closed the door, they could break in.

Among the Burkun-Dargins, the doors of the room where the wedding night occurred was guarded by two of the groom’s friends so that no one could disturb the couple. The friends would wrestle noisily on the porch, throw little objects at each other, shout to the groom to hurry up with his “business”. As soon as the groom left the room, the attending woman would come in, help the bride to dress, clean up; then the older friend came in and, together with the woman (*irk’yani*), engaged in a fight on the bed of the newlyweds, while she tried to take off his hat, which then had to be sent with treats inside it to the men at the *godekan* [22, p. 135].

In the Lak village of Balkhar, early in the morning after the wedding night, the bed of the newlyweds would be tumbled by the groom’s friends and even his relatives. In doing so, they had to take off a shoe from the foot and lie there until a ransom of food (pies, boiled meat, bread with boza) was paid. It is worth mentioning that the tradition of tumbling the bed of the newlyweds is quite common, for instance, among the Kakhetis and Khevsurs [32, p. 31].

The Kumyks had the rite of preventing the groom enter the bride's room until he solved a number of riddles. In some cases, these riddles were so complex that the groom had to postpone his visit to the bride till the next night and sent his friend to look for people, even in the neighbouring villages, who could help him with that task. The attending woman asked the riddles in the name of the bride [15, p. 241].

In some Avar villages of the modern Charodinsky district, as well as among the neighboring Laks, there was a custom according to which the groom on the wedding night had to talk to the bride, forcing her to answer questions. It was regarded prestigious if the bride remained silent for as long as possible. As soon as the bride uttered a single word, the groom passed a jar of honey to the attending woman who was waiting outside the door. In the Lak village of Shali, as soon as the bride spoke and the groom "reconciled" with her, the bride would pass the bestman through the groom the key from the chest with treats that he had to share with the groomsmen who stood guard at the door of the room. Sometimes the bestman, having taken the bundle of treats, would come out and dance.

Among the customs associated with the welcoming the bride in the groom's house and their first contact at the marriage bed, a special place among some mountaineers is designated to the competition of the bride and groom, a struggle. According to customs, in some small indigenous peoples of Dagestan (Khvarshins, Bagulals, Chamalals, Tindals), and parts of the Avars (communities of Kudali, Rugudzha, Keger, Kutlab, Gochob, Kakhib, etc.), the bride had to resist the groom and wrestle with him. Certain tricks were used to win this struggle. In Khvarshins, for instance, the groom was searched before being admitted to the bride, fearing that he might have concealed a knife to cut the thick lace of the pants, which was usually tied into several knots. Others dressed the bride in a tightly sewed clothing; rubbed her with lard, to make it easier for the girl to resist. They even shaved the bride's head so that the groom could not grab her by the hair during the struggle. The brides of Kutlab village were specially trained before marriage to become stronger. The bride's mother organized preliminary competitions for her daughter with some young man close to the family and taught her how to fight.

The competition of the bride and groom on the wedding night, later reduced to "flirting", is one of the customs evident by the ethnographic and historical material [33, p. 366] and, according to S. S. Gadzhieva, belongs to the more pronounced wedding antagonism [15, p. 247].

Demonstration of chastity

The proof of the bride's innocence was the culmination of the wedding night. This was an important condition for a girl's serene life in a new family, in a status of a married woman. In each of the peoples of Dagestan, it took different forms. As mentioned above, there were enough eyewitnesses to watch the night go by. In some peoples, the groom left the bride in just 20-30 minutes, as in the Avars of Rugudzha village, where the groom kicked the door, thus letting the "elder female friend" know

that everything was fine. She would then enter the room and took the white felt rug "*burtina*", which served as a sheet on the wedding bed. The groom's relatives were waiting for her at the door. The girl who managed to grab "*burtina*" and ran into the circle to dance with the proof of the bride's innocence, received a gift from the groom's mother (a piece of cloth). The groom returned to the bride, and the "elder female friend" hurried to the bride's mother with the message that everything was in order, the daughter was innocent and did not let her father down. For this, she was given a rich gift. After returning to the bride, the "elder female friend" received another gift from the groom's mother. The bride had to keep a white felt rug decorated with embroidery in her chest. In the morning, the mother-in-law and other close relatives came to the room to congratulate the newlyweds. They brought her gifts, and the bride did the same in return.

The mother-in-law could present the bride with a handkerchief, a cut for a dress, or jewelry. Among the Avars of Rugudzha, for instance, if the wedding night passed well, the mother-in-law put a silver bracelet on the daughter-in-law's wrist, which she acquired in advance specifically for this occasion. The absence of the bracelet on the bride's wrist in the morning could be perceived ambiguously by the relatives who arrived to congratulate the newlyweds. Gossip could spread around the village.

Before the wedding night, the Laks prepared bread and boiled mutton leg which the groom had to pass from behind the door immediately after confirming the bride's innocence as a treat for friends and close relatives who remained in the house. Right after that, on behalf of the "close woman", a messenger was sent to the girl's parent's house, where the close female relatives were also present. From here, across the night streets, with torches and trays of halva, a procession of women went singing to the house of the newlywed couple where they were already expected and welcomed with the usual honors.

Among the Rutuls, the proof of the bride's chastity was a handkerchief, which was previously sewn with large stitches to the wedding bed. This handkerchief was to be torn off by the groom and passed to his friends, so that they would give it to the woman who accompanied the bride. If the groom was happy with the bride, a messenger was sent to her parents with the "handkerchief of innocence". The woman who accompanied her was gifted a handkerchief and a cut of cloth for shirts [34, p. 216].

In the village of Khin, a discontinuation of the wedding party with the participation of the groom and his friends at midnight served as a signal that the bride lived up to the parent's trust.

Among the Aguls, the bride's chastity was verified by older relatives on the groom's side. Each of them could approach the newlyweds' bed and make sure of it. For this purpose, the bed was left untouched for some time.

Among the Tabasarans of some villages, the "handkerchief of innocence" ("*lishan*") was hung from a mirror that the bride brought as a dowry with the wedding procession (the mirror was usually carried by the woman accompanying the bride). In the village of Horedzh, South Tabasaran, it was customary to hang

the “handkerchief of innocence” on the wall in the morning, opposite the door, for everyone to see. In part of the Tabasarans, after the wedding night, if everything was in order, the bride had to change into a new outfit – this act testified she became a married woman. There was no practice of inquiring about the bride’s virginity among the Dargins of Karbachimakhi, Iraki and Dibgalik villages. In order to avoid disgrace of the bride and her parents, the groom could keep it a secret, and, after a month, explain the reason and divorce. The bride would be deprived of any gifts she received from the groom, and naturally such a hasty divorce couldn’t pass without gossip and speculations.

In Lezgins, the groom in the company of his friends went in to the bride alone, while the friends waited outside. After some time, the groom had to take out the “handkerchief of innocence” and pass it to his friends. In some Lezgins, as well as among Tabasarans, the “handkerchief of innocence” was hung on a mirror, which was brought from the bride’s house by *yenge*, who accompanied the bride to the groom’s house.

In the Lezgin village of Kurush, an old female relative stayed with the newlyweds in the room to verify the bride’s virginity.

Among the Lezgins of Usur, dances in the groom’s house proceeded until the bride’s *yenge* came out with a handkerchief testifying the innocence of the girl, and danced with the bestman.

In the Lezgin village of Kabir, two groom’s men and two of his relatives stayed in the wedding room with the couple. Their responsibility was to hold a large handkerchief over the newlyweds’ bed in the manner of a curtain.

After the wedding night, the groomsmen immediately took the groom away to where he had stayed before, and for several more nights they would bring him to the bride. However, it was not common among everyone: the groom in Kurakh village didn’t leave after the wedding night. In the village of Kutul, after the night, the groom went to the guardian (the master of the “other house”, where he previously stayed), however he would return by the noon either by himself, or by people sent after him from the groom’s house.

In some Lezgin villages, the friends fired several shots as a sign that the wedding night passed well.

This custom once again demonstrates the ethnic diversity of Dagestan: while the Lezgins confirmed the purity of the bride with shots, the Dargins and Southern Kumyks, on the contrary, fired upon the discovery of the bride’s unchastity.

Punishment of a newlywed for deviant behavior

The might-have-been bride was obliged to return all the gifts given by the groom; among the Turkic peoples she also had to return kalym. She could only get her dowry back.

Among the Turkic-speaking peoples of Dagestan (southern Kumyks, Azerbaijanis, Terekemens, Nogais) in case the girl was unchaste, the groom kicked her out through the window, and then the groom’s parents put the bride on a black donkey backwards,

dressed her in black burka, handed the reins to the attending woman and sent her back to parents with disgrace. The disgraced girl, as a rule, did not return home, but hid at the relatives of her mentor, since she would be put to death by her father or brothers [23, p. 63].

Among the Dargins, it was customary to banish the girl in disgrace on the same night, along with her friends and the woman who accompanied her. G. M. Amirov points out: "If the bridegroom found out that the bride's reputation was tainted, he immediately announced it with a pistol shot. Then the parents rushed to take the disgraced daughter home, and the dagger of the father or brother would rarely spare her" [29, p. 32].

In Avars of Rugudzha village, it was common to make the wedding bed on the second floor, in the room with windows overlooking the courtyard (*azbar*) or the street. This supposedly allowed the groom to kick the bride, who had lost her virginity before the wedding, out of the window on the same night. If there was a courtyard in the house, she would fall into the circle of dancers waiting to hear the news from the groom. The girl who did not meet the expectations of the groom and family was taken in haste by the accompanying woman ("big female friend") away from the anger of her parents. They say that once there was a case when the bride left the village at night, and no one saw her again.

In Lezgins, the bride who turned out to be unchaste immediately got divorced and went to her parents' house in disgrace. The relatives decided her fate, and the girl could even be killed.

Among the Terekemens, if the bride was not innocent, she was kicked out of the house with her mentor the second it was revealed. There is a legend that in the distant past, a girl who turned out to be unchaste was cut off her braids, put on a donkey and, throwing a burka over her, sent to her father.

If a Tabasaranian bride was not a virgin, the marriage was immediately dissolved. Then, in the presence of *yenge* and her assistants, the bride was dressed in rags and sent back to her mother in disgrace. In these cases, with the help of a council of 10 respected male relatives, the groom's parents initiated the search for a suitable girl to replace the disgraced and hasty union. In this fashion, the groom's parents tried to avoid the costs on another matchmaking and wedding ceremonies.

It should be noted that in Dagestan, the laws against unchaste girls were rather severe. However, they were not always strictly enforced. As a rule, this happened rarely. If the girl's fault was revealed, it could become a disgrace for the whole family, a rebuke for the men for several generations. The girl's relatives could take her life or banish her from society. The elders of the Jamaat took the initiative of the situation regulators, did everything possible to avoid bloodshed. No one wanted to become an unwitting culprit or just an eyewitness of a possible murder.

Most commonly, everyday life in small communities was dictated by the palliative norms of behavior. For this reason, the groom and his relatives for a certain time tried to hide the fact of "dishonor" of the girl, so as not to disgrace the bride's family, her brothers. After some time, coming up with an unsuspecting reason, they divorced.

In rural societies where everyone knows each other, a hasty divorce can usually draw attention and result in gossip. For this reason, a girl with tainted reputation was married to a relative or widower as soon as possible. All this despite the fact that according to the adats of all Dagestan communities, a bride who turned out to be unchaste after performing *kebin* should immediately be divorced. In particular, the written recorded adats of the peoples of Dagestan point out issues of virginity, considering them in a variety of manifestations and situations, such as:

«§ 180. If the newlywed rejects the husband's request, then the fact of sobriety while performing the intimate act is taken into account. If he was drunk, which is attested by those present at the wedding, then the newlywed woman swears her virginity before marriage, on the grounds that the newlywed in a drunken state may not have felt the rupture of the virgin membrane; as only in a sober state and with greater caution the rupture is noticeable. After this, the husband, if he is not willing to stay with the bride anymore, can give her a divorce with the payment of *kebin* money and everything else that is due to her according to the marriage terms.

§ 181. If the husband was sober, which is confirmed by witnesses, then the bride's denial is not taken into account, and the probability of the husband's allegation, approved by the proper oath, is considered.

§ 183. If the bride before marriage was seen to be involved in romantic relations with another man, and she has not told the groom or the father about it out of shame or fear, and the groom hasn't visited her before, and after the first marital intercourse she is declared unchaste by the husband, the fact of which he can confirm under the proper oath, then such a girl at the request of the husband is returned with her dowry to the relatives and deprived of all rights to receive *kebin-hakka* and other things given to her by the husband before and after the marriage for the reason that the person, with whom she was seen with, might have taken her virginity» [35, p. 211].

In order to avoid such wedding incidents, teenage girls were informed in various ways during their upbringing about what might happen if they lost their virginity before marriage. The description of such harsh measures towards a stumbled girl is a preventive measure against her possible deviant behavior.

Conclusion

First intimate encounter with the bridegroom, rituals regarding the obtaining of the girl the status of a married woman, the demonstration of innocence of the bride: the ritual hanging of the "handkerchief of innocence" on the mirror on display, the demonstration of felt sheets while dancing, weapon shots and other traditional methods served as the conclusion to wedding ceremonies. Moreover, the wedding cycle consisted of rather a long stage of post-wedding rituals (mutual visiting, exchange of gifts between related families, the first trip of the daughter-in-law to the water spring, etc.), which concluded the ceremonial reception of the daughter-in-law into a new family (and sometimes into a new rural community), and also symbolized the conclusion of a new kinship union between the families of the bride and groom.

Nevertheless, it was the confirmation of virginity on the wedding night that was a necessary condition for accepting her into a new family.

It seems difficult to demonstrate all the variety of rites performed by the peoples of Dagestan on the “first wedding night”, since each ethnic group had its own ritual nuances. It is worth pointing out that the demonstration of proof of the bride’s virginity was addressed mainly to the closest relatives of the bridegroom – to his mother, and then the bride’s mother. However, many peoples of Dagestan considered it necessary to demonstrate this to all the guests at the wedding (hanging a handkerchief or a sheet), and sometimes to the whole village (shooting, etc.).

This is reflected in several aspects of the attitude to the fact of preserving the bride’s virginity before marriage. The first aspect is the popular idea about the significance of virginity in terms of the fate of future children, since it was the birth of healthy offspring (both physically and morally) that ensured the existence of an individual family, a family collective, or a *Jamaat*. These ideas also explained the implacability and cruelty towards a stumbled girl: in a society where traditions were predominant, the main focus was attached to the interests of the said society, the interest of social survival, and not to the personal rights and interests of an individual. As we know, it was the birth of children that was associated with women in the majority of the Caucasian peoples; the responsibility for the absence of children in a couple was most often assigned to the woman. It is no coincidence that the attitude to the preservation of virginity by the groom at the time of marriage was radically different.

The second aspect is a certain transformation of the attitude to this issue, since the innocence of the bride was also associated with the concept of observing the honor of the family, its authority among neighbors and fellow villagers. This concerned both the family of the girl who could not bring her up properly, and the family of the groom, who chose an unworthy contender for the role of the future mother and housewife. Ethnographic material suggests that in the case of announcement of the fact of unchastity, the memory of this incident remained in the people’s minds for many years, and the bride’s bad reputation in this case affected the fate of her brothers and sisters. As the paper points out, the people usually tried to avoid huge scandals to protect their families from gossip and possible bloodshed and feud.

Almost until the 60s of the twentieth century, the rites, customs and beliefs associated with the wedding night had preserved among the peoples of Dagestan almost unchanged.

Nowadays, this ritual component of family and household rites has undergone a serious correction, especially since according to religious canons, the fact of virginity was essential, but the demonstration of a girl’s chastity to the whole village was not recommended and condemned by the clergy. The conclusion of marriage, the wedding, with the accompanying complex of rituals, in which the ritual of the first wedding night occupied a significant place, was a major family and social event. These rituals were composed of folk traditions, ancient pre-monotheistic views and ideas that Islam tried to change but, having failed to completely eradicate them, adapted; the Soviet government periodically declared the struggle with “remnants of the past”. At

present, despite the fact that in Dagestan the canons of “pure Islam” have been being introduced into the rites for the past decades, family rites and most rituals are still practiced, with the exception of demonstrating the chastity of a girl on her wedding night. The wedding ceremony, along with all the complex of rituals, remains relevant primarily due to its social significance. This is also due to the fact that, according to folk traditions, it has not yet become a matter of a close family group in Dagestan. It retains its significance as a way to demonstrate the social prestige of the family, its wealth and the solidarity of the relatives.

The paper was translated by Magomedkhabib Seferbekov, junior researcher at IHAE DFRC RAS (dnc.ran@outlook.com).

REFERENCES

1. Karpov YY. Women's space in the culture of the peoples of the Caucasus [*Zhenskoye prostranstvo v kul'ture narodov Kavkaza*]. Saint-Petersburg: Saint Petersburg Oriental Studies, 2001.
2. Mokrushina AA. Culturological and linguistic aspects of the wedding ceremony in the Arab countries [Kul'turologicheskiy i lingvisticheskiy aspekty svadebnogo obryada v arabskikh stranakh] *Bulletin of St. Petersburg University. Oriental studies and African studies*. Saint Petersburg., 2010;(4):24-37.
3. Ankushina GA. Women's rights in the Arab world: past, present, and a possible future [Prava zhenshchin v stranakh arabskogo mira: proshloye, nastoyashcheye, a yes' li budushcheye?] *Concept*. 2013;3:561-565.
4. Mafedzev SH. The status of women in the Adygekhabze system [Status zhenshchiny v sisteme Adygekhabze] *Women of the Caucasus: from matriarchy to Islamic fundamentalism: khrestomathy. Part 1* [Zhenshchiny Kavkaza: ot matriarkhata do islamskogo fundamentalizma: Khrestomatiya. CH. 1] / Ed. RSh. Kuznetsova, IV. Kuznetsova. Krasnodar, 2008:247-273.
5. Pushkareva NL. Shameful punishment of women in Russia in the XIX – early XX centuries [Pozoryashchiye nakazaniya zhenshchin v Rossii XIX – nachala XX veka] *Etnograficheskoe obozrenie*. 2009;(5):120-130.
6. Pushkareva NL., Mukhina ZZ. Women and feminine component in traditional Russian sexual culture (before and after the great reforms of the 19th century) [Zhenshchina i zhenskoye v traditsionnoy russkoy seksual'noy kul'ture (do i posle velikikh reform XIX veka)] *Bulletin of Perm University. History*. 2012;3(20):43-55.
7. Tolstaya SM. Symbolism of virginity in the Polesie wedding ceremony [Simvolika devstvennosti v Poleskom svadebnom obryade] *Sex and sexuality in Russian traditional culture. "Russian hidden literature" series* [Seks i erotika v russkoy traditsionnoy kul'ture. Seriya «Russkaya potayennaya literatura»] / Comp. AL. Toporkov. Moscow, 1996:192-206.
8. Kokin IA. The position of women in the Greco-Roman world [Polozheniye zhenshchiny v greko-rimskom mire] *Bulletin of the Voronezh State University. "Linguistics and Intercultural Communication" series*. 2008;(3):210-219.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карпов Ю.Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001.- 414 с.
2. Мокрушина А.А. Культурологический и лингвистический аспекты свадебного обряда в арабских странах // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и Африканистика. СПб., 2010. №4. С. 24–37.
3. Анкушина Г.А. Права женщин в странах арабского мира: прошлое, настоящее, а есть ли будущее? // Концепт. 2013. № Т3. С. 561–565.
4. Мафедзев С.Х. Статус женщины в системе Адыгхабзе // Женщины Кавказа: от матриархата до исламского фундаментализма: Хрестоматия. Ч. 1. / Под ред. Р.Ш. Кузнецовой, И.В. Кузнецова. Краснодар, 2008. С. 247–273.
5. Пушкарева Н.Л. Позорящие наказания женщин в России XIX – начала XX века // ЭО. 2009. № 5. С.120–130.
6. Пушкарева Н.Л., Мухина З.З. Женщина и женское в традиционной русской сексуальной культуре (до и после великих реформ XIX века) // Вестник Пермского университета. История. 2012. № 3 (20). С. 43–55.
7. Толстая С.М. Символика девственности в Полесском свадебном обряде // Секс и эротика в русской традиционной культуре. Серия «Русская потаенная литература» / Сост. А.Л. Топорков. М., 1996. С. 192–206.
8. Кокин И.А. Положение женщины в греко-римском мире // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2008. № 3. С. 210–219.
9. Мухина З.З. Девка на поре, не удержишь на дворе ... (о девичьей чести в крестьянской среде Центральной России во второй половине XIX – начале XX в.) // Женщина в российском обществе. Иваново, 2010. № 3 (56). С. 58–68.
10. Темкина А.А. Добрачная девственность: культурный код гендерного порядка в современной Армении (на примере Еревана) // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2010. № 1. С. 129–159
11. Хараева Л.Ф., Кучукова З.А. Ургия и Гония в мире кавказской женщины // Национальные образы

9. Mukhina Z.Z. When it's time for the girl, you can't keep her at home... (on women's honor in the peasant environment of Central Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries) [Devka na pore, ne uderzhish' na dvore ... (o devich'yey chesti v krest'yanskoy srede Tsentral'noy Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.) *Woman in Russian society [Zhenshchina v rossiyskom obshchestve]*. Ivanovo, 2010;3(56):58-68.

10. Temkina A.A. Premarital virginity: the cultural code of the gender order in modern Armenia (on the example of Yerevan) [Dobrachnaya devstvennost': kul'turnyy kod gendernogo poryadka v sovremennoy Armenii (na primere Yerevana)] *Laboratorium: Journal of Social Research*. 2010;(1):129-159.

11. Kharaeva L.F., Kuchukova Z.A. Urgia and Gonia in the world of a Caucasian woman [Urgiya i Goniya v mire kavkazskoy zhenshchiny] *National images of the world in artistic culture: Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the 85th anniversary of the birth of the literary critic, philosopher, culturologist G.D. Gachev (1929-2008) [Natsional'nyye obrazy mira v khudozhestvennoy kul'ture: Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 85-letiyu so dnya rozhdeniya literaturoveda, filosofa, kul'turologa G.D. Gacheva (1929-2008)]* / Ed. Z.A. Kuchukov. Nalchik: Publishing house of M. and V. Kotlyarovs, 2015:338-342.

12. Tekueva M.A. The world of sensual experiences of a Caucasian woman [Mir chuvstvennykh perezhivaniy kavkazskoy zhenshchiny] *Herald of Anthropology*. 2019;3(47):22-38.

13. Kozlova O.A. Perception of an unchaste girl in Russia at the end of the 17th century: gender discourse and the ethnographic component of the problem [Vospriyatiye netselomudrennoy devushki v Rossii kontsa XVIIv.: gendernyy diskurs i etnograficheskaya sostavlyayushchaya problema] *XIII Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia: collected articles. Kazan, July 2-6, 2019 [XIII Kongress antropologov i etnologov Rossii: sb. materialov. Kazan', 2-6 iyulya 2019 g.]* / ed. M.Y. Martynova. Moscow; Kazan: IEA RAS, Kazan Federal University, Mardzhani Institute of History of AN RT, 2019:274-275.

14. Gromova A.I. "Protection of chastity": state control over female morality in educational and professional spheres in pre-revolutionary Russia [«Okhrana tselomudriya»: gosudarstvennyy kontrol' za zhenskoy нравственностью в образовательной и профессиональной сферах в дореволюционной России] *XIII Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia: collected articles. Kazan, July 2-6, 2019 [XIII Kongress antropologov i etnologov Rossii: sb. materialov. Kazan', 2-6 iyulya 2019 g.]* / ed. M.Y. Martynov. M.; Kazan: IEA RAS, Kazan Federal University, Mardzhani Institute of History of AN RT, 2019:271.

15. Gadzhieva S.S. Family and marriage among the peoples of Dagestan in the 19th – early 20th centuries [Sem'ya i brak u narodov Dagestana v 19 – nachale 20 v.]. Moscow: Nauka, 1985.

16. Gadzhieva S.S. Terekemen people. The XIX – early XX centuries. Historical and ethnographic study [Terekementsy. XIX – nachalo XX v. Istoriko-etnograficheskoye issledovaniye]. Moscow: Nauka, 1990.

17. Bulatova A.G. Traditional holidays and rituals of the peoples of mountainous Dagestan in the XIX – early XX centuries [Traditsionnyye prazdniki i obryady narodov gornogo Dagestana v 19-20 vekah]. Leningrad, 1988.

мира в художественной культуре: Материалы Международной научной конференции, посвященной 85-летию со дня рождения литературоведа, философа, культуролога Г.Д. Гачева (1929–2008) / Отв. ред. З.А. Кучукова. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2015. С. 338–342.

12. Текуева М.А. Мир чувственных переживаний кавказской женщины // Вестник антропологии. 2019. № 3 (47). С. 22–38.

13. Козлова О.А. Восприятие нецеломудренной девушки в России конца XVIIв.: гендерный дискурс и этнографическая составляющая проблемы // XIII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Казань, 2–6 июля 2019 г. / Отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.; Казань: ИЭА РАН, КФУ, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 274–275

14. Громова А.И. «Охрана целомудрия»: государственный контроль за женской нравственностью в образовательной и профессиональной сферах в дореволюционной России // XIII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Казань, 2–6 июля 2019 г. / Отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.; Казань: ИЭА РАН, КФУ, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С.271.

15. Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. М.: Наука, 1985.- 358 с.

16. Гаджиева С.Ш. Терекеменцы. XIX – начало XX в. Историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 1990. – 216 с.

17. Булатова А.Г. Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в XIX – начале XX в. Л., 1988. – 199 с.

18. Алимова Б.М. Табасаранцы (XIX – начало XX в.): историко-этнографическое исследование. Махачкала: Даг.кн. изд-во, 1992.-264 с.

19. Лугуев С.А. Ахвахцы: Историко-этнографическое исследование. XIX – начало XX века. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН.,2008.- 385 с.

20. Рагимова Б.Р. Женщина в традиционном дагестанском обществе XIX – начала XX в. (роль и место в семейной и общественной жизни). Махачкала: ДНЦ РАН, 2001. – 160 с.

21. Сергеева Г.А. Положение женщины в дореволюционном и Советском Дагестане // КЭС. 1969. Вып. 4. С.120-146

22. Курбанов М.-З. Ю. Буркун-Дарго. История, культура и быт: прошлое и настоящее. Махачкала: Издательство «Наука-Дагестан», Махачкала, 2015.-351с.

23. Гимбатова М.Б. Мужчина и женщина в традиционной культуре тюркоязычных народов Дагестана (XIX – начало XX в.). Махачкала: Эпоха, 2014. – 392 с.

24. Кагаров Е.Г. Состав и происхождение свадебной обрядности // Сборник Музея антропологии и этнографии (МАЭ). Вып. 8. М., 1929. С. 151–172.

25. Чурсин Г.Ф. Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис: тип. К.П. Козловского, 1913.- 189 с.

26. Мамхегова Р.А. Очерки об адыгском этикете. Нальчик: Эльбрус, 1993. – 140 с.

27. Студенецкая Е.Н. О большой семье у кабардинцев в XIX в. // Советская этнография. 1950. № 2. С. 176-181.

28. Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа: Вторая половина XIX – XX в. М.: Наука, 1983.- 263 с.

18. Alimova BM. Tabasarans (XIX – early XX century): historical and ethnographic study [*Tabasarantsy (XIX – nachalo XX v.): istoriko-etnograficheskoye issledovaniye*]. Makhachkala: Dagestan book publishing house, 1992.
19. Luguev SA. Akhvakh: Historical and Ethnographic Study. XIX – early XX century [*Akhvakhtsy: Istoriko-etnograficheskoye issledovaniye. XIX – nachalo XX veka*]. Makhachkala: IHAЕ DSC RAS, 2008.
20. Ragimova BR. Woman in traditional Dagestan society of the 19th – early 20th centuries (role and place in family and social life) [*Zhenshchina v traditsionnom dagestanskom obshchestve 19 – nachala 20 v. (rol' i mesto v semeynoy i obshchestvennoy zhizni)*]. Makhachkala: DSC RAS, 2001.
21. Sergeeva GA. The position of women in pre-revolutionary and Soviet Dagestan [*Polozheniye zhenshchiny v dorevolutsionnom i Sovetskom Dagestane*] // Caucasian ethnographic collection: works of the Institute of Ethnography. 1969;(4):120-146.
22. Kurbanov M-ZY. Burkun-Dargo. History, culture and everyday life: past and present [*Burkun-Dargo. Istoriya, kul'tura i byt: proshloye i nastoyashcheye*]. Makhachkala: Publishing house of "Nauka-Dagestan", Makhachkala, 2015.
23. Gimbatova MB. Man and woman in the traditional culture of the Turkic-speaking peoples of Dagestan (XIX – early XX century) [*Muzhchina i zhenshchina v traditsionnoy kul'ture tyurkoyazychnykh narodov Dagestana (XIX – nachalo XX v.)*]. Makhachkala: Epoha, 2014.
24. Kagarov EG. Composition and origin of wedding rituals [Sostav i proiskhozhdeniye svadebnoy obryadnosti] Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography (MAE) [*Sbornik Muzeya antropologii i etnografii (MAE)*]. Moscow, 1929;(8):151-172.
25. Chursin GF. Essays on the Ethnology of the Caucasus [*Ocherki po etnologii Kavkaza*]. Tiflis: K.P. Kozlovsky typography, 1913.
26. Mamkhegova RA. Essays on Adyghe etiquette [*Ocherki ob adygskom etikete*]. Nalchik: Elbrus, 1993.
27. Studenetskaya EN. Study on the large family in Kabardins in the 19th century [*O bol'shoy sem'ye u kabardintsev v XIX v.*] *Soviet Ethnography*. 1950;(2):176-181.
28. Smirnova YS. Family and family life of the peoples of the North Caucasus: the second half of the XIX-XX centuries [*Sem'ya i semeynyy byt narodov Severnogo Kavkaza: Vtoraya polovina XIX-XX v.*]. Moscow: Nauka, 1983:263.
29. Amirov G-M. Among the mountaineers of Northern Dagestan (from the diary of a gymnasium student) [*Sredi gortsev Severnogo Dagestana (iz dnevnika gimnazista)*] *Collection of Information about the Caucasian Highlanders*. Tiflis, 1873;(7)3:1-80.
30. Rizakhanova MS. Forms of marriage and wedding rituals of Miskindzha people [*Formy zaklyucheniya braka i svadebnaya obryadnost' miskindzhintsev*] *Marriage and wedding customs among the peoples of Dagestan in the 19th – early 20th centuries* [*Brak i svadebnyye obychai u narodov Dagestana v XIX – nachale XX v.*]. Makhachkala: Dagestan affiliation of the Academy of Sciences of the USSR, 1986:127-138.
31. Dalgat BK. Materials on the customary law of the Dargins [*Materialy po obychnomu pravu dargintsev*] *From the history of the law of the peoples of Dagestan* [*Iz istorii prava narodov Dagestana*] / comp. AS. Omarov. Makhachkala, 1968: 77-144.
32. Амиров Г.-М. Среди горцев Северного Дагестана (из дневника гимназиста) // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. 7. Отд. 3. С. 1–80.
33. Ризаханова М.Ш. Формы заключения брака и свадебная обрядность мискинджинцев // Брак и свадебные обычаи у народов Дагестана в XIX – начале XX в. Махачкала: Дагфилиал АН СССР, 1986. С. 127-138.
34. Далгат Б.К. Материалы по обычному праву даргинцев // Из истории права народов Дагестана / сост. А.С. Омаров. Махачкала, 1968. С. 77-144.
35. Мтавриев О. Простонародная свадьба в Кахетии // СМОМПК. Вып. 31. Тифлис, 1902. Отд. 3.
36. Токарев С.А. Этнография народов СССР: Исторические основы быта и культуры. М.: Изд-во Московского ун-та, 1958. – 616 с.
37. Мусаев Г.М. Рутулы (XIX – начало XX века): Историко-этнографическое исследование. Махачкала: Юпитер, 1997. – 282 с.
38. О невестственности новобрачной. Книга третья. Адагы, по которым разбираются и решаются гражданские споры и претензии. Адагы шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского // Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв.: Архивные материалы / сост., предисл., примеч. Х.-М. Хашаева. Махачкала: Дагкнигиздат, 1965. С. 183-260.

Статья поступила в редакцию 23.11.2020 г.

32. Mtavriev O. Common people wedding in Kakheti [*Prostonarodnaya svad'ba v Kakhetii*] // Collection of Materials for Description of Locations and Tribes of the Caucasus. Tiflis, 1902;31(3).

33. Tokarev SA. Ethnographic studies of the peoples of the USSR: Historical foundations of life and culture [*Etnografiya narodov SSSR: Istoricheskiye osnovy byta i kul'tury*]. Moscow: Publishing house of Moscow University, 1958.

34. Musaev GM. Rutuls (XIX – early XX century): Historical and ethnographic study [*Rutuly (XIX – nachalo XX veka): Istoriko-etnograficheskoye issledovaniye*]. Makhachkala: Jupiter, 1997:282.

35. On the non-virginity of the newlywed. Book 3. Adats, according to which civil disputes and claims are examined and resolved. Adats of the Tarkovsky Shamkhalstvo and the Mehtulinsky Khanate [O nedevstvennosti novobrachnoy. Kniga tret'ya. Aday, po kotorym razbirayutsya i reshayutsya grazhdanskiye spory i pretenzii. Aday shamkhal'stva Tarkovskogo i khanstva Mekhtulinskogo] *Monuments of the customary law of Dagestan in the 17th – 19th centuries: Archival material* [*Pamyatniki obychnogo prava Dagestana XVII-XIX vv.: Arkhivnyye materialy*] / Comp., foreword, notes by H.-M. Khashaev. Makhachkala: Dagknigizdat, 1965:183-260.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH1641083-1098>

Капустина Екатерина Леонидовна
к.и.н., зав.отделом этнографии Кавказа,
Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого РАН (Кунсткамера), Санкт-Петербург, Россия
parallel@mail.ru

СВАДЬБА ТРАНСМИГРАНТА: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ТРАНСЛОКАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ДАГЕСТАНЕ

Аннотация. В фокусе статьи феномен долговременной трудовой миграции из Республики Дагестан в города Западной Сибири (Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО), который автор рассматривает как вариант транслокального образа жизни. Транслокальный режим миграции ставит перед практикующими его людьми, трансмигрантами, целый комплекс задач, одна из которых – как трансмигранту, его семье и сообществам, в которых он в той или иной мере существует, приспособить под этот режим исполнение важных жизненных ритуалов. Данная статья посвящена некоторым аспектам изучения свадебного ритуального комплекса в современном Дагестане сквозь призму проблемы мобильности в судьбе дагестанского сельского сообщества. Основной целью статьи является определение транслокальной специфики проведения основных свадебных мероприятий в семьях трансмигрантов, а также демонстрация значимых практик мобильности, сформированных вокруг свадьбы в транслокальном сообществе. В статье показано как транслокальность влияет на основные стадии свадьбы – главным образом, на выбор брачного партнера, предсвадебные мероприятия и локацию самого свадебного торжества. Построенный по таким принципам свадебный ритуал определяет практики регулярной и окказиональной мобильности мигрантов и их односельчан, скорость перемещения между отправляющим и принимающим сообществами и принятия решений об этих перемещениях, а также корректирует опосредованно относящиеся к свадебному комплексу экономические и социальные стратегии дагестанцев. Также в статье показана значительная роль интернет-коммуникации в модификации практик, связанных с проведением свадьбы. Статья написана на полевом этнографическом материале автора, собранном в Республике Дагестан, а также в ХМАО и ЯНАО в 2017–2019 гг.

Ключевые слова: Дагестан; транслокальность; миграции; свадебные ритуалы; мобильность; экономические стратегии.

© Капустина Е.Л., 2020

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2020

 Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH1641083-1098>

Ekaterina L. Kapustina

PhD (History), Head of Department of Caucasian Ethnography,

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography

RAS (Kunstkamera), Saint Petersburg, Russia

parallel@mail.ru

A TRANSMIGRANT'S WEDDING: SOME ASPECTS OF STUDIES ON TRANSLOCALITY IN MODERN DAGESTAN

Abstract. The article focuses on the phenomenon of long-term labor migration from the Republic of Dagestan to the cities of Western Siberia (Khanty-Mansi and Yamalo-Nenets Autonomous District), which the author considers as a variant of a translocal lifestyle. The translocal type of migration poses a whole set of tasks for people practicing it, i.e. transmigrants. One of the tasks is how a transmigrant, his family and the communities in which he lives, should adapt the performance of important life rituals to this type of migration. The present paper is devoted to some aspects of the study of wedding ritual complex in modern Dagestan through the prism of the problem of mobility in the life of the Dagestan rural community. The main purpose of the article is to determine the translocal peculiarities of holding the major wedding events in transmigrant families, as well as to demonstrate the significance of mobility practices formed around the wedding in the translocal community. The article shows how translocality affects the main stages of a wedding: the choice of a partner, pre-wedding events and the location of the wedding itself. A wedding ritual built on these principles determines the practices of regular and occasional mobility of migrants and their fellow villagers, the rate of moving between sending and receiving communities and making decisions about these movements, as well as adjusts the economic and social strategies of Dagestanis indirectly related to the wedding complex. The article also demonstrates the significance of the internet communication in the modification of practices related to weddings. The study is based on the author's field ethnographic material collected in the Republic of Dagestan, as well as in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug and Yamalo-Nenets Autonomous Okrug in 2017–2019.

Keywords: Dagestan; translocality; migration; wedding rituals; mobility; economic strategies.

© E.L. Kapustina, 2020

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2020

 Creative Commons Attribution 4.0 International License

При изучении социальной жизни общества от исследователя часто требуется обращение к различным практикам и дискурсам, связанным с важнейшими ритуалами этого общества. Для понимания значимых механизмов устройства дагестанского социума сложно переоценить значение именно комплекса свадебной обрядности, тонко названного выдающимся исследователем этнографии Дагестана М.А. Агларовым «одной из самых чувствительных областей жизни народа» [1, с. 5].

Последние несколько лет в рамках разработки темы миграции из сельских районов Дагестана в крупные города и добывающие центры Западной Сибири Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого АО (далее ХМАО и ЯНАО)¹ я пишу о различных аспектах жизни дагестанских мигрантов и через это – о функционировании дагестанского «постсельского» социума выходцев из одного селения, сформировавшегося в результате этой миграции². Используя основные положения концепций транснационализма и транслокальности³ [2, 3, 4], которые позволяют рассматривать мигранта и его социальный мир без отрыва от отправляющего сельского сообщества, я прихожу к выводу, что на смену дагестанскому селу как локальному социальному организму к началу XXI века приходит транслокальное сообщество, состоящее из мигрантов, членов их семей и немигрантов, оставшихся в селении. Транслокальный характер миграции из Дагестана в города ХМАО уже не раз рассматривался мной в предыдущих статьях (подробнее об этом см. [5, 6, 7]). В общих чертах стоит повторить, что невозможность полностью вписаться в принимающее общество, экономические инвестиции и в место миграции, и в отправляющее сообщество, проведение части значимых ритуалов в одном месте, а части в другом, интенсивность и регулярность движения людей, вещей, товаров, денег, информации между двумя локациями – все эти факторы, по моему мнению, и делают дагестанских мигрантов транслокальными. Для данной статьи важным будет и то, что транслокальные мигранты продолжают сохранять свою идентичность и социальные сети, связанные с селением исхода.

Транслокальный режим жизни ставит перед практикующими его людьми целый комплекс задач, одна из которых – как мигранту, его семье и сообществу, в котором он в той или иной мере существует, приспособить под этот ритм

1 В данной статье не планируется детальное описание особенностей дагестанской миграции в регионы ХМАО и ЯНАО, поскольку на эту тему уже написано несколько статей – см., например, [5,6,7].

2 Полевая работа по данной проблематике проводилась мной в Ханты-Мансийском (Сургут, Пыть-Ях, Покачи, Радужный), и Ямало-Ненецком (Новый Уренгой) автономных округах и в различных районах Республики Дагестан (Хасавюртовский, Дахадаевский, Кайтагский, а также Махачкала, Каспийск) в 2014, 2015, 2017-2019 гг, однако также привлекались материалы, собранные мной ранее и в других районах Дагестана в ходе работы над смежными темами.

3 Транснационализм здесь определяется как свойство миграции, состоящее в том, что мигранты развивают и поддерживают множественные формы отношений, пересекающие государственные границы, и строят свои публичные идентичности при взаимодействии с более чем одним национальным государством [3, с. IX]. Транслокальная миграция рассматривается некоторыми авторами как аналог транснациональной миграции, не предполагающий пересечения национальных границ, и внутренняя российская миграция очевидно – такой случай. При другом взгляде на транслокальность не исключается наличие национальной границы между отправляющей и принимающей территорией, однако акцент делается на мобильности денежных, товарных и информационных потоков [8].

исполнение важных ритуалов, ведь именно ритуалы «предоставляют идеальный контекст, где можно вновь подтвердить членство в сообществе, продемонстрировать силу, статус и его повышение» [9, с. 174]. Самые значимые ритуальные комплексы – связанные с рождением и смертью, а также свадебные – и так в значительной мере модифицирующиеся в условиях современного Дагестана, вынуждены подстраиваться под новые реалии, связанные с миграцией и обусловленной ею транслокальностью. В своих предыдущих статьях я немного освещала ситуацию с организацией похорон и о роли похоронных мероприятий для транслокального сообщества, вскользь упоминались и сюжеты, касающиеся свадебных ритуалов. В настоящей работе мне бы хотелось сконцентрировать внимание именно на свадьбе в транслокальном сообществе.

Изучение свадебных ритуалов и различных практик и дискурсов, связанных с браком через призму концепции транснационализма и в связке с трансграничными исследованиями – одна из популярных тем в современной антропологии миграций. Только в последние десятилетия вышло множество статей и несколько сборников, связанных с этой проблематикой, на примерах, как правило, случаев международной миграции из развивающихся стран в экономически развитые страны Европы и Северной Америки, а также внутри Тихоокеанского региона. Изучаются такие аспекты темы как власть и гендер, проблема документированности и миграционной политики, сочетание традиционности и модерности в ритуалах [10, 11], практики семейной миграции как одного из вариантов обхода миграционных ограничений в западных странах [12]. Нередко тема транснационального брака рассматривается преимущественно с позиции принимающего (в большинстве случаев европейского) общества [13, 14], тогда как влияние кросс-границных браков на отправляющее общество должно быть не меньшим [15]. Для данной статьи значимыми оказались работы, сосредоточившие внимание на характере взаимодействия мигрантов с отправляющими сообществами через свадебные практики, проблематизация сохранения статуса мигранта на малой родине, темы моральной экономики в сообществе и сохранения локальной идентичности в принимающем обществе через призму проведения и участия в таком значимом ритуале как свадьба [15, 16, 17].

Основные исследовательские вопросы, которые будут разработаны в данной статье – какова специфика организации и проведения свадебных мероприятий в современном Дагестане в условиях транслокальной жизни вовлеченных в них людей, в какой степени и как свадьба в этом случае модифицирует практики мобильности и специфику взаимодействия друг с другом членов дагестанского транслокального сообщества.

Безусловно, не стоит говорить о существовании единого комплекса свадебной обрядности, актуального для всего современного дагестанского общества, чрезвычайно полиэтнического и поликультурного. Известно, что даже в рамках одной этнической группы свадебные обычаи традиционно значительно различались, и уже в XX веке эти традиции претерпевали значительную трансформацию в условиях советских политических, социально-экономических и

культурных преобразований, масштабного процесса урбанизации и драматических изменений в постсоветский период [18, 19, 20, 21, 22]. В частности, все эти процессы оказывают влияние на некоторую унификацию основных частей свадебного цикла, особенно при проведении свадьбы в городах республики, где в последнее время нередко проводят их и постоянно живущие в селах дагестанские семьи [19, с. 178].

Тема развития свадебного ритуального комплекса в постсоветский период в целом, а также детальное рассмотрение сходства и различий локальных вариантов свадебной обрядности, бытующих в республике, уже имеет богатейшую историографию и скрупулёзно изучена дагестанскими исследователями (см., например, [19, 20, 23, 24]), поэтому эти задачи не ставятся в настоящей статье. В фокусе данной работы находится, прежде всего, вопрос степени влияния транслокального образа жизни, характерного для многих дагестанских сельских сообществ, на такую социальную практику и социальное действие как свадьба, а также на связанные с ней практики мобильности, экономические и социальные стратегии дагестанцев.

На мой взгляд, для решения этих задач правомерно рассматривать основные усредненные элементы свадебного обрядового комплекса. Этот комплекс в целом состоит из следующих компонентов: периода подбора пары, организации и проведения помолвки, подготовительного периода к свадебному торжеству, проведения самого праздника и затем ритуалов, связанных с вхождением молодой супруги в семью мужа и организацией новых родственных связей между семьями. В этой статье последней части внимание будет уделено в минимальной степени, поскольку моего полевого материала на данном этапе исследования для этого недостаточно.

Уезжая на длительный период, мигрант, как правило, должен ориентироваться на отправляющее сообщество, когда встает вопрос о вступлении в брак его самого или его детей. Желательность или в некоторых случаях обязательность соблюдения принципа этнической эндогамии – общекавказская специфика, межэтнические браки хотя и встречаются, но, в большинстве случаев, как минимум не поощряются и все еще нередко осуждаются. В Дагестане, помимо этого, типичной брачной системой к тому же, в отличие от большинства других кавказских регионов, является сельская и даже в некоторых случаях сохранившаяся, хотя и в редуцированной форме, родовая (тухумная) эндогамия [1, 20]. Не так редки в настоящее время и кузенные браки. Эти особенности оказывают существенное влияние на транслокальное сельское сообщество, а, во-многом, и становятся важным фактором, консолидирующим транслокальный джамаат, и определяющим степень его реальности (подробнее см. [6]).

Несмотря на то, что в условиях долговременной миграции межэтнические браки в условиях миграции в города ХМАО и ЯНАО становятся не такими и редкими, идеальным вариантом по-прежнему рассматривается брак выходцев из одного селения. Мои наблюдения подтверждают и полевые данные моих коллег: по мнению Д. Соколова, выросшие в Сибири дети мигрантов все так

же стараются жениться на своих сельчанках, однако для них брак не является способом интегрироваться в сельскую среду⁴.

Поиск брачного партнера в Дагестане – проблема не только и не столько брачующегося, но и всей его малой семьи и шире – родственной группы. В условиях проживания в селе все потенциальные женихи и невесты сельского общества, а также переселенцы из этого села в города и другие районы республики, образуют единый реестр так или иначе одобряемых брачных партнеров. Ко всем девушкам на выданье и парням, которым пришла пора жениться, в селении проявляется повышенное внимание, они особенно на виду у сообщества, когда принимают участие в свадебной (реже – похоронно-поминальной) обрядности селения. Недаром в Дагестане любят поговорку «свадьба делает свадьбу», значение которой именно в признании свадебного ритуала важным информационным и организационным источником формирования новых брачных союзов.

Однако в ситуации, когда значительное число семей участвует в миграции, прежде всего, долговременной (а миграция дагестанцев в города ХМАО и ЯНАО, за редким исключением, является таковой), живущие за пределами республики молодые люди рискуют если и не выпасть из этого реестра, то стать невидимыми для потенциальной заинтересованной стороны. И наоборот, оставшаяся в Дагестане молодежь, может быть не видна семьям, долгое время живущим на севере.

Именно в ситуации подбора брачного партнера для организации свадьбы в семье, где есть мигранты, в первую очередь проявляются практики, которые соединяют и объединяют две и более географические локальности в единую транслокальную систему.

В этом случае чрезвычайно важную роль играют различные виды интернет-коммуникации (в первую очередь, Интернет-телефония, социальные сети и мессенджеры – для Дагестана это Skype, WhatsApp, Instagram, Вконтакте и другие) и видеоресурсы – они позволяют включать в единый реестр женихов и невест и тех, кто мигрировал, и живущих в селении. В некоторых сельских сообществах существуют свадебные группы в популярных мессенджерах, куда выкладываются фотографии и видеофайлы свадеб односельчан. Многочисленные фото и видео со свадеб передаются по мессенджерам через родственников не только с целью предаться воспоминаниями о важном семейном торжестве. Очевидно, это и своеобразный каталог женихов и невест, особенно важный для тех, кто находится вдали от селения.

Вот, и он потом сказал: “Найдите девочку такую всю порядочную, я женюсь”. И ...родная тетя, наша двоюродная, она предложила: “Чего вы там, тут ищете, – говорит, – на Кавсарат⁵ посмотрите, ей 17 исполнилось”.

4 Соколов Д.В. Социальная трансформация: от сельской общины к городскому сообществу. Кавполит. 17 сентября 2017. Доступно по ссылке http://kavpolit.com/articles/sotsialnaja_transformatsija_ot_selskoj_obschiny_k-35757/

5 Здесь и далее имена информантов изменены. Сельские населенные пункты, откуда родом информанты, также намеренно опускаются из соображений анонимизации.

Я говорю: “Она же это, родственница”. Она говорит: “Чего, – говорит, – она вам по крови родственница, что ли?” Такая: “Посмотрите на нее, – говорит, – чего вы на нее не смотрите?..”. Ну так посмотрели видео (снятое – авт.) на свадьбе, я ее тоже не помнила. Она же... я уже много лет здесь (в Новом Уренгое – авт.) была. Ну так в Дагестан, когда приедешь, ну приедешь ты к ним в гости, не каждое же время же она будет там сидеть, меня ждать. И посмотрели, хорошенькая девочка. Показали брату, сказал: “Ну, нормально”. И всё.⁶

Интернет-технологии помогают не только найти брачного партнера, но и контролировать организацию свадебного торжества в Дагестане, при этом находясь за его пределами. В качестве примера приведу историю женитьбы одного из моих информантов из Сургутского района. Эльнур почти всю свою жизнь прожил с родителями в г. Пыть-Ях. Когда он созрел для женитьбы, встал вопрос о поиске невесты. Невесту ему посоветовали родственницы, когда он с семьей гостил в родном селении в Дагестане, но молодые люди лично не встречались, и семья Эльнура уехала на север. После этого с подачи сестры Эльнур начал переписку с рекомендованной родственниками девушкой, через некоторое время он решил на ней жениться, и мать уполномочила родственниц провести сватовство в селе. В результате при помощи телефонной и интернет связи (видеозвонки по скайпу, пересылка фотографий по сотовой связи) все предсвадебные хлопоты – подбор подарков, процесс сговора, выбор зала и другое – взяли на себя родственники в Дагестане, семья жениха только отправляла деньги на необходимые траты. В итоге Эльнур и его семья приехали в Дагестан лишь за неделю до свадьбы, торжество было проведено и уже через неделю молодые супруги уехали обратно в ХМАО. Приданое невесты, купленное в Хасавюрте (посуда, постельные принадлежности, мебель и др.), было отправлено контейнером по железной дороге на север, где обустроились жить молодые.

Подобные истории о проведении всех необходимых приготовлений – подбора приданого, подарков, фактически заключение помолвки и проведение других предсвадебных ритуалов – через интернет-мессенджеры и видеозвонки с переводом денег через интернет-банки встречались в интервью не единожды. Несомненно, подобные практики играют роль консолидирующих как минимум для круга родственников, подолгу находящихся вдали друг от друга, а также позволяющих мигрантам полноценно участвовать в необходимых предсвадебных свадебных ритуалах.

Интересно, что посредством интернет-технологий можно контролировать не только приготовления к свадьбе, но и, к примеру, невесту, если она живет в селении, а жених находится на севере. Так расстроилась свадьба одного из моих информантов – он поставил условие своей невесте не пользоваться одной из популярных социальных сетей в вечернее время. Увидев ее онлайн в запретные часы, он разорвал помолвку, мотивировав это тем, что если его будущая жена не может слушаться его сейчас, то не склонна будет делать это и после свадьбы.

6 Полевые материалы автора, собранные в 2019 г., Новый Уренгой, ЯНАО.

Так благодаря интернет коммуникации участники этой драмы оказались видимыми друг для друга, несмотря на значительную физическую удаленность Дагестана и Сургута, где они проживали.

Инф.: В селе у нас, например, ... девочки все (еще в школе – авт.) засватаны. Я говорю: “А чего они так засватаны?” Это чтобы она этот, интернет же есть, который портит детей, девочек тем более. Общаются вот, не общается, а тут жених будет сам за ней смотреть, даже с Севера.

Соб.: А как он с Севера за ней будет смотреть?

Инф.: Ой, знаете, я так поняла, ЦРУ не так работает, как эти парни между собой⁷.

Теперь стоит перейти к проблеме места проведения самого свадебного торжества в условиях транслокальности. Прежде всего, следует отметить, что на современной дагестанской свадьбе, особенно проходящей в городе или районном центре, локальные особенности нередко опускаются в пользу усредненного варианта и проведения торжества в пространстве банкетного зала, вмещающего в себя несколько сотен и даже тысячу человек. При этом и сторона жениха, и сторона невесты организуют две отдельные свадьбы – каждая в своем отдельном зале. Они могут быть в один день (тогда свадьба невесты проходит раньше, и после того, как жених приезжает и забирает молодую на свою свадьбу, свадьба невесты постепенно заканчивается), так и в разные. В последнем случае свадьба жениха проводится на следующий день.

Долговременное нахождение семьи жениха или семьи невесты в миграции проблематизирует не только поиск брачного партнера, но и само место проведения свадьбы. Из моих полевых данных следует, что если первые мигранты стремились играть свадьбу в родной республике, то в последние годы исключением перестали быть свадьбы и в северных городах.

Выбор свадебной локации – север или Дагестан – зависит от ряда факторов. Во-первых, решение играть свадьбу на севере может быть непосредственно связано с продолжительным участием семьи в миграции, когда женятся уже дети мигрантов, которые, как правило, выросли или даже родились в ХМАО или ЯНАО. Несмотря на сохранение связей с селом исхода, связь с ним у молодых слабее, а их родители обросли знакомыми, коллегами и друзьями – потенциальными гостями на свадьбе. Например, во время полевой работы в ХМАО я попала на такую свадьбу в одном из небольших городов Сургутского района. Жених – лезгин с Маграмкентского района, но его семья уже давно жила на севере, семья невесты – азербайджанцы, также жившие в ХМАО давно. Молодые познакомились в северном городе, родители одобрили брак, хотя здесь и был нарушен принцип сельской и этнической эндогамии. Комментируя этот брак, один из гостей, односельчанин семьи жениха, пояснил, что «... если ты находился бы на родине, можно было и ... как-то найти, ... и из своего села там, а мы же как, получается, приехали сюда, как, это уже наша родина... Они (молодые – авт.) уже, считай, что здесь выросли, у них здесь друзья, ...

7 Полевые материалы автора, собранные в 2019 г., Новый Уренгой, ЯНАО.

общение здесь получают, они туда (в Дагестан – авт.) только на два месяца приезжают и уезжают в отпуск. И в этом плане, если ребенок захотел там или понравился, мы же не смотрим, он с какого села или с этого. Уже и национальность, в принципе, не так...»⁸.

Среди гостей было много тех, кто живет в ХМАО – они приехали из разных северных городов, подчас очень далеко расположенных от места проведения этой свадьбы, однако были и гости, приехавшие из Дагестана и Азербайджана. В описанном выше случае разные государства и этнические группы также фактически нивелируют значение свадьбы именно в Дагестане.

Однако же нельзя сказать, что длительность проживания человека в миграции является достаточным условием, определяющим выбор северного города как локации для торжества. В качестве иллюстрации этого тезиса опять обращусь к полевому дневнику. Барият приехала в один из городов ЯНАО в начале 2000-х вслед за сыном. Ее сын сам нашел невесту, сам себе купил квартиру в Кизилюрте, а на севере семья живет в съемном жилье. Хотя сын уже почти 20 лет живет и работает в северной миграции, его свадебное торжество, а также свадьбу невесты играли в Кизилюрте, а в Новом Уренгое Барият просто накрыла праздничный стол дома для местных друзей и родственников, не побывавших на кизилюртовском торжестве.

Существуют промежуточные варианты, когда задействованы обе локальности. Очевидно, это нередко происходит в том случае, когда жених, к примеру, живет в ХМАО, а невеста – из дагестанского села. Один из моих информантов отмечал, что у его невесты свадьба проводилась в республике, затем невесту увезли на север, где и провели свадьбу жениха и где затем остались жить молодые.

Вернемся к случаю со свадьбой Эльнура. Он сыграл в Хасавюрте не очень многочисленную по дагестанским меркам, но все же полноценную свадьбу в одном из ресторанов Хасавюрта. Отдельная свадьба его невесты была многочисленнее и прошла в хасавюртовском банкетном зале. Молодые вскоре уехали на север, где их через некоторое время ждала ... третья свадьба – сторона жениха, уже более 20 лет к тому времени проживавшая в ХМАО, устроила свадьбу большего размаха, чем та, которая была у них в Дагестане.

Здесь видно, что свадьба жениха фактически раздвоилась. Произошло это из-за того, что у стороны жениха в месте миграции уже оказалось значительное число гостей, которых *следовало* пригласить на свадьбу, при этом некоторые значимые родственники все еще оставались в Дагестане. Перевезти одних на север или других на юг и устроить одну свадьбу, очевидно, не представлялось возможным.

Данный случай также не может считаться из ряда вон выходящим. Еще один пример из транслокальной миграции на север: Фахретдин живет в г. Покачи, ХМАО, больше 20 лет, здесь выросла его единственная дочь. Недавно он выдал ее замуж за односельчанина, живущего в Дербенте. Там же летом проходила свадьба жениха, которая фактически стала общей свадьбой, поскольку на ней в

8 Полевые материалы автора, собранные в 2018 г., Радужный, ХМАО.

качестве гостей были некоторые представители невесты⁹. Сама же свадьба невесты была устроена уже в Покачи, причем полгода спустя. На нее собралось около 400 гостей, что не так много для дагестанских торжеств в республике, но значительно для дагестанских свадеб на севере. На этом примере видно, что свадьбы могут не только дублироваться, но и объединяться и даже хронологически меняться местами (здесь свадьба невесты, которая обычно играет накануне свадьбы жениха, фактически случилась позже последней на целых полгода).

Для рассмотрения других факторов, влияющих на локальность свадебного торжества, приведу еще один пример из полевых заметок.

Фахретдин и его жена объяснили выбор локации тем, что их семья нечасто попадает на свадьбы в Дагестане и, в основном, они ходят на свадьбы на севере, поэтому и основные гости, которых они планировали пригласить, находились в ХМАО. Помимо актуальности социальных связей (на свадьбы помимо родственников и односельчан приглашают дагестанцев, с которыми завязались отношения в месте миграции, а также вообще друзей и коллег из «северной» жизни) здесь виден еще один важный принцип организации современной дагестанской свадьбы. Свадебное торжество в Дагестане имеет и определенную экономическую функцию – оно должно принести прибыль семье, его устраивавшей, или как минимум окупиться, поскольку основные и главные подарки гостей семье молодых – деньги. Сумма, которую уместно подарить, определяется близостью гостя к семье, проводящей свадьбу (чем ближе, тем больше, близкие родственники дарят больше всех), достатком гостя (престижно подарить много), а также тем, сколько семья молодых дарила семье гостя на их последней свадьбе. Принцип реципрокности обязывает включенные в свадебный круговорот семьи ходить друг к другу на свадьбы и фактически отдавать символические долги с учетом выше обозначенных правил определения суммы «долга». В этой связи семья, желающая получить большую сумму в качестве подарков, стремится пригласить помимо обязательных близких родственников еще и тех, у кого они сами были на свадьбе. Если же семья пропустила ряд свадеб в Дагестане, то логично предположить, что она не имеет в республике достаточное число «свадебных должников», зато уже обзавелась немалым числом аналогичных «заложников» закона реципрокности в месте миграции.

Безусловно, порой на решение провести свадьбу может оказать влияние и невозможность в должной мере организовать свадьбу в республике (не у всех мигрантов получается удачно использовать ресурс интернет коммуникации и родственных сетей, как это происходило в рассмотренных выше примерах). Тем не менее, нельзя недооценивать закон реципрокности в отношении выбора локальности брачного торжества.

Если кто-то из значимых участников свадебного ритуала (не обязательно жених и невеста, но также близкий родственник) участвует в миграции,

⁹ Организация общей свадьбы порой происходит в республике и вне связи с миграцией – см. [19, с. 186].

нередко отличительной особенностью таких свадеб является *скорость* принятия решения о браке и подготовки самого мероприятия.

Приведу следующий пример: выходцу из Кайтагского района Магомеду, уже несколько лет жившему в Сургуте, невесту изначально подобрала мама, оставшаяся в его родном селе. Примечательно, что для этого мама просматривала видеозаписи с последних сельских свадеб, пытаясь найти подходящую для сына девушку – сам он заявил, что долго был в отъезде и поэтому плохо знает потенциальных невест-односельчанок. В результате, когда он во время отпуска приехал на две недели в родное село, мать в ультимативной форме заявила ему, что за этот приезд он должен не только найти невесту, но и успеть жениться. Сын воспринял слова матери всерьез, после двух неудачных попыток сватовства третья завершилась сговором и затем свадьбой. В итоге из Дагестана Магомед уезжал на север уже женатым человеком.

Семья трансмигрантов из другого села Кайтагского района также столкнулась с необходимостью проведения стремительной свадьбы, когда между сговором и самим торжеством проходит всего несколько дней. Все члены семьи (родители и четверо уже повзрослевших детей – три брата и сестра) уже около десяти лет жили в Сургуте. Осенью они приехали в родное селение, провели там больше месяца и планировали отъезд (у главы семьи кончался отпуск). За несколько дней до вылета к дочери хозяина внезапно посватался парень из соседнего села. Девушке на тот момент было около 30 лет, и она уже была в браке, закончившимся быстрым разводом. В итоге семья почти сразу приняла решение о бракосочетании дочери, купила приданое и белое платье – молодым сыграли пусть не самую пышную, но настоящую свадьбу. Дочь осталась с мужем, а остальные члены семьи улетели на север именно в тот день, который и планировали до свадебного переполоха. К сожалению, и этот брак оказался неудачным, причем сказала на этом и поспешность организации свадьбы: мужчина пользовался довольно дурной славой в своем селении и если бы времени у стороны невесты было больше, то они могли бы качественнее навести справки о женихе и, возможно, отказаться от предложенной партии. На этом примере видно, как сжатые сроки пребывания на малой родине и необходимость уезжать на север в качестве трудового мигранта, влияет на молниеносное развитие событий, связанных с брачными ритуалами.

Последние примеры наглядно демонстрирует еще одну специфику свадьбы в условиях транслокальности – корреляцию проведения свадеб и времени очередных приездов мигрантов из северных городов на малую родину. В интервью почти все информанты отмечали, что важную роль в планировании приезда в родное селение (а для дагестанских мигрантов характерна ситуация, когда почти все отпуска тратятся на поездки в Дагестан) играли важные события семейного и сельского масштабов. Среди таких событий проведение свадеб – своих, а также родственников – безусловно, одна из самых популярных причин поездки. А. Вайз и С. Велаютам описывают такие приезды как ритуальные возвращения, когда мигранты возвращаются в родное селение именно в канун

важнейших ритуалов и мероприятий в семье или общине. Эти возвращения важны для поддержания границ замкнутого сообщества и создания единого социального поля для всех выходцев из села, уехавших и оставшихся [16, с. 118].

Так семья Магомеда приехала в родное село из Сургута в 2017 году именно тогда, когда на 1,5 летних месяца приходилось порядка 10 свадеб, на которых им желательно было присутствовать. Они посетили все, хотя это далось им нелегко. В других интервью часто можно было слышать, работая на севере, что такого-то человека сейчас нет в городе, потому что он уехал на свадьбу в республику. Информанты нередко рассказывали, что принимали решение о внеочередной поездке в Дагестан, главным образом, именно на свадьбу родных или друзей. Например, один мой информант утверждал, что, чтобы успеть на свадьбу родственника и вернуться в течение имевшихся у него от отпуска нескольких дней, он преодолел на автомобиле расстояние в 3500 км из Сургута в дагестанское село чуть дольше, чем за сутки, совсем не останавливаясь на ночлег.

При этом не только мигранты подстраивают свой приезд в республику, чтобы попасть на значимые для них свадебные торжества или едут именно на них. Сами свадьбы в Дагестане могут назначать с учетом того, когда могут приехать в селение гости-мигранты.

Вот, максимально, когда все собираются, вот на этот момент ставят. Потому что проще так делать. И уже тех других родственников, которые могут выбрать время, вот, например, мы каждый год знаем, что, например, в этом году на какие мы свадьбы попадем. В следующем году мы знаем, на какие свадьбы попадем. И вот так вот, соответственно, мы едем. Это такой... место оптовой встречи. Очень удобно, кстати. Можно ко всем родственникам не ездить, и если там, перед свадьбами если приехал, возможность всех увидеть, перецеловать...И всё, так в списках родственников ты есть, они тебя не исключили, всё нормально»¹⁰.

В целом, свадебное торжество как беспрецедентное по своей консолидирующей функции событие осмысливается и мигрантами, и оставшимися в Дагестане сельчанами как время восполнения лакун в общении и в социальном взаимодействии в условиях миграции. Например, по словам одной из информантов, живущих в Новом Уренгое, самой правильной стратегией приезда на малую родину она считает приезд прямо накануне значимой для семьи сельской свадьбы. В этом поход на свадьбу позволяет встретить там одномоментно большую часть родни, «со всеми перецеловаться», а потом уже не тратить значительную часть отпуска на необходимые визиты вежливости – это экономит мигранту не только время, но и деньги (каждый поход в гости сопровождается подарками).

Интернет-коммуникации приходят на помощь и в случае, когда мигрант не может посетить те или иные сельские свадьбы (как правило, это свадьбы односельчан, соседей, дальних родственников). Еще несколько лет назад, судя по данным интервью, передать деньги как подарок на свадьбу можно было с

10 Полевые материалы автора, собранные в 2019 г., Новый Уренгой, ЯНАО.

живым человеком, отправляющимся в Дагестан с севера, либо постфактум во время очередного визита на малую родину, а отправка денег через интернет-ресурсы воспринималась не вполне уместной.

Если бы я была матерью и моему сыну на свадьбу деньги на карточку (перевели – авт.), это было бы некрасиво¹¹.

Сейчас с развитием денежных транзакций через интернет в целом и тем более с учетом ситуации, вызванной пандемией, послать деньги через интернет, таким образом поздравив семью со свадьбой, стало вполне допустимо.

Консолидация разделенного сельского сообщества как приоритетная повестка для всего Дагестана, очевидно, стала возможной в постсоветский период, когда длительная трудовая миграция, а не сезонное отходничество, стала судьбой для большей части семей в дагестанских селениях. Однако есть примеры в республике, когда подобные задачи сельское сообщество решает на протяжении десятков лет. Один из примеров касается села Кубачи. Ювелиры знаменитого села переезжали семьями за пределы Дагестана и в дореволюционный период, и в советское время. В частности, большие общины кубачинцев проживали в Азербайджанской ССР и республиках Средней Азии. После распада СССР многие семьи приняли решение вернуться в Дагестан, но не все – до сих пор многие кубачинские семьи живут в Баку, в крупных городах Узбекистана и других центральноазиатских республик. На лето многие из них стараются приехать в Кубачи или прислать на каникулы своих молодых. Кубачинцы до сих пор твердо ориентированы на браки внутри сельского сообщества (куда входят и живущие в Узбекистане и Азербайджане), в связи с чем свадьбы представителей семей, живущих в Дагестане и в дальней миграции – не редкость. Свадебные консолидационные практики кубачинского джамаата во многом напоминают описываемые практики в контексте миграции на север¹².

Все описанные примеры, так или иначе, показывают значительную плотность и траектории трансформации связей внутри транслокального сельского сообщества в контексте проведения свадебных обрядов. Однако будет преувеличением говорить о том, что связи и практики внутри подобных транслокальных сообществ в полной мере тождественны практикам внутри сообщества одной локальности. Разумеется, ткань любого транслокального социального пространства неоднородна, порой прерывиста и нередко может иметь тенденцию к исчезновению, когда совокупность разрывов социальных связей станет больше, чем совокупность элементов связанностей. Поэтому очевидно, что, несмотря на все усилия дагестанских трансмигрантов не разрывать сельские связи даже в условиях длительной миграции и наличие весьма эффективных транслокальных практик мигрантов, физическая удаленность и подчас дискретность общения односельчан через интернет и визиты мигрантов на малую родину приводят к ослаблению некоторых связей в постсельском транслокальном сообществе односельчан. Определенное влияние эта ситуация оказывает и

11 Полевые материалы автора, собранные в 2018 г., Пыть-Ях, ХМАО.

12 Моя статья с результатами данного исследования еще находится в работе.

на брачные стратегии семьи. Например, в ходе исследования жизни дагестанских семей в северной миграции с несколькими семьями я общалась на протяжении пяти лет. В двух из пяти таких семей взрослые дети – парни и девушки – долго не вступали в брак, хотя их возраст по меркам сельского Дагестана уже давно это предполагал. Не буду делать выводы на основании такой небольшой выборки что тому виной – разрыв тесных контактов с родным селением и недостаточная доступность брачного реестра для участвующих в миграции дагестанцев и *vice versa*, «городские» взгляды данных детей мигрантов и их родителей на брак как на свободный выбор самих потенциальных брачующихся, репутационные потери живущей за пределами Северного Кавказа молодежи или что-то еще. Примечательно, что комментируя – почему трое сыновей моего информанта не женятся, близкая родственница их семьи, живущая в дагестанском селе и женившая всех своих детей вовремя, говорит, что для решения этой проблемы надо «набрать дисков с недавних свадеб и показать братьям, пусть выбирают себе невест». Ее совет, очевидно, направлен именно на восстановление информированности мигрантов о брачных ресурсах сельского сообщества, чтобы обе части постсельского джамаата стали в большей степени одним социальным пространством.

Завершая данную статью, хотела бы повторить основные представленные в тексте тезисы.

Современная миграционная ситуация, в которой оказались дагестанские селения, определила специфическое устройство постсельского социума, имеющего многие черты транслокальности. Это не могло не сказаться на значимых практиках и ритуалах сообщества. В этом случае закономерны изменения практик, связанных именно со свадьбой – центральным комплексом семейной обрядности. В статье показано как транслокальность сообщества влияет на организацию свадебного торжества и предшествующие ему стадии выбора брачного партнера и сватовства. Была показана влияние свадебных ритуалов на практики мобильности мигрантов и их односельчан, а также скорость перемещения и принятия решений в трансмигрантских семьях. Также показана роль интернет-коммуникации в модификации практик, связанных с проведением свадьбы. Безусловно, этой небольшой статьёй не исчерпывается тема влияния миграции на свадебный ритуальный комплекс в современном Дагестане, дальнейшие разработки темы планируются в следующих публикациях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Агларов М.А. Сельская община как эндогамный круг в Дагестане // Брак и свадебные обычаи у народов Дагестана в XIX — нач. XX в. Махачкала, 1986.
2. Glick Schiller N., Bash L., Szanton-Blanc C. Towards a transnational perspective on migration. New York: Annals of New York Academy of Science, 1992.
3. Levitt P. Transnational villagers. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 2001. Pp. 281.
4. Pries L. New migration in transnational space // Migration and transnational social spaces / Ed. by L. Pries. Ashgate, Brookfield USA, 1999.
5. Капустина Е.Л. Между Севером и землей: дорога из Западной Сибири в Дагестан как элемент социального пространства транслокального мигранта // Социологические исследования. — 2017. — № 5. — С. 26–34.
6. Kapustina E.L. The boundaries of the djamaat: the particular features of Dagestan's translocal communities in the context of migration flows within the Russian Federation // Журнал исследований социальной политики. — 2019. — №1. — С. 103–118.
7. Капустина Е.Л. «Самый Северный Кавказ»: особенности организации транслокальной жизни мигрантов из Дагестана в Западную Сибирь // «Жить в двух мирах»: переосмысляя транснационализм и транслокальность. Сборник статей; под ред. О. Бредниковой и С. Абашина. М.: НЛЮ, 2020. С. 374–441.
8. Greiner C., Sakdapolrak P. Translocality: Concepts, applications and emerging research perspectives. *Geography Compass*. 2013. 7(5). Pp. 373–384.
9. Goldring L. Power and Status in Transnational Social Spaces Pries L. (ed.) *Migration and transnational social spaces*. 1999. Ashgate, Brookfield USA. Pp. 162–186.
10. Cross-Border Marriages Gender and Mobility in Transnational Asia. Ed. by N. Constable University of Pennsylvania Press, 2005.
11. Transnational Marriage: New Perspectives from Europe and Beyond. Ed. by K. Charsley. New York: Routledge. 2012. p. 20.
12. Block, L. Policy Frames on Spousal Migration in Germany. *Regulating Membership, Regulating the Family*. Wiesbaden: Springer. 2016.[Crossref], [Google Scholar]
13. Moret J., Andrikopoulos A., Dahinden J. Contesting categories: cross-border marriages from the perspectives of the state, spouses and researchers // *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2019. DOI: 10.1080/1369183X.2019.1625124
14. Beck-Gernsheim E. Transnational lives, transnational marriages: a review of the evidence from migrant communities in Europe // *Global Networks*. 2007, V.7 (3). P.271-288.
15. Peleikis A. The emergence of a translocal community: the case of a South Lebanese village and its migrant connections to Ivory Coast // *Cahiers d'études sur la Méditerranée orientale et le monde turco-iranien*. 2000, 30. Pp. 297-317. DOI: <https://doi.org/10.3406/cemot.2000.1564>
16. Wise A., Velayutham S. Second-Generation Tamils and Cross-Cultural Marriage: Managing the Translocal Village in a Moment of Cultural Rupture // *Journal*
1. Aglarov MA. Marriage and wedding customs among the peoples of Dagestan in the XIX – early XX century [*Selskaya obshina kak endogamnyj krug v Dagestane*] *Rural community as an endogamous circle in Dagestan* [*Brak i svadebnye obychai u narodov Dagestana v XIX — nach. XX v.*] Makhachkala, 1986. (In Russ.)
2. Glick Schiller N., Bash L., Szanton-Blanc C. *Towards a transnational perspective on migration*. New York: Annals of New York Academy of Science, 1992.
3. Levitt P. *Transnational villagers*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 2001: 281.
4. Pries L. New migration in transnational space *Migration and transnational social spaces* / Ed. by L. Pries. Ashgate, Brookfield USA, 1999.
5. Kapustina EL. Between the North and the land: road from west Siberia to Dagestan as an element of social space of translocal migrant [Mejdu Severov I zemleyi: doroga iz zapadnoi Sibiri v Dagestan kak element sotsialnogo prostanstva translokalknogo mira] *Sociological Studies* [Sotsiologicheskie issledovaniya]. 2017; 5:26-34. (In Russ.)
6. Kapustina EL. The boundaries of the djamaat: the particular features of Dagestan's translocal communities in the context of migration flows within the Russian Federation *The Journal of Social Policy Studies*. 2019,1:103-118.
7. Kapustina EL. "The Northern Caucasus": features of the organization of the translocal life of migrants from Dagestan to Western Siberia [«Samyj Severnyj Kavkaz»: osobennosti organizacii translokalnoj zhizni migrantov iz Dagestana v Zapadnuyu Sibir] *«Living in two worlds»: rethinking transnationalism and translocality* [«Zhit v dvuh mirah»: pereosmyslyaya transnacionalizm i translokalnost]. Ed. by O. Brednikova and S. Abashin. Moscow, NLO. 2020: 374-441. (In Russ.)
8. Greiner C., Sakdapolrak P. Translocality: Concepts, applications and emerging research perspectives. *Geography Compass*. 2013;7(5): 373-384.
9. Goldring L. Power and Status in Transnational Social Spaces Pries L. (ed.) *Migration and transnational social spaces*. 1999. Ashgate, Brookfield USA: 162-186.
10. *Cross-Border Marriages Gender and Mobility in Transnational Asia*. Ed. by N. Constable University of Pennsylvania Press, 2005.
11. Transnational Marriage: New Perspectives from Europe and Beyond. Ed. by K. Charsley. New York: Routledge. 2012:250.
12. Block, L. *Policy Frames on Spousal Migration in Germany. Regulating Membership, Regulating the Family*. Wiesbaden: Springer. 2016.[Crossref], [Google Scholar]
13. Moret J., Andrikopoulos A., Dahinden J. Contesting categories: cross-border marriages from the perspectives of the state, spouses and researchers *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2019. DOI: 10.1080/1369183X.2019.1625124
14. Beck-Gernsheim E. Transnational lives, transnational marriages: a review of the evidence from migrant communities in Europe *Global Networks*. 2007;7(3):271-288.
15. Peleikis A. The emergence of a translocal community: the case of a South Lebanese village and its migrant

of Ethnic and Migration Studies. 2008.34(1). P.113-131. DOI: 10.1080/13691830701708718

17. Voigt-Graf, Carmen. The construction of transnational spaces by Indian migrants in Australia. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2005. 31. 365-384. DOI: 10.1080/1369183042000339972.

18. Алимova Б.М. Брак и свадебные обычаи в прошлом и настоящем (равнинный Дагестан). Махачкала: Даггиз, 1989.

19. Алимova Б.М., Мусаева М.К., Магомедханов М.М. Современная дагестанская городская свадьба // Кавказский город: потенциал этнокультурных связей в урбанистической среде / Отв. ред. Ю.М. Ботякова. – СПб.: МАЭ РАН, 2013. – С. 176–205.

20. Амирханова А.К. Влияние глобализационных процессов на трансформацию предсвадебных обрядов горожан Дагестана // АСТА HISTORICA: труды по историческим и обществоведческим наукам. – 2018. – №2. – С. 23–25.

21. Брак и свадебные обычаи у народов Дагестана в XIX – нач. XX в. Махачкала, 1986.

22. Хадирбеков Н.Б. Особенности специфики внутритухумных браков у народов Южного Дагестана в XIX нач. XX в // Вестник Социально-педагогического института. – 2012. – №2. С. 65–70.

23. Алимova Б.М., Ибрагимов М.-Р.А. Новые тенденции в развитии семейной обрядности народов Дагестана // Вестник института этнологии и антропологии. – 2016. – №2 (46). – С. 69–79.

24. Магомедова П.М. Свадьба в с. Маали как социальное действие в контексте особенностей социальных отношений в Дагестанском горско-сельском социуме // Кавказские локальные сообщества в глобальном мире: опыт изучения политический, социальной и религиозной трансформации. М., СПб, «Бранко» 2017. – С. 111–130.

connections to Ivory Coast *Cahiers d'études sur la Méditerranée orientale et le monde turco-iranien*. 2000;30:297-317. DOI:10.3406/cemot.2000.1564

16. Wise A., Velayutham S. Second-Generation Tamils and Cross-Cultural Marriage: Managing the Translocal Village in a Moment of Cultural Rupture *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2008.34(1):113-131. DOI: 10.1080/13691830701708718

17. Voigt-Graf C. The construction of transnational spaces by Indian migrants in Australia. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2005;31: 365-384. DOI: 10.1080/1369183042000339972.

18. Alimova BM. *Marriage and wedding customs in the past and present (lowland Dagestan) [Brak i svadebnye obychai v proshlom i nastoyashem (ravninnyj Dagestan)]*. Makhachkala: Daggiz, 1989.

19. Alimova BM., Musaeva MK., Magomedkhanov MM. Modern city wedding in Dagestan [Sovremennaya dagestanskaya gorodskaya svadba] *Caucasian city: the potential of ethnocultural ties in the urban environment [Kavkazskij gorod: potencial etnokulturnyh svyazej v urbanisticheskoy srede]*. Ed. by YM. Botyakov. St. Petersburg: MAE RAN, 2013:176-205.

20. Amirkhanova AK. The influence of globalization processes on the transformation of pre-wedding ceremonies of the townspeople of Dagestan [Vliyanie globalizatsionnyh processov na transformaciyu predsvadebnyh obryadov gorozhan Dagestana] *ACTA HISTORICA: Writings on the History and Social Studies*. 2018; 2:23-25.

21. *Marriage and wedding customs among the peoples of Dagestan in the XIX – early XX century [Brak i svadebnye obychai u narodov Dagestana v XIX – nach. XX v.]*. Makhachkala, 1986.

22. Khadirbekov NB. Features of intratukhum marriages among the peoples of Southern Dagestan in the beginning of XIX – early XX c. [Osobennosti specifiky vnutritukhumnyh brakov u narodov Yuzhnogo Dagestana v XIX nach. XX v.] *Bulletin of the Social Pedagogical Institute*. 2012,2(5): 65-70.

23. Alimova BM., Ibragimov M-RA. New trends in the development of family rituals of the peoples of Dagestan [Novye tendencii v razvitii semejnoy obryadnosti narodov Dagestana] *Bulletin of the Institute of Ethnology and Anthropology*. 2016;2(46):69-79.

24. Magomedova PM. Wedding in the village of Maali as a social action in the context of the peculiarities of social relations in the Dagestan mountain-rural society [Svadba v s. Maali kak socialnoe dejstvie v kontekste osobennostej socialnyh otnoshenij v Dagestanskom gorsko-selskom sociume] *Caucasian local communities in the global world: an experience of studying political, social and religious transformation [Kavkazskie lokalnye soobshestva v globalnom mire: opyt izucheniya politicheskij, socialnoj i religioznoj transformacii]*. Moscow, St. Petersburg: Branko, 2017:111-130.

Статья поступила в редакцию 25.11.2020 г.

ЭКСПЕДИЦИИ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH1641099-1139>

Гмыря Людмила Борисовна,
д.и.н., ведущий научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
Lgmyrya@mail.ru

Саидов Вадим Атемович
научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
Vsaidov1973@mail.ru

Магомедов Юсуп Абдусаламович
младший научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
Yusup_103@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ РУБАССКОЙ ФОРТИФИКАЦИИ в 2020 г.

Аннотация: В статье представлены предварительные данные о раскопках Рубасского фортификационного комплекса сер. VI в. в 2020 г. Археологический объект расположен в низовьях р. Рубас, вблизи сел. Коммуна Дербентского района Республики Дагестан, в 20 км к юго-западу от г. Дербента.

В 2014, 2016–2018 гг. проводились исследования четырех военно-инженерных сооружений, входивших в оборонительный комплекс: 1) арочное сооружение башенного типа; 2) каменная стена №1, пристроенная к арочному сооружению с севера; 3) монументальная каменная оборонительная стена №2, ориентированная по направлению Ю–С (раскрыт 28-метровый участок); 4) каменная стена №3, пристроенная к стене №2 с востока, ориентированная по направлению З–В (раскрыт 5-метровый участок).

Исследования Рубасской фортификации в 2020 г. были направлены на решение ряда проблемных вопросов, связанных с планировкой оборонительного комплекса, его структурой и функциональным назначением составляющих его сооружений.

Была установлена сложная конструкция и планировка северного участка магистральной стены №2 (ступенчатая форма, выступание от базовой линии восточного фасада стены №2 на 2,5 м, наличие признаков скругления к юго-востоку).

Получены новые данные о форме и конструкции стены №3 (округлая форма с загибом к северо-востоку, ступенчатая конструкция, использование специфических приемов укладки массивных блоков в стену).

Открыто новое сооружение в виде платформы размером 7×5 м с уклоном к северо-востоку в 22,5°. Аналогии подобных сооружений не установлены.

В 2020 г. была получена принципиально новая информация по проблемным вопросам устройства изучаемого оборонительного комплекса, внесшая существенные коррективы в предварительные выводы о планировке и конструкции выявленных сооружений и функциональном назначении Рубасской фортификации в целом.

Ключевые слова: Рубасская фортификация; арочное сооружение; каменная стена №1; монументальная оборонительная стена №2; каменная стена №3; каменная платформа (сооружение №5).

© Гмыря Л.Б., Саидов В.А., Магомедов Ю.А., 2020

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2020

 Creative Commons Attribution 4.0 International License

EXPEDITION

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH1641099-1139>

Lyudmila B. Gmyrya,
D.Sc. (History), Leading Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
Lgmyrya@mail.ru

Vadim A. Saidov,
Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
Vsaidov1973@mail.ru

Yusup A. Magomedov,
Junior Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
Yusup_103@mail.ru

THE STUDY OF THE RUBAS FORTIFICATION IN 2020

Abstract. The article proposes preliminary results of the excavations of the Rubas fortification complex of the middle 7th century in 2020. Archeological object is located in the lower reaches of the river Rubas, close to the village of Kommuna, Derbent region, Republic of Dagestan, 20 km south-west to Derbent.

In 2014, 2016-2018 we conducted studies of four military-engineering structures that are part of the defense complex: 1) arched structure of a tower type; 2) stone wall № 1, attached to the arched structure from the north; 3) a monumental stone defensive wall № 2, oriented in the South – North direction (a 28 m section is revealed); 4) stone wall № 3, attached to the wall № 2 from the east, oriented in the west-east direction (section 5 was exposed).

The studies of the Rubas fortification in 2020 were aimed at solving a number of problematic issues related to the planning of the defensive complex, its structure and the functional purpose of its constituent structures.

A complex structure and layout of the northern section of the main wall № 2 have been determined (stepped shape, protrusion from the baseline of the eastern facade of the wall № 2 by 2.5 m, signs of rounding to the southeast).

New data were obtained on the shape and construction of wall № 3 (rounded shape with a bend to the north-east, stepped structure, the use of specific techniques for installing massive blocks into the wall).

A new structure was revealed in the form of a platform of 7x5 m with a bend to the northeast at 22,5°. The analogies of such structures have not been established.

In 2020, a fundamentally new information has been obtained on the problematic issues of the structure of the studied defensive complex, which make significant adjustments to the preliminary conclusions about the layout and design of the identified structures and the functional purpose of the Rubas fortification as a whole.

Keywords: Rubas fortification; arched structure; stone wall №1; monumental defensive wall №2; stone wall №3; stone platform (structure №5).

© L.B. Gmyrya, V.A. Saidov, Y.A. Magomedov, 2020

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2020

 Creative Commons Attribution 4.0 International License

Комплекс оборонительных сооружений на р. Рубас был обнаружен в 2014 г. По функциональному назначению он относится к типу заградительных рубежей, возведенных Сасанидским Ираном при финансовом участии Византии на территории Западного Прикаспия, препятствующих набегам кочевников на страны Закавказья и Передней Азии. Типологически (технология возведения) он сопоставим с Дербентскими укреплениями сер. VI в. [1, с. 76–104; 2, с. 98–113; 3, с. 10–19].

Раскопки этого археологического объекта проводились в 2014, 2016–2018 гг. Рубасской археологической экспедицией Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН [библиографию см.: 4, с. 62–63].

Исследование Рубасского фортификационного объекта сопряжено с большими трудностями, обусловленными разными причинами – природными и антропогенными.

Палеосейсмологическими обследованиями 2018 г. установлено, что памятник неоднократно подвергался воздействию землетрясений силой 9 баллов, что привело к деформации построек. Раскопки этого объекта выявили наличие на его территории мощных отложений селя, вызванных наводнениями, которые в конечном счете привели к гибели этого фортификационного объекта [5, с. 91–103; 6, pp. 918–103].

В 2014 г. при обнаружении местными жителями строительных сооружений Рубасской фортификации часть из них была существенно разрушена путем выемки из построек крупных каменных блоков. На месте расположения памятника находился котлован глубиной более 3-х м и размером 9×7 м. Он был заполнен колотым камнем разных размеров с включением извести. Никаких строительных остатков на участке не просматривалось. Крупные каменные блоки были вывезены местными жителями в сел. Коммуна, часть из них была распилена на мелкие фрагменты как строительный материал. При осмотре памятника в 2014 г. удалось спасти 30 крупных каменных плит и поместить их на ответственное хранение в школу сел. Рубас. Произведенные разрушения этого памятника археологии значительно осложнили его изучение.

В 2014 г. разведочными раскопками на этом памятнике, проведенными ИИАЭ ДНЦ РАН при финансовой поддержке гранта РФФИ-Дагестан, были выявлены небольшие участки 4-х военно-инженерных сооружений: 1) сооружение арочной конструкции; 2) стена №1, пристроенная с севера к этому сооружению; 3) стена №2 (участок восточного фасада с 10 уровнями кладки); 4) стена №3, пристроенная с востока к стене №2. В 2016–2018 гг. проводилось исследование открытых сооружений при финансовой поддержке гранта РФФИ [топоплан объекта см.: 4, рис. 1; космоснимок см.: 5, рис. 11а–б]. Раскопки были проведены на площади 300 кв. м при глубине раскопа 3,5 м [см.: 4, с. 62–86].

По итогам раскопок 2018 г. стена №2, ориентированная по направлению С–Ю, была исследована на протяжении 28 м. Стена №3, пристроенная к ней с востока – на протяжении 5 м (открытый участок был ориентирован по направлению З–В). Стена №1, пристроенная к сооружению арочной конструкции по

линии С–Ю, была открыта на протяжении 5,5 м. Сохранившаяся высота объектов – 2,5 м (рис. 1,1–4; 2,1–4); план сооружений [см.: 5, рис. 2а, 3, 5; 6, рис. 2а, 3, 5; 4, fig. 5].

Исследованиями 2014, 2016–2018 гг. нового объекта культурного наследия было установлено: 1) несомненная принадлежность памятника к монументальным оборонительным сооружениям; 2) сложная, многоплановая структура и планировка; 3) многообразие технологических приемов укладки массивных каменных блоков в стены; 4) тщательность обработки каменных блоков; 5) применение скрепляющего (известкового) раствора; 6) использование специальных скоб для скрепления блоков.

Однако масштабность Рубасского оборонительного комплекса и своеобразие его местонахождения на дне долины р. Рубас обуславливают наличие проблемных вопросов, связанных с топографией и планировкой этого объекта, а в конечном счете – с его функциональной направленностью и исторической значимостью.

Поддержанный экс-Главой Республики Дагестан В.А. Васильевым в 2020 г. научный проект «Новое монументальное оборонительное сооружение на реке Рубас в Южном Дагестане (VI век): изучение и проблемы интерпретации» был направлен на получение новых данных о монументальном каменном оборонительном сооружении на реке Рубас, а именно – на решение проблемных вопросов: планировки оборонительного комплекса, его структура, функциональное назначение (руководитель проекта Гмыря Л.Б., исполнители: Саидов В.А., Магомедов Ю.А.).

Задачами проекта являлось дальнейшее исследование двух военно-технических сооружений: 1) магистральной монументальной каменной стены №2; 2) каменной стены №3, состоящей в конструктивной связке со стеной №2.

Цели и задачи раскопок Рубасской фортификации в 2020 г. были обусловлены результатами исследований военно-инженерных сооружений, полученных в 2018 г.

Раскопки 2018 г. показали, что монументальная оборонительная стена №2 имеет продолжение к северу, но открытый на северном участке стены №2 верхний уровень кладки восточного фасада протяженностью 5 м резко выступал от магистральной линии этой стены. Важно было выяснить причину этого факта, т.е. определить является ли это состояние конструктивным приемом или вызвано деформацией стены в результате землетрясения. Для решения этой проблемы необходимо было полностью раскрыть на этом участке восточный фасад.

Раскопки 2018 г. восточного участка стены №3 также выявили ряд проблемных фактов: необходимо было выяснить протяженность стены №3 (ее восточный конец уходил под борт раскопа) и ее планировку. На исследованных в 2014 и 2018 гг. участках стена №3 имела линейную форму на протяжении 5 м. С юга к участку 2018 г. примыкал второй ряд блоков, включавший 5 уровней кладки. Блоки каждого уровня были сдвинуты к югу под некоторым углом. Этот факт

был определен по данным палеосейсмологических обследований 2018 г. как деформация стены №3 в результате тектонических явлений. Необходимо было получить дополнительные данные о планировке стены №3, ее протяженности и причинах веерного разброса верхних уровней кладки.

Как отмечалось, целью реализации указанного научного проекта являлось получение новых данных о топографии и планировке оборонительного комплекса VI в. на реке Рубас, его структуре и функциональном назначении. Задачами проекта являлись дальнейшие раскопки двух исследованных в 2014, 2016–2018 гг. сооружений: 1) магистральной монументальной каменной стены №2; 2) каменной стены №3, состоящей в конструктивной связке со стеной №2.

Необходимость новых раскопок указанных строительных объектов была обусловлена рядом проблемных факторов, связанных как с их планировкой и конструкцией, так и планировкой и конструкцией оборонительного комплекса в целом [7, с. 5–25].

1. Раскопки северного участка магистральной стены №2 (рис. 3–20)

Площадь раскопа в месте нахождения северного участка стены №2 в 2020 г. составила 18 кв.м (6×3 м) при глубине раскопа 3,5 м. Исследование этого участка стены №2 было обусловлено необходимостью определения ее планировки и конструкции (в 2018 г. был расчищен только верхний уровень кладки этого участка стены №2) (рис. 3–4). Необходимо было выяснить ряд проблемных вопросов: 1) имеет ли этот участок стены №2 продолжение к северу?; 2) каковы конструктивные особенности восточного фасада стены №2 на данном участке?; 3) чем обусловлен сдвиг верхнего уровня кладки стены этого участка на 0,8 м к востоку относительно магистральной линии восточного фасада стены №2 в целом?

Раскопки в 2020 г. показали, что на этом участке находится сооружение специфической формы ступенчатой конструкции, наделенное особыми функциями.

Пристроенный к северному концу стены №2 строительный объект по итогам раскопок 2020 г. имеет протяженность по направлению С–Ю 5,7 м. Визуально в нем выделяется две части – южная длиной 2,7 м и северная длиной 3 м (рис. 5–6, 7–8).

Конструкция обеих частей пристройки разная, она обусловлена функциональным назначением каждой из них.

Южный участок несет в себе функцию конструктивной связки монументальной стены №2 с сооружением ступенчатой планиграфии. Учитывая массивность использованных при его возведении блоков, включения особого типа кладки (тычок-ложок) и скрепляющего раствора, мы приходим к выводу, что конструктивная связка несла в себе повышенную нагрузку.

Верхний уровень конструктивной связки состоял из двух массивных плит (№№ 155 и 146), находившихся на уровне четвертого сверху ряда кладки стены

№2. Блок №155 непосредственно примыкал боковой гранью к стене №2. Он представлял собой массивную плиту размером $0,87 \times 0,72 \times 0,27 - 0,3$ м, выступающую за пределы фасада стены №2 на $0,45$ м. С севера к нему примыкала удлиненная плита №146 размером $1,76 \times 0,57 \times 0,21$ м. Обе плиты подстилались слоем скрепляющего раствора с включением мелких речных галек. В месте стыковки плит имелись выемки прямоугольной формы, предназначенные для установки скрепляющих скоб (рис. 5–6).

Второй уровень конструктивной связки включал 5 блоков, установленных по системе тычок-ложок. Три плиты (№№ 156, 158, 160) были установлены боковой гранью наружу, две другие (№№ 157, 159) – на боковое ребро, лицевой поверхностью наружу) (рис. 6). Плита №156, установленная тычком (высота $0,62$ м, толщина $0,2$ м, ширина $0,31$ м), выступала от фасада стены №2 на $0,31$ м и находилась глубже других плит этого уровня. Две другие тычковые плиты (№№ 158 и 160) были примерно одинаковой с первой плитой высоты (соответственно $0,61$ м и $0,62$ м) и толщины (соответственно $0,2$ м и $0,17$ м). Ложковые плиты №№ 157 и 159 были массивные (соответственно $0,75 - 0,84 \times 0,6 - 0,58$ м; $1,1 \times 0,64$ м). Массивная плита №155 верхнего уровня кладки опиралась на тычковую плиту №156 и ложковую плиту №157 второго уровня (рис. 6]. Длинная плита №146 верхнего уровня опиралась частично на ложковую плиту №157 и на три другие плиты этого уровня (№№ 158, 159, 160) (рис. 6). В основании плит второго уровня находился слой скрепляющего раствора толщиной $0,08$ м с включением мелкой гальки (рис. 5–6).

Три нижних ряда кладки конструктивной связки были установлены постелистым способом. Крайний блок №170 третьего уровня кладки был массивным ($0,66 \times 0,54 \times 0,33$ м) и имел наклон наружу. Он служил опорой для плит №155 и 156 стены №3.

Блок №170 выступал за пределы фасада стены №2 на $0,5$ м. Под его основанием находилась подложка из нескольких мелких камней, лежавших на крайней плите №177 четвертого уровня. Плиты четвертого уровня (№№ 177, 178, 179) были установлены с наклоном к югу. Также под наклоном находилась плита №185 пятого уровня кладки. Плиты трех нижних рядов кладки были установлены в конструкцию ступенчатым способом. Выход подпочвенных вод препятствовал расчистке участка, прилегающего к блоку №185 с юга (рис. 5–6).

Для усиления сцепления конструктивной связки со стеной №2 в имеющиеся узкие пространства между блоками стены №2 и блоками пристройки были вставлены тонкие плитки, равные по высоте толщине каменных блоков. Такие плитки выявлены рядом с блоками №№ 75, 88, 100а (рис. 9–10).

Обращает на себя внимание группа из пяти блоков (№№ 141, 142, 143, 144, 145), лежащих на двух уровнях на плитах №№ 155 и 146. Плиты №№ 143–145 находятся на третьем уровне плит стены №2 (уровень плиты №50). Плиты №№ 141–142 установлены поверх плит №№ 143–145 и находятся на втором уровне плит стены №2 (уровень плиты №37а). Под плитами №№ 142 и 143 подложены мелкие камни для выравнивания их положения в кон-

струкции. Сама кладка этой группы каменных блоков отличается небрежностью. Блоки не имеют следов первичной обработки и, вероятно, являются речными валунами, посредством которых была наращена высота этой постройки (рис. 5; 7).

Архитектура северного участка пристройки отличается от южного участка. Она выдержана в едином стиле – постелистая кладка ступенчатой конструкции. В 2020 г. открыто 8 уровней кладки, но имеются и нижележащие, исследованию которых препятствовало наличие подпочвенных вод (рис. 5–9).

Массив этой постройки выступает за пределы верхней линии фасада стены №2 на 2,6 м, нижнего уровня – на 2,0 м (рис. 6–9).

Северный участок пристройки сооружен из обработанных плит в основном среднего размера. Из 33 блоков, зафиксированных в 2020 г. на этом участке, блоков длиной 1,0 м или около 1,0 м было 7 экземпляров. Три блока имели большие показатели длины – 1,29 м (блок №176, 4-й ряд кладки); 1,9 м (блок №195, 7-й ряд кладки); 1,95 м (блок №182, 5-й ряд кладки) (рис. 5). Как будет показано ниже, массивными блоками был укреплен конструктивно сложный и важный участок этой конструкции.

Ширина ступеней на 3–7 уровнях кладки – достаточно большая (30–40 см).

Верхний уровень кладки этого сооружения был составлен из пяти блоков (№№147–151) среднего размера. Полные размеры блока №151 пока не выяснены, т.к. часть его находится под северным бортом раскопа.

Верхние блоки северного участка пристройки расположены на одном уровне с блоками №№155, 146 сооружения, обозначенного как конструктивная связка со стеной №2. На поверхности блоков имеются пазы прямоугольной формы, предназначенные для установки скоб скрепления. Пазы такой же конструкции имелись на блоках в месте соединения кладки верхнего уровня пристройки и конструктивной связки (рис. 5; 7).

Аналогичные пазы были зафиксированы также в месте соединения блоков №№ 167 и 168, блоков №№ 168 и 169 третьего уровня кладки; блоков №№ 183 и 184 пятого уровня кладки; блоков №№ 194 и 195 седьмого уровня кладки.

Предварительный анализ характерных особенностей конструкции северного участка постройки выявил некоторые строительные приемы, использованные для изменения планировки этого сооружения:

1) блоки верхнего уровня (№№ 147, 148, 149) установлены с небольшим смещением к северу. Образовавшееся между блоками пространство треугольной формы заложено скрепляющим раствором (рис. 5);

2) северная грань блока № 150 была срезана под углом с наклоном к югу; часть южной грани соседнего блока № 151 была срезана под углом с наклоном к северу. В образовавшееся пространство клиновидной формы был вставлен камень узколенточной формы (№ 151а) с параметрами: длина 29 см, ширина 12–13 см, толщина 20 см. Камень был закреплен цементом с обеих сторон. Ширина угла между камнем № 151а и блоком № 151, заполненного цементом, составила 14 см (рис. 11–16).

3) крайние блоки пятого уровня кладки (блоки №№ 183 и 184) подверглись как изменению формы, так и положению в кладке. Блок №183 был установлен рядом с длинным блоком №182. Ширина северной грани блока № 182 составляла 0,37 м. Ширина блока № 183 в средней части составляла 0,55 м. Чтобы состыковать оба блока был вырезан левый угол блока №183, доведенный до 0,4 м, а сам блок № 183 был слегка отклонен к северу с образованием просвета в месте стыковки клиновидной формы. Ширина северной грани блока №183 составляла 0,58 м. Ширина южной грани блока №184, состыкованного с блоком №183, составляла 0,72 м, т.е. на 0,14 м она превышала ширину блока №183. Более того, блок №184 установлен с отклонением от блока №183 к северу с образованием между ними пространства клиновидной формы. В результате проведенных манипуляций нижняя грань блока №184 была отклонена от направления С–Ю к СВ на 20°. Чтобы обеспечить опору обоим блокам был выдвинут к востоку блок №190 шестого уровня кладки (рис. 17–20). Под блок №183 был помещен слой скрепляющего раствора толщиной 10 см и небольшой камень-подложка. В месте стыковки каменного блока №184 пятого уровня кладки с каменным блоком №176 четвертого уровня находился слой скрепляющего раствора, видимо, для фиксации его необходимого положения (рис. 20).

Как отмечалось, в данной постройке были установлены три крупных блока – №176 четвертого уровня кладки с видимой длиной 1,29 м; №182 пятого уровня кладки длиной 1,95 м; №195 седьмого уровня кладки длиной 1,9 м (рис. 17). Представляется, что данные блоки были установлены в непосредственной близости от конструкции из блоков №№183, 184 и 190 с целью усиления их необходимого положения, фиксирующего постепенное скругление этой пристройки к юго-востоку.

Отмеченные конструктивные манипуляции были, несомненно, нацелены на изменения планировки северной пристройки, а именно – на придание ей округлой формы.

Функциональное назначение этого объекта пока не определено. Необходимо выяснить его полную планировку.

Анализ материалов раскопок 2020 г. этого участка стены №2 показал: 1) объект не имеет продолжения в северном направлении, несмотря на то, что крайние блоки уходят под северный борт раскопа (рис. 5; 6; 9; 17); 2) ступени фасада этого объекта имеют признаки скругления формы этого сооружения к юго-востоку (рис. 1; 12; 17; 19); 3) возможно, выявленный на данном участке объект имеет специальное назначение. Необходимы дальнейшие раскопки на этом участке.

2. Раскопки восточного участка стены №3 (рис. 21–29А)

Площадь раскопа в месте нахождения восточного участка стены №3 в 2020 г. составила 30 кв. м (6×5 м) при глубине раскопа 3,5 м. Раскопки этого участка стены №3 были обусловлены необходимостью определения ее протяженности

и функционального назначения. Стена №3 состояла в конструктивной связке с магистральной стеной №2 и была встроена в ее восточный фасад.

По итогам раскопок 2014 г. был выявлен отрезок стены №3 протяженностью 1,74 м. Он включал две крупные плиты (№№1–2), уложенные линейно в направлении З–В. Они подстилались наброской из рваного камня разных размеров (толщина наброски составляет 0,9 м), интерпретированной как фундамент стены №3. Протяженность каменной наброски на исследованном участке составляла 1,4 м. К плите №2 с востока примыкал участок грунта протяженностью 1,16 м, которым было заполнено пространство удаленной из кладки плиты. Общая протяженность стены №3 с учетом удаленной плиты в 2014 г. составила 2,9 м. Раскопки на этом участке раскопа были осложнены высоким уровнем подпочвенных вод (рис. 21).

В 2018 г. было дополнительно расчищено еще 2 плиты (№3–4), уложенные линейно в направлении З–В суммарной протяженностью 2,02 м. Общая длина стены №3 на период раскопок 2018 г. составила 4,92 м с учетом несохранившегося блока. Плиты на всем протяжении лежали линейно по направлению З–В, но на участке 2018 г. было раскрыто еще 5 верхних уровней кладки стены №3, уложенных под некоторым углом друг к другу (плиты №№5–13). Участок стены №3 периода 2014 г. был однослойным. Нижний уровень кладки стены №3 периода 2018 г. (№№3–4) имел линейную форму, остальные плиты кладки стены №3 имели веерный разброс (рис. 21–22). Специфическое положение верхнего уровня плит стены №3 по заключению палеосейсмологов в 2018 г. (Институт физики Земли РАН) было обусловлено стихийным бедствием (землетрясение силой 9 баллов) [5, с. 91–103; 6, pp. 1547–1558].

Т.к. цель раскопок стены №3 периода 2018 г. состояла в выявлении ее протяженности, а по данным раскопок 2014 г. линейный участок стены являлся ее нижним уровнем, подстилавшимся каменным фундаментом, то раскопки 2018 г. были ограничены на этом участке расчисткой поверхности плит, составлявших линейный участок (рис. 21–22). Предполагалось, что под плитами (№№3–4) находится каменная наброска (фундамент), аналогичная участку 2014 г.

Задачей раскопок стены №3 в 2020 г. было: 1) выяснение факта ее возможного значительного продолжения к востоку, что подтвердило бы ее магистральный характер (длинная стена); 2) выяснение факта возможной башенной формы сооружения, частью которого могла являться стена №3.

В 2020 г. на участке раскопа стены №3 2018 г. были проведены дополнительные исследования, выявившие четыре нижних уровня кладки, находившихся под линейным участком (№№17, 18, 35, 20–28). Плиты были установлены под некоторым углом друг к другу, вся конструкция имела ступенчатый характер (рис. 23–24). Общая высота стены №3 на этом участке составила 10 уровней кладки. Раскопки стали возможны благодаря установившемуся в 2020 г. низкому уровню подпочвенных вод.

В 2020 г. раскоп на этом участке был расширен на 3 м в восточную сторону (рис. 25–26).

На участке расположения стены №3 в 2020 г. были выявлены принципиально новые данные относительно планировки, конструкции и функционального назначения стены №3, изменившие прежние представления об этом объекте. Было установлено:

1) данная стена имеет округлую форму с загибом к северо-востоку (рис. 25–28; 29А);

2) северный фасад этой стены имеет ступенчатую конструкцию (10 уровней кладки) (рис. 25–28; 29А);

3) стена выполнена из массивных крупных каменных блоков. Из сохранившихся 45 экз. блоков этой стены 16 блоков имели длину, превышающую 1,0 м. Из них два блока были очень длинными – 1,74 м (блок №43) (рис. 26–27; 29А); 1,5 м (блок № 42) (рис. 27; 29А); четыре блока имели длину в пределах 1,3–1,22 м (блоки №№ 5–7, 35) (рис. 28); пять блоков – в пределах 1,19–1,15 м (блоки №№ 9–11, 22, 25) (рис. 24; 28); еще пять блоков – в пределах 1,0–1,12 м (блоки №№ 23, 37, 4, 8, 13, 20, 38) (рис. 28). Большие размеры блоков, несомненно, обусловлены необходимостью повышенной прочности этого сооружения;

4) оформление округлой формы стены №3 выполнено специальным строительным приемом – путем установки каждого блока в кладку под определенным углом (рис. 25–28; 29А). Эта технология впервые выявлена на исследованном объекте. Пустоты, образованные на стыках каменных блоков, заполнялись мелкими камнями и галькой (№№ 10а, 8а, 38а) (рис. 25–26; 29А);

5) заключение палеосейсмологов относительно трансформации формы стены №3 в результате землетрясения (веерный разброс) оказалось ошибочным;

6) определенный интерес представляют два резных знака, нанесенные на блоки северного фасада стены №3: знак №1 в виде парных вертикальных насечек, нанесенных на длинную боковую грань каменного блока №9 (восьмой уровень кладки); знак №2 в виде креста, нанесенный на поверхность блока №18 (четвертый уровень кладки) (рис. 28). Возможно, это строительные знаки, несущие определенную функцию. Резные знаки в виде вертикальных насечек имелись также на некоторых каменных блоках из группы, переданных на хранение в школу сел. Рубас.

Полученные при раскопках в 2020 г. стены №3 данные дают возможность реконструировать систему конструктивной связи стены №3 со стеной №2. На крайнем блоке третьего уровня кладки (блок № 20) имеется специальная подтепка узко прямоугольной формы, предназначенная для установки каменного блока четвертого уровня кладки, направленного длинной стороной к стене № 2 (рис. 28). На блоке №2 (южная грань) также имеется подтепка узко прямоугольной формы, предназначенная для установки каменного блока шестого уровня кладки, направленного длинной стороной к стене №2 (рис. 28). Как представляется, блоки всех десяти уровней кладки соединялись с восточным фасадом стены №2. Но конструктивная связка обеих стен фиксируется в настоящее время только на участке нахождения пятого уровня кладки стены №3 (западный конец) (рис. 25–26). Блоки других уровней кладки были изъяты

местными жителями в 2014 г. На месте их первоначального нахождения расположен котлован, заполненный рваным камнем (рис. 23–28).

В 2020 г. раскрыт 6-метровый отрезок стены №3, общая протяженность раскрытого участка стены составляет 8,9 м с учетом несохранившегося блока, высота 2,4 м. Стена имеет продолжение к северо-востоку (рис. 25–26). Ее функциональное назначение до проведения новых раскопок остается не установленным.

3. Раскопки нового строительного объекта – массивной каменной платформы на южном участке раскопа (сооружение №5) (рис. 29–41)

В 2020 г. был открыт и исследован новый строительный объект (сооружение №5) – массивная каменная платформа, сконструированная с большим уклоном в восточную сторону.

Площадь исследованного участка с нахождением массивной каменной платформы (сооружение №5) в 2020 г. составила 35 кв. м – 7×5 м при глубине раскопа 3,5 м. Раскопки на этом участке, расположенном к югу от стены №3, были обусловлены необходимостью выявления южного фасада стены №3, установления его планировки и конструкции. Одним из побудительных мотивов исследования данного участка была также необходимость определения функции двух массивных каменных блоков, раскрытых местными жителями в результате произведенных перекопов южного борта раскопа 2018 г. в месте его стыковки с восточным бортом. Блоки были уложены в два слоя и направлены длинной стороной по линии З–В (рис. 26). Как позже выяснилось в процессе раскопок, данные блоки замыкали северный фасад нового сооружения №5 – каменной платформы.

Исследованиями 2020 г. на южном участке раскопа был выявлен новый строительный объект №5 – массивная каменная платформа, функциональное назначение которой пока не определено. В пределах раскопа открыт участок платформы максимальной длиной по направлению СВ–ЮЗ 4,6 м и шириной по направлению СЗ–ЮВ 6,4 м, общей площадью ок. 30 кв. м (рис. 29Б; 30–31). Платформа составлена из массивных каменных блоков, уложенных плашмя. Каменные блоки снабжены пазами для установки специальных скоб для их скрепления (рис. 30, 38–41). Раскрыто 4 уровня кладки из массивных блоков (рис. 34–35). До основания платформы возможно нахождение еще 4-х уровней кладки. На исследованном участке платформы зафиксировано 32 массивных блока, уложенных в 12 вертикальных рядов [рис. 30].

Специфика сооружения №5 состоит в ряде показателей:

1) весь массив платформы имеет уклон к северо-востоку под углом в 22,5° (рис. 29, Б, 31–33, 37);

2) вертикальные ряды блоков (8 рядов) уложены с изгибом к северо-востоку, т.е. в сторону округлой стены №3 (рис. 30);

3) степень изгиба массива платформы практически идентична степени изгиба стены №3 (рис. 29, А–Б);

4) анализ материалов раскопок этого участка показывает, что массив каменной платформы имеет связь с округлой стеной №3. Об этом свидетельствует наличие длинного поперечного блока №26, скрепленного с продольным блоком № 25 платформы (рис. 29, Б, 30–31), и наличие длинного поперечного блока № 42 в структуре округлой стены №3, сформированной из продольных блоков (рис. 29, А).

Конструкция каменной платформы имеет продолжение к югу – в сторону реки и к востоку (рис. 29, Б, 30–35). Необходимо восстановить форму и размеры платформы полностью. Функциональное назначение этого грандиозного объекта пока не установлено. Аналоги таких построек нам не известны.

4. Анализ полученных материалов

1) Северный участок магистральной стены №2:

а) стена №2 не имеет продолжения в северном направлении;

б) на восточном фасаде этого участка стены имеются признаки ее округления к востоку (специфические технологические приемы укладки каменных блоков);

в) северный участок стены №2 несет в себе признаки самостоятельного, специального сооружения, пристроенного к стене №2;

г) трансформация формы северного участка стены №2 в результате землетрясения не установлена.

2) Восточный участок стены №3:

а) стена №3 имеет продолжение к северо-востоку;

б) стена №3 была встроена в восточный фасад стены №2. Участки тыльной части стены №3 были разрушены в 2014 г. местными жителями. Сохранилась только одна линия кладки тыльной части ее северного фасада (пятый ряд, начиная от основания);

в) форма стены №3 округлая с загибом к северо-востоку;

г) конструкция северного фасада – ступенчатая с установкой каменных блоков под некоторым углом;

д) трансформация формы стены в результате землетрясения не установлена;

е) бессистемный разброс пяти массивных каменных блоков с южной стороны стены №3 обусловлен разрушениями памятника в 2014 г.

3) Массивная каменная платформа (сооружение №5)

а) аналогии конструкции и формы сооружения не установлены;

б) массивные каменные блоки платформы выполнены из крупных речных валунов;

в) поверхность верхнего ряда кладки этого сооружения не подвергалась специальной обработке, о чем свидетельствуют следы изъязнов,

сформировавшихся под воздействием силы воды в доисторический период (рис. 36–37);

г) данное сооружение не было потревожено в результате стихийных сил природы (землетрясение, провалы почвы, наводнение и др.);

д) изгиб вертикальных рядов кладки платформы к северо-востоку, как и самого сооружения в целом свидетельствует о принадлежности округлой стены №3 и платформы к одному сооружению.

Полученные в 2020 г. результаты не только не прояснили ситуацию по вопросам планировки и конструкции исследованных военно-инженерных сооружений, но существенно скорректировали выводы, полученные по материалам раскопок 2018 г. Стена №3, имевшая на протяжении 5 м линейный характер, на новом участке приобрела округлую форму северного фасада с уклоном к северо-востоку. Стена №2, северный участок которой по данным раскопок 2018 г. уходил под северный борт раскопа, что свидетельствовало о продолжении ее в этом направлении, по данным раскопок 2020 г. приобрела округлые очертания с уклоном к юго-востоку. Ее конструкция имела намеренный ступенчатый характер. По сути, на этом участке было возведено сооружение новой конструкции, пристроенное с севера к стене №2, функциональное назначение которого пока не поддается определению.

И совсем неожиданным оказалось открытие в 2020 г. нового строительного объекта – массивной каменной платформы (раскрыт участок площадью 35 кв. м и верхние четыре уровня кладки). Особенность этого объекта состоит не только в необычной конструкции, но и в покатой поверхности с уклоном в 22,5°.

Необходимо продолжение раскопок этого монументального оборонительного комплекса на реке Рубас с целью выявления новых участков составляющих его сооружений для выяснения их формы и определения функционального назначения.

Выявление новых данных по исследованной проблеме, а также открытие новых строительных объектов на основе проведенных в 2020 г. раскопок Рубасской фортификации, способствуют формированию полной характеристики монументальной фортификации на р. Рубас, включая ее объемную реконструируемую планиграфию, соотношение с ландшафтом, технологию сооружения, архитектурные решения, обстоятельства разрушения и особенностей природной консервации ее остатков в течение 1500 лет (рис. 48–51).

Благодарность: 1. Статья написана при поддержке гранта экс-Главы Республики Дагестан В.А. Васильева (проект №8 2020 г. «Новое монументальное оборонительное сооружение на реке Рубас в Южном Дагестане (VI в.): изучение и проблемы интерпретации»);

2. Выражаем благодарность нашим коллегам Рабадану Гаджиевичу Магомедову и Багавдину Хакимовичу Гаджиеву за товарищеское содействие в проведении аэрофотосъемок Рубасской фортификации в 2020 г. [рис. 1–2, 44–45, 48–51]

3. Фотофиксация исследованных в 2020 г. археологических объектов осуществлена Ю.А. Магомедовым и В.А. Саидовым.

Рис. 1. Рубасская фортификация. Раскоп 2018 г. Вид с северо-запада.
1- сооружение арочной конструкции; 2 - стена №1; 3- стена №2; 4 - стена №3. Аэрофотосъемка 2020 г.

Fig. 1. Rubas fortification.

Excavation site 2018. View from the northwest.

1 – construction of an arched structure; 2 – wall №1; 3 – wall 2; 4 – wall 3. Aerial photography of 2020

Рис. 2. Рубасская фортификация. Раскоп 2018 г. Вид с запада.
1- сооружение арочной конструкции; 2 - стена №1; 3- стена №2; 4 - стена №3. Аэрофотосъемка 2020 г.

Fig. 2. Rubas fortification.

Excavation site 2018. View from the west.

1 – construction of the arched structure; 2 – wall 1; 3 – wall 2; 4 – wall 3. Aerial photography of 2020

Рис. 3. Рубасская фортификация.
Вид с северо-востока. 1 – стена №2; 2 – стена №3;
3 – сооружение арочной конструкции. 4 – стена №1.
Фото 2018 г.

Fig. 3. Rubas fortification.
View from the north-east. 1 – wall 2; 2 – wall 3;
3 – construction of an arched structure. 4 – wall 1.
Photo of 2018

Рис. 4. Рубасская фортификация. Стена №2. Вид с северо-востока. Фото 2018 г.

Fig. 4. Rubas fortification. Wall №2. View from the north-east. Photo of 2018

Рис. 5. Рубасская фортификация. Стена №2. Северный участок. Вид с востока. Фото 2020 г.

Fig. 5. Rubas fortification. Wall №2. Northern section. View from the east. Photo of 2020

Рис. 6. Рубасская фортификация. Стена №2. Северный участок. Вид с юго-востока. Фото 2020 г.

Fig. 6. Rubas fortification. Wall №2. Northern section. View from the south-east. Photo of 2020

Рис. 7. Рубасская фортификация.
Стена №2. Северный участок. Вид с севера.
Фото 2020 г.

Fig. 7. Rubas fortification. Wall №2. Northern section.
View from the north. Photo of 2020

Рис. 8. Рубасская фортификация. Стена №2. Северный участок. Вид с юга. Фото 2020 г.

Fig. 8. Rubas fortification. Wall №2. Northern section. View from the south. Photo of 2020

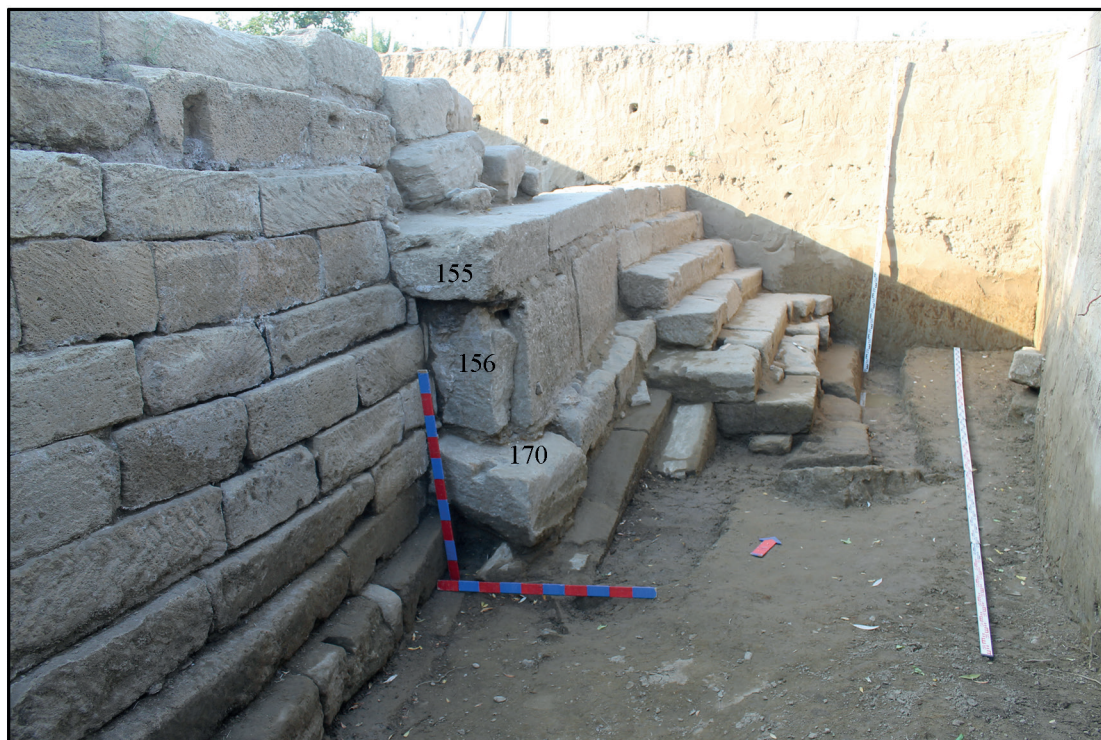

Рис. 9. Рубасская фортификация. Стена №2.
Северный участок. Вид с юга. Фото 2020 г.

Fig. 9. Rubas fortification. Wall №2. Northern section. View from the south. Photo of 2020

Рис. 10. Рубасская фортификация.
Стена №2. Северный участок. Вид с востока.
Фото 2020 г.

Fig. 10. Rubas fortification. Wall №2. Northern section. View from the east. Photo of 2020

Рис. 11. Рубасская фортификация. Стена №2. Северный участок. Вид с севера. Фото 2020 г.

Fig. 11. Rubas fortification. Wall №2. Northern section. View from the north. Photo of 2020

Рис. 12. Рубасская фортификация. Стена №2. Северный участок. Вид с севера. Фото 2020 г.

Fig. 12. Rubas fortification. Wall №2. Northern section. View from the north. Photo of 2020

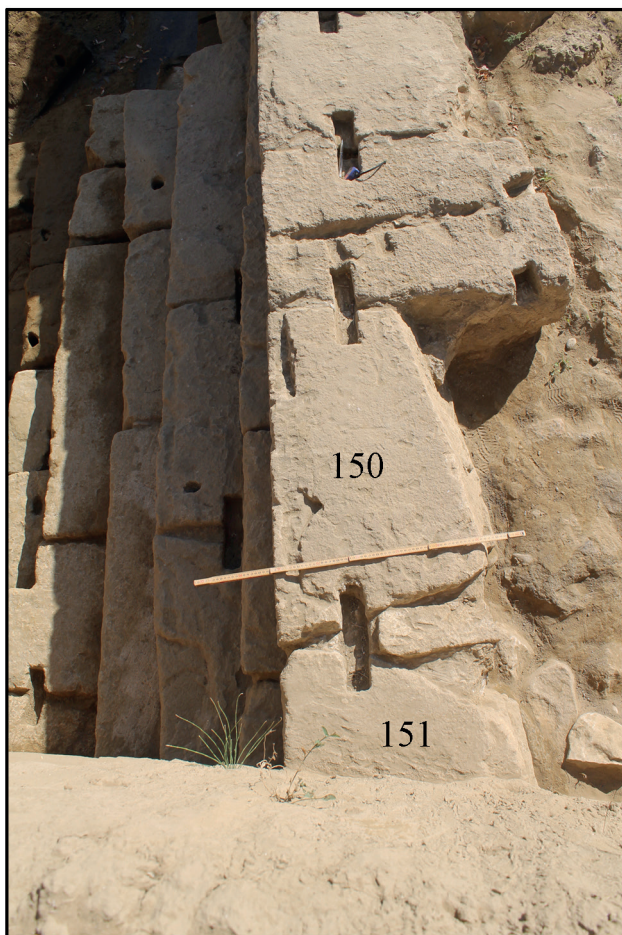

Рис. 13. Рубасская фортификация.
Стена №2. Северный участок. Вид с севера.
Фото 2020 г.

Fig. 13. Rubas fortification.
Wall №2. Northern section.
View from the north.
Photo of 2020

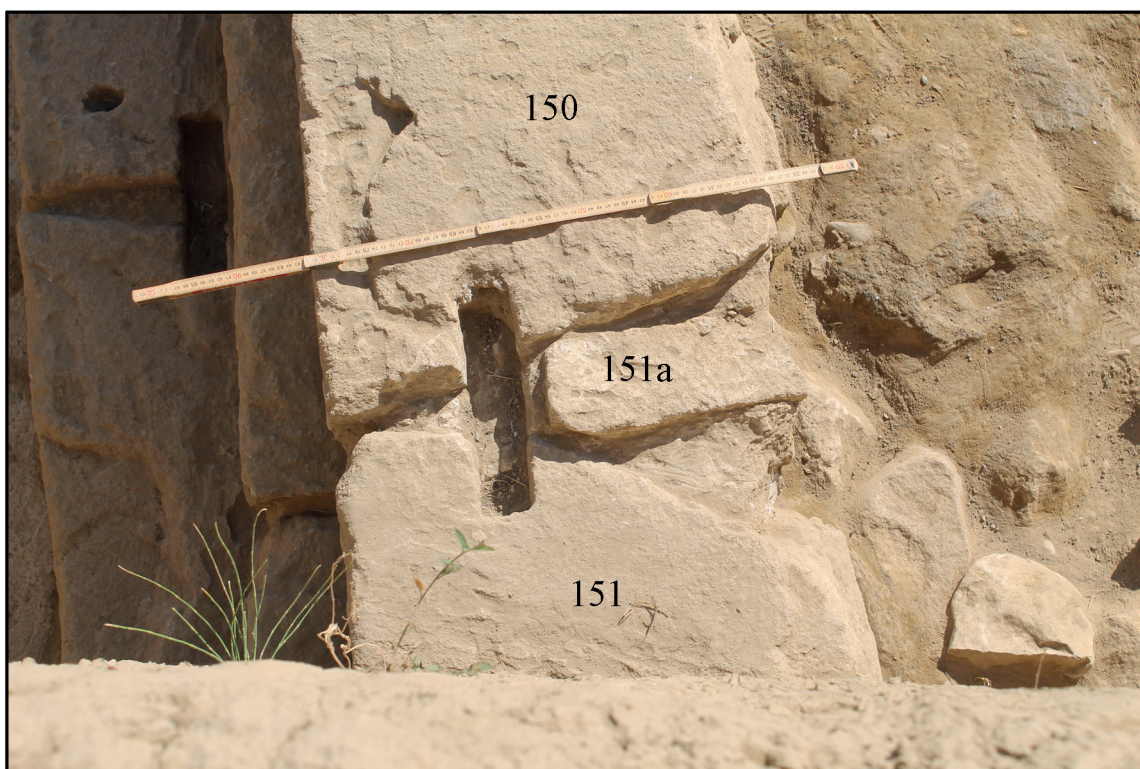

Рис. 14. Рубасская фортификация. Стена №2. Северный участок. Вид с севера. Фото 2020 г.

Fig. 14. Rubas fortification. Wall №2. Northern section. View from the north. Photo of 2020

Рис. 15. Рубасская фортификация. Стена №2. Северный участок. Вид с запада. Фото 2020 г.

Fig. 15. Rubas fortification. Wall №2. Northern section. View from the west. Photo of 2020

Рис. 16. Рубасская фортификация. Стена №2. Северный участок. Вид с запада. Фото 2020 г.

Fig. 16. Rubas fortification. Wall №2. Northern section. View from the west. Photo of 2020

Рис. 17. Рубасская фортификация. Стена №2. Северный участок. Вид с востока. Фото 2020 г.

Fig. 17. Rubas fortification. Wall №2. Northern section. View from the east. Photo of 2020

Рис. 18. Рубасская фортификация. Стена №2. Северный участок. Вид с запада. Фото 2020 г.

Fig. 18. Rubas fortification. Wall №2. Northern section. View from the west. Photo of 2020

Рис. 19. Рубасская фортификация. Стена №2. Северный участок. Вид с севера. Фото 2020 г.

Fig. 19. Rubas fortification. Wall №2. Northern section. View from the north. Photo of 2020

Рис. 20. Рубасская фортификация.
Стена №2. Северный участок.
Вид с юго-востока.
Фото 2020 г.

Fig. 20. Rubas fortification. Wall №2.
Northern section. View from the south-east.
Photo of 2020

Рис. 21. Рубасская фортификация. 1 - стена №2; 2 - сооружение арочной конструкции; 3 - стена №3. Вид с севера. Фото 2018 г.

Fig. 21. Rubas fortification. 1 – wall №2; 2 – an arched structure; 3 – wall №3. View from the north. Photo of 2018

Рис. 22. Рубасская фортификация. Стена №3. Вид с северо-запада. Фото 2018 г.

Fig. 22. Rubas fortification. Wall №3. View from the northwest. Photo of 2018

Рис. 23. Рубасская фортификация. Стена №3. Вид с запада. Раскоп 2018 г. Фото 2020 г.

Fig. 23. Rubas fortification. Wall №3. View from the west. Excavation site of 2018. Photo of 2020

Рис. 24. Рубасская фортификация. Стена №3. Вид с северо-востока. Раскоп 2018 г. Фото 2020 г.

Fig. 24. Rubas fortification. Wall №3. View from the north-east. Excavation site of 2018. Photo of 2020

Рис. 25. Рубасская фортификация.
Стена №3. Вид с запада.
Фото 2020 г.

Fig. 25. Rubas fortification.
Wall №3. View from the west.
Photo of 2020

Рис. 26. Рубасская фортификация. Стена №3. Вид с северо-запада. Фото 2020 г.

Fig. 26. Rubas fortification. Wall №3. View from the northwest. Photo of 2020

Рис. 27. Рубасская фортификация.
Стена №3. Вид с востока.
Фото 2020 г.

Fig. 27. Rubas fortification.
Wall №3. View from the east.
Photo of 2020

Рис. 28. Рубасская фортификация. Стена №3. Вид с севера. Фото 2020 г.

Fig. 28. Rubas fortification. Wall №3. View from the north. Photo of 2020

Рис. 29. Рубасская фортификация. А- стена №3; Б - платформа (сооружение №5).
Вид с севера. Фото 2020 г.

Fig. 29. Rubas fortification. А – wall №3; Б – platform (structure № 5).
View from the north. Photo of 2020

Рис. 30. Рубасская фортификация. Платформа (сооружение №5). Вид с северо-востока. Фото 2020 г.

Fig. 30. Rubas fortification. Platform (structure №5). View from the north-east. Photo of 2020

Рис. 31. Рубасская фортификация. Платформа (сооружение №5). Вид с севера. Фото 2020 г.

Fig. 31. Rubas fortification. Platform (structure №5). View from the north. Photo of 2020

Рис. 32. Рубасская фортификация. Платформа (сооружение №5). Вид с севера. Фото 2020 г.

Fig. 32. Rubas fortification. Platform (structure №5). View from the north. Photo of 2020

Рис. 33. Рубасская фортификация. Платформа (сооружение №5). Вид с северо-запада. Фото 2020 г.

Fig. 33. Rubas fortification. Platform (structure №5). View from the north-west. Photo of 2020

Рис. 34. Рубасская фортификация. Платформа (сооружение №5). Вид с запада. Фото 2020 г.

Fig. 34. Rubas fortification. Platform (structure №5). View from the west. Photo of 2020

Рис. 35. Рубасская фортификация. Платформа (сооружение №5). Вид с запада. Фото 2020 г.

Fig. 35. Rubas fortification. Platform (structure №5). View from the west. Photo of 2020

Рис. 36. Рубасская фортификация. Платформа (сооружение №5). Вид с северо-востока. Фото 2020 г.

Fig. 36. Rubas fortification. Platform (structure №5). View from the north-east. Photo of 2020

Рис. 37. Рубасская фортификация. Платформа (сооружение №5). Вид с севера. Фото 2020 г..

Fig. 37. Rubas fortification. Platform (structure №5). View from the north. Photo of 2020

Рис. 38. Рубасская фортификация. Платформа (сооружение №5). Блоки №№ 2-3 (вверх). Вид с востока. Фото 2020 г.

Fig. 38. Rubas fortification. Platform (structure №5). Blocks № 2-3 (up). View from the east. Photo of 2020

Рис. 39. Рубасская фортификация. Платформа (сооружение №5). Блоки №№3-4 (вниз). Вид с востока. Фото 2020 г.

Fig. 39. Rubas fortification. Platform (structure №5). Blocks № 3-4 (down). View from the east. Photo of 2020

Рис. 40. Рубасская фортификация. Платформа (сооружение №5). Блоки №№7-8 (низ). Вид с востока. Фото 2020 г.

Fig. 40. Rubas fortification. Platform (structure №5). Blocks № 7-8 (bottom). View from the east. Photo of 2020

Рис. 41. Рубасская фортификация. Платформа (сооружение №5). Блоки №№7-8 (низ). Вид с востока. Фото 2020 г.

Fig. 41. Rubas fortification. Platform (structure №5). Blocks № 7-8 (bottom). View from the east. Photo of 2020

Рис. 42. Рубасская фортификация. Фото 2020 г. 1 - сооружение арочной конструкции; 2 - стена №1; 3 - стена №2; 4 - стена №3; 5 - платформа. Вид с северо-запада.

Fig. 42. Rubas fortification. Photo of 2020. 1 – arched structure; 2 – wall №1; 3 – wall №2; 4 – wall №3; 5 – platform. View from the northwest

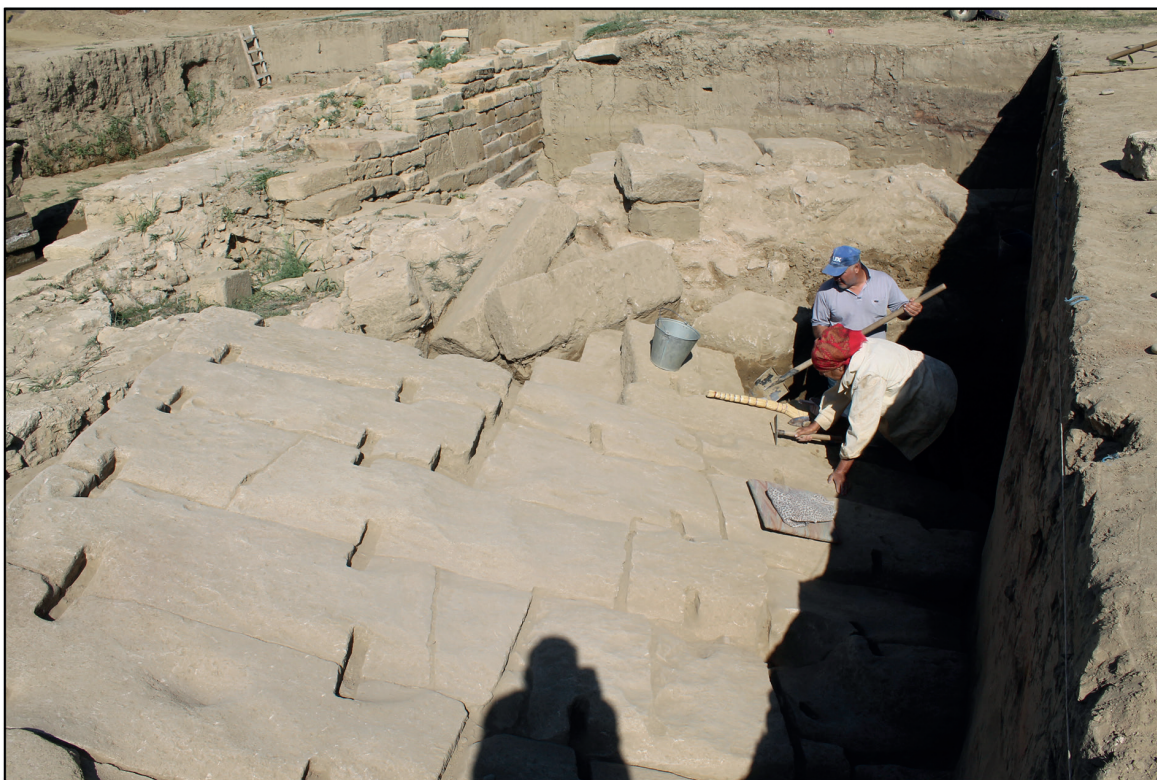

Рис. 43. Рубасская фортификация. Расчистка платформы. На переднем плане Гмыря Л.Б. и Саидов В.А. Фото 2020 г.

Fig. 43. Rubas fortification. Clearing the platform. L.B. Gmyrya and Saidov V.A in the foreground. Photo of 2020

Рис. 44. Рубасская фортификация. Аэрофотосъемка беспилотным летательным аппаратом.
Вид с северо-запада. Фото 2020 г.

Fig. 44. Rubas fortification. Aerial photography by unmanned aerial vehicle.
View from the northwest. Photo of 2020

Рис. 45. Рубасская фортификация. Аэрофотосъемка беспилотным летательным аппаратом
Вид с севера. Фото 2020 г.

Fig. 45. Rubas fortification. Aerial photography by unmanned aerial vehicle
View from the north. Photo of 2020

Рис. 46. Рубасская фортификация. Вид с северо-востока. Исследование сооружения №5.
На переднем плане Гмыря Л.Б. Фото 2020 г.

Fig. 46. Rubas fortification. View from the north-east. Study of structure №5.
L.B. Gmyrya in the foreground. Photo of 2020

Рис. 47. Рубасская фортификация. Вид с северо-востока. Расчистка сооружения №5.
На переднем плане Саидов В.А. Фото 2020 г.

Fig. 47. Rubas fortification. View from the north-east. Clearing of structure №5.
V.A. Saidov in the foreground. Photo of 2020

Рис. 48. Рубасская фортификация.
Раскоп 2020 г. Вид с юга. 1- стена №3; 2 - платформа; 3 - стена №2. Аэрофотосъемка 2020 г.

Fig. 48. Rubas fortification. Excavation site 2020. View from the south.
1 – wall №3; 2 – platform; 3 – wall №2. Aerial photography 2020

Рис. 49. Рубасская фортификация. Раскоп 2020 г. Вид с севера. 1- стена №3; 2 - платформа.
Аэрофотосъемка 2020 г.

Fig. 49. Rubas fortification. Excavation site 2020. View from the north. 1- wall №3; 2 – platform.
Aerial photography 2020

Рис. 50. Рубасская фортификация.
Раскоп 2020 г. Вид с востока. 1 - стена №3; 2 - платформа; 3 - стена №2. Аэрофотосъемка 2020 г.

Fig. 50. Rubas fortification. Excavation 2020 from the east.
1 – wall №3; 2 – platform; 3 – wall №2. Aerial photography 2020

Рис. 51. Рубасская фортификация. Раскоп 2020 г. Вид с юго-запада. 1 - стена №3; 2 - платформа. Аэрофотосъемка 2020 г.

Fig. 51. Rubas fortification. Excavation site 2020. View from the southwest.
1 – wall №3; 2 – platform. Aerial photography 2020

Рис. 52. Рубасская фортификация. Вид с юга.
На переднем плане: Гмыря Л.Б. и Саидов В.А. Фото 2020 г.

Fig. 52. Rubas fortification. View from the south.
Gmyrya L.B. and Saidov V.A. in the foreground. Photo of 2020

Рис. 53. Рубасская фортификация. Вид с юга. Фото 2020 г.

Fig. 53. Rubas fortification. View from the south. Photo of 2020

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кудрявцев А.А. Древний Дербент. М.: Наука, 1982. – 171 с.
2. Гаджиев М.С., Касумова С.Ю. Среднеперсидские надписи Дербента VI века. М.: Восточная литература, 2006. – 128 с.
3. Гаджиев М.С., Таймазов А.И., Будайчиев А.Л., Абиев А.К., Абдулаев А.М., Магомедов Ю.А. Разведочные археологические работы у северной оборонительной стены в приморской части Дербента // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21, №1. С. 10–19.2.
4. Гмыря Л.Б., Саидов В.А., Магомедов Ю.А. Исследование Рубасской фортификации в 2018 г. // История, археология и этнография Кавказа. Т. 15. №1. 2019. С. 62–86.
5. Гмыря Л.Б., Корженков А.М., Овсяченко А.Н., Ларьков А.С., Рогожин Е.А. Вероятные палеосейсмические деформации на Рубасском археологическом памятнике середины VI в. Южный Дагестан // Геофизические процессы и биосфера. 2019. Т. 18. №3. С. 91–103
6. Gmyrya L.B., Korzhenkov A.M., Ovsyuchenko A.N., Larkov A.S., Rogozhin E.A. Probable Paleoseismic Deformations at the Rubas Archeological Site, Mid-6th Century AD, South Dagestan // ISSN 0001-4338, Izyestiya, Atmospheric and Oceanic Physics, 2019, Vol. 55, No. 10, pp. 1547–1558. © Pleiades Publishing, Ltd., 2019. Russian Text © The Author(s), 2019, published in Geofizicheskie Protsessy i Biosfera, 2019, Vol. 18, No. 3, pp. 91–103.
7. Gmyrya L.B. Specifics of the Rubas fortification's topography and layout (Eastern Caucasus) // Известия СОИГСИ. 2019. №34 (73). С. 5-25.

REFERENCES

1. Kudryavtsev A.A. Ancient Derbent [*Drevniy Derbent*]. Moscow: Nauka, 1982.
2. Gadzhiev MS., Kasumova SYu. *Middle Persian inscriptions of Derbent of the 6th century* [*Srednepersidskiye nadpisi Derbenta VI veka*]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2006. (In Russ.)
3. Gadzhiev MS., Taymazov AI., Budaichiev AL., Abiev AK., Abdulaev AM., Magomedov YA. Archeological reconnaissance at the northern defensive wall in the coastal part of Derbent [*Razvedochnyye arkheologicheskiye raboty u severnoy oboronitel'noy steny v primorskoy chasti Derbenta*] *Bulletin of the Kemerovo State University*. 2019; 21(1): 10-19. (In Russ.)
4. Gmyrya LB, Saidov VA., Magomedov YA. The study of the Rubas fortification in 2018 [*Issledovaniye Rubasskoy fortifikatsii v 2018 g.*] *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2019;15(1):62-86. (In Russ.)
5. Gmyrya LB, Korzhenkov AM., Ovsyuchenko AN., Larkov AS., Rogozhin EA. Probable paleo-seismic deformations at the Rubas archaeological site in the middle of the 6th century. Southern Dagestan [*Veroyatnyye paleoseysmicheskiye deformatsii na Rubasskom arkheologicheskom pamyatnike serediny VI v. Yuzhnyy Dagestan*] *Geophysical processes and biosphere* [*Geofizicheskiye protsessy i biosfera*]. 2019;18(3): 91-103. (In Russ.)
6. Gmyrya LB., Korzhenkov AM., Ovsyuchenko AN., Larkov AS., Rogozhin EA. Probable Paleoseismic Deformations at the Rubas Archeological Site, Mid-6th Century AD, South Dagestan [*Probable Paleoseismic Deformations at the Rubas Archeological Site, Mid-6th Century AD, South Dagestan*] *Bulletin of Atmospheric and Oceanic Physics* [*Izyestiya, Atmospheric and Oceanic Physics*]. 2019;55(10):1547–1558.
7. Gmyrya LB. Specifics of the Rubas fortification's topography and layout (Eastern Caucasus) *Izvestiya SOIGSI*. 2019;34(73):5-25.

Статья поступила в редакцию 25.11.2020 г.

Научное издание

Литературный редактор
Л.Ш. Капланова

Переводы на английский язык
М.Р. Сефербеков

Верстка
С. Раджабова

Подписано в печать 18.12.2020. Формат 60x84 1/8
Гарнитура Georgia.